Феликс Кандель

Книга времен и событий

2

история российских евреев

Феликс Кандель
Книга времен и событий
2

Феликс Кандель

2 история российских евреев

Феликс
Кандель

Книга времен и событий

2 история российских евреев

Переработанное
и дополненное
издание

Научный редактор
Марк Кипнис

ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ
5762

МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2002

Феликс Кандель
Книга времен и событий. История российских евреев. Том 2.
Часть третья. – М.: Мосты культуры, 2002. – 400 с.

В оформлении очерков использованы фрагменты резьбы по камню с еврейских надгробий Восточной Европы, еврейские ханукальные светильники, изготовленные в Польше в восемнадцатом веке, а также серебряные щитки для украшения свитков Торы, изготовленные в Польше, на Украине и в России в девятнадцатом веке.

Книга издана при поддержке
Благотворительного фонда
«Российский Еврейский Конгресс»

Издатель
Михаил **Г**ринберг

Зав. редакцией
Инна **А**блина

Литературный редактор
Анна **Я**синовская

Оформление
Наташа **Г**ригорьева

העמותה לקליטת עליה בחיפה
רח' ל. פרץ 20 חיפה 33041
ספרייה
מס' 7546
6587/2

ISBN 5-93273-097-8

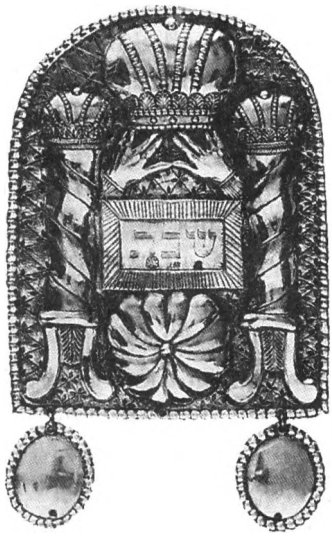
© Феликс Кандель, 2002
© Издательство «Мосты культуры», 2002

Часть третья

1881–1917 годы

Очерк двадцать седьмой

Евреи Европы к концу девятнадцатого века. Положение российских евреев. Подстрекательства к расправе. Погромы 1881 года. Губернские комиссии

1

С начала девятнадцатого века и до его завершения еврейское население в мире увеличилось почти в пять раз и превысило десять миллионов человек. Из них восемь с половиной миллионов жило в Европе, девятьсот тысяч – в странах Азии и Африки, более миллиона в Америке и семнадцать тысяч в Австралии. Весь девятнадцатый век прошел под знаком непрерывной еврейской миграции в поисках более спокойной жизни и места для заработка. Евреи Польши и Галиции уходили в Германию, евреи Германии – в Англию, Францию и Голландию; в пределах империй и княжеств они перемещались из провинции в провинцию и из деревень в города. К концу девятнадцатого века поднялись во множестве евреи Восточной Европы и отправились в Америку, Англию, Канаду, Южную Африку, Аргентину и Палестину – в поисках счастья.

Переселяясь в большие города, евреи теряли прежние источники существования, спешно подыскивали новые профессии, становились ремесленниками, торговцами, рабочими на фабриках, грузчиками, извозчиками. Самые удачливые богатели, накапливали капиталы, строили фабрики и заводы, открывали банкирские дома во многих городах Европы, становились финансовыми советниками королей и правительств,

способствовали основанию государственных банков Германии, Бельгии и Австрии. К середине девятнадцатого века банкирский дом Ротшильдов имел свои конторы во Франкфурте-на-Майне, в Вене, Париже, Лондоне и Неаполе, ссужал деньгами правительства многих стран для осуществления государственных проектов. Ротшильды давали долгосрочные ссуды Российской империи; они предоставили заем британскому правительству для покупки акций Суэцкого канала; дом Ротшильдов гарантировал своим имуществом гигантскую контрибуцию, которую Франция обязалась выплатить Пруссии после поражения во франко-прусской войне. Ротшильды финансировали строительство железных дорог во Франции, Бельгии, Италии и Австрии; братья-банкиры Ицхак и Эмиль Перейр строили железные дороги на юге Франции, в Испании и Тунисе; барон Мориц Гирш – на Балканах и в Оттоманской империи; банкиры-евреи из Германии вкладывали средства в прокладку железнодорожных путей в Румынии и Пруссии, а еврейские банки США – на Американском континенте. В Центральной Европе евреи участвовали в развитии металлургической и машиностроительной промышленности, а также в создании новых отраслей – химической и электротехнической.

К восьмидесятым годам девятнадцатого века евреи получили равные права с коренным населением во всех странах Центральной Европы. Дольше всех сопротивлялась Швейцария, но и там конституция 1874 года отменила прежние ограничения. Евреи стали преподавать в университетах, появились евреи-издатели, адвокаты, актеры и музыканты, представители свободных профессий. Журналисты-евреи основывали ведущие газеты в Европе, создали телеграфные агентства – «Рейтер» в Англии и «Вольф» в Германии. Европейские евреи выдвинулись в математике, философии и особенно в медицине, где они оказались среди основателей современной микробиологии и паразитологии, эмбриологии и цитологии, педиатрии и бактериологии. В музыке они дали композиторов Ф. Мендельсона-Бартольди, Г. Малера, Д. Мейербера, Ж. Оффенбаха, в литературе – Г. Гейне, в живописи – К. Писсарро, на сцене – «божественных» актрис Рашель и Сару Бернар.

Получив равные права, европейские евреи вскоре обнаружили, что купцы, ремесленники, представители свободных профессий без особого восторга встретили появление равноправных конкурентов. Кое-кому пришлось потесниться – к их неудовольствию, а то и ненависти; самые непримиримые заговорили о повсеместном «еврейском засилье» и начали подсчитывать процент евреев в торговле, журналистике, в науке и искусстве. Премьер-министр Великобритании Б. Дизраэли, крещеный еврей, стал символом еврейского влияния в мировой политике; семейство «иудейских королей» Ротшильдов – символом всемогущего капитала. Но внедрение евреев в христианское общество продолжало

нарастать в экономике и культуре, и реакцией на это стал рост антисемитизма в странах Европы.

Во главе этого движения оказалась Германия, да и сам термин «антисемитизм» родился в 1879 году в Берлине; там же была основана «Антисемитская лига» «для спасения германского отечества от вторжения евреев». Новейший антисемитизм отличался от классической юдофобии прежних веков. Раньше еврею достаточно было переменить веру, чтобы избавиться от всех приписываемых ему пороков и вступить на путь «исправления». Теперь же зарождалась новая идеология, которая противопоставила арийской сущности сущность еврейскую, «неисправимую», с ее особыми отличительными признаками. Один из теоретиков антисемитизма Е. Дюринг провозглашал: «Евреи существовали бы и в том случае, если бы они все без исключения повернулись спиной к своей религии и перешли в какую-нибудь из господствующих у нас церквей... Я утверждаю, что еврейский вопрос есть вопрос расовый, и евреи не только нам чуждая, но врожденно и бесповоротно испорченная раса». Так возникло движение для борьбы с семитской расой, которой противопоставлялась раса арийская – с ее культурой, этическими нормами и обычаями.

Эту новую идеологию подхватили политические деятели Германии и для привлечения избирателей стали подыгрывать предрассудкам и понятиям, сложившимся в христианском обществе в течение веков. На выборах в 1893 году антисемитские партии получили четверть миллиона голосов и провели в рейхстаг шестнадцать депутатов. Идеолог антисемитизма немецкий историк Г. Трейчке выдвинул лозунг «Евреи – наше несчастье»; четверть миллиона человек подписали петицию с требованием уволить евреев со всех административных должностей в Германии; в Дрездене состоялся международный конгресс антисемитов, и на нем приняли «Манифест к правительствам и народам христианских государств, обреченных на гибель по вине еврейства». К концу девятнадцатого века евреи практически не могли стать офицерами в немецкой армии; их не допускали на судебные должности и не назначали преподавателями в учебные заведения; на государственной службе им преграждали путь к продвижению, а в университетах – к научной карьере. Снова заговорили об употреблении иудеями христианской крови: будто бы для того, чтобы связать всех евреев круговой порукой в едином мировом заговоре. В прусском городе Ксантен еврея-резника обвинили в убийстве пятилетнего мальчика, но дело оказалось настолько надуманным, что прокурор во время суда отказался от предъявленного обвинения – к неудовольствию многих.

Антисемитское движение в Австро-Венгрии поставило своей целью оградить «маленького христианского человека» от посягательств «крупного еврейского капитала». Пропаганда в газетах и с трибуны парламента

дала результаты: по стране прошли антиеврейские беспорядки, и в 1882 году в венгерском городке Тиса-Эслар группу евреев обвинили в ритуальном убийстве христианской девушки. Был суд. О нем писали и говорили во всем мире, и еврейские газеты России печатали стенограммы судебных заседаний. В зале суда, сообщал журналист, «можно было видеть молодых и изящных барынь в наиновейших венских и парижских туалетах, которые при каждом показании, выгодном для подсудимых, не стесняясь, обнаруживали свое негодование и настоящую кровожадность». Труп девушки обнаружили в реке через два с половиной месяца после ее исчезновения, без следов насильственной смерти. Суд оправдал обвиняемых, но долго еще в Венгрии возникали ритуальные наветы, а местные жители основывали союзы для защиты от «убийц-евреев».

Во Франции этой благодатной темой воспользовались политики для увеличения популярности своих партий, и роялисты в борьбе с республиканцами провозгласили: «От революции никто кроме евреев не выиграл». Заговорили о том, что «в современном обществе еврей становится слишком богатым, слишком могущественным», и во французском журнале написали в ответ: «Кто же мешает вашим сыновьям приобретать богатство и могущество, как евреи? В нашей демократии карьера, влияние, слава – открыты для всех!.. Еврей работает, еврей не теряет мужества, у еврея талант; это привело его к нынешней его позиции. А вы что? У вас ведь такие же карты в руках, как у него, – так играйте!» Но антисемитизм во Франции нарастал. Евреев сделали ответственными за поражение во франко-прусской войне, за потерю Эльзаса и Лотарингии, за упадок нравственности и за все прочее, что вызывало недовольство французов. В разных городах открывались отделения «Антисемитской лиги»; восемьдесят тысяч евреев Франции обвинили в «угнетении» сорокамиллионного французского народа и откровенно грозили тем днем, когда «перед взором Израиля поднимется Париж, о котором он не имеет понятия, Париж святой Варфоломеевской ночи».

Пятнадцатого октября 1894 года был арестован офицер Генерального штаба, еврей Альфред Дрейфус – по обвинению в государственной измене. Военный суд приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге, но дело на этом не закончилось. Вся Франция в ожесточенной борьбе разделилась на два лагеря: дрейфусары отстаивали невиновность Дрейфуса, а антидрейфусары обвиняли мировое еврейство в заговоре против Франции. В газетах рекомендовали с полной безнаказанностью: «Разорвать евреев на куски... Сварить в масле... Заколоть до смерти иглами... Разрубить каждого еврея надвое...»; группа офицеров предложила испытать на французских евреях новый тип пушки. В Париже и в других городах прошли беспорядки, а во французской колонии Алжир громили еврейские магазины и убили нескольких евреев.

Французский писатель Эмиль Золя написал горькие и гневные слова в защиту Дрейфуса: «Франция, неужели это ты, захваченная в плен самой очевидной ложью, оказавшаяся на стороне толпы преступников, которые объединились против нескольких честных людей?.. Знаешь ли ты хотя бы, куда направляешься?.. К нетерпимости Средневековья, к сжиганию евреев на городских площадях...» Писателю угрожали расправиться с ним, искалечить жену и детей; читатели перестали покупать его книги, и бывшие друзья покинули его. Суд осудил Золя за клевету на армию и на военный трибунал, приговорил к трем годам заключения, и в последнем слове на суде Золя сказал: «Все как будто против меня... А за мной только идея, идея правды и справедливости. И я спокоен. Я одержу победу. Я не хочу, чтобы моя страна погрязла во лжи и несправедливости. Меня могут здесь обвинять, но придет день, когда Франция поблагодарит меня за то, что я помог ей спасти ее честь». В 1906 году Альфред Дрейфус был полностью реабилитирован.

Положение евреев Румынии было, пожалуй, одним из худших в Европе. По закону почти все румынские евреи приравнивались к иностранцам и потому не имели избирательных прав. Они не могли дослужиться в армии даже до звания ефрейтора; на их детей не распространялось бесплатное образование в начальных школах; в средние и высшие учебные заведения их принимали по процентной норме и при наличии свободных мест, в профессиональные училища не допускали вообще – количество ограничений было так велико, что охватывало практически все сферы экономической, культурной и политической жизни. Погромы были нередким явлением в румынских городах и местечках: жгли еврейские дома, разрушали синагоги и кладбища, били, насиловали и изгоняли. После невероятно жестоких погромов конца девятнадцатого века румынские евреи стали покидать страну; это грозило подорвать экономику Румынии, и правительство запретило еврейскую эмиграцию.

В разгар антисемитских страстей китайский военный атташе в Париже опубликовал во французской газете статью под заглавием «Евреи в Китае»: «Евреи живут у нас уже две тысячи лет. Нам никогда не приходилось за это время жаловаться на них, так как мы сами никогда не делали им ничего дурного. Мы не запирали их в гетто, и они не отчуждены у нас от остального населения... Священные еврейские книги побуждают евреев заниматься чтением, поэтому они очень образованны, и нашим ученым это, разумеется, приятно. Нередко евреи выдерживают блестящим образом самые трудные экзамены и выполняют затем важные административные и политические функции... Поэтому я имею полное основание утверждать, что... значительная часть европейцев не доросла еще до понимания религиозной свободы, с незапамятных времен установившейся в Китае».

2

К 1880 году в Российской империи жило около четырех миллионов евреев. Свод законов страны делил население на три категории: природные обыватели, инородцы и иностранцы. Инородцы были выделены в отдельную группу из-за особых условий их быта, и в эту категорию входили «кочевые и бродячие» народности на окраинах империи: калмыки, киргизы, «самоеды северных тундр», а также малые народы Сибири и степных областей Приуралья, Предкавказья и Средней Азии. В категорию инородцев попали и евреи – тоже из-за особых условий их быта.

Законы Российской империи не указывали подданным страны – татарам, к примеру, или калмыкам, что они имеют право заниматься теми или иными промыслами, приобретать имущество или перемещаться с места на место: это подразумевалось само собой как неотъемлемое гражданское право. Лишь по отношению к евреям существовали законы, дополнения к законам, министерские циркуляры и разъяснения Сената, которые диктовали им, где жить, как перемещаться и многое другое. Антиеврейское законодательство необычайно разрослось в девятнадцатом веке, стало невероятно запутанным и трудным в употреблении, а потому на практике руководствовались обычно простым принципом: евреям запрещалось все то, что было дозволено другим подданным, если в каждом конкретном случае не существовало на то особого разрешения. Другими словами: любому гражданину России все разрешалось – кроме того, что закон ему запрещал, а еврею все запрещалось – кроме того, что закон ему позволял.

Существовавшее законодательство выделило еврейскому населению гетто под названием «черта постоянной еврейской оседлости». В эту черту входила территория Царства Польского, а также пятнадцать западных губерний Российской империи: Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Киевская (кроме Киева), Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая (кроме Севастополя), Херсонская и Черниговская. В Лифляндской и Курляндской губерниях могли жить лишь те евреи, «кои там записаны по ревизии до 13 апреля 1835 года», а в пятидесятиверстной полосе вдоль западной границы империи им запрещали вновь селиться. Каждый еврей получал паспорт в том городе, к которому он был приписан, с непременной пометкой, что этот документ действителен лишь в черте постоянной еврейской оседлости. Разрешение на поездку во внутренние губернии выдавали на короткий срок, по усмотрению полиции, для торговых, судебных и наследственных дел, и в этом разрешении указывалось, что с нарушителем «будет поступлено как с бродягой», если он своевременно не вернется назад. Полиция ловила тех, кто

приезжал во внутренние губернии без разрешения, их судили за это и наказывали; а если еврей уезжал без дозволения в другую страну, его навсегда исключали из российского подданства и не впускали обратно.

Вне черты оседлости могла постоянно жить лишь малая часть еврейского населения России. Это были купцы первой гильдии с ограниченным количеством еврейских слуг и приказчиков, лица с высшим образованием, фармацевты, фельдшеры, дантисты, акушерки, ремесленники, механики, винокуры и пивовары, а также отставные «николаевские» солдаты и их потомки. В 1880–1881 годах – по официальным данным – в тридцати одной губернии вне черты оседлости находилось четыреста семьдесят еврейских купцов первой гильдии, девятьсот шестьдесят восемь лиц свободных профессий и около восьми тысяч ремесленников, мастеров и отставных солдат. Всего же – вместе с членами семей, приказчиками и прислугой – жило во внутренних губерниях на законных основаниях тридцать четыре тысячи евреев. Приняв христианство по обряду православной веры, российский еврей немедленно получал все права «природных обывателей». Он мог получить эти права, став католиком или протестантом с особого разрешения министра внутренних дел, но если он принимал иную веру – к примеру ислам, это не снимало с него установленных законом ограничений.

Евреи черты оседлости в массе своей теснились в ограниченном пространстве городов и местечек, образуя малые гетто внутри гетто большого. Жизнь была нищая, голодная, беспросветная, и официальный документ тех лет подтверждал это многими примерами. В Ковенской губернии семьи бедных евреев постились до вечера, «пока придет хозяин и принесет заработанную плату». В Минской губернии «из десяти еврейских ремесленников семейства восьми погружены в самую ужасающую нищету». В Гродненской губернии «они живут в тесноте, превосходящей всякое воображение. Нередко дом в три–четыре комнаты вмещает до двенадцати семейств... Жизнь евреев этого класса проходит в горестях, лишениях и вечной суетливости».

Запертые в тесноте и скученности городов и местечек, в условиях жесточайшей борьбы за кусок хлеба для своей семьи, евреи хватались за любую возможность заработать: скупали у крестьян их продукцию, перепродавали, обменивали, шли порой на обман и преступление, чтобы заработать копейку. Славянофил И. Аксаков уверял читателей своей газеты: «Нигде евреям так хорошо не живется... нигде они так не полноправны, как в России», – но многие государственные деятели России прекрасно понимали, что черта оседлости диктовала свои жестокие условия и не позволяла миллионам людей стать полезными членами общества. Полтавский губернатор предлагал «ныне же отменить все существующие ограничения»; из Витебской губернии рекомендовали

сделать это «одновременно и повсеместно в Империи»; из Сибири писали в столицу, что «водворение в Сибири евреев» будет «положительно полезным» для всей восточной части России. Советовал смягчить ограничения и один из министров Александра II, так как во внутренних губерниях «замечается и совершенный недостаток в капиталах, и полное отсутствие предприимчивости в народе», а евреи могли бы оказать «неисчислимую пользу... прочим местностям империи, куда бы они внесли свои капиталы, свою предприимчивость и полезную конкуренцию». Казалось, все говорило за то, чтобы отменить ограничительные законы, но даже в годы либерального правления Александра II черта оседлости продолжала стеснять миллионы российских евреев.

Это было трудное и беспокойное время в России. После отмены крепостного права у многих крестьян, особенно в южных губерниях, оказались недостаточные наделы земли, и они нанимались в работники к бывшим помещикам или брали землю в аренду по чрезвычайно высоким ценам. Крестьяне платили за сенокос на частных лугах, за сбор грибов и ягод в частных лесах, за ловлю рыбы и раков в реках, протекавших через частные земли. Крестьянское население возрастало из года в год, безземелье сказывалось все сильнее и сильнее, и потому миллионы крестьян уходили в города на заработки. Шли на Украину и безработные из внутренних губерний, но в городах черты оседлости трудно было найти постоянную работу, и переселенцы стали конкурировать с евреями в мелкой торговле и ремеслах. В неурожайный 1880 год цены на хлеб значительно возросли, и голодная, озлобленная городская беднота, получившая наименование «босая команда», намного увеличила количество уголовных преступников.

Следовало определить истинные причины такого явления и попытаться их устранить, но правые газеты уже начали утверждать, что евреи-эксплуататоры довели Россию до нищеты, евреи-кабатчики спаивают христианское население, а потому несчастный, обездоленный, спившийся крестьянин или рабочий с радостью идет в тюрьму, где его будут кормить. К тому времени исследователи уже определили, что смертность от пьянства во внутренних губерниях России была значительно выше, чем в губерниях черты оседлости. О том же писали в газете «Московские ведомости»: «В жиде-шинкаре вдруг почему-то мы увидели виновника разорения России и бедственного состояния ее крестьянства. Не ложь ли это?.. Спросите у людей действительно сведущих, где народ более спаивается и где крестьянин более разоряется, в Ковенской ли губернии, Виленской ли, Волынской, Подольской, Киевской, или в наших местах, куда евреев не пускают и где кабаком орудует православный целовальник или кулак?.. В западном крае действительно господствует страшная, поразительная нищета, но это нищета не крестьянская, а еврейская».

Однако правые газеты делали свое дело и подсчитывали с точностью до рубля, «во что обходится христианскому населению России содержание племени иудеев». Вековые предрассудки тоже брали свое, и постепенно стало складываться убеждение, что еврей не зарабатывает на жизнь честным путем, а наживается за счет христианского населения при помощи обмана и надувательства. А раз так, то разгромить или разграбить еврейский дом или еврейскую лавку – значит восстановить справедливость, попранную мошенниками. Ограничительные законы Российской империи тоже не способствовали уважительному отношению к этой группе населения, неумолимо приводя к убеждению, что еврей – неполноценный гражданин государства, а потому бить и даже убивать его не так преступно, как всякого другого гражданина страны.

Антиеврейская кампания в газетах все нарастала и нарастала, натравливая нищее христианское население на еврея-чужака, такого же нищего и обездоленного. «От всей этой травли, – писал русский публицист М. Песковский, – в памяти и сознании невежественной массы остается одно: "бей жидов!" А за что именно "бить" их? действительно ли виноваты они, в чем именно и насколько? – буйствующая масса, производящая погромы, никогда не задается этими вопросами. "Бей жидов!" является для этой массы боевым кличем, знаменем, под которое она совершенно инертно, безотчетно стекается – только потому, что кто-то выкинул это знамя».

3

Еще до убийства Александра II начали обвинять евреев в космополитизме, революционности и вредном влиянии на русскую интеллигенцию. А. Суворин писал на страницах «Нового времени», что евреи командуют революционным движением в России, и подсчитывал количество подсудимых-евреев в политических процессах: они составляли тогда семь процентов, а отношение евреев ко всему населению равнялось трем процентам. Теперь уже лозунгом стало не только «Жид идет!», но и «Жид бунтует!» Многие газеты – «Киевлянин», «Новороссийский телеграф», «Виленский вестник», «Московские ведомости» – подхватывали эти обвинения и почти в каждом номере печатали статьи с ожесточенными нападками, огульной клеветой, подстрекательством к расправе, называя евреев главными виновниками несчастий русского народа. И хотя закон запрещал возбуждать вражду к какой-либо части населения и предусматривал за это строгие наказания, власти не мешали направленной пропаганде.

После убийства Александра II выяснилось на следствии, что организовал покушение сын крестьянина Андрей Желябов, командовала

операцией дворянка Софья Перовская, динамитные бомбы приготовил сын священника Николай Кибальчич, первую бомбу бросил мещанин Николай Рысаков, вторую – польский шляхтич Игнатий Гриневицкий; участвовал в покушении и сын крестьянина Тимофей Михайлов, а мещанка Геся Гельфман содержала конспиративную квартиру. Убийцами российского царя – ко всеобщему изумлению – оказались представители тех слоев русского общества, которые издавна считались опорой трона и государства. Этот факт смутил многих; с этим не желали соглашаться, чтобы не прийти к нежелательным, устрашающим выводам. Проще было объяснить покушение вмешательством враждебных, чуждых сил, и правые газеты – наперекор фактам – назвали убийство Александра II «делом еврейских рук». Много писали о Гесе Гельфман и многозначительно подчеркивали, что у славянина Гриневицкого, который бросил одну из бомб и погиб при этом, был «крючковатый нос».

В газетах Москвы, Петербурга, Киева, Вильно возросли клевета, огульные обвинения, подстрекательства к расправе. Во множестве перепечатывали антисемитские статьи из немецких газет о «победе еврейства над германством», публиковали и собственные статьи о «покорении евреями Германии», не забывая при этом добавить, что евреи «овладевают» и славянами. В сущности, повторялось то, что произошло до этого в Германии: российское общество не могло простить евреям их внедрение в русскую культуру, торговлю, промышленность, финансы. Купцам мешали удачливые конкуренты, банкирам и промышленникам – опасные соперники в их делах, лицам академических профессий – выпускники университетов, которые претендовали на те же места. Но интеллигентный человек при всем своем возмущении не выйдет на улицу громить и грабить; для этого существовали газеты, которые сеяли ненависть, для этой цели существовала и «босая команда», которую следовало только подтолкнуть, а она вела за собой буйную толпу.

Современник писал: «Наступило первое марта 1881 года с его мрачным событием. Что-то зловещее словно пронеслось над землей. Все притаилось и тревожно выжидало. Особенно жутко стало в еврейских обиталищах. Чувствовалось, как что-то надвигается, мрачное и тяжелое...» Из южных губерний поползли слухи о «беспорядках», которые ожидались со дня на день; в «Новороссийском телеграфе» писали о неизбежном погроме, потому что «после событий первого марта народ оскорблен, озлоблен и рад на ком-нибудь сорвать свое зло». На юге Украины появились люди, которые уверяли толпу, будто есть царский указ, разрешающий бить евреев в ближайшую Пасху. Невозможно утверждать с полной определенностью из-за отсутствия каких-либо документов, что погромы были организованы заранее, однако подозрения на этот счет подкреплялись многими фактами: погромы начались почти

одновременно в разных местах – при бездействии властей. Не случайно в северо-западных губерниях, тоже населенных евреями, не было ни одного погрома: тамошний генерал-губернатор предпринял решительные меры – и все обошлось. Как писал свидетель тех событий: «Опыт подтвердил, что если погрома не желает губернатор, то его не допускает полиция, а если его не допускает полиция, то его и не начинает толпа».

Весной 1881 года таинственные люди появились на юге России и намекали полицейским начальникам, чтобы не мешали развитию событий при «взрыве народного негодования против евреев». «Взрывы негодования» проходили по единому сценарию и чаще всего в населенных пунктах возле железных дорог. Сначала распускали слухи о намеченной дате погрома. Евреи бежали к начальству с просьбой о помощи, но им советовали не выходить на улицу – и только. В назначенный день приезжали на поезде босые оборванцы с испитыми лицами, которых поили водкой в кабаке, а затем вели на погром по намеченным заранее адресам еврейских квартир и магазинов. Местные жители поначалу присматривались к пришельцам и не вмешивались в их действия, но, убедившись в полной безнаказанности, примыкали к погромщикам и тоже принимались за грабежи. А обучившись, они и сами начали устраивать погромы, без посторонней помощи – при молчаливом одобрении или равнодушии полиции и соседей.

4

Это началось пятнадцатого апреля 1881 года в городе Елисаветграде Херсонской губернии, в дни христианской Пасхи. Очевидец писал: «За день или накануне по железной дороге приехало около двадцати "молодцов". Они и стали предводителями нескольких шаек, которые разбрелись по городу, грабя и разоряя еврейские жилища и магазины...» В ответ на увещевания погромщики кричали: «Да ведь это жидовское, – можно!»; когда появлялось местное начальство, перед ним расстилали по земле материи и ковры – для почета и «чтобы не промочили ноги». «Приказчики, служители трактиров и гостиниц, мастеровые, кучера, лакеи, казенные денщики, солдаты нестроевой команды – все это примкнуло к движению, – написано в секретном отчете правительственной комиссии. – Город представлял необычайное зрелище: улицы, покрытые пухом, были завалены изломанною и выброшенною из домов мебелью, дома с разломанными дверьми и окнами, неистовствующая толпа, с криком и свистом разбегающаяся по всем направлениям, беспрепятственно продолжающая свое дело разрушения, и в дополнение к этой картине – полное равнодушие со стороны местных обывателей нееврейского

происхождения к совершающемуся разгрому...» Погром продолжался три дня, а затем в город пришли войска и восстановили порядок.

За Елисаветградом погромы прошли в селах вокруг города, а затем в городах и местечках Херсонской губернии. Следующим на очереди оказался Киев, где местные власти заранее знали о дне будущего погрома, но ничего не сделали для его предотвращения, хотя в их распоряжении было много солдат и полицейских. В городе появились «молодцы», которые уверяли жителей, что «дозволено трое суток потешиться над жидами, за это ничего не будет, а нашему брату не мешает поживиться». Погром в Киеве начался двадцать шестого апреля, и сторонний наблюдатель с изумлением отметил: «Это чистый разбой среди белого дня, с криком, свистом, гиканьем... Эти сорванцы говорили, что многие из них приехали нарочно из Москвы и что еще едут к ним на помощь... Я сам убедился, что действиями толпы руководили, в некоторых случаях, интеллигентные люди». Погром начался на Подоле: «В двенадцать часов дня, – писал очевидец, – воздух вдруг огласился диким криком, свистом, гиканьем, ревом и хохотом. Шла громадная масса мальчишек, мастеровых и рабочих. Полетели стекла, двери, стали выбрасывать на улицу из домов и магазинов решительно все, что попадалось под руку. Толпа бросилась на синагогу и несмотря на крепкие запоры мигом разнесла ее. Свитки Торы рвались в клочки, топтались в грязь и уничтожались...» Затем разбой перекинулся на прочие улицы Киева. Пьяная, озверелая толпа сокрушала все на своем пути, а солдаты с полицией только сопровождали погромщиков с места на место и предлагали им разойтись. Изредка к толпе подъезжал генерал-губернатор и «увещевал народ», а когда он уезжал, все начиналось сызнова. Ночью в предместье Киева толпа разграбила кабаки, перепилась, а затем подожгла еврейские дома. За сутки погромщики разрушили в Киеве около тысячи еврейских домов и магазинов, ранили несколько десятков мужчин, насиловали женщин. На другой день войска стали разгонять толпу прикладами, кое-где даже стреляли, чтобы остановить озверевших людей, и разбой прекратился – хотя справиться с ним можно было в первые же минуты погрома.

После Киева подошла очередь деревень и местечек Киевской и Черниговской губерний, Жмеринки и Конотопа, земледельческих колоний Новороссии, – в местечке Смела погромщики убили семилетнего еврейского мальчика, который отказался перекреститься. Кое-где крестьяне решали на сходах, что и они «обязаны» громить своих евреев, так как царь этого от них требует. В одной деревне полиция попросила не буйствовать, и крестьяне потребовали письменное удостоверение, чтобы не отвечать потом перед властями за невыполнение царского указа. В другом месте крестьян успокоили таким доводом: «если бы правительство

хотело бить евреев, то ведь у него достаточно для этого войск, – мужики почесали затылки и разошлись по домам». Правительственный ревизор писал: «Взволнованная масса составила себе странное убеждение: если само начальство не останавливает нападение на евреев, то, следовательно, оно дозволено; отсюда уже пошли толки, что оно разрешено самим царем, а это разрешение народ объяснял тем, что евреи – непосредственные виновники события первого марта, что они убили царя».

Евреи Одессы жили в ожидании погрома почти месяц. «И с каждым днем становилось все яснее и яснее, что они не будут обмануты, – вспоминал еврейский писатель М. Бен-Ами. – И паника росла с каждым днем, с каждым часом... Всех точила и сверлила одна неотступная мысль: куда бежать? куда деть детей, когда начнется?.. Чувствовалось, как атмосфера сгущается, как злоба и свирепость растут кругом с каждым днем по мере того, как доносились известия о новых погромах. Ожидали только сигнала. Откуда? Никто не знал. Но все дикие силы были наготове и с нетерпением ожидали этого сигнала, чтобы ринуться на несчастное еврейское население и выместить на нем всю злобу, которая накипела в них с того дня, когда на Руси вместо "обилия" массам преподнесли "порядок"».

Погром в Одессе начался третьего мая 1881 года. «Не прошло и четверти часа, – вспоминал очевидец, – как вся рыночная площадь превратилась в громадную кучу обломков – досок, железа, стекла, посуды, одежды, обуви, разбитых бочек и ящиков с текущим из них пивом, водкой, маслом, нефтью и т. п. Везде были разбиты окна и двери, разорвана одежда, подушки и перины, сломана мебель, – и все это огромными кучами загромождало улицы». В городе с многотысячным еврейским населением результаты могли быть более устрашающими, но войска действовали активно, да и евреи-студенты, евреи-мясники и извозчики вооружились топорами, дубинами, железными палицами и отгоняли толпу от своих кварталов. Вместе с погромщиками полиция арестовала и сто пятьдесят евреев, обвинив их в «хранении оружия», – да и в других местах власти обычно не допускали еврейскую самооборону. В Бердичеве местная община заплатила полицмейстеру города большие деньги, и он разрешил евреям дежурить на железнодорожном вокзале. Дважды группа оборванцев приезжала в город, но на платформе их встречала еврейская стража с дубинами и не позволяла выйти из вагонов. Таким способом Бердичев избежал грабежей и разбоя.

В июле того же года погромы возобновились. В городе Переяславе Полтавской губернии появились евреи из Киева, которые бежали туда после весеннего погрома. Чтобы избавиться от пришельцев, местные жители устроили двухдневное побоище. Следующим на очереди был Борисполь, расположенный неподалеку. «Погром начался, – писали в

русской газете. – Погром страшный, сокрушивший все, что только можно было сокрушить. К восьми часам вечера все многочисленные евреи, населяющие Борисполь, были уже разорены». Затем прошел двухдневный погром в Нежине: «Разгромив винный завод и несколько погребов, толпа успела напиться до того, что потеряла, кажется, всякое сознание. Ничего не оставалось делать для усмирения разъяренной толпы, как пострашать ружьем. Сперва был дан холостой залп, но он не подействовал. Некоторые из мужиков и даже женщины кричали: "Не может быть, чтобы батюшка-царь наш велел проливать кровь русскую за поганых жидов!" И опять бросились разбивать лавки. Наконец, после тщетных, неоднократных увещеваний оставить буйство, офицер велел сделать залп из заряженных ружей. На земле оказалось шесть распростертых трупов. Невозможно описать, что произошло после этого: рев, крик, стоны... и толпа с остервенением бросилась на окончательное разрушение еврейских лавок». В газете И. Аксакова «Русь» прокомментировали это событие таким образом: трудно оправдать мотивы, по которым «христианская кровь может быть пролита ради евреев».

К лету 1881 года погромы затронули свыше ста еврейских общин юго-запада Российской империи, и власти начали опасаться, что буйство толпы перекинется на христианское население. Начальство распорядилось действовать решительно, и солдаты стали разгонять громил прикладами, а кое-где стреляли в пьяных, озверевших людей. Власти оказались невольными защитниками евреев, и на одном из докладов о пресечении погрома Александр III пометил: «Это-то и грустно во всех этих еврейских беспорядках».

5

Александр III был вторым сыном в царской семье, по традиции его готовили для военной службы, и наследником престола он стал лишь потому, что умер его старший брат Николай. В молодости Александра III обучал наукам профессор Московского университета К. Победоносцев, сторонник неограниченной монархии, который влиял на царя в течение всей его жизни. Убийство Александра II застало наследника врасплох, и Победоносцев – к тому времени обер-прокурор Святейшего Синода – записал в день покушения: «Сегодня вечером, в двенадцать часов ночи, бедный сын и наследник с рыданием обнял меня... Боже, как мне жаль его, нового государя! Жаль как бедного, больного, ошеломленного ребенка. Боюсь, что воли не будет у него. Кто же поведет его?..» Охотников «повести» нового царя нашлось предостаточно, и сначала было неясно, кто из них возьмет верх. Либералы из окружения прежне-

го императора поговаривали об умеренной конституции и «парламентском образе правления», но в первом же своем манифесте Александр III возвестил о незыблемости «самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

В мае 1881 года, в самый разгар погромов, Александр III принял группу именитых петербургских евреев. Глава депутации барон Гораций Гинцбург выразил «беспредельную благодарность за меры, принятые к ограждению еврейского населения», и предположил с надеждой: «Еще одно царское слово – и смута исчезнет». В ответ царь сообщил депутатам, что для него равны все верноподданные, без различия племени и вероисповедания; что, более того, «в преступных беспорядках на юге России евреи служат только предлогом и что это дело рук анархистов». Ответ Александра III назавтра опубликовали в газетах – для успокоения страстей и опровержения слухов о царском указе, который будто бы позволял громить евреев. Но Александр III высказал депутатам и другое: источником вражды к евреям, по его мнению, было их экономическое господство и эксплуатация коренного населения. Ему попытались описать бедственное положение евреев в черте оседлости, но царь сказал: «Изложите все это в особой записке». Записка была составлена, но не попала по назначению, так как вскоре наступили иные времена и иная политика.

Александр III и его министры предполагали сначала, что политические смутьяны «разжигали дурные страсти в народной массе» для революционных целей. Но вскоре из южных губерний поступили отчеты о прошедших беспорядках, и в Петербурге поняли, что революционеры были ни при чем. Причинами погромов местные власти называли всеобщее брожение умов после убийства Александра II, антиеврейскую пропаганду в газетах, религиозную неприязнь к инородцам, земельный голод и обнищание крестьян, низкую ступень их умственного развития, а также конкуренцию со стороны евреев, которая вызывала зависть, вражду и «ненависть народа». Из всего этого перечня министр внутренних дел Н. Игнатьев выделил одну лишь причину – последнюю. В обобщающем докладе на имя царя он сообщил, что евреи использовали реформы Александра II для захвата торговли и промышленности, чтобы эксплуатировать коренное население, а потому правительство должно принять энергичные меры «для ограждения населения от той вредной деятельности евреев, которая, по местным сведениям, вызвала волнения». Александр III утвердил этот доклад, и немедленно началось ужесточение прежнего законодательства о евреях.

В губерниях черты оседлости были созданы особые комиссии, в которые назначались представители разных сословий коренного населения, а

также по два еврейских депутата. Перед началом работы каждая комиссия получила специальный министерский циркуляр, который обвинял еврейское население страны в «замкнутости, обособленности, религиозном фанатизме, в захвате торговли, промыслов и земельной собственности». Таким образом, «дурные качества» евреев были заранее уже признаны, и губернским комиссиям поручалось в двухмесячный срок «только указать средства суровой борьбы с еврейским злом».

Врач-окулист М. Мандельштам участвовал в заседаниях киевской губернской комиссии и описал ее состав: «Городской голова города Киева – владелец кирпичных заводов, нажившийся на своих рабочих, по справедливости считал себя очень компетентным в области эксплуатации и потому беспрерывно вопил о евреях-эксплуататорах. Черкасский городской голова – полумужик, полукулак, невежествен, груб, в итоге – нуль. Городской голова города Бердичева – жил в среде почти исключительно еврейской и неоднократно пытался приводить факты, говорящие в пользу евреев. Поэтому находился в сильном подозрении, что подкуплен евреями. Редактор пресловутой антисемитской газеты «Киевлянин», профессор политической экономии – не без знаний, ловко владеет пером, которым злоупотребляет для очернения поляков и евреев. Мелкие чиновники, статисты, без речей – голосуют, конечно, как будет угодно господам начальникам. Секретарь – беспрерывно пьян. Поляки-помещики – один из них заявил категорически, что в деревнях погромы наблюдались очень мало и лишь в тех местностях, куда были командированы специальные подстрекатели. Он же потребовал занести в протокол, что евреи-арендаторы прекрасно вели хозяйство в арендуемых имениях. Еще помещик, старинного дворянского рода, и трое сельских старост, которые до самого конца так и не могли понять, зачем, собственно, их призвали. Поэтому помещик, под эгидой которого они находились, при каждом вопросе должен был делать им знак, голосовать ли направо или налево. Комическое интермеццо. Помещик, обращаясь к старостам: “Не правда ли, господа, что шинкарь Ицко душит крестьян, выжимает из них соки?” – “Правда, ваше высокоблагородие, душит”. Помещик-поляк: “А что будет, если Степан станет держать шинок?” – “Гирше (хуже) буде, ваше высокоблагородие”. Гомерический хохот, даже между заядлыми антисемитами».

Практически на каждом заседании еврейские делегаты должны были доказывать, что «народ в целом не может быть эксплуататором, что среди каждой народности имеются эксплуататоры и эксплуатируемые... что русские ростовщики, по свидетельству русских же статистиков, гораздо жестокосерднее и кровожаднее, нежели еврейские», и так далее. «Наши защитительные речи... произвели, очевидно, глубокое впечатление, – вспоминал М. Мандельштам, – и... все ограничения, предложен-

ные докладчиком, были приняты подавляющим большинством голосов». К концу 1881 года отчеты губернских комиссий попали в Петербург, и для решения этой проблемы «во всей ее совокупности» правительство создало очередной, теперь уже Центральный комитет для рассмотрения еврейского вопроса. Комитет начал свою работу, но ни один еврей не был приглашен на его заседания.

Год заканчивался, погромный 1881 год, не предвещая, казалось, никаких сюрпризов, но неожиданно разразился погром в Варшаве, столице Царства Польского. Во время рождественского богослужения в переполненном костеле кто-то крикнул «Пожар!», все бросились к выходу, и многих затоптали насмерть. Пожара на самом деле не было, но тут же стали говорить, будто поймали двух евреев, которые подняли ложную тревогу. Проверять слух никто не стал, и толпа кинулась бить евреев, громить их магазины, склады и жилища. «Мы видели не только толпы, грабящие лавки, – писал поляк-очевидец, – но и образованную публику, которая глядела с удовольствием на картину погрома». Полиция практически не вмешивалась; польская интеллигенция хотела учредить гражданскую стражу для защиты евреев, но власти не позволили. За три дня буйств несколько десятков евреев были ранены, синагоги разгромлены, четыре с половиной тысячи еврейских квартир и магазинов разрушены и разграблены. «Так закончился страшный 1881 год, родной брат критических годов еврейской истории... – писал историк С. Дубнов. – В 1881 году волна варварства поднялась навстречу еврейскому обществу, устремившемуся в короткую эпоху реформ к гражданскому равноправию и требовавшему себе места в государственной жизни России. Это было в тот самый год, когда в соседней Германии бушевал антисемитизм модернизированный. И там и здесь не желали видеть равноправного, свободного еврея на месте униженного, порабощенного. Еврей поднял голову – и получил первый погромный удар, за которым последуют еще многие».

Снова поползли прежние страхи по городам и местечкам, и некий читатель написал в еврейскую газету: «Меня измучил этот проклятый год, это общее умопомрачение, обуявшее наше любезное отечество... Мы ожидаем погрома каждую минуту, ведь впереди новый год, крещение, масленица, Пасха... Ну что это за жизнь? Если бы хватило мужества, я бы сначала убил всех своих, а потом себя, и – finita la comedia. А то придет какой-нибудь пьяный бродяга, надругается над женою и дочерью, а маленькую мою Соньку выбросит из окна третьего этажа. Ну не лучше ли самому убить их всех?..»

А из Одессы написали более кратко: «Страшно подумать о будущем, ужасно жить настоящим...»

В еженедельнике «Русский еврей» за 1881 год сказано: «В воскресенье, по случаю базарного дня, много крестьян приехало в местечко Полонное. Становой попросил евреев закрыть все лавки и не покупать ничего у приехавших. Крестьяне долго стояли на базаре и напрасно ждали покупателей: никто не являлся. Они отправились к становому, выразили свое недоумение и попросили их выручить. Становой предложил им меняться продуктами по первобытному способу, но крестьяне возражали, что это, конечно, хорошо, но "гроши треба". Так становой наглядным образом доказал им, как неудобно торговать без торговцев. Крестьяне обещали больше не производить беспорядков и просили открыть еврейские лавки. Становой удовлетворил их желание...» Заметка в еженедельнике «Рассвет»: «Старый еврей-шинкарь жил в деревне двадцать лет и пребывал в самых дружественных отношениях с крестьянами. Заслышав о погроме, он собрал вещи и выбрался из деревни. Мужики, узнав об этом, послали за ним в погоню и, нагнав, начали укорять: "Гершко, Гершко! Як тоби не грих? Що ты робишь?! Тут треба жидов бити, а ты у нас един був жид, то и тий втикаешь. Кого ж мы будем бити и грабувати?"»

После тех погромов некий священник Наумович писал в русской газете: «Безумие, великое безумие бить и разорять евреев! Безумие и беззаконие! Еврей – человек и ближний наш, потому что мы христиане. Он не виноват в том, что он еврей, что он грамотен, что его с детства вели к свету, а нас не вели и даже прямо держали в темноте. Он не виноват в том, что мы темные, но мы в этом виноваты!»

После первой волны погромов 1881 года многие предположили, что они были организованы, но остерегались говорить об этом вслух. Впоследствии барон Г. Гинцбург подал в правительство записку о том, что погромы были кем-то спровоцированы для достижения задуманной цели. «Образовалось нечто вроде антиеврейского согласия, – сказано в той записке, – адептами которого сделались лица разных сословий, в том числе даже многие представители власти, как провинциальной, так и центральной. Негласный, но терпимый союз этот несомненно обладал и денежными средствами, без которых ничего нельзя было бы сделать».

До сих пор историки спорят о том, было ли подстрекательство причиной тех беспорядков или на это повлияло экономическое по-

ложение в стране, атмосфера страха и беспокойства в обществе после убийства Александра II. Известно, что в 1879 году в Петербурге образовалась Тайная антисоциалистическая лига. Ее немногочисленные участники были недовольны «безмятежной дремотой общества», а потому решили «парализовать зло, образовать железный круг около Его Величества и умереть вместе с ним, если ему суждено погибнуть». Уберечь Александра II они не смогли, и после его убийства высшие сановники образовали в Петербурге тайную организацию «Священная дружина», – возможно, как продолжение прежней антисоциалистической лиги. «Священная дружина» предназначалась для охраны царя, борьбы с «врагами порядка» и просуществовала полтора года. Среди прочих в ней участвовали обер-прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев и министр внутренних дел Н. Игнатьев, известные своим негативным отношением к евреям, – но доказать причастность «Священной дружины» к организации погромов тех лет нет никакой возможности.

В мае 1881 года митрополит Московский и Коломенский Макарий выступил в защиту евреев в Большом Успенском соборе Московского Кремля. В том же году Святейший Синод принял постановление «О награждении священно- и церковнослужителей за особые их заслуги во время антиеврейских беспорядков»: «Из числа принимавших участие в прекращении беспорядков, происходивших в мае 1881 года, награждены: саном протоиерея – два священнослужителя, наперсным крестом Святейшего Синода – одиннадцать, скуфьею – восемь, благословением Святейшего Синода с выдачей установленных грамот – двое».

Городского голову Житомира не пригласили участвовать в заседаниях губернской комиссии, потому что его взгляды на еврейский вопрос не соответствовали министерскому циркуляру. Гродненский городской голова на заседаниях комиссии присутствовал, но председатель запретил ему высказывать доводы в защиту евреев. В таврической комиссии составили сначала заключительный отчет, а затем стали подбирать статистические данные, которые бы подтвердили их выводы. Депутаты-евреи сумели доказать, что статистика опровергает заключения комиссии, и отчет отправили в Петербург без их подписей. На заседании киевской комиссии редактор газеты «Киевлянин» предлагал «голодом и нуждой так

скрутить евреев, чтобы они были вынуждены браться за всякую физическую работу». Киевский городской голова признавал, что среди русских есть немало нажившихся бесчестным путем, но эти капиталы проедаются и пропиваются в России, а сынки еврейских капиталистов прокучивают деньги в Париже с французскими кокотками.

Губернские комиссии в своих отчетах рекомендовали правительству удалить евреев из деревень, запретить им держать винные промыслы, арендовать земли, мельницы и рыбные пруды. Они предлагали поставить под контроль внутреннюю жизнь евреев, упразднить их благотворительные и общественные учреждения, закрыть еврейские школы, пересмотреть Талмуд и прочие религиозные книги, исключить из них то, что правительство сочтет вредным. Волынская комиссия предложила уменьшить число синагог и молитвенных домов; бессарабская и минская комиссии – упразднить еврейские больницы, черниговская – запретить евреям брать русские имена и прозвища, могилевская – не допускать театральные представления на еврейском языке. Следует отметить, что несколько комиссий рекомендовали в своих отчетах упразднить черту еврейской оседлости и отменить всякие ограничения для разумного решения еврейской проблемы. Порой члены комиссий хвалили евреев за трезвый образ жизни, но непременно добавляли, что из-за этого их положительного качества питейная статья бюджета тяжким бременем ложится на остальное население.

Губернские власти тоже посылали в Петербург свои соображения. Виленский генерал-губернатор докладывал, что «от еврейского племени нельзя ожидать, чтобы оно посвятило свои дарования и свои силы на пользу родины». Харьковский генерал-губернатор полагал, что «только страх наказания побуждает евреев сдерживать свои дурные инстинкты, направленные против коренного населения». А киевский генерал-губернатор советовал «для ограждения христианского населения... способствовать выселению евреев из империи», потому что «умственное превосходство еврея» дает ему преимущества в борьбе за существование.

В период религиозных исканий Лев Толстой занимался исследованием исторических основ христианства и для этой цели изучал язык иврит, который ему преподавал московский раввин С. Минор. Л. Толстой писал в книге «В чем моя вера?» (закончена в 1884 году): «Я недавно с еврейским раввином читал пятую главу Матфея. Почти при всяком изречении раввин говорил: это есть в

Библии, это есть в Талмуде, и указывал мне в Библии и Талмуде весьма близкие изречения к изречениям Нагорной проповеди. Но когда мы дошли до стиха о непротивлении злу, он не сказал: и это есть в Талмуде, а только спросил меня с усмешкой: – И христиане исполняют это? подставляют другую щеку? – Мне нечего было отвечать, тем более что я знал, что в это самое время христиане не только не подставляли щеки, но били евреев по подставленной щеке».

Стихийное сопротивление погромщикам проявлялось в разных городах и местечках. В Конотопе еврейская самооборона защищала дома от разгрома; в местечке Домбровицы Волынской губернии евреи с кольями и топорами встали на пути у погромщиков; из Херсонской губернии сообщали: «На место беспорядков прибежала толпа евреев, человек четыреста, и завязался жесточайший рукопашный бой; ранены были четыре еврея, один из них умер. Бушевавшая толпа отправилась восвояси, и до другого дня воцарилась тишина и спокойствие». Однако случаи организованной обороны были единичны, и вывод напрашивался сам собой: «Там, где кулак и грубая физическая сила в большом почете, смиренномудрие, миролюбие и апеллирование к праву, закону и справедливости – в высшей степени смешны и бессмысленны... Единственное спасение – в самообороне и самозащите».

Очерк двадцать восьмой

Погром в Балте. Введение «Временных правил».
Погромы 1882–1884 годов. Крах политики «обрусения»

1

После первого погрома 1881 года газета «Новое время» напечатала статью под названием «Бить или не бить?», предлагая сделать жизнь евреев в России невыносимой. Новороссийский генерал-губернатор докладывал в Петербург: «Лучшие представители интеллигенции одобряют и оправдывают эти дикие проявления ненависти к евреям и практически не осуждают их». Корреспондент газеты писал из Елисаветграда: «Хотя местная интеллигенция и не участвовала лично в погромах, но проявляла абсолютное равнодушие и одобряла их в глубине души». Даже в газете революционной партии «Народная воля» с восторгом описывали избиения евреев и объясняли погромы «пробуждением народного сознания» крестьян, которые истребляли «несправедливо нажитое имущество своих притеснителей». Некоторые народовольцы – и евреи в их числе – считали, что погромы полезны, так как они приучают народ к революционным выступлениям: сначала надо поднять крестьянство против евреев, а затем направить бунт против царя. В прокламации народовольцев «К украинскому народу» было сказано: «Тяжко стало людям жити на Украине. Грабят жиды, иуды непотреби... А нехай лиш встанут мужики... зараз царь станет жидив рятувати (спасать)...

Ось шо выроблее той паньский та жидивский царь... Ви почали вже бунтовати против жидив. Добре робите...»

Власти отнеслись равнодушно к еврейской трагедии и не выделили ни единой копейки жертвам погромов, хотя обычно помогали населению после стихийных бедствий; даже Общество Красного Креста не позаботилось о том, чтобы помочь разоренному от погромов населению. Суды присуждали громил к легким наказаниям – «за нарушение общественного спокойствия», оправдывали их из-за «отсутствия доказательств», и в еврейской газете с горечью отметили: «Есть только разрушенные дотла кварталы, раздробленная в щепки мебель и домашняя утварь, изувеченные мужчины, изнасилованные женщины и полумертвые от страха дети, – но разве это доказательство? А потому добрых молодцов судят за нарушение общественной тишины. И поделом! Зачем они гикали, свистели, шумели, а не делали свое дело тихо, смирно, благородно, не нарушая послеобеденного отдыха мирных граждан?.. Многие по выходе из суда смеются, некоторые дразнят стоящих тут же евреев, а другие угрожают в будущем произвести еще больший погром». Вместо того чтобы обвинять бандитов, киевский прокурор говорил на суде об еврейской «эксплуатации» края, а когда ему напомнили о чудовищной скученности еврейского населения в черте оседлости, прокурор сказал: «Если для евреев закрыта восточная граница, то ведь для них открыта западная граница; почему же они ею не воспользуются?» Это же заявил и министр внутренних дел Н. Игнатьев: «Западная граница для евреев открыта. Они и так имеют уже много прав, и их эмиграции не будут препятствовать».

В то время лишь немногие в России выступили в защиту евреев, и среди них писатель М. Салтыков-Щедрин, чья статья вызвала негодование правых газет. «История, – писал он после погромов, – никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский... Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человека человеком... Можно ли себе представить мучительство более безумное, более бессовестное?.. И во сне увидеть себя евреем достаточно, чтобы самого неунывающего субъекта заставить метаться в ужасе и посылать бессильные проклятия судьбе».

По черте оседлости прокатилась волна поджогов еврейских местечек, которые часто выгорали целиком, оставляя на пепелищах тысячи семейств. Особенно много поджогов было в Литве и Белоруссии, где местные власти не допустили погромов; газеты пестрели сообщениями из Ковно, Слонима, Сморгони и других мест: «В городе господствует паника... Большинство построек не было застраховано... Народ бродит без крова и пищи, дети и женщины плачут... Но что всего печальнее здесь –

это то равнодушие, та злоба и злорадство, какое выражает местное население по отношению к евреям».

Пожары и погромы разорили многих; промышленность и торговля находились в упадке – и в довершение к этому полиция стала выселять евреев, незаконно поселившихся во внутренних губерниях Российской империи. Их изгоняли в черту оседлости из Москвы, Киева, Орла, Тамбова, Харькова, Нижнего Новгорода, из области Войска Донского, а также из пятидесятиверстной полосы вдоль западной границы. Выселение из Москвы выделялось особой строгостью: всю зиму полиция устраивала засады с облавами и безжалостно изгоняла целые семьи – с детьми, стариками, беременными женщинами. Ежедневно по московским улицам брели к вокзалу группы евреев в сопровождении охраны, и два полицейских надзирателя были уволены за недостаточно ревностное выполнение приказаний начальства. Не пожалели и старую еврейку, у которой было медицинское удостоверение, что она смертельно больна и всякое передвижение ускорит ее смерть. В газете «Земство» написали: «Врачам был сделан запрос: сколько времени, по их мнению, проживет еще старуха, если ее оставить в покое? Не более десяти дней, был ответ. На основании этого ответа умирающей старухе разрешено остаться в Москве еще десять дней, по истечении которых, если она не переселится в тот мир, подлежит непременному выселению из Москвы».

Правые газеты поддерживали решительные меры: «Дай Бог, чтобы усилиями нашей полиции удалось очистить русскую столицу от евреев», – и новые веяния из центра расходились кругами по провинциям. Кое-где случались мелкие погромы, избиения с грабежами; из разных мест поступали тревожные сообщения: «Многие христиане нашего местечка уже распределили между собою дома и имущество всех здешних евреев... Побиты стекла и двери, ранено камнями шесть человек... Толпа разбила шинок, дом и лавку еврея Когана... Местные мальчишки под предводительством некоего мещанина устроили для потехи погром... Раненый еврей умер...» В деревнях тоже готовились к погромам, чтобы не упустить момент, когда можно приехать и пограбить, а в Мелитополе обнаружили на улице маленькую крестьянскую девочку, которую бабушка послала с наказом: «Говорят, будут бить жидов, так пойди туда и принеси платочек».

Писатель М. Бен-Ами вспоминал зловещую атмосферу того времени: «Когда говорят о погромах, то принимают обыкновенно во внимание дни, в течение которых они происходили, считают число жертв, исчисляют количество уничтоженного и расхищенного имущества, разоренных домов и лавок и т. д. – и сообразно с этим составляют себе понятие о пережитом несчастье. А между тем есть нечто более страшное, что мучительнее всего этого, – это ожидание погрома. Ужас ожидания не под-

дается никакому исчислению, никакому измерению; он неизмерим... Можно спастись, можно совершенно избегнуть погрома, но можно столько исстрадаться в ожидании его, что эти страдания превосходят то, что принес бы, быть может, сам погром».

Атмосфера накалялась. Корреспондент венской газеты телеграфировал в редакцию: «Все московские евреи находятся в чрезвычайно мрачном настроении...»; министр иностранных дел Российской империи сказал английскому посланнику: «Правительство и население возбуждены против евреев вообще»; в еврейской газете признали с тревогой: «В марте уже смелее начали бить евреев, так как предшествовавшие репетиции удались», – исподволь нарастало нечто грозное, пугающее, неизбежное, чтобы прорваться в очередном диком буйстве.

2

Это случилось в городе Балте Подольской губернии – двадцать девятого марта 1882 года, на второй день христианской Пасхи. Первое же известие из Балты, попавшее в еврейские газеты, говорило об огромном несчастье: «Весь город совершенно опустошен... Около шести тысяч семейств не имеют хлеба и крова... Дети умирают от голода и холода, голодают и взрослые... Осталось у нас только то, что носим на себе... Помогите, спешите к нам, утешьте нас добрым словом!»

Евреи Балты заранее просили местные власти предпринять какие-либо меры, телеграфировали в Петербург, собирались нанять за свой счет тридцать–сорок городовых, но полицмейстер отсоветовал: «Это – дрянь. Я боюсь, что они сами будут делать беспорядки». Газеты отметили «поразительное бездействие местной власти» в дни погрома: «Защищали евреев лишь врачи, духовенство, особенно протоиерей, и несколько человек интеллигентных. Остальная "аристократия" смотрела со злорадством на эту картину разрушения и молчала». Евреи-грузчики, извозчики и ремесленники образовали отряд самообороны, и в протоколе расследования отметили: «В начале погрома сбежавшиеся евреи заставили шайку буянов отступить и укрыться в здании пожарной команды, но с появлением полиции и солдат буйствующие вышли из своего убежища. Вместо того, чтобы разогнать эту шайку, полиция и войско стали бить евреев прикладами и саблями. В этот момент кто-то ударил в набат, и на колокольный звон стала стекаться городская чернь... Турецкая сторона города, где жили евреи, была разгромлена в течение трех-четырех часов... Ночью полиция и военные власти арестовали двадцать четыре грабителя и большое число евреев – последних за то, что они осмелились защищать свои квартиры. На следующее утро

христиан освободили, и они усилили собою ряды грабителей, а евреев продержали под арестом два дня... Толпа бросилась на склад питей, разбила его, напилась там вдоволь водкой и пошла бить и грабить при содействии крестьян, а также солдат и полицейских. Тут-то и разыгрались те страшные, дикие сцены убийств, насилия и грабежа, описание которых в газетах есть только бледная тень действительности».

Начальник местной воинской команды лишь наблюдал за буйством и даже приказал напоить водой погромщиков, которые утомились от разбоя. Городской предводитель дворянства сказал за несколько дней до этих событий: «Когда будут громить Балту, я закурю папиросу и стану спокойно смотреть в окно даже тогда, когда придут грабить моего квартиранта». И действительно, когда толпа подошла к лавке его квартиранта-еврея, предводитель дворянства велел передать погромщикам, что двери и ставни на лавке принадлежат ему, а замок и все товары в лавке – еврейские. Грабители аккуратно сняли двери и ставни, отставили их в сторону, чтобы не повредить, а затем разгромили лавку. Полицейский исправник застал погромщиков в доме еврейского купца, когда они разбивали ломом несгораемый шкаф. Вместо того чтобы арестовать взломщиков, исправник разрешил им ударить ломом еще десять раз, а если шкаф не поддастся, оставить его в покое. Исправник самолично считал удары, но шкаф выстоял, и толпа пошла дальше в поисках более легкой добычи. На второй день погрома исправник привел из окрестных деревень сотни крестьян с колами и дубинами; крестьяне были уверены, что их вызвали «для усмирения евреев и обороны церквей», и присоединились к громилам.

Еврейские газеты тех дней переполнены сообщениями из Балты: «Ни один магазин не уцелел... шинки и винные погреба разорены...» – «Во всех еврейских домах выбиты стекла, двери, ставни, внутри все разбито, уничтожено... Выпущенный из перин и подушек пух образовал целые холмы, так что в одном месте не могли проехать пожарные...» – «Синагог разграблено семь: толпа искала свитки Торы, но их евреи предварительно попрятали...» – «Нападали на женщин и насиловали их в переулках, в сараях, на чердаках, в лавках. Пьяные звери не разбирали красивых и некрасивых, пожилых и молодых...» – «У одной старухи-еврейки, которая пыталась сопротивляться, разъяренный мужик оторвал кусок груди, выбежал на улицу и с радостью закричал: “Жидовская цыцька!” Грудь подбрасывалась вверх при всеобщем ликовании гнусной клики озверелых людей...» – «Иос, сын Менделя Термака, скончался у матери на руках; в степи умерла роженица Сарра, жена Иося Могилевского; Ривка, жена Шлиомы Вербовецкого, и Авраам, сын Ушера, умерли от испуга и истязания; Цывья, жена Иося Цванга, пролежав всю ночь в воде, сильно опухла и умерла от простуды...» – «Во вторник в

Одессу пришла телеграмма: "Голодаем. Пришлите хлеба". К утру уже собрали тысячу рублей, нагрузили на возы до ста пудов хлеба, а в среду вечером посланцы были в Балте. Сотни еврейских семейств, с толпой детей, валялись на станции железной дороги. Дрожа от страха и холода, голодные, исполненные тревоги, в лохмотьях, несчастные казались скорее призраками, чем живыми людьми...» – «Наутро после погрома в Балту пришло все соседнее село Казацкое – забирать еврейское имущество. Шли сгорбленные старухи, беременные женщины, молодицы, девки, дети, старики и парни – все спешили с пустыми мешками. Но солдаты их не пустили в город, и они недоумевали по этому поводу и даже чувствовали себя обиженными: "Вчера сами звали, а сегодня не пускают"».

Войска навели порядок в разоренном городе, и подошло время подводить итоги двухдневного разгрома: «Нигде еще остервенение не было так велико, разгул страстей так полон... Весь город, то есть вся еврейская часть в развалинах. Почти все имущество расхищено, разграблено или уничтожено; убытки миллионные...» В Балте были разрушены тысяча двести пятьдесят еврейских домов и магазинов; «все состоятельные люди превратились в нищих, – сообщал местный раввин, – пущено по миру не менее пятнадцати тысяч человек»; погибли во время погрома двенадцать евреев, более двухсот были ранены. В те же дни жандармский полковник докладывал из Подолии в Петербург: «Евреи во многом сами виноваты в беспорядках: как только они видят, что сила на их стороне, они делаются вызывающе нахальными». Через неделю в Балте вспыхнул пожар, сгорели тридцать еврейских домов, власти арестовали поджигателей – и снова в городе началась паника: одни убегали в Одессу, а другие перебирались на вокзал под защиту полиции.

В газете «Русь» так прокомментировали это событие: «С каким тактом держался народ во время погромов! Народ был возбужден в высшей степени и вооружен... однако же случаи убийства были редки. Говорят – народ грабил; но это отнюдь не надо понимать в уголовном значении этого слова: он – просто присваивал себе еврейское добро и уносил домой...» Сначала судьи освобождали громил или присуждали к нескольким дням ареста за «нарушение общественной тишины и спокойствия», и зрители в зале суда говорили с ухмылкой: «За сто карбованцев можно и посидеть неделю». Но протесты против погромов нарастали во многих странах; последовало распоряжение из Петербурга, и судьи стали выносить суровые приговоры: каторжные работы в рудниках, ссылки в исправительные арестантские роты, – за убийства приговаривали к смертной казни через повешение. Корреспондент русской газеты передавал из Балты: «Вообще крестьяне сильно недоумевают, как это приказывали сначала разорять жидов, а теперь казнят за точное исполнение приказаний власти».

Киевский генерал-губернатор А. Дрентельн должен был утвердить смертный приговор двум солдатам-погромщикам, и еврейская община Балты послала к нему раввина – с просьбой помиловать осужденных. Разгневанный генерал-губернатор приехал в Балту и заявил евреям города: «Нигде вам не живется так хорошо, как в России... но вы сами своими поступками вооружаете против себя». Ходатайство о помиловании он назвал «лицемерием» и сообщил, что солдаты и без того помилованы – «не по просьбе евреев». (Это был тот самый генерал-губернатор, который на еврейских просьбах о помощи ставил такие резолюции: «Сидите смирно и не трогайте других», «Войска явятся, когда нужно будет», «Об этих скотах думают больше, чем о других, а им все мало».)

После Балты мелкие погромы прошли в других городах и местечках, и житель одного из них написал в газету: «Нас окружают со всех сторон ужас и отчаяние... Целые ночи мы бодрствуем напролет, ожидая внезапного нападения разбойников. Нам открыто говорят, что дни наши сочтены...»

3

В начале 1882 года лондонская газета «Таймс» опубликовала несколько статей «О преследовании евреев в России» – с описанием погромов предыдущего года. Эти статьи произвели огромное впечатление на англичан, и в Лондоне собрались на митинг депутаты парламента, представители церкви, ученые, писатели, деятели культуры, именитые лица столицы. Председательствовал лорд-мэр города; ораторы говорили о том, что ограничительные законы унижают евреев и поощряют грубые насилия; кардинал Маннинг закончил свою речь такими словами: «Есть Книга, составляющая общее достояние Израиля и христианских народов. И в этой Книге читаю я, что Израиль – древнейший народ на земле, между тем как русские, австрийцы и англичане только народы вчерашнего дня. И живет этот народ силой своего неугасимого духа, своих неизменных традиций, своей непоколебимой веры в Бога и Божественные законы, – народ, рассеянный по всему миру, прошедший сквозь огонь и не погибший, поверженный в прах, но не смешавшийся с прахом». Участники митинга основали фонд помощи пострадавшим от погромов и собрали более ста тысяч фунтов стерлингов. В ответ на это в петербургском «Правительственном вестнике» написали: «Еврейский вопрос безусловно принадлежит к числу вопросов внутренних, в которых каждое государство распоряжается по своему усмотрению и никогда не потерпит постороннего вмешательства или совета в какой-либо форме».

Однако отклики на события в России не прекращались. Испанское правительство пригласило евреев поселиться в Испании, где они найдут

«радушный прием и безусловную полноправность в бывшем своем отечестве, для которого они много потрудились и которому принесли много пользы». Правительство Чили тоже приглашало российских евреев и брало на себя путевые расходы. В Нью-Йорке прошел митинг против «средневековых гонений, возобновленных в России», и в том же «Правительственном вестнике» пригрозили: «Всякое заступничество иностранной державы за еврейскую народность могло бы только посеять неудовольствие в массе русского населения и неблагоприятно отразиться на положении евреев».

А в Петербурге пока что заседал Центральный комитет для рассмотрения еврейского вопроса. Задача комитета была определена заранее и записана в журнале заседаний: «поставить евреев в такое правовое положение в государстве, при котором они вынуждены будут сделаться полезными гражданами и не подавать поводов к народным волнениям и самосуду». Комитет разработал «временные, предупредительные» меры, вплоть до поголовного выселения евреев из сел и деревень в города и местечки черты оседлости, – и подал проект на рассмотрение правительства. Министры не решились выселить и обречь на разорение сотни тысяч человек, однако часть предложенных мер они приняли: чтобы у крестьян не создалось впечатления, будто «царская воля в деле избавления их от еврейской эксплуатации не приводится в исполнение». Так появились печально известные «Временные правила», утвержденные Александром III третьего мая 1882 года. Эти правила запрещали евреям вновь селиться вне городов и местечек в черте оседлости, не позволяли им покупать недвижимое имущество и арендовать земли в селах и деревнях, а также торговать в воскресные дни и в христианские праздники. Новые ограничения не коснулись Царства Польского; они распространялись на пятнадцать губерний черты оседлости, и хотя эти правила назывались «временными», они просуществовали до 1917 года.

Погромы тех лет, выселения из внутренних губерний и новые ограничительные законы потрясли не только еврейское общество, но повлияли и на экономику Российской империи. В переплетении торговых и финансовых интересов оказалось невозможным притеснять и разорять одну часть населения, чтобы при этом не пострадали остальные. Недаром предупреждали дальновидные люди: еврейский вопрос неизбежно станет русским вопросом. После очередной волны погромов подорожание становилось повсеместным, и это вызывало новую волну нелепых обвинений, которые подталкивали к новым беспорядкам. «В течение девяти месяцев цены на сахар почти утроились, – сообщал из Киева корреспондент русского журнала. – Первоначально вздорожание объясняли ранними осенними морозами, повредившими свекловицу, потом решили, что всему виною – жид... "Жиды, желая пополнить убытки от

погромов, возвысили цены на сахар"... Дрова дорожают. Что за причина? Бесснежная зима, мелководье на Днепре, малый подвоз? Ну нет: "вся лесная торговля в руках жидов". Попробуешь возражать, что Гаврилов, Фатеев, Задолинный – не евреи, но и слушать не хотят».

После введения «Временных правил» евреи не могли покупать и арендовать недвижимое имущество вне городов и местечек, а потому в черте оседлости упали цены на недвижимость, разорив многих владельцев-христиан. После волны разбоя и разрушений понизился курс на ценные государственные бумаги; иностранные биржи немедленно отреагировали на нарушение стабильности в стране и уменьшили капиталовложения в российскую промышленность. Еврейские купцы разоренных городов объявляли себя банкротами после погромов, а вслед за ними становились несостоятельными и тысячи русских торговцев и фабрикантов, которые были связаны с этими купцами договорами и кредитами. Начался застой в торговле и промышленности, и из разных мест передавали: «На зимних украинских ярмарках заметно было подавленное состояние торговли, вызванное паникой, овладевшей еврейским населением... В Москве заметно сокращение покупок и заказов для западных губерний... Немногие решились привезти товары на киевскую ярмарку, но они едва ли выручат даже то, во что им обошлась поездка».

В 1882 году в Москве проходила Всероссийская выставка товаров, однако многие евреи не получили паспорта на въезд, и российские фабриканты не смогли продать свои изделия в западные губернии. Владельцы пятидесяти самых значительных мануфактур и торговых домов Москвы предупредили министра финансов «о вредных последствиях стеснения евреев»: «В продолжение последних десяти-двенадцати лет, – уведомляли они, – с того времени, как евреям был открыт более или менее легкий доступ в Москву, торговые сношения Москвы с западными и южными губерниями получили обширное развитие... несмотря на сильную конкуренцию польских, австрийских и германских фабрик... Вот почему удаление евреев из Москвы, стеснение их сюда приезжать и селиться вредно отзовется на ходе торговли».

Летом 1882 года министр внутренних дел Н. Игнатьев был смещен с поста – по-видимому, на это повлияли протесты во всем мире. Взамен него был назначен граф Д. Толстой, и при вступлении в должность он заявил: «С душевным прискорбием смотрел я на возмутительные насилия, которые совершались над евреями в последнее время, и я употреблю все усилия, чтобы положить конец этой мерзости, ибо в моих глазах нет различия между евреем и неевреем». Новый министр приказал привлекать «к ответственности всех должностных лиц», если они допустят беспорядки; губернские начальники сразу поняли, что время погромов закончилось, и старались не допускать их в своих владениях.

Четырнадцать месяцев продолжались погромы 1881–1882 годов; они охватили сто пятьдесят населенных пунктов юго-запада Российской империи – треть из них пришлась на Киевскую губернию. И наконец в еврейском журнале «Восход» подвели итог тем событиям: «Развалины уже снесены, умирающие уже умерли и давно похоронены. Начальство же прямо объявило, что нас больше бить не будут. Как же не успокоиться, как не ликовать? Даже праздник надлежало бы учредить вроде Пурима, да и ввести в книгу памяти священные слова: "Теперь вас уже больше бить не буду". Ликуй, Сион!..»

4

Но вскоре выяснилось, что ликовать было преждевременно. В мае 1883 года, незадолго до запоздалой коронации Александра III, разразился погром в Ростове-на-Дону. Толпа громила еврейские дома и лавки, но цензура запретила сообщать об этом в газетах, чтобы не омрачать коронационные торжества. Но следующий погром – в июле того же года в Екатеринославе – случился после коронации царя, и подробности о нем попали в газеты. Беспорядки начались в день православного праздника Ильи-пророка. Рабочие из великорусских губерний, работавшие на постройке железной дороги, выпили много спиртного и стали зачинщиками буйства. Гигантская толпа шла по городу с ломами и молотками, разбивала еврейские дома и лавки, выбрасывала наружу вещи и товары, а местные жители подхватывали их и уносили домой. К вечеру разбили еврейские шинки и погреба, перепились до безобразия, и многотысячная толпа бушевала два дня, днем и ночью. Во время грабежа винного склада загорелся спирт, и несколько погромщиков пострадали: «обезображенных, голых, с искаженными лицами, со страшными ожогами по всему телу – их отвезли в больницу».

Озверевшие, потерявшие человеческий облик громилы кидались даже на солдат, которые их разгоняли, и ранили сорок человек. Солдаты неоднократно стреляли в толпу, но сразу не смогли ее усмирить: были убитые и много раненых. Полиция арестовала в Екатеринославе около четырехсот человек, но неожиданно от разбоя стало страдать и христианское население города: грабители, очевидно, вошли во вкус и не желали довольствоваться лишь евреями. И опять – как предупреждали дальновидные люди – еврейский вопрос стал русским вопросом. В городе воцарилась анархия: грабили открыто, днем, на центральных улицах, зверски убили несколько человек – и теперь уже христиане потребовали самых решительных мер против грабителей, чтобы восстановить порядок и безопасность. Некий местный деятель сначала возмущался, что

войска стреляли в народ «из-за жидов», но после того как его обокрали на пятьсот рублей, стал требовать от властей, чтобы воров непременно вешали. «Это и есть самая существенная особенность екатеринославского погрома... – предупреждали в еврейском журнале. – Он приподнял завесу с того будущего, которое ожидает страну погромов, и в первый раз заставил содрогнуться от ужаса русское общество... из-за его преступной невнимательности к страданию и горю ближних».

Александр III получал отчеты после каждого крупного погрома и делал на них пометки: «Читал», «Весьма прискорбно», «Весьма грустно», «Не может быть, чтобы никто не возбуждал народ против евреев», «Все это прескверно и доказывает, что нам надо как можно скорее покончить с еврейским вопросом». На донесении из Ростова-на-Дону царь написал более пространно: «Весьма печально, но этому конца я не предвижу; слишком эти жиды опротивели русским, и пока они будут эксплуатировать христиан, эта ненависть не уменьшится».

Очередной погром произошел в Нижнем Новгороде, вне черты оседлости. В этом большом городе жило не более двадцати еврейских семейств, и ни о какой «эксплуатации христиан» не могло быть и речи. Седьмого июня 1884 года, к вечеру, прошел слух, будто евреи схватили и зарезали христианскую девочку. Собралась огромная толпа, и хотя полицейские привели эту девочку живой и невредимой, ничто уже не помогло. Буйство продолжалось почти всю ночь: евреев избивали на улицах и в домах, выбрасывали из окон верхних этажей, и корреспондент «Русских ведомостей» передавал по телеграфу: «Трупы подхватывались толпой с криками "ура" и тут же топтались ногами остервеневшей массы; "Еще дышат", – кричала толпа». И далее, со слов того же корреспондента: «Во дворе молельни лежит распростертый труп пожилого мужчины; лицо все в запекшейся крови... тело обнажено до пояса. Возле него, за бревнами – труп женщины пожилых лет; лицо в крови, глаз не видно, вся одежда сорвана, и она почти совсем обнажена. Несколько дальше – труп мальчика; лицо в крови и пуху; у носа и у правого уха глубокие, большие, зияющие раны... Один труп настолько обезображен, что отец узнал его только по брюкам – лица нет...» Полицейские и казаки пытались разогнать толпу, но их встречали дубинами, швыряли песок в глаза лошадей и всадников. По официальным данным, были убиты шесть взрослых евреев и один мальчик, тяжело ранены пятеро; по мнению нижегородского губернатора, «главным мотивом погрома было стремление к грабежу».

Свидетелем буйства в Нижнем Новгороде оказался Максим Горький, и он описал его впоследствии: «Мимо меня прошел огромный мужик в разорванной рубахе, без шапки. Волосы у него были растрепаны, по грязному лицу текла густая, почти черная кровь. Он размахивал рукой и улыбался, тупо, довольной улыбкой сытого зверя... "Раздайся, народ! Зельман

едет!.." Захлестнув ногу Зельмана веревкой, люди везли его по мостовой, а за ним оставалась на дороге широкая полоса крови. Сухие, длинные руки купались в ней, а между рук, в том месте, где они врастали в плечи, бился о камни безобразный, окровавленный, ободранный ком... Какой-то подросток подбежал к телу, прыгнул на него, ноги погрузились в живот, как в тесто, а подросток замахал руками и упал, возбудив хохот... "казаки!.. Казаки едут!.." Толпа бежит под ударами нагаек и толчками лошадей, бежит, как стадо баранов, глупо, слепо... За несколько минут перед этим люди были зверями, без жалости и смысла избивавшими таких же несчастных, как сами они, а теперь эти звери – только трусы, их тоже бьют без жалости и смысла, а они бегут трусливо и позорно от ударов...»

Потом был суд, и на скамью подсудимых попали семьдесят два человека. Возле здания суда стояла густая толпа, а в ней говорили, что евреев «бить можно, и так даже в газетах пишут». Губернатор получал письма в защиту арестованных: «нельзя же наказывать православных за жидов...», «беспорядки не были бунтом, а просто народ потешился...» Суд строго наказал виновных, некоторые получили до двадцати лет каторжных работ, и корреспондент «Русского курьера» сообщал из зала суда: «Поглядите на эти лица. Большинство – молодежь. Ни тени зверства, жестокости. Все самые обыденные типы русского серого рабочего люда. А между тем жестокости, совершенные ими, поражают именно зверством... Что же это такое?»

Еврейские погромы нанесли огромный вред общей нравственности, и христианское общество тут же это почувствовало. Стало ясно, что нельзя безнаказанно грабить и убивать одну часть населения, чтобы остальные не ощутили при этом никаких последствий. Неизмеримо возросло количество грабежей с убийствами по многим губерниям, и в «Юридическом вестнике» отметили с беспокойством: «Нет, так больше жить нельзя! Болезнь, и, по-видимому, глубокая болезнь разъедает русское общество, подтачивает его силы... На широкой Руси как-то странно подешевела человеческая жизнь, сильно пала в цене. Бьют, душат, режут в одиночку; бьют, душат, режут семьями; бьют, душат, режут целыми группами, и страшные, бесчеловечные убийства становятся заурядными, чуть не повседневными явлениями, о которых газеты говорят лишь вскользь. Да, есть над чем задуматься, есть от чего покачать головой, глядя на эти знамения времени...»

5

Восемнадцатого января 1882 года в петербургской синагоге собрались вместе богатые и бедные, именитые и никому не известные евреи: плакали,

читали «слихот» – молитвы покаяния; главный раввин произнес речь. «Когда он, – рассказывал очевидец, – прерывающимся голосом нарисовал то положение, в котором ныне находится еврейство, протяжный стон, как будто из одной груди, вырвался внезапно и разлился по синагоге».

Во всех общинах Российской империи евреи постились в тот день, и корреспондент сообщал из Одессы: «В синагоге раздались раздирающие душу стон и плач мужчин и женщин, когда кантор произнес: "Все народы сидят спокойно на своих землях, а народ Израильский бродит, как тень, нигде не находя покоя, ниоткуда не встречая братского привета"». В городах и местечках хоронили остатки свитков Торы, разорванных и осквернённых погромщиками в разрушенных синагогах, и евреи шли на кладбища траурными процессиями. «Душу раздирающие стоны носились в воздухе, – писал очевидец, – слезы струились по щекам у всех, когда опускали в могилу наши святыни». Это была единственная форма протеста, доступная в те времена. О демонстрации никто не мог и помыслить; жаловаться было бесполезно, да и опасно: в стране действовало «Положение об усиленной охране», которое позволяло арестовывать и ссылать в Сибирь за одно лишь подозрение в «политической неблагонадежности».

Неожиданные погромы потрясли еврейские общины России. Многими овладели паника и растерянность, чувство полной беспомощности перед лицом враждебного или, в лучшем случае, равнодушного окружения. Интеллигенты-ассимиляторы вдруг прозрели и мучительно переоценивали прежние свои идеалы. Один из них каялся в предсмертном стихотворении «Исповедь»: «Я согрешил, и дух народа моего оставил детей моих, а после моей смерти, кто знает, останется ли имя мое и наследие. Я удалился от основного пути, а дети мои совсем потеряли его». Прежде ассимилированный еврей сторонился «длиннополых, пейсатых Янкелей», но погромы безжалостно показали, что судьба у них одна: у «дипломированного интеллигента» и у «пейсатого Янкеля». На траурном богослужении в главной петербургской синагоге вместе со всеми участвовали и те евреи-интеллигенты, которые давно позабыли про свою религию и всей душой желали «слиться» с русским народом. «Плакали все, – писал очевидец, – старики, молодые, длиннополые бедняки, изящные франты, одетые по последней моде, чиновники, доктора, студенты, – о женщинах нечего говорить. Минуты две-три подряд продолжались эти потрясающие стоны, этот вырвавшийся наружу крик общей горести. Раввин не мог продолжать. Он стоял, приложив руки к лицу, и плакал как ребенок». В Киеве после погрома группа еврейских студентов пришла в синагогу, и один из них сказал молящимся со слезами в голосе: «Мы такие же евреи, как и вы. Мы сожалеем теперь о том, что до сих пор считали себя русскими. Погромы показали нам, как велико было наше заблуждение». Давно ли писал Лев Леванда в романе «Го-

рячее время»: «Мое сердце говорит мне, что со временем русские полюбят нас. Мы заставим их полюбить нас. Как? Своей любовью». Теперь же на смену прежнему оптимизму пришли разочарование и боль. «Когда серый народ громил евреев, – писал тот же Леванда, – белый народ стоял издали, любуясь картиной моего разгрома». Отовсюду сообщали о смятении и растерянности в еврейских общинах. «Ни одного отрадного явления, – отметили в еврейском журнале "Восход", – ни одного хоть сколько-нибудь успокоительного известия не приходится сообщать – один плач и стон кругом».

В начале 1882 года, когда погром в Варшаве уже состоялся, а до озверения в Балте оставалось совсем немного, некий ассимилированный еврей написал в газету с тоской и отчаянием: «Когда подумаю о том, что с нами сделали, как нас учили полюбить Россию и русское слово, как нас заманили и заставили ввести в семейство русский язык и все русское, как наши дети другого языка не знают, кроме русского, и как нас теперь отталкивают и гонят, то сердце переполняется самым едким отчаянием, из которого, кажется, нет исхода... Что делать? Что делать?.. Пусть бы у меня отняли все имущество для какой-нибудь цели, пусть бы меня оставили нищим, но пусть бы меня признавали своим, пусть бы не гнали вон, зазвавши в дом. Мы же, глупцы, сами были распространителями и борцами русского образования между своими собратьями; ну как же не обидно?.. У меня дети, я их воспитывал в русском духе, а теперь что? Что делать? Что говорить им на русском языке, то есть на языке тех людей, которые говорят нам: "убирайтесь к черту!"»

Что же произошло в девятнадцатом веке с российскими евреями? Многие десятилетия подряд из глубин христианского общества шел призыв к «слиянию» евреев с коренным населением – для их же благополучия. Под «слиянием» подразумевался отказ от веры и от национальных традиций, а уж после этого, в будущем, были обещаны равные права. Еврейское население черты оседлости, воспитанное в религиозных традициях и крепкое в своей вере, никогда бы не согласилось на подобное «слияние»; именно поэтому все попытки властей были заранее обречены на неудачу. Да и могли ли предполагать российские евреи, что начальство печется об их благополучии, когда на их глазах – ради того самого «слияния» – забирали в кантонисты и насильно крестили маленьких детей, на потеху населению стригли евреям бороды с пейсами и отрезали полы их кафтанов? Но нашлись одиночки среди еврейской молодежи, которые решили отбросить национальные традиции – ради идеи всеобщего братства и слияния в будущем в единую семью народов. Они тайком читали светские книги – сначала на немецком языке, а позднее на русском; они укорачивали свои кафтаны и подрезали пейсы; они уходили навсегда от «гнета отцов», от семьи и друзей, уже со стороны яростно бичевали пороки

еврейского общества – а это общество отвечало им взаимной ненавистью. Когда подошли либеральные шестидесятые годы, эти люди кинулись в русские школы и университеты; их идолом стал русский язык и русская литература; их интересы переплелись с интересами русского общества, внутри которого и на благо которого они трудились. «Наше отечество Россия! – провозглашали они. – Как ее воздух, так и язык ее должен быть нашим!» Они верили, что достаточно овладеть русским языком, внешне ничем не отличаться от соседа, стать «как все народы» – и неприязнь к евреям немедленно исчезнет. Они не только образовывались сами, но желали образовывать других, и герой романа Л. Леванды говорил русскому другу: «Мы будем просвещаться назло всем реакционерам и обскурантам. А потом будем учить вас быть гражданами, патриотами, любить Россию как следует, а не на словах только». Девизом этих людей стали слова поэта И. Л. Гордона: «Проснись, мой народ! Доколе ты будешь спать? Ведь ночь прошла и солнце засияло! Проснись, оглянись вокруг себя и узнай свое место и время...» Но эти люди – дети местечковых евреев – еще помнили традиционный быт своих родителей; эти люди учились когда-то в хедерах и иешивах; они желали слиться с русским народом, но сохранить при этом свою веру, а потому говорили с гордостью: «Мы – русские подданные еврейского происхождения иудейского вероисповедания и считаем вправе именовать себя “русскими евреями”».

А затем у этих русских евреев родились дети, и выросли эти дети, воспитанные уже в ассимилированных семьях, где не часто вспоминали о своем происхождении, – и они отдалились от еврейства, оно стало чуждым им и ненужным. «Я отдалился от еврейского народа, – писал один из них, – и он предстал передо мной маленьким и ничтожным. Я желал работать для великого русского народа». Эти дети, внуки местечковых евреев – гимназисты, студенты, выпускники университетов – считали себя связанными с еврейством лишь «случайностью происхождения». Душой они принадлежали к русскому обществу, болели его болью, радовались его радостями; это они пошли в земские учреждения – служить русскому народу, это они пошли в народники и революционеры – ради великой идеи обновления России. Их волновала судьба нищего, несчастного русского крестьянина, но они даже не задумывались над тем, что в черте оседлости живет такой же нищий и такой же несчастный еврей – с той только разницей, что у крестьянина был хотя бы собственный клочок земли, а у еврея чаще всего не было не только собственности, но и права на передвижение. Евреи черты оседлости с их верой, незнакомыми традициями и странным образом жизни оставались для этих интеллигентов некоей этнографической группой, не более, ради которой не стоило тратить силы и жизни: после окончательной победы прогресса, за который они боролись, будет решен – они верили – и

частный еврейский вопрос. «"Мы", "народ наш", а то даже просто "народ", – отмечал писатель М. Бен-Ами, – в устах сформировавшегося тогда в гимназии еврея значили: русские, русский народ... Существовали где-то далеко какие-то длиннополые, пейсатые, по-русски не говорящие Янкели, которых образованный еврей презирал. В лучшем случае их жалели, как жалеют нищего, калеку и тому подобный жалкий люд».

И вдруг в газете написали в предостережение русскому обществу: «Жид идет!», имея в виду не только «пейсатого Янкеля», но в первую очередь его, образованного, интеллигентного еврея, который и евреем себя не ощущал. Вдруг поднялась волна погромов, когда били всех без разбора – пейсатых и не пейсатых, включив в категорию «чужих» и лишив права на патриотизм и этого, ассимилированного, еврея, который давно уже «обрусел», жил и трудился на благо общества, которое некогда призывало его к «слиянию», а теперь яростно от себя отторгало. В газетах дотошно разбирали вопрос «бить или не бить» этого еврея и приходили к выводу, что бить, конечно же, следует, но этим должно заниматься правительство, а не толпа. Даже революционеры, которым ассимилированный еврей-либерал тайно симпатизировал и готов был помочь при случае, призывали в прокламации: «Восстаньте, рабочие! Отомстите господам, грабьте евреев, убивайте чиновников!» Нашлось даже удобное оправдание тем кровавым событиям: погромы – предвестники всеобщего восстания, которое свергнет самодержавие, а потому «еврейская кровь – это смазочное масло на колесах русской революции». Но буйствующую толпу можно презирать с высоты своего образования, революционерами можно пренебречь ввиду их малочисленности, от чиновников и министров тоже не ожидалось проявлений справедливости; самый больной удар нанесла этому еврею образованная часть общества, его собратья по духу – их отношением к погромам. «Озверелая чернь одинакова везде, на всем свете... – писал врач М. Мандельштам. – Показателем для меня было отношение остальных, так называемых "лучших", "интеллигентных" слоев общества. За очень и очень немногими исключениями, все остальные следили за совершающимся среди бела дня грабежом и разбоем с трудно скрываемым злорадством или с таким ужасающим хладнокровием, точно дело шло об охоте на зайцев».

А этого ассимилированный, воспитанный на русской культуре еврей не мог уже стерпеть – как не мог стерпеть и отношения к нему тогдашних властителей дум, на чьих книгах и идеях он, этот еврей, воспитывался с юных лет. Славянофил И. Аксаков писал в газете «Русь», что погромы – это месть народа, проявление «справедливого народного гнева» против экономического «гнета еврейства», которое стремится к «всемирному владычеству» над христианским миром. Историк Н. Костомаров, «проезжая через Конотоп» и наблюдая местный погром, отметил в

записной книжке – равнодушно и между прочим – «сцены жидотрепания». «Все эти крики и слезы, – возмущался еврейский интеллигент, – все это горе, разорение и поругание не более как – "жидотрепание". Слово найдено. Чего же вам больше?.. Об этом можно упомянуть «случайно», в скобках, точно речь идет о лопнувшей рессоре, ухабистой дороге и тому подобных неизбежных дорожных мелочах, развлекающих внимание солидных путников...» С нетерпением ожидали немедленного и гневного протеста от знаменитых русских писателей, но они молчали. Среди немногих выступил на защиту М. Салтыков-Щедрин: «Можно ли представить себе мучительство более безумное, более бессовестное?», – и его тут же обвинили в «заигрывании с еврейским вопросом».

И тогда ассимилированный еврей заметался, потерял ориентиры, стал в ответ объяснять и доказывать, что и он – конечно же, он! – является патриотом России, как все верноподданные; это он, российский еврей, сражался среди прочих при обороне Севастополя и проливал кровь за освобождение славян от турок, – а ему, русскому патриоту, гражданину, честному труженику, в ответ дали понять, что он чужак, лишний, не нужный на этой земле, и устами министра внутренних дел Н. Игнатьева провозгласили: «Западная граница для евреев открыта». «До сих пор мне не было никакого дела до моего происхождения, – записал в дневнике московский гимназист Х. Хисин. – Я чувствовал себя преданным сыном России, которою я жил и дышал. Каждое открытие русского ученого, каждое выдающееся литературное произведение, каждый успех России как державы – наполнял гордостью мое сердце; я намеревался посвятить свои силы служению отечественным интересам и честно исполнять все обязанности доброго гражданина. И вдруг нам указывают на дверь и откровенно заявляют, что "западная граница открыта для нас". Меня стал преследовать резкий, беспощадный вопрос: "Кто ты такой?.." – "Конечно, я русский", – отвечаю я сам себе и чувствую, что не искренен. На чем основываю я этот ответ? Только на своих симпатиях и мечтаниях. Но, безумец, неужели ты не видишь, что на всю твою горячую любовь тебе отвечают самым обидным и холодным презрением? Нас везде чуждаются, отовсюду выталкивают; нас признают не членами государственной семьи, а чуждым, пришлым элементом...»

Погромы отрезвили многих. Померкли прежние идеалы. Появилось общее презрительное отношение к ассимиляторам, и даже их вчерашние вожаки, которые «мчались на всех парах» к «слиянию» с русским народом, говорили теперь о том, что «надо оставаться евреем». Писатель Л. Левanda – в прошлом пламенный сторонник русификации поляков, литовцев и евреев в Западном крае – вопрошал в растерянности: «Что же делать, когда те, с которыми мы хотели слиться, отбиваются от нас руками и ногами – руками, вооруженными ломами, и ногами, обутыми в сапоги с железными

подковами?..» Но после погрома в Балте Леванда заговорил о неизбежности исхода и возрождения еврейской нации: «Теперь я знаю уже доподлинно, где я, что я, с кем и при чем я... Если жить, так жить по всем правилам мыслящего существа, а не прозябать, как былинка, которую каждый прохожий волен топтать ногами». А поэт И. Л. Гордон, в прошлом – певец «слияния», призывал теперь к уходу из России: «Встань, сестра, пойдем туда, где свет свободы сияет над всеми... Там не будет грабить тебя негодяй, там не будут над тобой издеваться, Рухама, сестра моя!»

Уже не верили в успех просвещения, которое могло бы привести к торжеству братства народов, и с горечью отмечали равнодушие русского общества во времена погромов. Еврейская интеллигенция растерялась и не знала, что теперь делать и куда идти: «открыто объявить себя ренегатом или же принять на себя долю в страданиях народа». Заговорили об эмиграции – «единственном исходе из теперешнего тягостного положения». Заспорили о том, куда ехать: в Америку или в Палестину, и первые тысячи беженцев отправились в путь в 1881 году. «Что делать? – писали в еврейской газете. – Бежать под дикие крики: бей его? Целыми массами выселяться из России? Бросить небо, под которым родились, землю, где похоронены не менее нас пострадавшие наши предки?.. Да кто имеет право предлагать нам это?»

Это была катастрофа для ассимилированного еврея. Это была трагедия. Рухнули иллюзии. Разрушились нравственные опоры, которые позволяли осмысленно жить и трудиться. Подступали иные времена, времена брожений, переосмысления прошлого, новых идей и идеалов, – но это не происходит быстро и не проходит безболезненно.

В 1882 году некая М.К. опубликовала в еврейской газете отрывок из письма И. Аксакова, написанного ее отцу в 1849 году: «Кланяйтесь, мой дорогой К., моим евреям, собратиям вашим; я все сделаю, что от меня будет зависеть, чтобы облегчить участь их». М.К. писала: «Что же это такое сталось с нашим отечеством? Что сталось с вами, Иван Сергеевич? Что это за общее умопомрачение и недоразумение? Виною и причиною всех бедствий народных оказался вдруг тот самый бесправный, загнанный и злосчастный еврей, который из-за заколдованной черты своей якобы в силах влиять на судьбу восьмидесятимиллионного населения! Да ведь это просто несовместимо ни с правдою, ни со здравым смыслом!..»

В шестидесятых годах девятнадцатого века либеральные веяния были сильны в русском обществе и совпадали с намерениями Александра II провести оздоровительные реформы. В последующие

двадцать лет возрастало внедрение евреев в русское общество; русско-турецкая война усилила славянофильские настроения среди христианского населения; на смену гуманизму прежних либеральных времен пришли неприязнь и отталкивание нежелательных пришельцев – да и намерения нового царя были уже иными. Герой романа писателя П. Боборыкина восклицал – в ответ на антисемитские высказывания собеседников: «Двадцать лет назад тот же чинуша, а еще более тот же доцент, не посмел бы, слышите, не посмел бы... говорить в таком тоне. Ему совестно было бы... Он знал, что тогда ему бы не дали продолжать».

Подошло время, когда общество позволило себе открыто проповедовать юдофобию; не означало ли это, что нравственный климат изменился и недозволенное прежде стало дозволенным теперь? Русский националист, редактор «Московских ведомостей» М. Катков отметил в 1882 году: «Ровно ничего не случилось в еврейском мире. Что было назад тому сто лет, пятьдесят лет, двадцать лет, год, то и теперь. Но вот послышался чей-то свист, кто-то крикнул: бей евреев! и ни с того ни с сего вдруг возник еврейский вопрос, и все, кто во что горазд, напустились на евреев». Прошло еще несколько лет, и о том же написал русский публицист Н. Шелгунов: «Что же такое случилось? Или евреи в эти двадцать пять лет дали какой-нибудь особенный повод, чтобы против них потребовалось снова возводить костры? Что-то действительно случилось, но только не с евреями».

Ко дню коронации Александра III правление еврейской общины Петербурга решило: «Отслужить молебен во всех молитвенных домах. Улучшить в этот день и в следующие за ним два дня пищу для воспитанников сиротского дома, бедных учащихся, больных евреев по больницам и еврейских арестантов. Отпускать даровой праздничный обед постоянным посетителям народной столовой. Иллюминовать все молитвенные дома, а здание временной синагоги декорировать бюстами Высочайших Особ с приличною этому случаю надписью. Поднести хлеб-соль Их Величествам по благополучном возвращении Их в С.-Петербург, о чем войти с ходатайством куда следует».

Из Балты сообщили: ко дню коронации «весь город разукрасился флагами, а вечером был прекрасно иллюминирован. На многих еврейских домах красовались недурные царские вензеля... и громадные надписи “Веселись, Россия!” Даже убогие, полуразвалившиеся

хижины бедняков-евреев были украшены разноцветными фонарями и вензелями. В оба дня ни один еврейский магазин, ни одна лавочка не открывались, и евреи в праздничном платье гуляли по городу, любуясь необычным видом его. Настроение жителей-христиан было самое миролюбивое. Порядок ничем не был нарушен; но вдруг, ко всеобщему удивлению, полицмейстер громко крикнул на всю площадь: "Отделиться жидам от русского народа!" – и отдал приказание приставу "прогнать с площади всех жидов"... На другой день евреи опять собрались на площади вместе с христианами. Эта дерзость евреев крайне рассердила полицмейстера, и он стал громогласно ругать евреев крепкими словами, а потом приказал пожарным выехать на площадь с насосами и "вспрыснуть жидов". Пожарные быстро прискакали, как будто на пожар, и при всеобщем хохоте публики стали поливать из рукавов пожарных инструментов толпу евреев, состоявшую наполовину из женщин и детей... Развеселившиеся «коренные» жители, в угоду начальству, громко тешились над евреями, и некоторые стали уже бросать в них камнями, но увещания более благоразумных: "не трожь, сегодня царский праздник: наш царь и их царь!" – спасли на этот раз евреев от погрома».

В смятении и сумятице тех лет нашлись одиночки, которые видели спасение евреев в коренном реформировании иудаизма. В 1880 году в Елисаветграде образовалась небольшая еврейская секта «Духовно-библейское братство». Ее основатель Я. Гордин призывал упразднить еврейские обряды и предписания Талмуда для устранения религиозной обособленности, предлагал евреям зарабатывать на жизнь только физическим трудом, выступал перед членами секты с проповедями на тему «Чем должны заниматься евреи, чтобы русский народ изменил к ним свое отношение». «Духовно-библейское братство» было малочисленным и просуществовало с перерывами десять лет; затем правительство решило его закрыть, и Гордин уехал в Нью-Йорк. Там он отказался от прежних своих взглядов и написал около ста пьес на языке идиш, которые с успехом шли в театрах многих стран.

В 1882 году в Одессе появилась секта христианствующих под названием «Новый Израиль». Ее участники признавали лишь Пятикнижие и «глубоко презирали» толкования Талмуда; они отменили обрезание, законы о пище и многие еврейские молитвы; днем отдыха признавали воскресенье взамен субботы; русский язык объявили «родным» и обязательным в обиходе; в течение первого года существования секты обещали называть каждого

новорожденного «Александром и Александрою, по имени Августейшего Монарха». Члены секты рассчитывали получить от правительства гражданское равноправие, разрешение вступать в брак с христианами, а также «дозволение носить внешний отличительный значок», чтобы их не перепутали с «евреями-талмудистами». Сначала власти одобрили появление новой секты в надежде на ее миссионерскую деятельность, но еврейское население не желало признавать «Новый Израиль», и секта лишилась поддержки правительства. В 1884 году в Кишиневе появилась «Община новозаветных израильтян». В ней было одиннадцать человек, и эта секта вскоре распалась, не сумев привлечь к себе ни одного нового последователя. Философ Вл. Соловьев писал: невозможно «ожидать, что евреи массами и по искреннему убеждению будут обращаться в христианство как в религию любви под шум еврейских погромов и под «христианские» крики: "Смерть жидам! Бей жидов!"»

Во время подготовки «Временных правил» ходили слухи о том, что министр внутренних дел Н. Игнатьев готов «за крупную сумму направить еврейский вопрос в более благоприятное русло». Юрист Г. Слиозберг вспоминал: «Я знаю от барона Г. Гинцбурга, что во время одного из свиданий с ним... Игнатьев вдруг спросил: "Скажите, барон, верно ли, что вашему банкирскому дому переведена, для передачи мне, сумма в два миллиона рублей?" Барон Гинцбург был до того ошеломлен этим вопросом, что, как он сам говорил, его охватило сильное волнение и, не решаясь пойти по пути, подсказанному Игнатьевым, он, конечно, ответил отрицательно...» Через несколько дней после этого проект «Временных правил» был представлен в Комитет министров.

Граф Н. Игнатьев владел крупными поместьями на юге России, и через несколько лет после принятия «Временных правил» некий исправник обнаружил, что в имении бывшего министра внутренних дел живут вопреки закону евреи-арендаторы, которые управляют этим имением на основании фиктивного соглашения на чье-то имя. Исправник доложил об этом генерал-губернатору А. Игнатьеву, брату нарушителя закона, и на его докладе генерал-губернатор пометил в категорической форме: «В имении моего брата не может быть евреев».

После введения «Временных правил» возникла непредвиденная проблема: на старых еврейских кладбищах не хватало мест для

новых захоронений; покупать земли для кладбищ вне переполненных местечек евреи уже не имели права, и им приходилось возить покойников за сорок–пятьдесят верст для последнего упокоения. Сенат разрешил в виде исключения приобретать в деревнях земли для кладбищ, и в еврейском журнале прокомментировали это таким образом: «Возникает новый головоломный вопрос: как быть с кладбищенским сторожем, который не может быть из покойников. Ему полагается быть живым и евреем. Разрешат ему проживать в кладбищенской сторожке или нет?»

Из еврейских газет и журналов за 1882 год:

«В местечке Гоцулово, Тираспольского уезда, мужики перепились на Страстной неделе, грабили евреев и жгли их имущество, а одна баба говорила: "Я думала, что вже на праздники останусь без масличка для Бога (лампадное масло), аж Бог и послал мне целый штоф; грабили одну лавку, и мне достался штоф масла, аккурат хватило для Бога на целую неделю!.."»

«Кроме крестьян и мещан грабили и полуинтеллигентные люди: они оставляли в магазинах свои старые шляпы, сапоги, зонтики и взамен них брали новые... В одной еврейской лавке после погрома оказалось тридцать пар старых сапог – это толпа сбросила, надев новые сапоги... Погромщики разгуливали по улицам в напяленных на себя женских платьях разного цвета, в черных сюртуках поверх собственной одежды или в двух-трех костюмах – один на другом...»

«На другой день после погрома... получена была телеграмма, извещавшая, что в местечко едет генерал-губернатор. Немедленно собрали около тридцати рабочих, которые и принялись приводить все в порядок. Через несколько часов от погрома не осталось наружного следа: пух, обломки были убраны, улицы чистенько выметены, окна вставлены и т. д. Словом, местечко, как бы по мановению волшебного жезла, не только приняло свою прежнюю физиономию, но даже получило какой-то веселый, праздничный вид...»

«Из Елисаветграда сообщают: "В двух волостях, около Новой Праги, крестьяне постановили: высечь всякого из своих собратьев, кто примет участие в беспорядках против евреев..."»

«Недавно один крестьянин спросил пренаивно: "Чи правда, шо уже есть указ, шоб и нимцев быты?.."»

Очерк двадцать девятый

Эмиграция российских евреев. Начало палестинофильского движения. Лев Пинскер и его «Автоэмансипация». Билуйцы

1

Евреи начали уходить из Российской империи в шестидесятых годах девятнадцатого века. Сначала это были одиночки – участники неудачного польского восстания 1863 года: они уходили из Царства Польского, чтобы не попасть в Сибирь, на поселение или на каторгу. Затем стали уходить литовские и белорусские евреи в голодный, неурожайный 1869 год, и в пограничных районах неожиданно появились толпы нищих с котомками за плечами, которые шли на запад в поисках хлеба. Уже тогда в американском журнале призвали российских евреев немедленно переехать в Америку, но ассимилированная еврейская интеллигенция еще верила в скорое равноправие и потому надеялась, что евреям позволят поселиться во внутренних губерниях России: «Там их ожидает несравненно лучшая будущность, чем во всей Европе и даже в Америке, так как всякий русский еврей скорее может сделаться истинно русским, чем немцем, французом или англичанином».

Затем подошел 1881 год, переломный год в истории российских евреев. Погромы того времени непосредственно коснулись лишь малой части еврейского населения Российской империи. Грабили и разоряли не всех и не везде, но страх пришел ко всем, страх и опасения за собствен-

ную жизнь, за жизнь своих близких. Пугали не только угрозы соседей и статьи в газетах, пугали и новые ограничительные меры, которые вырабатывало правительство. В черте оседлости неожиданно появились еврейские семьи, высланные из внутренних губерний за незаконное там проживание; разоренные и растерянные, они возвращались в места своей приписки, где отсутствовали уже десятки лет. В переполненных городах и местечках не было у них жилья, не было для них работы, а потому они оказались первыми, кто решил уйти из России. За ними последовали и другие, самые решительные, самые энергичные, и пошли прочь – в поисках более сытой и спокойной жизни. «Масса одно только ясно сознавала, – писали в газете, – что ей худо, очень худо, что ее средства к жизни окончательно истощились. Она готова была идти хотя бы на край света, хотя бы в пустыню Сахару, лишь бы ей дали достаточный, обеспеченный кусок хлеба, дали ей кров, где бы она могла укрыться от напастей. Ей жить хотелось – вот что!»

Поначалу это было стихийное бегство – через европейские страны в Америку. Никто их не организовывал, никто ими не руководил: поодиночке и группами они бросали те места, где жили их предки сотни лет, и толпами переходили границу. Из Одессы сообщали: «Составляются небольшие группы лиц разных профессий для переселения из России, где исчезла безопасность. Группы разрастаются... Доверяются всякому проходимцу. Какой-то темный писец объявил, что он за полтинник вносит в списки каждого желающего ехать в Америку, – и несколько дней и ночей подряд его квартиру осаждали сотни людей, спешивших уплатить свой взнос, чтобы попасть в заветный американский список».

В «Новом времени» написали с издевкой: «Никуда евреи не поедут, слишком жирно им живется здесь на месте». Однако к лету 1881 года в пограничном городе Броды, в австрийской Галиции, скопились тысячи переселенцев, у которых не было денег не только на дорогу, но даже на еду. Они утешали себя слухами, что парижский «Альянс» – Всемирный еврейский союз, созданный для защиты интересов евреев, помогает беженцам переселяться в Америку, а уж там знаменитый Моше Монтефиоре каждому из них предоставит полное обеспечение. Представители «Альянса» приехали в Броды и увидели ужасающую картину: нищие, отчаявшиеся люди с голодными детьми на руках толпами бродили по улицам города и просили подаяние. Прежде всего их следовало накормить, дать место для ночлега, подготовить необходимые документы, а затем представители «Альянса» стали отправлять эмигрантов за океан. В 1881 году из России в США переехало около восьми тысяч евреев, но это было только начало.

Эмиграция становилась массовой, однако это поняли далеко не все, и не все разглядели новую ситуацию, сложившуюся в стране. В ежене-

дельнике «Русский еврей» предостерегали, что разговоры об эмиграции вредят главной цели – борьбе за равноправие евреев: нужны только время и терпение, и окружающие поймут в конце концов, что и «мы имеем право на все человеческое». Евреи должны оставаться в России, писали в еженедельнике «Рассвет»: «Ибо Россия – их отечество, земля русская – и их земля, небо России – и их небо, еврейский вопрос – это русский вопрос». Но погромы на юге России продолжались, власти на местах им попустительствовали, русская интеллигенция не вмешивалась, – все это создавало атмосферу тревоги и растерянности и подталкивало к пересмотру прежних взглядов. Даже противники эмиграции теперь возглашали: «Ладно, мы в России лишь квартиранты. Но мы должны объяснить, что невозможно сразу, внезапно оставить квартиру. Пусть установят срок: пятьдесят – семьдесят пять лет».

В городах и местечках черты оседлости появились всевозможные кружки под разными названиями, и в каждом из них спорили на одну и ту же тему – куда ехать: «Одни кричали «в Америку», другие кричали «в Палестину», третьи – «в Алжир», четвертые звали в Капскую землю, пятые – в Австралию, шестые – на необитаемый остров... Почти каждый кружок находил своих последователей, каждая теория – своих приверженцев». Тон задавала молодежь, те самые ассимилированные интеллигенты, которые неожиданно для самих себя «вновь обрели» свой народ. Они спорили о путях эмиграции – «на берега Миссисипи или на берега Иордана», но все сходились в одном: на новом месте – в Америке или в Палестине – еврея необходимо привлечь к земледельческому труду, чтобы у него появилась привязанность к земле. Так возникла идея еврейских сельскохозяйственных поселений, и в минском кружке «Собирание рассеянного Израиля» провозгласили: «Только трудясь на земле, сможет народ укорениться на ней... только так сумеет он омолодиться, набрать силу!»

2

В апреле 1882 года, после балтского погрома, собрались в Петербурге представители еврейских общин страны и стали обсуждать злободневную тему: провозгласить общий исход из России или продолжить борьбу за равноправие. Мнения разделились. Один делегат заявлял категорически: «Или человеческие права, или мы пойдем куда глаза глядят!» Другой предостерегал: если станет известно о всеобщем исходе, толпа тут же разграбит еврейское имущество. Третий восклицал с надеждой: «Не все в России пропало для евреев... Добровольно мы никогда не уйдем!» Четвертый – представитель могилевской общины, описы-

вая печальное положение еврейского населения, так разволновался, что упал без сознания и в тот же день умер.

Правительство предложило участникам встречи обсудить вопрос, каким образом «разредить еврейское население в черте его оседлости, имея в виду, что во внутренние губернии России евреи допущены не будут». Власти подталкивали к выезду из страны, но делегаты опасались поддержать эмиграцию, чтобы их не обвинили в недостатке патриотизма. «Железнодорожный король» С. Поляков встретился с министром внутренних дел Н. Игнатьевым и заявил ему, что поощрение эмиграции «является как бы подстрекательством к бунту, ибо для русских граждан эмиграции не существует». В ответ на это Игнатьев разъяснил, что для евреев можно выделить дополнительное место лишь в незаселенных частях Средней Азии, например во вновь завоеванном оазисе Ахал-Теке: «Евреи развили бы в Азии торговлю и промышленность и могли бы служить противовесом Англии». (У Игнатьева были и иные виды на еврейское население: «Евреи от нас не уйдут, – говорил он. – Вот и выселившиеся в Палестину и Америку распевают, как говорят, "Вниз по матушке по Волге". В Палестине евреи сослужат нам еще бо̀льшую службу, помогут добыть ключи от гроба Господня».)

Съезд еврейских представителей «с негодованием» отверг идею эмиграции «как противоречащую достоинству русского государства» и попросил отменить ограничительные законы. «Сливки еврейского гетто – гранды, обладатели чинов, коммерсанты, адвокаты и врачи... – вспоминал участник съезда М. Мандельштам, – составили и представили всем министрам меморандумы, длинные, трогательные, душераздирающие и насквозь пропитанные патриотизмом... Они изобразили с фотографической точностью все неслыханное бесправие, все ужасы, жертвой которых сделался еврейский народ, и не сомневались, что их описание... побудит наконец расширить права евреев». В ответ на это буквально через неделю Александр III подписал «Временные правила», которые еще более ухудшили положение.

Когда в черте оседлости узнали о решении съезда, сотни возмущенных писем пришли в Петербург из городов и местечек: «Эмиграция – это единственный исход из теперешнего тягостного положения... Устраивайте комитеты, покажите дорогу, куда идти... Народ готов работать, хочет работать и будет работать... Если не теперь, то когда же?» Многие уже понимали, что пришла пора уходить из России, и во время споров самые нетерпеливые говорили: «У людей петля на шее, а мы задаемся вопросом: куда? Да не все ли равно, куда? В Палестину, в Испанию или в Америку...» Другие им возражали: в Америке «евреи будут обеспечены, но будет ли обеспечено еврейство?» Третьи считали, что можно «образовать два национальных очага» – один в Палестине, а другой в

Америке, где они создадут отдельный «еврейский штат». Четвертые опасались, что в Америке евреи «бросятся на ложный путь ассимиляции» и снова вызовут погромы и вспышки антисемитизма. Встречались и такие, что призывали успокоиться и никуда не ехать: «юдофобам только и нужно, чтобы евреи бежали с поля битвы», а для духовного самоусовершенствования предлагали заняться еврейским языком и литературой.

Но пока в кружках спорили о путях эмиграции, многие уже поднимались со своих мест, и к лету 1882 года в Бродах, на границе с Россией, скопилось двенадцать тысяч беженцев. Некая дама из благотворительного комитета Вены, побывав в доме-приюте для беженцев, рассказывала: «На мокром глинистом полу, куда ни кинешь взор, лежат сотни несчастных в испачканных лохмотьях, с оцепенелыми чертами лица, представляя собой такую картину ужаса и горя, которая не поддается никакому описанию... "Где твоя мать?" – спросила я одиннадцатилетнего мальчика. Окружающие объяснили мне, что мать его восемь дней тому назад умерла по пути в Броды. "И моя мать! И моя!.." – послышалось с разных сторон...»

Беженцам помогала местная община, помогали и представители еврейских организаций разных стран: кормили и устраивали на ночлег, давали одежду и проверяли их физическое состояние, а затем отправляли партиями в Америку. Один из беженцев вспоминал: «Пароход был "товарный" и годился более для перевозки скота, чем людей. Вся масса эмигрантов должна была расположиться в грязном, темном и вонючем трюме на двухэтажных нарах... покрытых тоненьким соломенным матрацем... Раздаваемый хлеб был негоден для пищи. Мясо и варево были не кашерные, и евреи не могли это есть... Недостаток свежего воздуха, духота, вонь от рвоты, стон женщин и крики детей были ужасны. Пароход бросало как щепку... мужчины облеклись в свои талесы и выкрикивали псалмы, а женщины проклинали Америку, своих мужей и весь мир. "Гевалд-караул! Бегите к капитану и скажите ему, чтобы он пристал к берегу!" – кричала одна. "Газлен-разбойник! Для чего ты меня вывез из России? Чтобы утопить в яме?" – вопила другая... Страдания эмигрантов были ужасные, но всему бывает конец, и на девятнадцатый день мы увидели берега нашего нового отечества».

В мае 1882 года уехали за океан около четырех тысяч российских евреев, и среди них оказалось 456 земледельцев, 285 чернорабочих, 75 папиросников, 51 крошитель табака, 56 слесарей, 51 сапожник, 73 портных, 27 бухгалтеров и приказчиков, 77 студентов и учителей. Бывали дни, когда специальные поезда увозили из Брод по пятьсот и более человек, но поток бежецев из России не ослабевал. «Голод гнал их, – свидетельствовал очевидец, – гнал деспотически, безостановочно, неудер-

жимо». А в газете «Русь» отметили с удовлетворением: «Евреи сами нашли настоящий путь к разрешению еврейского вопроса в России: они выселяются».

Тысячи поднимались со своих мест и уходили в Америку. Десятки начали прокладывать путь в Палестину.

3

Это было время, которое не позволяло отсидеться в стороне, в тиши и довольстве: события тех лет коснулись каждого. Это было время, которое предоставило на выбор ассимилированному еврею: уйти окончательно из своего народа или разделить с ним страдания. Тут же появились теоретики, которые стали доказывать, что евреи дали миру все, на что были способны, теперь они «не имеют будущности и права на существование», а потому незачем оставаться «отрезанным ломтем» в среде прочих народов, требовать уважения к своим особенностям, переносить из-за этих особенностей унижения и оскорбления. «Давайте разольемся в широком океане человечества, – призывали в варшавской еврейской газете, – каждый в том народе, в котором судьба назначила ему родиться и жить, и... поплывем общей волной к целям, поставленным Провидением всему роду человеческому». Это был призыв покинуть свой народ, окончательно и бесповоротно, и кое-кто избрал такой путь – через крещение. Но другие – и их было немало среди «кающихся» ассимилированных евреев – провозгласили свою принадлежность к народу и к его страданиям, связали свою судьбу с национальным возрождением.

«Горе тому побежденному народу, – писал Л. Леванда, – который в видах самосохранения принимает на себя роль пресмыкающегося! Расчеты его никогда не оправдываются: вместо того, чтобы своим уничижением возбуждать в победителе сострадание, он возбуждает в нем только омерзение, гадливость, и участь его делается сугубо горькой. И мне кажется, что главная наша беда состоит не в том, что мы находимся под гнетом, а в том, что мы под этим гнетом изображаем из себя пресмыкающихся... Перед кем мы только не пасуем? К кому мы не примыкаем? Чью только культурную маску мы не напяливаем на себя?..» В этих словах был не только укор ассимилированному еврею, но и скрытый призыв к действию, к поискам своего места на земле, к жизни достойной и независимой, – в сущности, это были принципы того, что получило название «палестинофильское движение».

Название «Палестина» – давнего происхождения, ему более двух тысяч лет. На побережье Средиземного моря, в районе городов Газа и Ашкелон, жили некогда воинственные филистимляне, которые пришли

«из-за моря» и часто воевали с евреями. На языке иврит филистимляне назывались «плиштим», место их поселения – «Плешет», а название «Плешет» превратилось в «Палестину». Так именовали поначалу узкую прибрежную полосу Средиземного моря – Палестина, а территории к востоку, удаленные от моря, имели другое название – Иудея. Впоследствии римляне распространили название Палестина и на внутренние территории, а после того, как христианство стало господствующей религией, название Палестина вошло во все европейские языки. Однако евреи никогда не пользовались этим наименованием: самым распространенным во все времена было и остается одно только название этой земли – Эрец Исраэль, что означает буквально Земля Израиля, Страна Израиля. На этой земле жили еврейские пророки и цари, здесь существовало независимое еврейское государство, отсюда евреев изгоняли разные завоеватели – но рассеянный по миру народ никогда не утрачивал связи с родиной. Это было лишь временное отсутствие на своей земле, затянувшееся на тысячелетия. В жизни многих поколений рассеяния никакого значения не имело реальное положение дел в Эрец Исраэль, потому что основное оставалось нерушимым в их вере: Всевышний даровал эту землю праотцу Аврааму и его потомству в вечное владение. Завоеватели приходят и уходят, а союз Всевышнего с народом Израиля остается нерушимым навечно. Придет день, верили они, появится избавитель Мессия-Машиах, и рассеянный по миру народ вернется на свою родину «с четырех концов земли».

Эта вера и неистребимая надежда поражали многих иноверцев, среди которых евреям приходилось жить, заставляли их задумываться над миссией этого народа, который прошел через века рассеяния и гонений, но сохранил себя и верность Богу. Христианский теолог писал в середине девятнадцатого века: «Христиане, завоевав Святую Землю, не сумели удержать ее. При них она стала ареной военных действий. Османы превратили ее в пустыню. Ветер пустыни принес арабов, которые ничего в ней не создали... Ни одному народу Небо не позволило укорениться в ней. Господь хранит ее для Своего народа – Израиля».

Во все века, при любых правителях жили евреи на Земле Израиля – непрерывно, в долгой цепочке поколений. Жизнь была трудной, нищета – невообразимой: среди евреев Иерусалима нужда бывала так велика, что человек, находивший себе пропитание в течение года, считался богачом. Большинство жило за счет пожертвований, которые присылали евреи из других стран, но денег постоянно не хватало, и жители Цфата, измученные голодом, унижениями и болезнями, читали в синагогах особую молитву: «Великие грехи наши да не доведут нас до того, чтобы из-за куска хлеба мы оставили возлюбленную Землю». Такое упрямство поражало христианских паломников, и в своих записях они постоян-

но это отмечали: «Проклятая нация, пребывающая в самом постыдном и жестоком закабалении... счастлива своим счастьем – жить в Иерусалиме... На своей земле они живут в положении изгоев и держатся за нее с непобедимым терпением». Не было такого периода, чтобы Земля Израиля оставалась без евреев, и во все времена одни из них жили на ней и ждали возвращения других, а другие жили в изгнании и надеялись на возвращение.

Три раза в день евреи во всем мире молились и молятся в сторону Иерусалима, оплакивая разрушенный Храм, читали и читают в ежедневной молитве: «И да увидят наши глаза возвращение Твое в Сион по великой милости Твоей!» Когда белили стены комнат в доме, часть стены оставляли непобеленной – в память о разрушении Храма; когда женили и женят молодых, жених под хупой – свадебным балдахином – разбивает стакан, чтобы и в минуты радости не забывать об Иерусалиме, откуда изгнали евреев, и о разрушенном Храме. Каждый год евреи повторяли и повторяют: «В будущем году в Иерусалиме!» – и это надежда не только на перемещение в пространстве, но и на возрождение былой славы, мощи и великолепия Еврейского царства. На иврите не говорят и не пишут – «идти в Иерусалим», но непременно – «подниматься в Иерусалим». Приход в Иерусалим, в Землю Израиля – это «восхождение», на иврите «алия», а потому и вновь прибывший называется «оле», «восходящий». Уход из Иерусалима, уход из Земли Израиля – это «спуск», на иврите «иерида».

Связь евреев рассеяния с Землей Израиля не прекращалась в течение всей «ночи изгнания». Говорил один из мудрецов: «И должен каждый из народа Израиля любить Землю Израиля и прийти к ней с конца земли... как сын идет к матери... ведь только на ней мы называемся единым народом». В разных странах мира евреи бросали дома и имущество, навсегда покидали близких и друзей и наперекор, казалось, здравому смыслу «восходили» на Землю Израиля. В тринадцатом веке приехал из Испании раввин Моше бен Нахман (Рамбан) и написал из Иерусалима: «Я человек, испытавший много горя. Я оставил семью, бросил мой дом... Но утрата всего этого и других благ, к которым я привык, вознаграждается временным пребыванием во вратах Иерусалима, посещением развалин Храма и оплакиванием опустошенного святилища... Я плакал горько, но я нашел утешение в моих слезах; я разорвал мои одежды, но я почувствовал облегчение».

Все помыслы были обращены к этой Земле, все мечты и надежды – в любом еврейском поселении и в любой семье. В феврале, в студеные морозы, российские евреи праздновали «Ту би-шват», пятнадцатый день месяца шват по еврейскому календарю – «Новый год деревьев»: в Иудейских горах в это время начинает цвести миндаль. Российским евреям

не разрешали приобретать землю и становиться земледельцами, но они знали из Талмуда правила возделывания земель в Иудее и в Галилее. «Как-то один еврей принес нам финик – о чудо! – писал в одном из рассказов Менделе Мойхер Сфорим. – Все местечко – взрослые и дети – сбежались поглядеть на него. И они взяли Библию и стали указывать пальцем на этот финик, настоящий финик, о котором говорится в Священном Писании! Подумайте только, этот финик из Страны Израилевой! Это сама страна наша! Это Иордан и могила праматери Рахели, а вот и Стена Плача... Мы идем вверх по Масличной горе и едим вдоволь рожки и финики, мы набиваем наши карманы песком Святой Земли! О-о-о! – вздыхали евреи, и горячие слезы катились из их глаз».

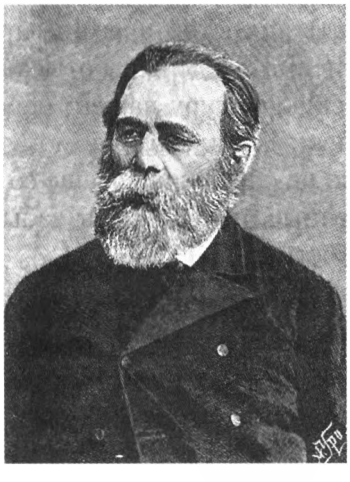
Даже молитвы о ниспослании дождя или росы евреи во всем мире произносили и произносят в связи с природными условиями Земли Израиля, а не места своего проживания. Во время суровой зимы российские евреи просили у Бога дождя, потому что в Земле Израиля в это время сезон дождей, а летом они вымаливали ниспослать им росу. Очевидец рассказывал, как поздней осенью маленький мальчик спросил своего отца в минской синагоге: «Папа, а зачем ты просишь у Бога, чтобы пошел дождь? Ведь на улице и без того льет как из ведра». И отец ответил: «Это не наш дождь, сынок».

4

Палестинофильское движение возникло в России в 1881 году. Осенью того года, после первой волны погромов, одесский писатель Моше Лилиенблюм опубликовал в еженедельнике «Рассвет» свою нашумевшую статью «Общееврейский вопрос и Палестина». Тезисы его были просты и доходчивы: евреи – инородный элемент во всех странах рассеяния и в массе своей не сливаются с коренным населением; их терпят до тех пор, пока это выгодно народу-хозяину, а при малейшей конкуренции стремятся от них избавиться – «в этом и лежит корень всех их страданий». В прежние века евреев преследовали по религиозным мотивам, а в новейшие времена стали преследовать по мотивам экономическим и национальным, и эта «глава нашей истории будет иметь еще немало кровавых страниц», вплоть до физического уничтожения. М. Лилиенблюм выдвинул общенациональную задачу – использовать исход из России для освоения Палестины, направить туда хотя бы часть беженцев, чтобы со временем у народа-скитальца появился свой дом. Он сформулировал это предельно четко: «Мы должны стремиться к колонизации Палестины, к заселению ее евреями так, чтобы в течение одного века евреи могли почти окончательно оставить негостеприимную

Европу и переселиться в близкую к ней страну наших предков, на которую мы имеем историческое право».

Сразу же появились противники этой теории. Одни говорили, что Палестина – это заброшенная провинция с диким туземным населением и всякие попытки ее освоения обречены на провал. Другие обвиняли палестинофилов в неверии в просвещение и прогресс, которые неумолимо надвигаются; третьи называли их предателями европейской цивилизации; четвертые просто отмахивались от «фантазеров». Понадобились усилия многих, чтобы палестинофильское движение набрало силу, и огромную роль в этом деле сыграл одесский врач Лев Пинскер. Семнадцатого октября 1882 года в Берлине увидела свет его небольшая брошюра под названием «Автоэмансипация. Призыв русского еврея к соплеменникам». Пинскер писал: «Вековая проблема – так называемый "еврейский вопрос" – как и в былые годы, сильно волнует умы в наши дни... Евреи среди народов, с которыми они живут, фактически составляют чуждый элемент, который не может ассимилироваться ни с одной нацией, вследствие чего ни одной нацией не может быть терпим... Еврей вездесущ, но нигде не дома... Он является мертвецом – для живых, чужим – для коренных жителей, скитальцем – среди оседлых, нищим – среди имущих, эксплуататором и миллионером – для бедняков, для патриотов – существом, лишенным отечества, и для всех классов – ненавистным конкурентом». И далее: «Когда нас унижают, грабят, разоряют, оскорбляют, мы не осмеливаемся защищаться и – что еще хуже – находим это в порядке вещей. Нас бьют по лицу – мы охлаждаем пылающую щеку холодной водой; нам наносят кровавые раны – мы накладываем бинты; нас выбрасывают из дома, который мы сами для себя построили, – мы смиренно просим о милости; а не удается смягчить сердца наших притеснителей – мы удаляемся и ищем другого убежища... Какую жалкую фигуру мы изображаем из себя!.. Какая унизительная роль для народа, некогда имевшего своих Макавеев!»

Л. Пинскер

Судьба Льва Пинскера типична для многих ассимилированных евреев того времени. Кандидат прав, учитель русского языка в еврейском училище, студент медицинского факультета Московского университета, доброволец в холерном бараке во время эпидемии, врач русского военного госпиталя в Крымскую войну, заслуживший орден, пылкий сторонник просвещения евреев и приобщения их к русской культуре, – в течение долгих лет своей активной жизни он и не предполагал, что на исходе дней напишет такие горькие слова: «Евреи апеллируют к вечной справедливости, воображая, что добьются чего-нибудь таким путем... Вы поистине глупый и презренный народ! Вы глупы, потому что беспомощно стоите и ожидаете от человеческой природы того, чего в ней никогда не было, – гуманности. Вы презренны, потому что у вас нет самолюбия и нет национального самосознания».

Погромы начала восьмидесятых годов произвели на Пинскера ошеломляющее впечатление, и в этом его судьба оказалась схожей с еврейскими судьбами «поколения надлома». Он больше не верил в идею «слияния» и определял юдофобию как неизлечимое и наследственное душевное заболевание народов. Этот народный психоз – «разновидность боязни привидений» – порождает мистический «страх перед призраком еврейства», обособленного, чужеродного, неприкаянно бродящего по свету, – а страх, в свою очередь, порождает скрытую и явную ненависть. Пинскер утверждал в своей брошюре: «Еврейство и ненависть к еврейству проходят рука об руку в течение столетий через историю... Надо быть слепым, чтобы не видеть, что евреи – "избранный народ" для всеобщей ненависти. Пусть народы расходятся в своих стремлениях и инстинктах – в своей ненависти к евреям они протягивают друг другу руки; в этом единственном пункте они все согласны...»

Брошюра «Автоэмансипация» создала Пинскеру громкое имя. Так страстно и так вдохновенно на эту тему не писал еще никто. Врач из Одессы бросал в лицо своим единоверцам слова правды, от которых нельзя было отмахнуться или сделать вид, что ничего не произошло: «Беспристрастно, без предвзятого мнения мы должны отыскать во всемирном калейдоскопе трагикомическую фигуру нашего народа, который с искаженным лицом и с изувеченными членами помогает творить великую всемирную историю, далеко не справившись еще со своей маленькой народной историей... Лишенные отечества, мы забыли о нем. Не пора ли понять, как это для нас постыдно?»

Лев Пинскер поставил диагноз болезни и предложил методы ее лечения: гражданского и политического равноправия недостаточно, «чтобы возвысить евреев в уважении народов», ассимиляция тоже невозможна, – остается лишь «самопомощь», самоосвобождение (автоэмансипация, а не эмансипация, дарованная власть имущими), чтобы совместны-

ми усилиями создать единый национальный центр «на собственной территории», «достаточно обширное убежище, способное прокормить население, сборный пункт, который был бы нашей собственностью». Сначала Пинскер считал, что для этого годится любая подходящая территория в Америке, в «азиатской Турции», возможно, даже в Палестине, – но вскоре он перешел на сторону палестинофилов. Он писал в брошюре: «Пока мы не будем иметь, как другие нации, своей собственной родины, мы должны раз навсегда отказаться от благородной надежды сделаться равными со всеми людьми... В жизни народов, как и в жизни отдельных людей, бывают моменты особенной важности, которые не часто повторяются и которые имеют решительное влияние на их будущность. Мы переживаем теперь такой момент... "Теперь или никогда!" – да будет нашим лозунгом... Помогите себе сами, и Бог вам поможет!»

Впереди были десятилетия борьбы, разочарований, побед и поражений и огромные жертвы на путях приобретения «собственной родины». Надо было начинать – теперь, немедленно, и не случайно Лев Пинскер поставил эпиграфом к своей брошюре слова еврейского мудреца Гиллеля: «Если не я за себя, то кто за меня? И если не теперь, то когда же?»

5

После первой волны погромов российские евреи появились в Стамбуле, по пути в Палестину, – «почерневшие лица, исхудалые, с печатью страшной скорби»: не случайно эти погромы получили на иврите грозное название «суфот ба-негев» – «бури на юге». Требовались средства, чтобы перевезти беженцев на новые места, купить для них землю, поставить дома, снабдить инвентарем, научить работать на земле. Еврейские студенты в Москве предложили собрать с каждого российского еврея по двадцать пять копеек и выкупить Палестину у турок, но это были, конечно же, фантазии. Умудренные опытом поселенцы уже знали, что для становления каждого нового поселка «требуется много времени, изрядное терпение, да и немало денег».

Большинство раввинов отвергали палестинофильскую идею, потому что свято верили: лишь избавитель-Мессия освободит Иерусалим, соберет всех евреев на Святой Земле и установит там царство мира. Но были и в их среде исключения. После погромов 1881 года раввин Шмуэль Могилевер основал в Варшаве кружок «Бней Цион» – «Сыновья Сиона» – для заселения и освоения Эрец Исраэль. Следом за ним подобные кружки появились в Москве, Петербурге, Харькове, Белостоке, Кременчуге и в других городах. Сначала у них были разные названия: «Вечный жид», «Нива», «Эзра и Нехемия», «Сыны Завета», «Сионское братство»,

Раввин Ш. Могилевер

«Ревнители Сиона и Иерусалима», но впоследствии они объединились в общество «Хиббат Цион» – «Любовь к Сиону». Члены этих кружков получили название «Ховевей Цион», что означает «Любящие Сион», или «Друзья Сиона».

Основателями кружков чаще всего были еврейские студенты российских университетов. Еще недавно они увлекались русской историей и книгами русских писателей, а теперь с жадностью набросились на книги по еврейской истории. Они цитировали пророков и вдохновлялись образами библейских героев. Они призывали к «алие» – возвращению в Эрец Исраэль, чтобы работать и жить на своей земле, «каждый под своей виноградной лозой и каждый под своей смоковницей». Они вырабатывали конкретные программы действий и в Петербурге записали в уставе кружка: «Нет спасения еврейскому народу без создания своего собственного правительства в Палестине». В маленьком московском кружке гимназисты и студенты спорили о государственном строе будущего еврейского государства: «Некоторые склонялись к абсолютной монархии, другие к демократической республике, возглавляемой президентом, который будет переизбираться каждые семь лет, третьи ратовали за конституционную монархию. Мы проголосовали. Победу одержали сторонники республики. Мы, монархисты, остались в меньшинстве».

Мнений было много и много споров, но участники всех кружков сходились на единой цели: заселение и освоение Палестины, распространение языка иврит – национального языка народа и непременное занятие сельским хозяйством: «Землепашество, да еще на земле Израиля – что лучше могло содействовать возрождению народному?..» Работать на земле, работать своими руками – это провозглашалось национальным долгом, делом чести, ответом на обвинения недоброжелателей. «Нас обвиняют в том, что мы едим чужой хлеб, – говорилось в брошюре, опубликованной в Петербурге. – Мы не успокоимся до тех пор, пока не

наводним рынки хлебом, выращенным собственными руками, чтобы тот, кто упрекает нас, мог наесться им досыта». Так началось палестинофильское движение, и поэт Семен Фруг – «певец гонимого народа» – написал песню исхода: «И зорок глаз, и крепки ноги, и посох цел... Вперед – под звуки старой песни! Века грядущие зовут, И громы нам кричат: воскресни! И бури гимны нам поют!»

Тон задавали идеалисты, мечтатели, которые плохо представляли себе реальное положение дел на той земле, куда они устремлялись. В восьмидесятых годах девятнадцатого века Палестина была отдаленной и заброшенной провинцией Оттоманской империи. Через эту землю в течение веков прошло много завоевателей, которые грабили и разрушали все на своем пути, не задумываясь о том, что будет после них. Это привело к невероятному запустению страны: многие земли на севере превратились в болота, а на юге – в пески. «Святая Земля стала почти пустыней, – свидетельствовал немецкий путешественник. – Некогда плодородные долины поросли сорняком. Леса уничтожены. Сегодняшняя Палестина – это огромная мусорная свалка. Руина, угнетающая своей мощью». Жило в ней тогда триста–четыреста тысяч человек: точно никто не знал, потому что по стране кочевали бедуины в неизвестном количестве, да приходили арабы-переселенцы из других стран. Некоторые из них оседали на этих землях, но большинство не приживалось и шло дальше. Трансиордания – территория к востоку от реки Иордан – практически не была заселена, а к западу от Иордана редкое население жило в основном в горах. Яффа была крохотным городком, Хайфа – деревней.

К тому времени еврейское население страны насчитывало примерно двадцать пять тысяч человек, из них двенадцать тысяч жили в Иерусалиме, составляя половину населения Святого города. Четыре тысячи евреев было в Цфате, две с половиной тысячи – в Тверии, тысяча – в Яффе, восемьсот – в Хевроне, триста евреев – в Хайфе. Это были нищие ремесленники, мелкие торговцы, люди без профессий, учащиеся иешив, а также старики, которые приезжали умирать на Святую Землю. Жили евреи и в селах, особенно на севере, в Галилее: сеяли хлеб, разводили скот, держали пасеки, выращивали апельсины и лимоны. Промышленность в стране практически отсутствовала, торговля велась в небольших размерах, арабские земледельцы-феллахи примитивным способом обрабатывали свои поля. Жизнь была нестабильной и опасной: воинственные бедуины устраивали набеги на поселения и грабили всякого, кто им попадался. За проезд по дорогам старосты близлежащих деревень брали пошлину с путешественников, и размер этой пошлины зависел от настроения того, кто ее требовал. «Вообще этот кочующий народ, – писал христианский паломник об арабах, – управляется одними страстями,

а потому в обращении с чужеземцами они никогда не бывают одинаковы; сегодня встретите вы патриархальное гостеприимство, завтра же рискуете быть ограбленным, убитым...» Жаловаться было бесполезно: турецкая администрация ничем не могла помочь, да и не очень стремилась к этому. Чиновники жили в тиши и покое, вдали от высокого начальства, со всякого просителя получали взятку, и без этого не решалось ни одно дело. Турецкие солдаты должны были защищать население, но порой и они брали пошлины на дорогах, при въезде в города, потому что солдатам нерегулярно выплачивали жалованье и им надо было как-то кормиться.

Многие в России понимали, с какими трудностями столкнутся переселенцы, и противник палестинофильского движения предупреждал: «Всякая мысль колонизировать Палестину является народным преступлением. Любое бедное семейство, эмигрирующее туда, рискует умереть голодной смертью. Пустынная азиатская страна... находится в первобытном состоянии... Понадобятся миллионы, чтобы привести ее в сколько-нибудь европейский вид... Столкновение с арабами тоже не приведет ни к чему хорошему...»

В январе 1882 года в Харькове организовался небольшой кружок во главе с Израилем Белкиндом: его участники решили отправиться в Палестину, составить там кооперативные товарищества на социалистических принципах и подготовить место для тех, кто приедет следом за ними. Каждый из них обещал отработать три года в сельскохозяйственной коммуне, и в уставе кружка записали: их труд будет «не ради личного обогащения, а на благо народа». Свой кружок они назвали Билу, по первым буквам их девиза на иврите – из книги пророка Исайи: «Бейт Яаков, лху ве-нелха!» В переводе на русский язык это означает: «Дом Яакова, вставайте и пойдем!»

Представители харьковского кружка ездили по городам России для привлечения сторонников, и кружки билуйцев появились в разных концах страны. Всего набралось пятьсот двадцать пять человек: студенты, гимназисты, учителя, ремесленники, молодые люди без профессии. Были, конечно, сомнения, были колебания: не так просто расстаться с друзьями и близкими, уйти из университета, заняться сельским хозяйством в далекой стране. В марте 1882 года московский гимназист Х. Хисин записал в дневнике: «Отказаться от дальнейшего образования и в дикой стране приняться за плуг и заступ?.. Столько лет трудился, тянул лямку, я уже так сросся с мыслью о научной деятельности – и теперь, недалеко от цели, променять все это на тяжелый труд земледельца?!.. Все время во мне происходила сильная борьба, я был как в жару, пока решился. Но теперь я спокоен, я знаю, чего хочу».

Первыми из билуйцев приехали в Палестину Гилель Минц и Яаков Черток, а вслед за ними отправилась небольшая группа во главе с Бел-

киндом: тринадцать юношей и одна девушка. Двадцать четвертого июня 1882 года они приплыли на пароходе в Яффу и ступили на ту землю, которую собирались осваивать. Следом за ними, в августе того же года, приехали еще шесть человек. Х. Хисин записывал в день отплытия из Одессы на пароходе «Россия»: «Последние прощальные приветствия с берега – и... "Россия" на всех парах уносит меня из России... Грустно мне стало на сердце при воспоминании, что... тут я вырос, научился чувствовать и любить... Но ты оттолкнула меня, дорогая родина! На мои ласки ты отвечала холодной, беспощадной суровостью. Жестокий удел выпал нам на долю: вечно сеять и никогда не пожинать, вместо заслуженной благодарности получать одну брань и насмешки... Но полно предаваться горькому раздумью; довольно уже жить в людях, пора обзавестись своим собственным домом».

У билуйцев не было денег, чтобы купить землю и основать собственное поселение-коммуну, и поэтому они стали наемными рабочими в еврейской сельскохозяйственной школе возле Яффы. Это были молодые интеллигенты, которые отказались от карьеры, комфорта, обеспеченного положения, а взамен этого обрекли себя на тяжелый непривычный труд на жаре, по многу часов в день, в заброшенном и запущенном уголке мира. Хисин отметил в дневнике после первого дня работы в поле: «Я не имел никакого понятия, что нужно делать, для чего, где и как, но тем не менее стал усердно размахивать и ударять киркой вкривь и вкось, по всем направлениям. Через короткое время на руках вздулись пузыри, лопнули, кровь показалась, и стало так больно, что я принужден был выпустить кирку. Но скоро я устыдился своего малодушия: "И этак-то ты хочешь показать, что евреи способны к физическому труду? – заговорил во мне внутренний голос. – Неужели ты не выдержишь этого решительного испытания?" Скрепя сердце и не обращая внимания на пронзительную боль в руках, я опять схватил кирку, яростно работал часа два подряд и потом в изнеможении сел отдохнуть... Спина невыносима болела, руки были сильно изранены».

Так это началось: тяжелая работа, скудная еда, бытовые условия, к которым надо было приспособиться. «Положение наше становится все хуже, – писал Хисин. – Обуви ни у кого нет, одежда в самом жалком состоянии... мы кругом в долгах. Если бы не уверенность арабов-лавочников в нашем неимоверном богатстве, мы могли бы умереть с голоду». Вскоре несколько человек не выдержали и уехали обратно в Россию, еще трое перебрались в Иерусалим, а оставшиеся собрались вместе, не зная, что делать дальше, на кого надеяться. Сказал один из них: «Нам предлагают разъехаться. Действительно, нет никакого практического смысла в нашем упорстве... Но не забудьте, господа, что никто нас не просил явиться спасителями нашего народа. Мы сами гордо схватили то

3. Зак. 3898.

знамя, которое, может быть, подняли бы более сильные люди. Теперь идет вопрос не о нас лично, а о великом деле возрождения, которое мы собой олицетворяем...» И они остались.

В начале 1882 года приехали в Яффу двое молодых людей – Залман Давид Левонтин и Йосеф Файнберг и по поручению палестинофильских кружков России купили участок земли. Тридцатого июля 1882 года пять человек пришли на необитаемое, безводное место и поставили палатку на песчаных дюнах; самый старший из них прочитал молитву, а остальные слушали его и плакали от волнения. Так появилось поселение Ришон ле-Цион, что в переводе означает «Первый в Сионе». В его уставе было записано: «Члены поселения обязуются всеми силами содействовать идее заселения Эрец Исраэль и жить по законам Торы и народа Израиля». Среди первых поселенцев оказался Лейб Ханкин, человек энергичный, независимый, преуспевающий, и на новом месте он сразу выделился среди прочих. Ханкин построил в Ришон ле-Ционе самый первый дом, первым вышел в поле пахать, первым снял урожай с виноградника, первым поставил чан и стал давить виноград босыми ногами – «как предки наши в древние времена»; более того, он запряг в телегу верблюда – неслыханное новшество в тех краях – и возил в поселение бочки с питьевой водой.

У поселенцев Ришон ле-Циона были постоянные стычки с арабами из окрестных деревень. «Многие выходили сильно избитыми, – вспоминал очевидец, – но они все-таки не терялись и всегда выказывали необыкновенную храбрость и неустрашимость. Глядя на колонистов во время их стычек с арабами, я думаю часто: неужели это те самые евреи, которые на родине безропотно переносили всякие оскорбления и унижения? Где же их будто бы "прирожденная трусость"?.. Короткое время свободы и равноправия, сознание, что они не хуже других, уже посеяли в них смелость, мужество, самоуверенность! Нет сомнения, что наше подрастающее поколение не будет уже иметь и понятия о робости своих отцов!»

В 1883 году переселенцы из Белостока и Поневежа приехали в Эрец Исраэль и заселили пустовавшее еврейское поселение Петах-Тиква – «Врата надежды». Они организовали товарищество «Братство и труд», создали общий фонд для закупки инвентаря, ввели правила взаимопомощи и договорились «кормиться исклю-

чительно собственным трудом», без наемных работников. «Каждый должен сам делать работу, – провозгласили они, – и это у нас категорическое правило!» В том же году тринадцать семей из польского города Межирича основали севернее озера Кинерет поселение Иесуд га-Маала – «Основание подъема», другими словами – начало возвращения из стран рассеяния. Первые годы поселенцы ютились в тростниковых шалашах, в невероятной тесноте, со многими детьми; их заедали блохи и насекомые; они очень нуждались, часто голодали, страдали от болотной лихорадки и отвозили на кладбище жертвы этой болезни. Вечерами в поселении становилось темно: керосиновые лампы не зажигали, потому что опасались спалить тростниковые жилища. Им предложили переехать в более благоустроенную Петах-Тикву, но они в гневе отказались: «Только после нашей смерти вы сможете лишить нас наших земель!» Однажды проезжал мимо барон Э. Ротшильд и случайно обратил внимание на тростниковые хижины, похожие на становище первобытного человека. «Что это такое?» – спросил барон. Ему объяснили, что это – еврейское поселение, жители которого не хотят переселяться на другое место. Барон был так поражен их упорством и мужеством, что решил взять поселение под свое покровительство. За его счет стали строить дома и наконец впервые зажгли в одном из них керосиновую лампу. Поселенцы собрались на улице, под окном, и зачарованно смотрели на ее свет, «а дети, – рассказывал очевидец, – сроду не видавшие такого чуда, радовались больше всех».

В 1883 году на деньги, собранные российскими евреями, был куплен большой участок земли. Его передали в пользование билуйцам, и вскоре девять человек отправились в путь. Осел по кличке Философ тащил доски для барака; у новых поселенцев было по мотыге на каждого, четыреста десять франков и одно ружье на всех. Жители Яффы с изумлением провожали тех, кто решил поселиться в самой гуще арабских деревень: «Неужели поблизости вы не нашли себе места для могил?» Был второй день праздника Ханука 1884 года. Они пришли на место, набрали сухих веток и взамен двух ханукальных свечей зажгли два костра: так появилась Гедера, к югу от Ришон ле-Циона. Билуйцы жили в маленьком дощатом бараке, пекли хлеб в самодельной печи, привозили издалека воду, а в сезон дождей брали ее из соседнего ущелья. «Я попробовал пить эту мутную грязь, – вспоминал Х. Хисин, – но тотчас же с отвращением перестал». За первый год поселенцы очистили от камней один

из холмов, вскопали его лопатами и высадили там виноградную лозу. Они завели огороды, посадили восемьсот масличных деревьев, а к бараку пристроили сарайчик, в котором жил осел Философ. Затем в этом сарайчике разместился Хисин со своей женой, а когда к одному из билуйцев приехала невеста, ее поселили в курятнике.

Какие же цели были у этих людей? Один из билуйцев, Зеэв Дубнов, писал в 1882 году своему брату, историку С. Дубнову: «Неужели ты думаешь, что единственная цель моей поездки сюда – это самоустройство, из чего следует вывод: если я устроюсь, значит, я достиг цели, если же нет, я достоин сожаления. Нет. Конечная моя цель, так же как и многих других, велика, обширна, необъятна, но нельзя сказать, что недостижима. Конечная цель – со временем завладеть Палестиной и возвратить евреям политическую самостоятельность, которой они лишены вот уже две тысячи лет. Не смейтесь, это не химера. Средствами к достижению этой цели могут быть устройство земледельческих и ремесленных колоний в Палестине, устройство разного рода фабрик и заводов и постепенное их расширение... Кроме того, нужно приучить молодых людей и будущее молодое поколение владеть оружием... и тогда... Тогда евреи с оружием в руках (если это понадобится) громогласно объявят себя хозяевами своей старой родины. Нет нужды, что этот прекрасный день настанет через пятьдесят или даже больше лет. Каких-нибудь пятьдесят лет не более как момент для такого предприятия. Согласитесь, друзья, идея прекрасная и возвышенная».

В ноябре 1884 года в прусском городе Катовицы проходил съезд палестинофилов: из России приехали двадцать два делегата, из Германии, Англии, Франции и Румынии – только десять, причем четверо из них тоже были российского происхождения. Раввина Ш. Могилевера избрали почетным председателем съезда, Л. Пинскера – председателем. «Метаморфоза народа не произойдет в один момент, – заявил он в своем докладе, – и мы не доживем до того дня, чтобы самим узреть плоды наших трудов. Но что значат несколько поколений для нашего бессмертного народа?..» Съезд выделил средства для оказания помощи поселенцам и послал в Палестину К. Высоцкого, владельца московской чайной фирмы, для обследования еврейских поселений. В тот момент в Англии отмечали столетие со дня рождения здравствовавшего М. Монтефиоре, и новое объединение палестинофилов, созданное на съезде, получило название «Общество для поощрения земледе-

лия среди евреев и колонизации Палестины имени Монтефиоре» (впоследствии его переименовали в «Хиббат Цион»). Общество объединило кружки палестинофилов разных стран; его руководящие центры располагались в Варшаве и Одессе, первым председателем общества стал Л. Пинскер.

Моше Монтефиоре приезжал в Эрец Исраэль семь раз и по мере сил и возможностей способствовал ее заселению. К последнему его приезду была написана торжественная песня-благословение, песня почета: такой чести еврейская община Иерусалима удостоила лишь австрийского императора Франца Иосифа и германского кайзера Вильгельма II. Подобрали музыку для песни, но мелодию вступления решили выбрать европейскую, привычную для уха почетного гостя. Специалистов в Иерусалиме не оказалось, и тогда вспомнили про Янкеле-солдата, который когда-то служил в русской армии, а теперь был водоносом в Святом городе. Пошли к нему, объяснили, что требуется, и Янкеле стал напевать различные русские мелодии, из которых они и выбрали одну, самую им понравившуюся. Встреча прошла прекрасно, девяностолетний Монтефиоре был растроган пением детей в его честь, – и лишь потом выяснилось, что мелодия, которую напел Янкеле-солдат и которую исполнили перед почетным гостем, была не что иное, как мелодия национального гимна Российской империи.

Очерк тридцатый

Введение процентной нормы и выселения из деревень.
Изгнание из Москвы в 1891–1892 годах.
Новые ограничительные законы Александра III

1

В дни коронации Александра III был опубликован царский манифест, который предоставлял льготы гражданам Российской империи. Евреи по этому манифесту не получили ничего; наоборот, политика правительства была определена на десятилетия вперед и ужесточалась от года к году. Еврейский обозреватель отмечал после завершения полосы погромов: «Как неизбалованы должны быть люди, столь искренне радующиеся своему небитию... По улицам уже не носится пух от разрываемых перин, не летят с треском стекла разбиваемых окон... но много ли действительно выиграли евреи от перемены незаконных преследований на законные?..»

В 1882 году военный министр распорядился, чтобы в русской армии было не более пяти процентов евреев-врачей и фельдшеров от общего медицинского персонала. Прежде они служили в полках и заведовали лазаретами, отличились в русско-турецкой войне и получали награды, но теперь «врачей Моисеева закона» увольняли из армии – «ввиду не вполне добросовестного исполнения ими обязанностей и вследствие их неблагоприятного влияния на санитарную службу в войсках». В знак протеста группа врачей-евреев подала в отставку, а военный врач и

писатель С. Ярошевский написал в своем заявлении: «Так как обвинения, возводимые на врачей-евреев военным ведомством, до сих пор не подтверждены никакими фактическими доказательствами... то каждая лишняя минута, проведенная на службе в этом ведомстве, приносит им только лишний позор. Во имя своего человеческого достоинства они не должны оставаться там, где ими гнушаются...» Теперь уже в министерстве обиделись на столь резкое заявление, и военного врача С. Ярошевского решили отдать под суд.

При Александре III менялась политика и в области образования. Официальным лицам была известна пометка царя на одном из документов: «Это-то и ужасно: мужик, а тоже лезет в гимназию», – и министры поступали в соответствии с духом времени, чтобы «обратить университеты из рассадников политической агитации в рассадники науки». Подготавливали меры для «детей прачек, мелких лавочников» и прочих неимущих из христианских семей, чтобы затруднить доступ в средние и высшие учебные заведения; повысили плату за обучение – но самые крутые меры пришлись на долю еврейского населения. При Александре II поощряли поступление евреев в гимназии и университеты для постепенного их «слияния» с русским обществом, но при его преемнике все изменилось. Обер-прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев считал просвещение евреев опасным для трона и отечества; минский губернатор рекомендовал ввести для евреев процентную норму при поступлении в учебные заведения, «чтобы еврейский элемент не взял перевеса над остальным населением»; один из членов комиссии по народному образованию сказал на заседании: «С евреем-невеждой мы еще как-нибудь сладим, а с этими образованными уже ничего поделать невозможно».

В 1882 году ввели пятипроцентную норму при приеме евреев в Военно-медицинскую академию, а затем вообще их перестали туда принимать. На следующий год несколько десятков евреев приехали сдавать экзамены в петербургский Горный институт и выяснили к своему изумлению, что в этом институте для них введена процентная норма. Приняли только двоих, пять процентов от общего числа поступавших, а остальным полиция даже не позволила подать документы в другие институты и в день последнего экзамена выслала их из столицы. Затем «Высочайшим повелением» ввели для евреев десятипроцентную норму во вновь открытом Технологическом институте в Харькове и полностью закрыли доступ в харьковский Ветеринарный институт. Объяснение оказалось простым: «Город Харьков всегда был центром политической агитации, и пребывание в нем евреев в более или менее значительном числе представляется вообще нежелательным и даже опасным». И наконец, в 1887 году ограничения ввели повсеместно: циркуляр министра

народного просвещения установил для евреев «процентную норму». В университетах, институтах и гимназиях черты оседлости они могли составлять теперь не более десяти процентов от общего количества учащихся, вне черты – пять процентов, в Москве и Петербурге – три.

В селах и деревнях черты оседлости могло жить ограниченное количество евреев: лишь те, кто поселился там до введения «Временных правил» 1882 года. Но эти же правила – при их произвольном толковании – ввели легальные методы борьбы с «экономически вредным» населением, и местное начальство немедленно этим воспользовалось. Если еврей уезжал из деревни по делам даже на короткий срок, его могли не пустить обратно как «вновь поселяющегося». Если еврейская семья из села посещала в праздничные дни городскую синагогу, то через неделю ей могли преградить дорогу в собственный дом: это рассматривалось как «новое водворение». Бывали случаи, когда отставного солдата не пускали домой к родителям после отбытия воинской повинности: его признавали «вновь поселившимся» и отправляли в город или в местечко. Далеко не всякий решался пожаловаться в Петербург на самоуправство местных властей, а когда это все-таки случалось, «начинались их мытарства от низших властей вплоть до высшего в Империи учреждения, – писали в журнале тех лет. – И всюду серьезно и деловито начинались рассуждения о том, что это было – отлучка или оставление, и что это есть – возвращение из отлучки или новое поселение».

Жалобу пострадавшего рассматривал Сенат, а в спорных случаях она направлялась в то министерство, на которое подавалась жалоба, и задерживалась там надолго. Юрист Г. Слиозберг, ходатай по еврейским делам в Сенате, вспоминал: «Сначала готовил доклад помощник столоначальника; затем с ним знакомился столоначальник и делал свои замечания; доработанный доклад поступал к начальнику отделения, который тоже высказывал свои соображения; переделанный доклад поступал к вице-директору департамента, от него – с соответствующими изменениями – он шел к директору департамента, тот нес его товарищу министра, а если дело было важным – то и к самому министру... Порой требовалось разъяснение какого-либо обстоятельства, и дело возвращалось обратно в губернию, обрастая по пути томами переписки, докладов, замечаний и резолюций». Сенат в Петербурге отменял нелепые постановления местного начальства, но это занимало три, пять, а то и десять лет, а изгнанные семьи мыкались пока что по чужим углам и разорялись. Как говорили тогда, «лекарство прибыло уже после смерти».

В селах и деревнях избавлялись от старожилов-евреев, пользуясь правом крестьянских общин изгонять «порочных членов общества». Если деревенский торговец или содержатель кабака желал избавиться от конкурента, достаточно было созвать сельский сход, хорошо угостить

крестьян, и они подписывали приговор о выселении еврейской семьи. Этот приговор утверждал губернатор, и очередные жертвы уходили из тех мест, где их предки жили не одно поколение. Затем появился закон, который запрещал евреям черты оседлости переселяться из одной деревни в другую: это приравнивалось к «поселению вновь» и влекло за собой немедленное изгнание. Евреев изгоняли из деревень даже во время эпидемии оспы, и они уходили по этапу, заражая окрестное население. Из Слонимского уезда сообщали: «У нас выселяют из деревень не только вновь поселившихся, но и старожилов, которые прожили там тридцать–сорок лет... Крестьяне одной деревни не хотели исполнять приказания начальства, и для выселения несчастных были приглашены крестьяне из соседней деревни. По приказанию волостного начальства они выломали двери и печи, а потом на подводах вывезли весь еврейский скарб и бросили его в поле за деревней... В одном доме лежал опасно больной ребенок; вместе с домашней утварью его повалили на воз и выбросили потом за деревней».

«Временные правила» давали широкий простор для толкований при определении той черты, которая отделяла запретную сельскую местность. Многие строения, стоявшие в стороне от города или местечка, попадали в запретную зону, и их владельцы не могли ими пользоваться. Известен случай, когда одна половина дома, стоявшего на краю местечка, попала на разрешаемую для жительства территорию, а другая – на запрещаемую. «Следовало бы, конечно, по всей справедливости, – отметили в еврейском журнале, – разрешить хозяину право жительства в одной половине дома, а в другую предоставить ему право временного въезда с непродолжительными остановками, но Витебское губернское управление... постановило выселить его вообще из принадлежащего ему дома». Пострадавший пожаловался в Петербург, но Сенат был завален еврейскими делами, и лишь через пять лет владелец смог вернуться в собственный дом.

Губернские власти переименовывали местечки в деревни, чтобы они подпадали под действие «Временных правил», и в Херсонской губернии единым махом переименовали в деревни шестьдесят три местечка, сократив доступную для евреев территорию. Давно были закрыты для свободного поселения Киев и Севастополь, а в 1887 году исключили из черты оседлости Таганрог и Ростов-на-Дону. Теснота в еврейских кварталах становилась ужасающей, но новые населенные пункты, возникавшие возле фабрик, заводов и вдоль линий железных дорог, не признавались по закону городами или местечками, и евреев туда не пускали. На юге Украины во множестве строили гигантские чугуноплавильные заводы на десятки тысяч рабочих, но евреям и там не было места и работы. К тому времени Белая Церковь выросла в большое поселение, но

продолжала числиться селом, и когда киевского генерал-губернатора попросили переименовать ее в город, он ответил ходатаям: «Скажите вашим евреям, что я скорее превращу Бердичев в деревню, чем Белую Церковь в местечко».

2

В городах внутренних губерний тоже не было покоя. Ремесленники-евреи могли там находиться лишь при условии, если они занимались разрешенным ремеслом и торговали изделиями собственного производства: в противном случае закон предусматривал «конфискацию их товаров и немедленную высылку из тех мест». Любой губернский чиновник или полицейский начальник мог поставить под сомнение их право на жительство, придравшись к пустячному поводу, и тут же возвратить в черту оседлости. Выслали из Самары и конфисковали имущество у золотых дел мастера, который продавал свои изделия совместно с цепочками чужого изготовления. Изгнали из Москвы знаменитого кондитера – за продажу кофе в дополнение к пирожным собственной выпечки. В Симбирске решили, что изготовление уксуса не принадлежит к числу цеховых ремесел, и выслали еврея, который занимался этим делом тридцать лет подряд. Ему долго пришлось доказывать, что уксусное ремесло признано Сенатом в одном из его разъяснений, но всю семью уже выслали из Симбирска и разорили. Многие жаловались в Сенат на незаконные выселения, и государственные сановники в высшем правительственном учреждении империи дотошно обсуждали вопрос, дает ли починка резиновых галош или настройка музыкальных инструментов право на повсеместное жительство, являются ли ремесленниками изготовители сургуча и чернил, ваксы и рогожи, лака и спичек.

Сыскное отделение петербургской полиции разыскивало не только воров и убийц, но и ремесленников-евреев, которые не занимались своим ремеслом или же занимались им не полный день. Достаточно было агенту донести, что он не застал ремесленника за работой, и этого еврея могли вызвать в полицию и поставить в паспорте красный штамп: это означало, что следует покинуть столицу в двадцать четыре часа и вернуться в черту оседлости. Попытались даже выслать ремесленника, который в свободное от работы время занимался музыкой и пением. Это определили как «оставление занятия ремеслом», и Сенату пришлось разъяснять, что участие в свободное время в хоре пожарного общества не может служить основанием к выселению.

Чтобы вырваться из черты оседлости и получить право жительства во внутренних губерниях, некоторые фиктивно записывались подмас-

терьями к ремесленникам-евреям; другие разыскивали отставных солдат николаевской армии, и те усыновляли их за помесячную плату; третьи складывались по нескольку человек: один из них выплачивал налог купца первой гильдии, а остальные числились при нем приказчиками. Случалось и так, что регистрировались в полиции лакеями, потому что по закону еврей с высшим образованием имел право держать при себе двух «домашних служителей» из своих единоверцев. Поэт С. Фруг жил в Петербурге на правах лакея, «лакеями» были и другие еврейские писатели и журналисты; на таких же правах жили порой старики-родители у собственных детей: отец записывался лакеем у своего сына, а мать – кухаркой.

Полиция проводила облавы в Петербурге, Москве и других запретных городах; в 1886 году выслали из Киева две тысячи семейств, и многие изгнанники поселились на Днепре, на плотах и баржах, воспользовавшись тем, что «Временные правила» не предусмотрели запрета на такой вид проживания. От выселения могла спасти лишь взятка: ограничительные законы разоряли евреев, а уклонение от них обогащало местные власти. В Москве и Петербурге полицейские участки различались по степени доходности; самыми выгодными были те, где концентрировалось еврейское население, и для приставов и их помощников отличием по службе считалось назначение в более доходный участок. При съеме квартиры в Киеве евреи заранее договаривались с домовладельцами, кто из них будет платить полицейскому чину: квартира нанималась «с околоточным» или «без околоточного».

Пока происходили эти события, в Петербурге работала «Высшая комиссия по пересмотру действующих законов о евреях». Ее председателем был бывший министр юстиции граф К. Пален, и потому комиссию называли «Паленской». В ее состав входили чиновники из разных министерств, а также приглашались на заседания «эксперты из евреев» – банкир Г. Гинцбург, промышленники С. Поляков и А. Варшавский, юрист Я. Гальперн, петербургский раввин А. Драбкин и другие. Писатель Н. Лесков составил для комиссии брошюру «Евреи в России», в которой предлагал предоставить евреям «общечеловеческие права» – «имея в виду высшую выгоду, выгоду государства». Пять лет подряд комиссия изучала всевозможные материалы, и наконец большинство ее участников во главе с председателем осудили систему «репрессивных и исключительных мер». Они пришли к выводу, что ограничительные законы Российской империи заставляют девяносто процентов еврейского населения жить «в нищете, при самых тяжелых гигиенических и бытовых условиях», под страхом погромов и насилия. Это «самый настоящий отчаянный пролетариат, какого нет нигде в других частях России... – признали они в своем отчете. – С государственной точки зрения

еврей должен быть равноправен. Не давая ему одинаковых прав, нельзя, собственно, требовать и одинаковых государственных обязанностей».

Члены комиссии рекомендовали вводить «освободительные и уравнительные законы... с величайшей осторожностью и постепенностью», но и такие скромные предложения оказались не ко времени. Комиссия Палена прекратила свое существование, и взамен нее создали в Петербурге особое совещание под председательством В. Плеве. Несколько лет подряд, в глубокой тайне, это совещание готовило «проект из сорока четырех пунктов» очередного антиеврейского закона. Этот проект предполагал отменить льготы на право жительства во внутренних губерниях, очистить деревни и села от евреев, ввести суровые уголовные наказания за нелегальное проживание в сельской местности и за незаконную аренду недвижимости; новые ограничения собирались распространить и на евреев Царства Польского, положение которых было менее трагичным.

Проект закона под большим секретом разослали для отзыва во многие губернии; местное начальство уловило новые веяния из Петербурга, и в разных местах и практически одновременно губернаторы потребовали от полиции обратить внимание на «дерзкое поведение евреев», которые не снимали шапки и не кланялись при встрече с чиновниками. В городе Мстиславле евреям пригрозили таким наказанием, которое «сопряжено с физической болью и публичным позором», если они не проявят должного почтения к начальству; другими словами, как разъяснил прокурор, «попросту будем драть на площади».

Дальше всех по пути унижений и издевательств пошел петербургский градоначальник. Он повелел, чтобы на вывесках магазинов и мастерских евреи писали не только свои фамилии, но и имена по паспорту – «в видах устранения возникающих недоразумений». Еврейские имена часто перевирались в метрических книгах или записывались в уменьшительной форме, и после приказа градоначальника на вывесках появились «Ицка Срулевич», «Шлиома Мовшович», «Иоська Мордкович» и тому подобное. Теперь уже покупатель при желании мог обойти стороной еврейский магазин и посмеяться над непривычным для него именем. Евреи Петербурга начали записывать имена на вывесках мелкими буковками, порой в виде замысловатых виньеток, чтобы не очень бросалось в глаза, но градоначальник был неумолим и повелел обозначать имена «четко и на видном месте, согласно утвержденным рисункам».

Не обошлось и без анекдотических случаев. Некий отставной солдат, торговец табачными изделиями, добросовестно вывел на вывеске свое имя, отчество и фамилию в соответствии с метрикой – Исидор Нохимович Кобылянский. Но в Петербурге в то время был митрополит Исидор, и полицейский пристав запретил еврею именоваться так же, как и духовный владыка. Дело дошло до градоначальника, и тот приказал тор-

говцу записать на вывеске лишь отчество и фамилию: так появилась надпись: «Нохимович Кобылянский, табачные изделия». В другом случае у еврея-жестянщика оказалась такая крохотная мастерская, что на ее узкой двери не могла поместиться вывеска с обозначением крупными буквами его ремесла, имени, отчества и фамилии. Жестянщик должен был закрыть мастерскую либо найти выход из положения, и тогда он рассудил разумно: если властям необходимо, чтобы вывеска раскрывала его иудейское происхождение, то этого можно добиться иным способом. Полиция согласилась с его доводами, и на двери мастерской появилась надпись: «Жестяных дел мастер, еврей Димант».

3

В конце 1890 года в лондонской газете «Таймс» напечатали воззвание местного комитета в защиту российских евреев: «Может ли цивилизованная Европа, могут ли христиане Англии смотреть на эту медленную пытку, на это бескровное убийство – и молчать?» В ответ на призыв в Лондоне собрались на митинг более двух тысяч человек и послали петицию русскому царю: «Крики отчаяния доносятся до нас от тысяч евреев, страдающих в Вашей обширной империи... Пять миллионов подданных Вашего Величества стонут под игом исключительных и ограничительных законов. Остатки нации, откуда вышли религии – наша и ваша, и вообще всякая религия на земле, признающая единого Бога... подчинены в Вашей империи таким законам, при которых жить и преуспевать невозможно».

В России эту петицию не опубликовали, но косвенно ответили на нее в газете: «Никогда семитам не жилось так легко на Руси, как в настоящее время, а между тем никогда еще они так сильно не жаловались. Какая же тому причина? Это особенность семита: он никогда ничем не доволен. Чем больше ему дают, тем больше он требует». А в петербургском «Новом времени» обругали премьер-министра Великобритании У. Гладстона, «выжившего из ума старика»: «Его необдуманные речи могут возбуждать у русских евреев такие мечтания и надежды, на которые они не имеют ни малейшего права». Ограничительная политика продолжалась без послаблений, и на очереди оказались московские евреи.

При Николае I еврейские купцы могли приезжать в Москву лишь по делам, на короткий срок, без жен и детей, и останавливаться в гетто – на Глебовском подворье в Зарядье. При Александре II гетто упразднили, и евреям позволили жить в любой части города. Богатые купцы, банкиры и адвокаты снимали большие, удобные квартиры в центре Москвы, нанимали гувернанток, учителей французского языка и репетиторов

для своих детей, покупали товары в модных магазинах города, посещали театры и консерваторию – а еврейская беднота, мелкие торговцы и ремесленники продолжали ютиться в Зарядье, в тесноте узких и грязных улочек, среди прочей московской бедноты.

Современник вспоминал: «К концу семидесятых годов в Зарядье было уже две синагоги и вся торговля была в руках евреев... Торговки-еврейки с съестными припасами и разным мелким товаром располагались не только на тротуарах, но прямо на мостовой. По переулкам были еврейские мясные, колбасные лавочки и пекарни, в которых к еврейской Пасхе выпекалось огромное количество мацы... Много было в Зарядье и ремесленников-евреев; большей частью они занимались портновским, шапочным и скорняжным ремеслом. Интересную картину представляло Зарядье в один из еврейских праздников... С молитвенниками в руках, в длиннополых, чуть не до самых пят, сюртуках, в бархатных картузах... из-под которых выбивались длинные закрученные пейсы, евреи толпами шли посредине мостовой... С вечера пятницы шумное, суетливое Зарядье затихало – переулки были пустынны. В каждом доме приготовлялся ужин, за который усаживалась вся семья; на столах в подсвечниках горели свечи... Днем в субботу сидели дома, с утра читали священные книги, а к вечеру шли гулять. Излюбленным местом прогулок был Александровский сад».

В 1891 году на пост московского генерал-губернатора был назначен брат Александра III великий князь Сергей Александрович. Этому назначению придавали в обществе особый смысл, поговаривали даже, что столицу собираются переносить из Петербурга в Москву, а потому подошло время «очистить первопрестольную столицу от нежелательного элемента». Еврейская община Москвы насчитывала тогда двадцать пять – тридцать тысяч человек, что составляло около трех процентов от общего количества населения. Евреи жили в Зарядье и в московских пригородах – в Марьиной Роще, Черкизове, Всехсвятском: одни с разрешения властей, а другие нелегально. Выселение решили начать до торжественного въезда в Москву нового генерал-губернатора: возможно, для того, чтобы не связывать с именем царского брата такую принудительную акцию.

Двадцать восьмого марта 1891 года, в первый день праздника Песах, в газетах напечатали новый указ. Министр внутренних дел – «с Высочайшего соизволения» – отменил для Москвы и Московской губернии прежние привилегии для ремесленников, полученные при Александре II. Новый указ запретил «евреям-механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам» вновь поселяться в Москве и в Московской губернии, а находившиеся там должны были вернуться в черту оседлости. Первым делом взялись за тех, кто жил в Москве неле-

гально, и ночью – после опубликования указа – полицейские и пожарные появились в кварталах Зарядья; руководил операцией обер-полицмейстер города. Они шли из квартиры в квартиру и уводили в участок полуодетых мужчин, женщин, детей. Там проверяли документы, а затем с одних брали подписку о немедленном выезде из города, а других отправляли по этапу, скованных попарно с осужденными за тяжкие преступления. В ту ночь московские евреи прятались на кладбищах целыми семьями, бродили по улицам, снимали дешевые номера в гостиницах, чтобы уберечь жен и детей от холода мартовской ночи. Но спастись от полиции было невозможно, и вскоре вокзалы железных дорог оказались переполненными изгнанниками, которые в ожидании поездов сидели и лежали в залах и на платформах на грязном каменном полу. Облавы продолжались месяц, и к приезду нового генерал-губернатора Москву основательно очистили от «нежелательного элемента».

Следующими на очереди оказались механики, мастера и ремесленники, которым закон позволял до этого жить и работать в Москве. Каждый из них получил предписание покинуть город, а по окончании назначенного срока их немедленно арестовывали и сажали в тюрьму. Там их держали по нескольку недель, а затем по этапу отправляли на «родину», которой многие никогда не видели. Люди прятались в морозы на кладбищах, чтобы избегнуть тюрьмы и этапа; больных привозили на вокзал в каретах и переносили в вагон на носилках; женщины рожали в пути. На четырнадцатое января 1892 года был назначен последний день высылки; на вокзалах скопились толпы изгнанников, и, чтобы всех вывезти, пустили дополнительные поезда. В Москве стояли жестокие морозы, и были опасения, что люди могут замерзнуть в пути. Последовало распоряжение отложить выселение до первого потепления, но полицейские власти об этом умолчали – и изгнание завершили в срок. Всего выслали из Москвы не менее двадцати тысяч евреев, многие из которых прожили там тридцать, а то и сорок лет подряд.

Зарядье опустело. «Заброшенные квартиры с забитыми дверьми и окнами, – свидетельствовал очевидец, – запертые помещения торговых заведений с сохранившимися на них вывесками, уныло бродящие по улицам этих кварталов одинокие печальные фигуры евреев, евреек и детей, изможденных, с опухшими от слез глазами...» Выселили евреев и из Марьиной Рощи: «Мы застали там ряд совершенно пустых улиц. Было жутко видеть этот вымерший город». У многих не оказалось денег на проезд, и благотворительный еврейский комитет покупал им билеты на поезд до ближайшей станции в черте оседлости, чтобы несчастных не погнали пешком по этапу, за сотни километров, в обществе бродяг и преступников. Великий князь Сергей Александрович намеревался «оградить Москву от евреев», и с конца 1892 года оттуда стали выселять отставных

солдат, которые после окончания армейской службы поселились в Москве, обзавелись семьей и скромным достатком, а теперь должны были отправляться в неизвестные края. В самый разгар выселения проезжал через Москву Александр III со своей семьей, и некий отставной солдат подал ему прошение, умоляя не изгонять бывших солдат-евреев, – не зря им говорили в армии, что «за царем служба не пропадет». Просителя тут же арестовали и по этапу отправили в черту оседлости.

Еще до начала изгнания цензура запретила журналистам касаться этой темы, но вскоре на Западе все узнали; первыми заволновались финансисты на европейских биржах и объяснили это таким образом: «Еврейское население в России совершенно незаменимо в ее торговле, а потому выселение евреев крайне смущает тех владельцев русских ценностей, которые заинтересованы в экономическом преуспеянии России». Последствия выселения почувствовали и московские фабриканты: многие изгнанники переехали в Одессу, Варшаву и Лодзь, перенесли туда свои связи и знание русского рынка и стали успешно конкурировать с Москвой. В русской газете сообщили: «Никто не сослужил Лодзи такой службы и не оказал такой поддержки в ее тяжелой конкуренции с Москвой, как сама Москва, бросившая в объятья своего соперника предприимчивую, деятельную часть своего населения... Дела в Москве – в полном застое, а еврейская Лодзь кипит работой и операциями. Фабрики не поспевают удовлетворять требования купцов; на товар записываются вперед...» Это, однако, не помешало выселению из Москвы, и на очереди был Петербург.

Эти печальные события происходили на фоне общих экономических трудностей. В 1891–1892 годах был неурожай и голод в приволжских губерниях; сбыт товаров уменьшился, на что повлияло выселение из Москвы, курс рубля упал. Срочно потребовались иностранные кредиты, но, узнав об изгнании евреев из Москвы, банкирский дом Ротшильдов отказался участвовать в займе. В правых газетах России вовсю ругали «жидовских банкиров», однако правительство, очевидно, еще рассчитывало получить кредиты в Европе и потому смягчило свою позицию. Выселение из Петербурга отложили до лучших времен, а тайный проект нового ограничительного закона, «проект из сорока четырех пунктов», сдали в архив.

4

Александр III правил страной около четырнадцати лет, и за это время – отметили в еврейском журнале – «не многие вопросы государственной жизни выдвигались так часто и с такой настойчивостью, как

именно еврейский». За годы его правления появились новые ограничительные постановления, которые – в нарушение общего правила – обычно не проводили через Государственный Совет или через Комитет министров, потому что эти ограничения противоречили основным законам Российской империи и их трудно было бы провести официальным путем. Россия нуждалась в притоке иностранных капиталов, и к ограничительным постановлениям старались не привлекать особого внимания, так как мировые биржи чутко реагировали на притеснения евреев. Ограничения вводили при помощи малозаметных министерских циркуляров, распоряжений и разъяснений для внутреннего пользования, которые добавлялись к общему законодательству с непременного одобрения царя. Если же постановления публиковали в печати, то к ним обязательно добавляли фразу: «впредь до общего пересмотра законодательства о евреях»: таким способом им придавали характер «временных правил» или «временных мер», но существовали они десятилетиями. Выселение евреев из Москвы тоже прошло без принятия закона, лишь «с Высочайшего соизволения», да и процентная норма в гимназиях и университетах действовала как «временная мера», хотя в Своде законов Российской империи еще с 1804 года было записано в категорической форме: «Дети евреев принимаются в общие учебные заведения безо всякого различия от других детей».

Кроме ограничительных законов, циркуляров и распоряжений существовали пометки царя на представленных ему документах и докладах. Эти пометки сообщались в Комитет министров «на предмет исполнения и осведомления»: таким образом становилось известно мнение царя, его вкусы, пристрастия и антипатии. Всякая одобрительная пометка Александра III в отчете какого-либо губернатора считалась для него большим отличием и «вызывала у других губернаторов охоту привлечь и к себе высочайшее внимание, – писал Г. Слиозберг, хорошо знакомый с существовавшими порядками. – Этим объясняется то странное явление... что всякая антисемитская мысль во всеподданнейшем отчете одного губернатора находила на следующий же год подражание в отчете другого губернатора, причем автор нового отчета прибавлял кое-что и от себя. Царя, таким образом, питали мыслями, соответствовавшими его собственному вкусу».

Современник писал про правление Александра III: «Более тяжелого времени в истории русских евреев найти невозможно. Евреи вытеснялись из всех завоеванных позиций не только во внутренних губерниях, но и в черте оседлости». Был полностью закрыт прием евреев на государственную службу, и Александр III написал по этому поводу: «И дай Бог, чтобы навсегда!» Евреев не принимали на работу на железные дороги – не только на государственные, но и на частные, даже на те, которые

построили в свое время евреи Поляковы, Кроненберг, Варшавский. Академическая карьера тоже стала недоступной. Евреев не назначали преподавателями в средних учебных заведениях; в университетах почти невозможно было получить должность доцента; талантливым ученым откровенно предлагали «обзавестись свидетельством о каком-нибудь христианском исповедании, которое откроет двери для государственной службы, для профессуры и обеспечит карьеру». Доктору-окулисту М. Мандельштаму не дали занять кафедру в Киевском университете, и в еврейской газете сообщили: «Когда почтенный доктор читал свою вступительную лекцию, то вся аудитория была в восторге. Раздались громкие, долго не умолкавшие аплодисменты, его товарищи по медицинскому факультету крепко жали ему руку, поздравляли с успехом, медицинский факультет почти единогласно признал его достойным кафедры, а общее собрание его забаллотировало. Один из голосовавших пренаивно признался: «Когда Мандельштама предложили в доценты, я подал голос за него как за достойного ученого. Но когда его баллотировали на общем собрании, я ему положил неизбирательный шар как еврею».

В 1890 году – «впредь до пересмотра действующих постановлений» – запретили евреям избирать и быть избранными в земские учреждения, в ведении которых было народное образование, медицинская и ветеринарная служба, прочие сферы деятельности местного самоуправления. Официальное объяснение оказалось простым: земскими делами могут заниматься лишь пригодные к этому и благонадежные слои населения, а потому участие евреев «в земском деле представляется в высшей степени нежелательным». Затем появилось «Городовое положение» 1892 года, которое лишило евреев права избирать и быть избранными в городские думы, а также заведовать отраслями городского хозяйства. Во многих городах черты оседлости еврейское население вносило более половины городских налогов, но теперь у него не оставалось никакого влияния на ведение дел в городе. Христианское меньшинство обкладывало еврейские дома повышенными налогами, заставляло жителей еврейских кварталов из собственных средств оплачивать уборку улиц, а на содержание остальных частей города брали деньги из общей кассы. Значительные суммы городского сбора назначались и для таких общественных учреждений, которыми евреи не пользовались: у них были собственные больницы, дома для престарелых, сиротские дома, школы, – но город не давал на это ни единой копейки. Евреи-купцы или промышленники, способные руководить сложным городским хозяйством, оказались не у дел, и в думы городов, переполненных евреями, избирались христиане – порой мелкие чиновники, отставные полицейские, учителя чистописания.

Новый закон «об именах» 1893 года установил уголовное наказание для каждого еврея, если он называл себя в документах не тем именем, под которым был записан в метрических книгах. Эти книги часто вели малограмотные писцы; они неимоверно перевирали еврейские имена, записывали их в искаженном виде, и там можно было встретить совсем уж невероятную запись: у такого-то еврея «родилась дочь и при обрезании наречена именем Рейзл». Новый закон категорически запретил поправлять имя, искаженное в метрике, и Сруль не мог теперь именоваться Израилем, Шмулька – Шмуэлем, Иоська – Иосифом, Иудка – Иегудой, Мошка – Моше. Властям было безразлично, как именуют себя буряты, киргизы, абхазцы и другие представители многочисленных народностей Российской империи, и лишь к евреям стали применять всякие строгости. Как объяснял один из министров, чтобы еврей не мог замаскироваться и «дабы христианин был осторожнее с ним в деловых отношениях». Теперь уже Гирш не имел права называть себя Григорием, Вольф – Владимиром, Пейсех Шлиомович – Пейсехом Соломоновичем. В Астрахани осудили некую Хасю, которая посмела в газетной публикации именоваться Александрой; в Кишиневе суд потребовал от местного присяжного поверенного, чтобы он непременно назывался Маня взамен незаконного Эммануил; в Киеве судили купца по имени Яаков, который в метрической книге именовался Янкелем. Эксперт разъяснил суду, что имя Янкель является искажением полного имени; в своих молитвах евреи взывают к Богу Яакова, а не Янкеля, и в синагогах, при провозглашении имен присутствующих, их называют Яаков, Иосиф, Элиэзер, а не Янкель, Иоська, Лейзер. Суд в Киеве вынес оправдательный приговор, но не всегда это заканчивалось так благополучно. Варшавский полицмейстер привлек к уголовной ответственности несколько евреев, которые не по правилам именовали себя на визитных карточках и на дверях квартир. В том же городе полицейские потребовали от владелицы магазина, чтобы она убрала с вывески христианское имя Елена. Когда же она представила метрику с этим именем, начальство повелело поменять вывеску во избежание всяких недоразумений, и теперь на ней значилось: «Елена Рагозинская – еврейка».

В 1893 году Государственный Совет порекомендовал Александру III исключить крымский город Ялту из черты еврейской оседлости. Соображения выдвигались исключительные: каждое лето царская семья отдыхала возле Ялты, в Ливадии, а «умножение числа евреев в городе Ялте... грозит этому лечебному месту обратиться в чисто еврейский город». Александр III утвердил рекомендацию Государственного Совета, и из Ялты начали выселять ремесленников, которые по бедности не могли приобрести цеховой аттестат и потому не были приписаны к местному обществу. Таких насчитали около пятисот человек; последний срок для

выселения назначили на двадцать девятое октября 1894 года, но за девять дней до этого в газетах появился манифест наследника престола: «Объявляем всем верным Нашим подданным...» Новый царь Николай II сообщал о смерти своего отца, который умер в Ливадии, около Ялты, в тот самый момент, когда оттуда уходили последние изгнанники.

Со сменой царя у российских либералов появились надежды на конституцию, на возвращение к реформам Александра II, но Николай II назвал эти надежды «бессмысленными мечтаниями». «Пусть все знают, – заявил он, – что я... буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их мой покойный незабвенный родитель». Российские евреи тоже надеялись на изменение политики, однако намерения нового царя прояснились и в этом вопросе. В 1895 году виленский губернатор порекомендовал правительству – для пользы христианского населения – расселить евреев по внутренним губерниям империи, и на его отчете Николай II написал собственноручно: «Я совсем не разделяю этого взгляда губернатора».

В 1883 году министерство внутренних дел запретило еврейским театрам играть пьесы на языке идиш, потому что эти представления, как докладывали из губерний, «имеют целью подъем национального духа» (за несколько лет до этого украинским театрам запретили играть на украинском языке). Теперь уже цензура не пропускала любые пьесы на идиш независимо от их содержания, а порой запрещала и пьесы, написанные по-русски, если в них попадались выражения на идиш. Чтобы обойти запрет, еврейские театры начали представлять в цензуру пьесы, написанные на немецком языке, а затем играли их на идиш, то есть на том языке, который был доступен их публике. Полиция следила за этими нарушениями и не давала разрешения на гастроли, а потому в польской газете появилось такое сообщение из местечка Сосновцы: «Недавно здесь обнаружен тайный еврейский театр. Два стражника, получив негласное сведение, отправились на квартиру Шмуля Шабаса, где застали около двухсот человек евреев, перед которыми около двадцати евреев разыгрывали какую-то пьесу на устроенной сцене. При появлении полиции игра на сцене моментально прекратилась, испуганные актеры-любители и еврейская публика начали разбегаться. Полиция задержала двух загримированных евреев, забрала несколько театральных сабель, ружье, бумажную корону и много декоративных украшений».

В 1884 году правая газета «Луч» выступила с предложением: «Наш закон о воинской повинности – лучшее средство к достижению намеченной цели: остановить размножение жидовства. Жиды созревают ранее славянских рас, а посему готовы к военной службе уже в восемнадцать лет... и их следует поголовно брать в солдаты на удвоенный срок службы... Возвратившись в отставку, жид будет иметь уже около тридцати лет. Тогда он может жениться, и если родятся у него дети – это уже будет неизбежное несчастье, которое нам придется терпеливо перенести. Но можно ручаться: при таком порядке быстрый рост еврейства приостановится. А это все, чего и требовалось достигнуть».

Статистические исследования тех лет определили, что с евреев требовали ежегодно завышенное количество солдат. Мусульмане составляли около девяти процентов населения Российской империи, а призыву подлежали не более трех процентов юношей-мусульман от общего количества призывников; у евреев брали в армию почти пять процентов от общего количества новобранцев, а их доля в населении страны составляла менее четырех процентов (двадцать миллионов прочих «инородцев» империи были вообще освобождены от службы в армии). В те времена метрические книги велись небрежно; в списки призывников часто попадали давно умершие или эмигрировавшие из России, и это увеличивало количество еврейских юношей, не являвшихся на призывной пункт. С 1886 года стали брать штраф в триста рублей с каждой еврейской семьи, родственник которой уклонялся от службы в армии. К взысканию штрафа приступали немедленно: отбирали паспорта, брали подписку о невыезде, имущество продавали с аукциона. Еврей-слесарь из Могилева должен был уплатить шестьсот рублей штрафа за двух братьев-эмигрантов, один из которых уже умер в Америке. В Одессе оштрафовали родителей, чей сын был убит во время погрома и не явился поэтому на призывной пункт. В Херсоне полиция взыскала с отца за уклонение от воинской повинности его сына Саши, и в газете написали: «Оказалось, что этот Саша не мужского рода, а женского. Факт этот подтверждается наличностью девицы Саши. Каким образом девица Саша попала в списки к отбыванию воинской повинности, понять трудно... а на скудное жалование отца этой девицы наложено взыскание – триста рублей». В Полтавской губернии «за неявку Янкеля Шапиро к отбыванию воинской повинности» оштрафовали его

брата Йомтова и выручили с проданного имущества шестнадцать копеек – за две женские кофточки, три рваных пиджака, пару штанов и три галоши.

Новый паспортный устав 1894 года повелел в паспортах у евреев описывать их наружные приметы; кроме евреев это делали лишь в паспортах у неграмотных или у состоявших под надзором полиции. В Петербурге этим не ограничились, и в еврейских паспортах стали обозначать красными чернилами: «вероисповедание – иудейское», чтобы на цвет чернил непременно обратили внимание при регистрации или проверке. Петербургские евреи обжаловали эту практику, однако в Сенате решили, что градоначальник вправе применять красные чернила для определенной группы обывателей – в интересах охраны общественного порядка. После этого красными чернилами стали пользоваться и в других губерниях.

В 1890 году философ Владимир Соловьев составил протест против антисемитизма в русской печати и собрал в Москве и Петербурге более ста подписей ученых и писателей: среди них – В. Короленко, К. Тимирязев, Л. Толстой. В протесте было сказано: «Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляя чувство справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала нашей жизни. Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитское движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России».

Министр внутренних дел доложил царю о протесте Соловьева по поводу «мнимого угнетения евреев в России»: «Подобная демонстрация может причинить только вред и послужить на пользу нашим недоброжелателям в Европе, старающимся искусственно возбуждать еврейский вопрос. Я распорядился, чтобы означенный документ не появился на страницах периодических изданий». На этом докладе Александр III пометил: «Очень хорошо», а полиция пригрозила Соловьеву административными мерами. Протест опубликовали в лондонской газете «Таймс», а в России он был помещен в книге «Слово подсудимого» под видом «неизданной ста-

тьи Вл.Соловьева». Лишь только книга вышла из типографии, цензура ее конфисковала и приказала сжечь все экземпляры.

Из воспоминаний о еврейской жизни в московском Зарядье:

«Большая комната, в углу русская печь, за перегородкой спальня. В каждом из этих номеров жили так густо, так скученно, что каждый номер вмещал в себя не менее десяти–пятнадцати человек... Вот наступают сумерки, квартиранты понемногу возвращаются. Тряпичник тащит целый узел тряпья. Чего тут только нет: куски бархата, сукна, шерстяной материи, ситцу, шелку, кружев... Картузник, подобрав подходящие куски, начинает шить картузы; завтра он их сбудет тут же, в этом переулке. На другом конце стола портной из кусков создает брючки, чинит, зашивает старое, чистит и штопает. Работа кипит... Духота и вонь от спертого воздуха, от тряпья, дым от курения, теснота. Сидят на окнах, на кроватях, на узлах. Женщины вяжут чулки, нянчат ребят. Все тут серьезные, деловые, угрюмые... Вся эта неугомонная суета лезет, кричит, поет, смеется, стонет и плачет...» – «Главное занятие скорняков-евреев состояло в том, что они ходили по портновским мастерским и скупали... полоски меха, которые мастера выгадывали при шитье той или другой вещи... Скорняки-евреи сшивали полоски в целые пластинки и продавали их в меховые старьевские лавочки на Старой площади. Еще эти скорняки занимались тем, что в мездру польского дешевого бобра вставляли седые волосы енота или какого-нибудь другого зверька; от этого польский бобер принимал вид дорогого камчатского бобра...»

Очевидец писал об изгнании из Москвы:

«До первого часа ночи мы прогуливались по бульварам, сидели на скамьях, – словом, имели вид обыкновенных гуляющих обывателей... К первому часу ночи “настоящая” публика уходила, и тогда мы располагались на скамьях на ночевку. Не было удобства, но не было и одиночества: добрая половина скамей, в особенности Тверского, Зубовского и других бульваров, была усеяна телами нелегальных... Располагавшие некоторыми средствами могли устроиться более удобно и безопасно. В Москве было множество гостиниц, предназначенных не для жилья, а для ночных свиданий. Там, конечно, не спрашивали видов на жительство. Взяв с собой первую попавшуюся проститутку, еврей был уже обеспечен ночлегом... На главных улицах можно было наблюдать, как за бойко шествовавшей

проституткой в нескольких шагах едва поспевал печальный и униженный почтенный еврей, который, конечно, очень далек был не только от покупной, но и вообще от всякой любви... Кое-кто прибегал к услугам железных дорог, иначе говоря, проводил ночь в вагоне: едет до Твери – спит четыре часа, оттуда обратным поездом в Москву – опять четыре часа спит. Некоторые жили таким образом месяцами: это, конечно, были более или менее крупные дельцы. Все кондукторские бригады знали их очень хорошо: они были своими людьми...» – «Некоторые приставы настолько вошли во вкус преследования евреев, что... решили устроить у себя "химически чистый" участок, в котором не было бы ни одного еврея, даже из тех категорий, которые не выселяли. Они приглашали к себе врачей, юристов и прочих евреев и предлагали им переехать в другой участок. Пристав Басманной части при этом цинично заявлял: "Я не имею права выселить вас из моего участка, но я отравлю вам жизнь; каждую ночь вас будут будить и проверять документы, и если что-нибудь окажется не в порядке, я буду неумолим". Во многих случаях это оказывало действие...»

Из еврейских газет:

«В Одесском окружном суде слушалось дело еврея Верника по обвинению в краже со взломом. Он сообщил судье, что решил добровольно попасть в тюрьму, а для этого подошел к первому попавшемуся дому, взломал дверь и похитил пару чулок. С этой добычей Верник отправился прямо в полицейский участок и попросил, чтобы его арестовали. Он был чрезвычайно доволен, когда его отправили в тюрьму, и на суде заявил: "Гораздо лучше перезимовать в тюрьме, чем умереть от холода и голода под открытым небом"».

«По поводу открытия Ботанического сада и начала гуляний варшавский обер-полицмейстер велит околоточным смотреть за тем, чтобы туда не впускали нищих, пьяных, бродяг, лиц, неприлично одетых, евреев в длинных сюртуках и собак».

«В русской сатирической газете «Пчелка» напечатали пародию под названием «Вот что значит еврейская эксплуатация»: «Один жид проходил по тротуару. Семилетняя девочка, желая его увидеть, высунулась из окна четвертого этажа и упала на улицу. Не запретят ли после такого вопиющего факта ходить жидам по тротуару?»

Очерк тридцать первый

Массовая эмиграция российских евреев. Барон М. Гирш и переселение в Аргентину. Начало заселения Эрец Исраэль

1

С самого начала массовой еврейской эмиграции русские газеты начали публиковать рекламы пароходных компаний, которые перевозили в Америку, и объявления о продаже «прибыльного дела» в какой-либо стране. Много статей было и по существу вопроса. В одной газете писали, что у евреев «нет никакого права покидать родину и бежать трусливо с поля сражения». Другая газета предрекала: «Юдофобии настанет в России конец, и даже самые ярые гонители евреев проникнутся сознанием, что нельзя преследовать одну часть организма, не подвергая опасности остальные». Третья газета поддерживала эмиграцию и рекомендовала правительству выработать такое законодательство, которое «сделает еврею в России жизнь невыгодной, пребывание неудобным и всячески потянет его к отъезду за границу». Четвертая газета утверждала, что евреи в России «не в гостях, а у себя дома; они – часть коренного населения, потому что живут на своих местах целые века». В пятой газете просили евреев перетерпеть трудное время и даже нашли способ, как сохранить еврейское имущество во время погромов: «Запаковать все ценные вещи и отправить их на ближайшие железнодорожные станции и в транспортные конторы... а самим

жить, так сказать, на бивуаках до тех пор, пока опасность окончательно минует».

Политика правительства в этом вопросе тоже была неоднозначной. В 1881–1882 годах министр внутренних дел Н. Игнатьев поощрял выезд евреев из России, и при нем эмиграция началась в больших размерах. Сменивший его Д. Толстой был категорически против эмиграции и грозил суровыми карами за подстрекательство к ней. Прошло время, взгляды снова изменились, и Александр III высказался таким образом по поводу выезда евреев: «И слава Богу, если бы продолжали». Но пока этот вопрос решали в министерских кабинетах, давление изнутри нарастало, выталкивая евреев за пределы Российской империи: в 1881 году уехали восемь тысяч человек, в 1891–1892 годах – более ста тысяч. «Эмиграция принимает с каждым днем все бóльшие размеры... – передавали отовсюду. – Едут очертя голову, без определенного маршрута... В делах застой, и никто из евреев не решается выпустить копейку, не зная, кому доверять, и боясь, чтобы должник не выехал в Америку».

В 1891 году первыми тронулись в путь изгнанные из Москвы, а за ними потянулись и другие. Тысячами уезжали из Киева и Бердичева – через Краков, Львов и Гамбург; уплывали из Одессы на пароходах, иногда по четыреста человек в день; уходили из Виленской и Люблинской губерний, из Могилева и Кременчуга, Кишинева и Симферополя – по пять, десять, а то и по пятьдесят семей одновременно; вагоны поездов были переполнены беженцами, и в Конотопе неожиданно обнаружили, что четвертая часть еврейского населения уже покинула город. «Я посмотрел на уезжавших, когда они входили в вагон, – писал М. Бен-Ами в путевом очерке. – Если бы умершие сами шли ложиться в могилу, у них выражение не могло бы быть иным. Эх, народ бесприютный, народ бездомный!..» Время от времени разносился очередной слух, будто евреев выселяют из Одессы, Харькова или Крыма. Этому верили, наученные прежним печальным опытом, продавали за бесценок свое имущество и приезжали в пограничный пункт – с кучей детей, чемоданами, подушками, перинами и самоваром. Когда их спрашивали, куда они едут, к кому, на какие средства, беженцы только пожимали плечами: «Сами не знаем. Там видно будет...»

Газета «Новое время» порадовала своих читателей: «Выселяется бездомный и праздный люд, вот и все», – но это не соответствовало действительности. «Переселяются самые энергичные, – сообщали из Одессы, – способные, предприимчивые, народ все здоровый, годный к труду, знающий основательно разные ремесла и даже художества». Ехали ремесленники, каменщики, плотники, извозчики, мельники и торговцы, ехали бедняки и состоятельные люди, гимназисты и студенты, ехали представители всех слоев еврейского населения черты оседлости, а

сорок молодых людей шли пешком от Одессы до западной границы, потому что у них не было денег на поезд.

Чтобы получить заграничный паспорт, надо было подготовить заранее документы, поехать из местечка в губернский город, ходить по канцеляриям, загруженным подобными просьбами, а потому многие уходили без паспортов. На границе их арестовывали, возвращали по этапу назад – «с великим шумом и плачем» они появлялись в своих городах и местечках. Кое-кому удавалось перейти границу тайком, без документов; их задерживала немецкая или австрийская полиция, но не могла возвратить обратно: без паспорта в Россию никого не впускали. Арестованных содержали под стражей, и они могли надеяться лишь на помощь какого-либо еврейского благотворительного комитета. Очевидец рассказывал: «В больших темных и грязных хлевах и сараях, на полусгнившей соломе я видел сотни людей, образующих одну беспорядочную кучу. Женщины, дети, старики, молодые люди – исхудалые, измученные уже пережитым, пугающиеся своего неизвестного будущего, изможденные и униженные до последней степени, – все они валяются здесь уже по пяти и шести дней в ожидании какого-нибудь освободителя».

В городах Германии и Австро-Венгрии существовали еврейские комитеты, которые принимали беженцев, кормили их, одевали, отправляли специальными поездами в Гамбург и Бремен. Оттуда эмигранты уплывали в Америку, и летом 1891 года в нью-йоркском порту высаживалось ежемесячно до десяти тысяч российских евреев. Кроме них ехали во множестве евреи Румынии и австрийской Галиции; ехали поляки, немцы, итальянцы, ирландцы, эмигранты разных национальностей. Бывали случаи, когда эмигрантов – в том числе и российских евреев – не пускали на берег и тем же пароходом отправляли обратно в Европу. Бывали случаи, когда возвращались по своей воле, пересекая океан на кораблях для перевозки скота, и свой бесплатный проезд они отрабатывали кормлением и чисткой коров по восемнадцать часов в день – при невероятном зловонии в трюмах и морской болезни. Они появлялись в Европе «изувеченные и в страшном состоянии» и умоляли в тех же самых благотворительных комитетах, чтобы помогли им вернуться в Россию.

Большинство евреев оседало в Нью-Йорке, поближе к родственникам и землякам, в скученности многоэтажных домов еврейских кварталов. Это были нищие люди: девяносто пять процентов из них привозили с собой в Америку менее тридцати долларов на человека. Они снимали углы в убогих квартирах, а по вечерам расставляли складные кровати и укладывали на полы матрацы, на которых спали вповалку взрослые и дети. Санитарный инспектор докладывал: «Квартиры неудобные, сырые, грязные, смрадные и донельзя тесные и темные; пища

грубая и недостаточная, воздух невозможный, грязь невообразимая, теснота ужасная, особенно там, где жилища служат также и местом для работы; здоровье жильцов самое плохое, положение детей опасное во время эпидемий, когда они мрут как мухи; дети принуждены работать, помогая родителям, в табачном и портняжном промыслах, или же в шесть-семь лет идут на фабрики, убивающие их физически, умерщвляющие их умственно и развращающие нравственно».

Часть новоприбывших занималась мелкой торговлей вразнос, но большинство поступало на фабрики и в крупные мастерские по изготовлению белья, одежды, папирос и сигар. Новички работали по двенадцать–пятнадцать часов в день по знаменитой «потогонной» системе и получали значительно меньше, чем американские рабочие. Врачи, инженеры и журналисты тоже начинали с тяжелой физической работы, и один из них описал первые семь лет жизни в Америке: «Я работал в следующих фабриках: табачной, фруктовой, лесопильне, бумажных воротничков и бумажной ткани и на железо-котельном заводе. Затем я перепробовал следующие ремесла: корзиноплетение, производство стульев и белошвейное мастерство, то есть шитье рубашек на машине. Кроме этого я был попеременно – землекопом, фермерским батраком, контролером на железной дороге, владельцем бакалейной лавочки, конторщиком в банке, студентом медицины, санитарным инспектором, управляющим домами, городским учителем, редактором еженедельной газеты и, наконец, сотрудником нескольких больших американских газет».

Беженцы-евреи составляли в Америке не более пятнадцати процентов общего количества эмигрантов. Многие христиане из Европы ехали туда на время, чтобы заработать деньги и вернуться к своим семьям, и лишь евреи в подавляющем большинстве приезжали навсегда. Некоторые временно оставляли жен и детей на прежних местах и зарабатывали деньги на «шифскарты» – пароходные билеты для своей семьи. Беженцы из одних и тех же мест образовывали землячества и открывали молитвенные дома бывших жителей Кишинева, Минска, Вильно, Ковно и других городов. Улицы и переулки еврейских кварталов были постоянно заполнены людьми; торговцы предлагали товар, разложенный на ручных тележках и лотках; слышны были звуки шарманки, которая от хасидской мелодии переходила к русской песне «Разлука ты, разлука». В еврейских кварталах почти все разговаривали на идиш, но очень быстро меняли привычки и костюмы, сбривали бороды и пейсы, и многие – не без колебаний и угрызений совести – соглашались нарушить освященный вековой традицией субботний день и пойти на работу, потому что на фабриках выходным днем было воскресенье. «Хотя наше положение в материальном отношении улучшилось, – писал в Россию новый житель Соединенных Штатов, – но мне грустно, мой брат, невыразимо

грустно. Мы здесь не знаем ни праздников, ни суббот. Неужели для того мы переселились, чтобы оставить нашу дорогую веру; ведь это я мог и в России сделать!..»

Около восьмидесяти процентов эмигрантов из России попадали в Соединенные Штаты, а остальные оседали в других странах, особенно в Англии. Они не знали английского языка, говорили на идиш и выделялись на улицах Лондона своими грязными лохмотьями. Эмигранты шли на фабрики по производству одежды, обуви, мебели и работали за малые деньги по двенадцать–четырнадцать часов в день. Некоторые закупали гребни, пуговицы, перья, прочий мелкий товар и ходили по домам в городах и деревнях. «Работают они с замечательной энергией и упорством, – рассказывали про них. – По целым годам они питаются Бог знает чем и копейку берегут пуще зеницы ока. Так жить и так работать умеет, кажется, только русский еврей». Но вскоре появились первые симптомы недовольства пришельцами, которые «работали до изнеможения за низкую плату» и снижали заработки коренных жителей. В газетах начали предрекать рост антисемитизма «из-за озлобления английского рабочего»: «Этого нельзя будет избегнуть, если не прекратится наплыв чужеземцев».

Чтобы уменьшить количество нищих эмигрантов, еврейская община Лондона стала переправлять их в Канаду. Искали и другие места для расселения российских евреев – в Египте, Бразилии, Мексике, Венесуэле, Уругвае, Австралии, на острове Кипр и на Аравийском полуострове. А эмиграция из России не уменьшалась. «Печальными были сцены в Гамбурге, откуда отправлялись пароходы с тысячами этих несчастных, – вспоминал очевидец. – Я никогда не забуду сцен при отходе пароходов. Раздался уже третий гудок, заиграла обычная музыка, замахали платками с палубы, уже стали тащить трап – и в этот момент бежит к трапу еврей, бежит назад на берег. В самую последнюю минуту он не выдержал давившей его думы – “куда я еду, что буду там делать?” – и вот он сбежал назад с парохода. Тысячи людей с парохода и с берега расхохотались над этим мучеником. Еще момент – и он сломя голову вбежал обратно на пароход. Он решился, он едет “туда”».

Пятьдесят еврейских семей, которых не впустили в Соединенные Штаты, очутились в Африке, в Конго: там они нашли работу на плантациях у бельгийцев. Несколько десятков семей поселились в Испании. Из Турции сообщали, что группы российских евреев нелегально, в товарных вагонах, проникали в Болгарию, а там их ловили и возвращали обратно в Турцию. Российские евреи появились в Стокгольме, голодные и нищие, затем в Южной Африке – в Трансваале и в Оранжевой республике; в Йоханнесбурге и в Претории со временем образовались еврейские общины, в основном выходцев из Литвы. Многие из них

занимались торговлей на золотых и алмазных приисках и в усадьбах плантаторов. «Голландские поселенцы, – писали в газете, – принимают еврея-разносчика самым дружелюбным образом. Благодаря ему фермеру не приходится ездить в город за всем нужным и напрасно терять драгоценное время. Еврей тоже доволен: за свои товары он получает овец, кожу, земледельческие продукты, которые продает потом в городе. Фермы эти отстоят на большом расстоянии одна от другой, и таскаться на лошадях по целым дням под палящими лучами африканского солнца – дело далеко не легкое, но наш русский еврей ко всему привыкает и готов все делать, лишь бы честно заработать кусок хлеба».

В 1891 году в газете появилась маленькая заметка: «Несколько еврейских семей из Одессы на пути в Австралию изменили свой маршрут и направились в Китай, избрав местом жительства Гонконг».

2

Эмиграция продолжалась в больших размерах, но вскоре выяснилось, что она не только не уменьшала еврейское население Российской империи, но даже не перекрывала его естественный прирост. В тот момент появился еврейский банкир из Парижа и предложил свой план и свои деньги для улучшения положения российских евреев. Звали его барон Мориц Гирш.

В России уже знали об этом человеке. В 1888 году он решил пожертвовать пятьдесят миллионов франков на устройство в черте оседлости профессиональных школ, ремесленных мастерских и земледельческих ферм для евреев. Гирш был уверен, что российское правительство с благодарностью примет огромное пожертвование, цель которого – улучшить благосостояние его подданных. Г. Слиозберг писал в воспоминаниях: обер-прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев «совершенно откровенно объяснил барону Гиршу, что евреи ограничиваются в правах не потому, что они признаются вредными, и не потому, что они по своей натуре заслуживают ограничения в правах, а исключительно с целью как бы уравновесить экономические силы евреев сравнительно с коренным населением, более слабым в борьбе против еврейского элемента, сильного не по числу, а по своему развитию, по своей культурности... До тех пор, пока коренное население в России культурно не разовьется, говорил Победоносцев, бюрократия вынуждена ограничивать евреев в правах... Кто желает работать на пользу евреев, должен работать на пользу просвещения русского крестьянства и вообще русского народа». Гирш понял намек и пожертвовал миллион франков на нужды церковно-приходских школ, которые опекал Победоносцев. Деньги были приняты, однако пра-

вительство пожелало по своему усмотрению распоряжаться будущими пожертвованиями Гирша, предназначенными для еврейского населения. Гирш не согласился на это условие и вместо России употребил огромные средства на учреждение еврейских школ в Галиции.

Это был человек, которого увлекали грандиозные проекты, и потому он решил: если нельзя помочь евреям в самой России, значит, надо их оттуда вывезти. Гирш отправил своих посланцев в Бразилию, Аргентину, Мексику и Канаду, и вскоре выяснилось, что в Аргентине было много незаселенных земель и уже существовали три еврейских поселения, которые основали беженцы из Подолии и Бессарабии. Так выбор пал на Аргентину. В 1891 году Гирш купил там гигантские участки земли, чтобы создать для российских евреев «новое отечество, отвлечь их от обычного занятия – торговли и, превратив в земледельцев, постепенно содействовать этим делу возрождения еврейского народа». И вскоре туда переехала первая группа переселенцев из России.

Летом 1891 года приехал в Петербург уполномоченный Гирша, член английского парламента А. Уайт – для переговоров с министрами Александра III. Шло массовое выселение евреев из Москвы; в Европе и Америке резко критиковали русское правительство за его антиеврейскую политику, и Уайту пришлось выслушать в Петербурге много нелестных слов по адресу российских евреев для оправдания репрессивной политики правительства. Их называли «смесью мошенников и ростовщиков» – и Уайт отправился из Петербурга в Москву, Киев и на юг России, чтобы увидеть евреев собственными глазами. Там он познакомился с евреями-ремесленниками, торговцами, грузчиками в порту, осматривал хозяйства земледельцев-евреев, присутствовал на полевых работах этого «деятельного, загорелого от солнца, мускулистого земледельческого населения» и пришел к выводу, что извращенный тип еврея «существует только в сознании некоторых государственных деятелей, но не имеет реального бытия». Уайт отметил в своем отчете, что городские евреи слабосильнее прочего населения из-за постоянного недоедания, но это компенсируется их «темпераментом, выносливостью и нравственным поведением: они мало пьют, редко курят, хорошие мужья и отцы семейства, терпеливы и трудолюбивы в работе». Его заключение было таково: «Этот народ, при мудром руководстве, всякую хорошо организованную колонизацию превратит в плодотворную независимо от того, будет ли она в Аргентине, Сибири или Южной Африке».

Гирш обсудил отчет Уайта совместно с другими еврейскими деятелями Европы, и осенью 1891 года они учредили акционерное Еврейское колонизационное общество (ЕКО) – для переселения евреев Восточной Европы в Аргентину и в другие страны Америки. ЕКО выпустило двадцать тысяч акций. Из них только десять акций Гирш отдал именитым

евреям Европы, а остальные купил сам, вложив в это дело гигантскую сумму – два миллиона фунтов стерлингов. Его уполномоченный снова поехал в Петербург и объяснил министрам грандиозный план Гирша: в 1892 году вывезут из России двадцать пять тысяч евреев, эта цифра будет нарастать из года в год, и через двадцать пять лет Россию покинут более трех миллионов человек. Министры с восторгом приняли этот план, рассматривая его как «счастливую случайность», и разрешили учредить в Петербурге центральный комитет Еврейского колонизационного общества с его отделениями в губерниях. Александр III утвердил устав общества, и уезжающие в Аргентину стали получать бесплатные выездные свидетельства, освобождение от воинской повинности и льготные железнодорожные билеты – при условии, что они навсегда покидают Российскую империю.

Это событие подтолкнуло многих. Повсюду заговорили о несметных богатствах барона Гирша, который помогает выехать из России и устроиться на новом месте. С жадностью читали письма из далекой Аргентины, от первых переселенцев: «Земля здесь прекрасная, гораздо лучше, чем в Киевской губернии. Хлеб убирается два раза в году, трава – четыре раза, скота очень много. Садов – гибель, а потому фрукты баснословно дешевы. Купленная бароном земля раздается на выплату в течение семи лет. Дается на семью по сорок семь с половиной десятин, четыре овцы, две коровы, две лошади, плуг, хата, борона, четыре курицы, два гуся и прочая птица на приплод. На первый год колонистам дается зерно на посев и на прокорм. Кто думает работать, тот смело может ехать, но лентяям лучше не совать сюда и носа».

Под влиянием слухов и восторженных писем собирались группы по пятьдесят–сто семейств и просили уполномоченных Гирша, чтобы их немедленно отправили за океан. Самые нетерпеливые оставляли семьи в России и ехали на разведку, а затем их жен и детей привозили в Аргентину за счет барона. Один из поселенцев писал жене в черту оседлости: «По дороге, в Германии, купи себе светлую шляпку с широкими полями. До Буэнос-Айреса можешь ехать в чем хочешь, но там оденься почище и более по-людски... Мальчика нашего тоже одень почище, и родителей – получше. Якову скажи, что если у него будут лишние деньги, пусть он в Гамбурге купит шестиствольный револьвер и тысячу патронов; это нам здесь очень пригодится. Прежде чем ехать сюда, старайтесь подкрепить свои силы; ешьте и пейте побольше, бросьте всякие заботы о делах, старайтесь приобрести вид живого человека. Наш отец, барон Гирш, сам уже позаботится устроить наши материальные дела!»

Первые эмигранты в Аргентине были людьми разных профессий. Среди них оказались и разорившиеся купцы, арендаторы земель, комиссионеры, люди без определенных занятий, которые впервые занялись

физическим трудом и не умели отличить корову от вола, плуг от бороны и ячмень от пшеницы. «Бывший купец пашет, – сообщал журналист, – его сын, бывший гимназист, пасет скот, его дочь, играющая на рояле, доит корову, мать – полусветская дама варит обед; все оборваны, живут в ранчо, то есть в избе с глинобитными стенами, соломенной крышей, без пола и потолка...» Прежде всего их надо было обучить земледелию, но инструкторы-немцы меньше всего интересовались успехом этого дела, плохо понимали цели колонизационного общества, и один из них сказал: «Охота барону Гиршу возиться с евреями; набрал бы он немцев, вот бы была колония!»

В русских газетах писали в те годы, что нет надобности уезжать в Аргентину, потому что в Сибири очень много незаселенных земель, где евреи могли бы заняться земледелием для пользы края – на средства того же Гирша. Однако политика правительства оставалась неизменной, и эмиграция продолжалась. На перевалочных пунктах в Берлине, Гамбурге, Антверпене, Лондоне скопились тысячи беженцев по дороге в Аргентину, но вскоре выяснилось, что там не были готовы к приему поселенцев. Чтобы остановить этот поток, Гирш даже призвал евреев России подождать немного и не трогаться пока в путь. А затем в еврейском журнале сообщили: «Необыкновенное движение, охватившее еврейскую массу, когда разнеслась молва о появлении "нового Моисея", к сожалению, слишком скоро сменилось недоверием и разочарованием». Семьдесят семейств из Аргентины появились в Стамбуле на обратном пути в Россию, однако капитаны русских пароходов отказывались их везти, потому что они навсегда покинули Российскую империю. В 1892 году переехали в Аргентину две тысячи восемьсот пятьдесят человек, в последующие три года – еще пять тысяч, и эмиграция на этом практически прекратилась. Часть новоприбывших осталась в Буэнос-Айресе, а остальные поселились во вновь созданных колониях.

Барон Мориц Гирш умер в 1896 году. После его смерти Еврейское колонизационное общество стало заниматься иными делами, вкладывало средства в создание еврейских поселений в Палестине, а заселение Аргентины отошло на второй план. В первом десятилетии двадцатого века в Аргентину вновь поехали евреи, и в поселениях ЕКО жили тогда тринадцать тысяч человек. Они выращивали люцерну, разводили скот, экспортировали масло в Европу, совместно пользовались крупным сельскохозяйственным инвентарем. Но постепенно дети поселенцев стали уходить в большие города, на их места поселялись окрестные жители, и к концу двадцатого века лишь кое-где сохранились земледельцы-евреи, потомки тех переселенцев, которых Гирш вывез некогда из России. Не было великой идеи, которая заставила бы держаться за земли в далекой Аргентине. Не было национальной задачи. Поселения в Эрец Исраэль,

4. Зак. 3898.

основанные на деньги Гирша, стоят по сей день, а с Аргентиной затея провалилась. Великий филантроп барон Гирш назвал одно из аргентинских поселений «Клара», в честь своей жены, но в этом поселении давно уже нет ни одного еврея.

3

Пока происходила массовая эмиграция в Америку, в еврейском обществе шли споры по поводу палестинофильской идеи. Ее противники утверждали, что евреи уже не являются нацией; только религия связывает между собой рассеянных по миру евреев, а потому им не полагается отдельной территории: это обособит их от остального человечества. Палестинофилы доказывали в ответ, что евреи – это нация: у них общность происхождения, расовые особенности, сознание своего единства и индивидуального существования, а потому они имеют право жить полноценной национальной жизнью на своей исторической родине. «Да что такое после этого нация, если к евреям этот термин не подходит? – писали в газете "Русский еврей". – Неужели случайная масса людей, живущих на "своей" территории, больше заслуживает названия национальности, чем народность, которую не могли стереть и смять двухтысячелетние преследования?..» Палестинофильство привлекало многих не только в России, и некий последователь этой идеи провозглашал в своем воззвании: «Мы пойдем туда, конечно, не все, а только те, кому нужно будет пойти, кто будет задыхаться в этой чужой враждебной атмосфере. Поколения будут жить и рождаться в изгнании, а часть их, светлая и гордая, будет уходить в Палестину и там рождать поколение за поколением, зерно будущего Израиля».

Российские евреи ехали в Палестину в малых поначалу количествах, основывали поселения на купленной земле совместно с переселенцами из других стран, рыли колодцы и вспахивали каменистую почву, которую до них не обрабатывали, быть может, тысячи лет. Это была тяжелая непривычная работа на жаре; они страдали от лихорадки и глазных болезней, но, главное, у них не было достаточно средств, чтобы самостоятельно обзавестись хозяйством и дождаться результатов своего труда. Многие земли годились лишь для виноградарства; виноградник дает полноценный урожай через несколько лет после насаждения, а пока что требовалась поддержка со стороны, чтобы продержаться до первых доходов. Помощь приходила от еврейских общин Европы и Америки; помощь приходила и от российских евреев, из палестинофильских кружков. Они действовали в России нелегально и потому собирали небольшие суммы денег на нужды поселенцев в Палестине, до двадцати

тысяч рублей в год, – это не шло ни в какое сравнение с огромными средствами, которые тратил на это дело парижский банкир барон Эдмон Ротшильд.

Заселение Палестины продвигалось чрезвычайно медленно: были споры, сомнения, разочарования и ошибки на том пути, по которому прежде никто не шел. Переселенцы слышали еще в России, что виноградники в Палестине дают прекрасные доходы, и ехали туда в надежде на обеспеченную жизнь, – однако трудности и неудачи на новом месте разочаровывали, а то и приводили в отчаяние. Еврейский историк И. Г. Клаузнер писал: «Когда оказалось, что только люди с весьма скромными материальными требованиями и к тому же готовые работать собственными руками и терпеть известные неудобства и лишения, – что только такие люди могут найти в родной стране хлеб, и только хлеб, а не богатства, – тогда многие охладели к Палестине и к палестинофильству, переселение приостановилось, и все сионистское движение как бы превратилось в особого рода филантропию для поддержания нескольких уже существующих колоний. Что же делать?..»

Ответ на этот вопрос попытался дать Ашер Гинцберг из Одессы: в 1889 году он напечатал в еврейской газете статью под названием «Не тем путем». Это была первая его литературная работа; в ней он хотел высказать мнение не писателя, а «человека из народа»: поэтому статья была подписана псевдонимом Ахад га-Ам – в переводе с иврита «один из народа». Статья вызвала бурные отклики палестинофилов, и Ахад га-Ам продолжил эту тему в последующих работах. Он утверждал, что палестинофильство шло по неверному пути, потому что «провозгласило свой лозунг лишь от имени голодного желудка». Недостаточно – да и преждевременно – провозглашать заселение Эрец Исраэль: «возрождению на земле» должна предшествовать работа по «привлечению сердец», по укреплению чувства национального единства, и без предварительной

Ахад га-Ам
и его факсимиле

духовной подготовки реальное возрождение невозможно. Ахад га-Ам утверждал: Палестина не сможет в ближайшем будущем решить материальные проблемы еврейского народа, но она может и должна стать его центром для национального объединения рассеянного народа. «Мы нуждаемся в духовном национальном центре, который был бы верным приютом не для «евреев», а для «еврейства», для нашего национального духа, в устроении которого принимали бы участие все сыны нашего народа из всех стран рассеяния, чтобы это участие духовно сближало людей, далеких друг от друга по месту и по взглядам».

В 1889 году Ахад га-Ам и его последователи основали орден «Бней Моше» – «Сыны Моисея». В его программе было сказано: «Перед нами два пути: путь жизни и путь смерти. Если мы хотим умереть, то оставим все лекарства, предлагаемые нам, и встретим смерть спокойно, ибо она неизбежна. Но если мы выберем путь жизни, то должны сами создать для себя пристанище в верном месте. Где же это верное место, как не в стране отцов?» Орден «Бней Моше» просуществовал восемь лет; у него были отделения в разных городах России, и от его членов требовались высокие моральные качества: беззаветное служение идее национального возрождения, нравственная чистота, взаимопомощь, честность и скромность. Ахад га-Ам писал: «Палестинскую идею могут упрочить не филантропы своими звонкими грошами, не ораторствующая и пишущая братия своими громкими фразами, даже не дельцы, ищущие хорошего теплого местечка, которое они хотели бы найти в Палестине, ибо все это – лишь материал для постройки, иссохшие кости, которые только тогда оживут, когда их осенит дух идеалистов». Таких идеалистов, преданных одной идее, и собирал в свои ряды орден «Бней Моше».

В начале 1890 года министр внутренних дел утвердил устав нового палестинского общества, и на учредительное заседание съехались в Одессу сто шестьдесят два депутата из городов Российской империи. Общество объединило все прежние нелегальные кружки «Хиббат Цион» под новым названием – «Общество вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине». Правление общества находилось в Одессе, и его председателем стал Л. Пинскер. Легальное палестинское общество открыто собирало деньги на нужды поселенцев, и за первые полгода из городов и местечек прислали более сорока тысяч рублей: одесские евреи, к примеру, пожертвовали девять тысяч, а евреи городка Владиславова – пятнадцать рублей сорок две копейки. Эти деньги шли на развитие хозяйств существовавших поселений, на нужды отдельных поселенцев, и в протоколах заседаний общества записывали: выделить вдове поселенца шестьдесят франков на починку телеги, помочь веревочному мастеру из Иерусалима в приобретении инструментов, выдать пять тысяч франков на посев в Петах-Тикве – и тому подобное.

Вскоре стало ясно, что беднякам не по силам заселить и освоить Святую Землю, а потому палестинское общество начало привлекать состоятельных российских евреев, чтобы покупали там земли, основывали большие поместья и развивали промышленность. В городах России образовывались товарищества на паях, которые собирали деньги и посылали своих представителей в Палестину для покупки земли. Лишь только они появились в Яффе, как началась земельная спекуляция. Владельцы земель – турки и арабы – немедленно взвинтили цены; ловкие посредники продавали несуществующие участки; многие сделки так и не состоялись, потому что посланцы из России были неопытны и их с легкостью обманывали. Земельная спекуляция напугала турецкие власти, и они запретили покупать земли на имя иностранных подданных. Теперь надо было давать взятки чиновникам и оформлять покупки на местных жителей, а это, конечно же, усложняло дело.

В 1891 году в Палестине появилась новая волна беженцев из России. Каждую неделю пароходы привозили двести, а то и четыреста человек, и у палестинского общества не хватало средств, чтобы помочь каждому. Из Яффы сообщали: «Эмиграция евреев приняла характер хаотического бегства. Прибывает много бедных людей, обремененных семействами, неспособных к усиленному физическому труду... Все эти эмигранты, за немногими исключениями, не находили для себя ни работы, ни какого бы то ни было дела и после многих лишений и долгих мучений должны были возвратиться обратно, разнося повсюду самые печальные вести». Но на смену им ехали следующие, еще в больших количествах, и один из новых переселенцев записал в дневнике: «Июль 1891 года. Яффа. Море бурлит и кипит. Взлетая и проваливаясь на волнах, к судну подошли лодочники; точно черти, вскарабкались по канатам, налетели на нас, как разбойники: кричи не кричи, никто не выручит, – и вот мы уже в лодке, а через минуту на берегу. Тут встретил нас Владимир Темкин, глава исполнительного комитета Ховевей Цион в Эрец Исраэль, и прошептал: "Быстро проходите!.." На другой день после нашего прибытия въезд в страну был закрыт».

Турецкие власти закрыли страну лишь для российских подданных: пароход приплывал в Яффу, на борт поднимался чиновник для проверки паспортов и отделял евреев из России от прочих пассажиров. Кое-кому удавалось сойти на берег без разрешения турецких властей; они бежали к крепостной стене, которая окружала город, ныряли в узкий лаз и исчезали в переплетениях улочек. Иногда возле этого лаза дежурил турецкий полицейский, и тогда в дело вступал некий Йоселе: ему давали монету, он передавал ее полицейскому, тот отворачивался на секунду – и новый переселенец оказывался в городе.

Беженцы из России искали обходные пути, чтобы попасть в Палестину. Плыли на парусниках из Египта, высаживались нелегально на

пустынных берегах Средиземного моря, шли пешком из Бейрута, через ливанские горы. Не все выдерживали затем тяжелые условия жизни и покидали страну, а на смену им появлялись следующие, брались за кирку и лопату, натирали кровавые мозоли, – одни из них сдавались и уезжали, а другие оставались и побеждали.

Перепись 1790 года насчитала в Соединенных Штатах Америки четыре миллиона жителей, и среди них семьсот еврейских семейств – примерно три тысячи человек. Это были в основном сефарды, потомки евреев из Испании и Португалии. К середине девятнадцатого века в Соединенных Штатах было уже пятьдесят тысяч евреев, а к 1880 году их количество превысило двести тысяч – за счет эмигрантов из Германии. Эмиграция из России и Царства Польского была сначала ничтожной: с 1821 по 1870 год приехали оттуда 7550 человек. После первых погромов 1881 года началась массовая эмиграция из России в Соединенные Штаты, которая дала следующие результаты: 1881 год – 8193 человека, 1882 год – 17497 человек, 1883 – 6907, с 1884 по 1886 – от пятнадцати до семнадцати тысяч ежегодно, с 1887 по 1890 – примерно по тридцать тысяч в год. После изгнания евреев из Москвы количество эмигрантов возросло: 1891 год – 42145 человек, 1892 год – 76417. Затем в США начался экономический кризис, и эмиграция сократилась: с 1893 по 1900 год приезжали из России от двадцати пяти до сорока пяти тысяч ежегодно. Всего с 1881 по 1900 год выехали из Российской империи в США около шестисот тысяч человек. (До конца девятнадцатого века американская статистика фиксировала лишь страну, из которой приехал эмигрант, но не его национальность, однако в эмиграционной волне из России подавляющее большинство составляли евреи.) К началу двадцатого века в Соединенных Штатах Америки было почти полтора миллиона евреев из разных стран мира, и половина из них жила в Нью-Йорке.

После погромов 1881 года в Одессе появилось общество «Ам олам» – «Вечный народ». Его участники призывали евреев переселиться в Америку и создать там сельскохозяйственные коммуны: это был американский вариант билуйцев, которые для подобной цели выбрали Эрец Исраэль. В 1881 году переехали в США семьдесят человек из Елисаветграда, а вслед за ними несколько сот – из

Киева, Вильно, Одессы и Кременчуга. Летом 1882 года студенты и курсистки из киевской группы «Ам олам» прошли торжественным маршем по улицам Нью-Йорка, со знаменем и свитком Торы. Молодые идеалисты основали несколько земледельческих коммун в разных штатах, чтобы создать в Америке «цивилизацию нового типа». Они не забывали про Россию и решили даже построить корабль, приплыть на Дальний Восток и устроить политическим заключенным побег в Америку. Через несколько лет все коммуны распались, а последняя из них – «Нью-Одесса» в штате Орегон – продержалась до 1887 года. У ее обитателей не оставалось денег даже на проезд, и они три месяца шли пешком до Нью-Йорка.

Из еврейского журнала «Восход»: «Недавно один еврей три дня водил меня по Генуе, скрывая свое происхождение, но на вокзале не выдержал и заговорил: "А не бывали ли вы, пане, часом у в Шполе?" Случилось так, что я мог его порадовать: я бывал в этом богозабытом и прегнусном местечке. Мой попутчик так и затрепетал, так и засиял: "Уй! Когда я уехал из Шполы в Америку и застрял в этой поганой Генуе из-за чахотки, у нас хотели мостить базар". – "И теперь еще хотят, голубчик". – "И теперь хочут?!. Уй, уй, уй! Если бы я имел двести лир, посмотрел бы я на мою Шполу..." Он улыбался, но в глазах стояли крупные светлые слезы».

Мориц Гирш – полный его титул барон Мориц фон Гирш де Герейт – получил от турецкого правительства концессию на прокладку железнодорожных путей и благодаря этому накопил огромные богатства. Это был человек, который любил жить в роскоши, но он часто повторял: «Я социалист, и я готов раздать все свое имущество, если и другие поступят таким же образом». У него умер сын, единственный наследник, и после этого Гирш употребил свои средства на благотворительную деятельность. Он пожертвовал миллион франков на строительство еврейских школ в Оттоманской империи, учредил школьный фонд для евреев Галиции, фонды помощи евреям Львова, Кракова и Будапешта; для еврейских эмигрантов из России основал комитеты помощи в Берлине, Стамбуле и Нью-Йорке. Еврейский благотворительный комитет Лондона получал ежегодно все суммы, которые Гирш выигрывал на скачках, – иногда по двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов он пожертвовал на устройство больниц для раненых обеих армий и

предоставил в распоряжение русской императрицы четыреста тысяч рублей – на благотворительные цели в России. В Нью-Йорке на деньги Гирша была основана школа на семьсот пятьдесят детей, вечерние курсы для взрослых, ремесленные школы, детские приюты и детские сады. Затраты Гирша на благотворительные цели оценивают в четыреста миллионов франков – невероятно огромная сумма по тем временам. В своем завещании барон Гирш оставил Еврейскому колонизационному обществу еще шесть миллионов фунтов стерлингов, а после его смерти Клара Гирш потратила их гигантское состояние на всевозможные благотворительные проекты в разных странах мира.

Ахад га-Ам был главой ордена «Бней Моше» – организации масонского типа. Отделения ордена существовали в Петербурге, Варшаве, Одессе, Вильно, Минске, Полтаве, Люблине, Саратове и других городах Российской империи, а также в Берлине, Балтиморе и Ливерпуле. Отбор новых членов был очень строгим, и немногие «посвященные» – евреи-интеллигенты – клятвенно обещали служить идее национального возрождения, пробуждать «любовь к народу», «любовь к Эрец Исраэль» и воспитывать поколение, способное построить национальный дом в Палестине. Для распространения своих идей орден «Бней Моше» открывал светские школы с преподаванием на иврите, основал издательство «Ахиасаф» для издания еврейских классиков на иврите, идиш и русском, книг по истории евреев и книг для детей; выпускал журнал «Гашилоах». К 1897 году, с развитием сионистского движения, орден «Бней Моше» прекратил свое существование.

В 1882 году еврей из Одессы Реувен Лерер стал обладателем земель в Палестине, назвал свою усадьбу Нахалат Реувен – Наследие Реувена и начал заниматься сельским хозяйством. В нескольких километрах от его усадьбы уже закладывали Ришон ле-Цион, но поблизости жили лишь бедуины, которые прозвали Лерера «хава́джа моско́би» – господин из Москвы. Затем появились новые переселенцы из России, и Реувен Лерер продавал им участки по очень дешевой цене. Они построили общий дом из кирпича, который сами изготовляли и обжигали, и на каждую семью пришлась одна комната с дверью и отверстием вместо окна. Среди поселенцев был и Аарон Айзенберг: больной туберкулезом, он приехал с женой из Пинска и стал рабочим. Айзенберг и его друзья достали

деньги и купили у Лерера оставшуюся землю: так появилось новое поселение Вади Ханин. Очевидец рассказывал: «Душа радуется, когда видишь этот поселок даже издали... В саду произрастают апельсины, лимоны, орехи, яблоки, гранаты и финики... Колонисты все люди молодые, здоровые, энергичные и честные; некоторые из них занимаются тесанием камней и этим добывают себе хлеб, пока земля, в которую они вложили массу труда, сможет их обеспечить... Душ в колонии: мужского пола – семнадцать, женского – шестнадцать. Земли – 1500 дунамов, виноградных лоз – 56700, верблюдов – два, ослов – два, коз – одна...»

Земли по соседству с Вади Ханин приобрел еврей из Вильно Михаил Гальперин, чтобы основать там рабочий поселок, и в 1891 году состоялось освящение нового поселения. Гости начали съезжаться к вечеру, всю ночь танцевали у костров, а утром со стороны Ришон ле-Циона появилась группа всадников. Во главе ее на белой разукрашенной лошади скакал Михаил Гальперин, в черкеске, с серебряным кинжалом за поясом, а над ним развевалось большое бело-голубое знамя – «знамя Сиона». Это знамя они водрузили на вершине холма, и новое поселение получило название Нес-Циона – «Знамя Сиона»: из книги пророка Иеремии – «Поднимите знамя в Сионе...»

Иегошуа Ханкин приехал с Украины еще юношей и всю жизнь занимался приобретением земель в Эрец Исраэль. Располагая малыми средствами переселенческих обществ из России, он сумел застолбить большой участок земли, и в 1890 году, на праздник Пурим, туда отправились поселенцы: они ехали верхом и на телегах, а флагом им служил платок, привязанный к палке. «Под громовое победное «ура», – вспоминал один из них, – мы устроили хоровод и принялись плясать на глазах у бедуинов, которые изумленно взирали на эту картину. Но вот явился герой дня, Иегошуа Ханкин – молодец, силач, с окладистой бородой и ниспадающими на плечи кудрями. Его встретили оглушительными трубными кликами...» Так появилось новое поселение Реховот. Его первыми обитателями стали бывшие жители Царства Польского, среди них и Бася Макова, которая ради переселения разошлась с мужем: тот остался в Брест-Литовске, а она привезла детей в Эрец Исраэль.

В 1891 году Иегошуа Ханкин купил земли еще для одного поселения: так появилась Хадера, и первыми в ней поселились евреи из Вильно, Ковно и Риги. Покупка земель у арабов требовала невероятного терпения, выдержки, обходительности и восточной

дипломатии. Тридцать лет подряд Ханкин вел переговоры о приобретении земель в Изреэльской долине – и добился своего. Еще больше времени у него ушло на то, чтобы купить земли вдоль прибрежной полосы от Хайфы до Акко. После смерти Ханкина подсчитали, что этот человек на общественные средства приобрел шестьсот тысяч дунамов земли и ни одного дунама не купил для самого себя.

Очерк тридцать второй

Перепись 1897 года. Экономическое положение российских евреев. Участие в торговле, промышленности и сельском хозяйстве

1

Двадцать восьмого января 1897 года в Российской империи проводилась первая всеобщая перепись населения – по губерниям и уездам Европейской России, Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Перепись насчитала в тот день более пяти миллионов евреев (точная цифра – 5 189 401): это составило 4,13% от всего населения Российской империи и примерно половину от общего количества евреев во всем мире. Подавляющее большинство российских евреев (93,9%) жило в пятнадцати губерниях черты оседлости и в Царстве Польском, а вне черты – 314 765 человек. Перепись также определила, что лица иудейского вероисповедания по своему количеству занимали четвертое место в Российской империи – после православных, мусульман и католиков.

Перепись 1897 года привлекла внимание к проблемам еврейского населения, и русские газеты запестрели сообщениями из черты оседлости. Из Умани писали: «Привыкнув с детства к мысли об эксплуататорских инстинктах евреев, наши счетчики были буквально поражены, увидев, в какой обстановке живут эти эксплуататоры. Страшная скученность, беднота, масса нищих и людей без определенных занятий, живущих чем

Бог послал, – вот на что то и дело приходилось натыкаться...» Из Бердичева сообщали: «Еврейское население бедствует очень сильно...» Из Белой Церкви: «Страшно становится за судьбу будущего их поколения, живущего впроголодь, босого и оборванного. Дети почти все без исключения худы, желты, с задатками будущей чахотки или бессилия...» Из Витебска: «Согнанные из деревень и высланные из внутренних губерний не знают, куда приложить свой труд, и не редкость, что семья из пяти человек целые сутки питается четырьмя фунтами хлеба и одной селедкой. И заметьте, все это трезвый, семейный народ, бедность которого нельзя объяснить гульбою или пьянством... Фабрик нет, в деревни не пускают, – куда деваться? И это в то время, когда в других местах идут вопли о недостаточности рабочих рук».

Перепись установила, что восемнадцать процентов еврейского населения черты оседлости жили в сельских местностях, а остальные были скучены в городах и местечках без права и надежды выбраться оттуда. «Временные правила» 1882 года повели к разорению беднейшей части еврейского населения, мелких торговцев и ремесленников: не было уже никакой возможности выбраться из тесноты города или местечка и хотя бы на время поселиться в деревне, чтобы заработать на хлеб. Однако в русском обществе было распространено мнение, что жалобы евреев на их стесненную жизнь не имеют основания: ведь им выделены для жительства обширные территории пятнадцати западных губерний. Забывали при этом или сознательно умалчивали, что «Временные правила» ввели еще одну черту внутри черты оседлости, которая намного сокращала дозволенные районы проживания. Кишиневский губернатор князь С. Урусов писал про положение евреев в Бессарабской губернии: «Правильнее было бы считать, что не губерния с ее четырьмя миллионами десятин, а лишь ничтожная площадь усадебной земли, помещенной в городских и местечковых планах, составляет действительную черту оседлости бессарабских евреев».

Это был замкнутый круг. Переполнение городов и местечек вело к жестокой конкуренции ремесленников и торговцев; они сбивали цены на изделия и товары и вытесняли конкурентов-христиан; те начинали жаловаться на еврейское засилье; в ответ на это правительство вводило ограничения, которые еще больше стесняли еврейское население, приводили к еще большей конкуренции и очередному вытеснению христиан, – а это снова вело к разговорам о еврейском засилье, к новым ограничениям и окончательному обнищанию еврейских общин. Корреспондент «Биржевых ведомостей» передавал из Гомеля после посещения еврейского квартала: «Убогие, вросшие в землю полулачуги-полупещеры... невыносимый смрад, вонь и грязь на улицах... голодная, жадная и смрадная нищета, выглядывающая из-за каждого угла, и эти

валяющиеся на земле или копошащиеся среди опаршивевших котят и щенят полуголые и прямо-таки голые дети...»

В Вильно, под одним из домов еврейского квартала располагалось трехъярусное подземелье, в котором жили люди. Первый подвал освещался маленьким окошком наверху, на одном уровне с землей. В этом подвале жил пекарь, стояла огромная печь, в которой он выпекал хлеб на продажу, и духота в подвале была невыносимой. Оттуда вела лестница вниз, в узкую, темную и сырую пещеру с земляными стенами и без притока воздуха. В ней были устроены нары в два этажа, и там размещались восемь человек. Из этой пещеры по крутой лестнице попадали в третье подземелье, глубоко под землей, обитатели которого платили за съем пятьдесят копеек в месяц. Очевидец был потрясен увиденным: «Уже в первое подземелье воздух притекает со зловонного, переполненного жильцами двора... Теперь судите, чем дышат в нижних подземельях».

М. Бен-Ами описал еврейское местечко черты оседлости: «Тут вам сейчас же бросается в глаза жизнь, полная вечных мук и тревог, вечных страхов и опасений за завтрашний день. Тут все живет случайностями, тут нет ни одной спокойной обеспеченной минуты, ни одного часа забвения. Все построено на песке, который первый ветер разносит во все стороны. Никаких определенных занятий, ибо никто не знает, за что собственно взяться, – и бросается на все. Сегодня покупает шерсть, завтра кукурузу, послезавтра сено или уголь, а то бросится на молочное, на сахар, купит вдруг овцу, старую лошадь, теленка, заброшенную телегу или поломанный плуг – в надежде продать с прибылью. Это тогда, когда есть что дать в "задаток". Другие же, а их большинство, просто вертятся около того или другого в каких-то надеждах, авось чудом каким-нибудь «схватить заработок» в несколько копеек... Ради этого "заработка", как бы он ни был ничтожен, готовы копошиться целый день, не спать всю ночь, делать десятки верст пешком, подвергаться всяким опасностям, жить под вечными страшными угрозами набегов урядников, акцизных, актов, протоколов, кутузки, штрафов... Своего ничего нет; все надо покупать, за все надо платить... кругом изнуренные, озабоченные, мертвые лица; отовсюду доносятся глубокие вздохи, стоны, жалобы...»

2

К концу девятнадцатого века в Российской империи было примерно полмиллиона ремесленников-евреев – мастеров, подмастерьев и учеников. Перепись зарегистрировала шестьдесят ремесел, которыми они занимались, в первую очередь – портняжное, сапожное и столярное: в этих ремеслах использовались примитивные орудия труда и не требовалось

предварительного капитала по сравнению с более сложными и дорогими производствами. Портные составляли четверть от общего количества ремесленников-евреев, и на подсобных портняжных работах было занято огромное количество детей от девяти лет и старше. Исследователь еврейского быта писал: «Жизнь еврейских ремесленников вовсе нельзя назвать жизнью. Тесная зловонная каморка в каком-нибудь подвале – там ремесленник спит, ест, отдыхает и работает вместе со своими работниками, там же играют его дети. Воздух спертый и отравленный пылью и всевозможными миазмами. Лучи солнца туда не проникают. Рабочий день длится пятнадцать–восемнадцать часов... Мастер портной получает по восемнадцать копеек в день, а подмастерье – по четыре копейки... Страшно бледные исхудалые лица, изогнутые спины и впалая грудь – развалины в полном смысле этого слова...»

В Вильно евреи составляли шестьдесят процентов от общего числа ремесленников. В городе было много евреев-маляров, плотников, печников, водовозов, дровосеков, каменщиков; стекольщики, трубочисты и ломовые извозчики все до одного были евреи. В Гродно и Бердичеве евреи тоже составляли шестьдесят процентов от общего числа ремесленников, в Ковно и Житомире – семьдесят пять процентов, в Белостоке – восемьдесят; в Минске работало более пяти тысяч ремесленников-евреев и несколько ремесленников-христиан. Заказы, как правило, были случайны, заработки минимальны; покупали у евреев крестьяне и городские бедняки, которые предпочитали дешевизну, а не качество товара, и потому изделия многих ремесленников выделялись грубой работой и низким качеством материала. Заказов на работу вечно не хватало, и странствующие столяры, сапожники, портные уходили на заработки в самые отдаленные районы. Порой они складывались по нескольку человек, приобретали лошадь с телегой и ехали из деревни в деревню, предлагая свои услуги.

Среди ремесленников-евреев встречались замечательные мастера, работы которых поражали многих. «В Полонном, – писал путешественник, – евреи выделывают прелестные вещи из дерева: сахарницы, чайницы, пепельницы, детскую мебель, разные игрушки... Дешевизна этих вещей превосходит всякое вероятие». Около пятидесяти процентов ювелиров в черте оседлости составляли евреи, и секреты мастерства они передавали в семьях из поколения в поколение. Ювелиры изготавливали традиционные еврейские изделия – ханукальные светильники, субботние подсвечники, серебряные бокалы, щитки для украшения свитков Торы; в Варшаве для богатых клиентов-поляков они изготавливали сабли, оправленные в золото и серебро, бокалы, кубки, всевозможные женские украшения. Исследователь отмечал: «Ремесленники-евреи до такой степени восприняли польскую народную культуру, что по спра-

ведливости считались лучшими мастерами по набойке женских тканей, раскраске сундуков и ларей, изготовлению женских, так называемых краковских, ювелирных изделий». Более тысячи ювелиров-евреев работали в городах внутренних губерний России. В знаменитой ювелирной фирме Фаберже, «поставщике двора Его Императорского Величества», было пятьсот мастеров, и лишь трое-четверо из них – в том числе и Ю. Раппопорт – имели право ставить собственное клеймо на изготовленных ими изделиях.

Из-за отсутствия работы каждый третий еврей в черте оседлости занимался мелочной торговлей в лавочках или торговлей вразнос. Одна лавка приходилась в среднем на двадцать–тридцать жителей (во внутренних губерниях – на сто–двести), и оборотный капитал в еврейских лавках нередко составлял два–три рубля. Из-за жестокой конкуренции евреи продавали товары по более низким ценам, и потому стоимость предметов первой необходимости в черте оседлости была ниже, чем во внутренних губерниях. Не обладая достаточными капиталами, еврейские торговцы старались увеличить количество сделок, чтобы поскорее выручить вложенные деньги и снова пустить их в оборот. Это придавало их торговле гибкость и подвижность; они деятельно искали покупателя и проникали в самые отдаленные места. Скупщики сельскохозяйственных товаров и коробейники ездили по глухим деревням, куда никто кроме них не добирался, и из Подольской губернии сообщали: «Мелкая торговля не свойственна русскому и не вознаграждает за труд; торговля на медный грош по преимуществу свойственна еврею... Если не купит еврей, то некому вовсе и продать, если не купить у еврея, то вовсе негде купить...» Однако свобода передвижения в черте оседлости была ограничена; странствующих торговцев и ремесленников мог арестовать любой полицейский, а то и местный житель, который для своего удовольствия ловил евреев в недозволенных для их пребывания местах.

На толкучих рынках городов и местечек евреи торговали старыми вещами; вся стоимость товара не превышала двух–трех рублей, и выручка в день составляла, самое большее, десять–двадцать копеек. Очень просто было открыть шинок без всякого оборотного капитала: оптовик давал бочку водки в долг, шинкарь ее продавал, а когда привозили ему вторую бочку, он рассчитывался за первую. Но к концу девятнадцатого века власти ввели государственную монополию на торговлю водкой и стали продавать ее лишь в казенных винных лавках – «монополькаx», «царских кабаках». Сразу же закрылись частные питейные дома, а евреям запретили служить в казенных лавках, на складах и на спиртоочистительных заводах. Отпали причины к обвинению евреев в спаивании крестьян, но одновременно с этим десятки тысяч семей, не получив доступа к иным заработкам, остались без средств к существованию.

Одним из видов торговли в городах и местечках черты оседлости была «ссыпка» хлеба: в базарные дни евреи покупали у крестьян пшеницу с возов, ссыпали в амбары, а затем отправляли вагон зерна крупным торговцам хлебом. Таким способом существовали те, у кого были хоть какие-то деньги, а совсем уж нищие евреи зазывали крестьян к амбару того или иного скупщика и получали за это копейку с пуда. М. Бен-Ами писал в своих очерках: «Возьмем этого, с позволения сказать, «купца», около амбара которого постоянно происходит сутолока, деятельная нагрузка и выгрузка... Каждый вечер он уезжает на вокзал нагружать и отправлять вагоны... а в результате холодный ужас в душе при мысли о долгах, о наступающих платежах и т. д. ... Однажды в кабинет цадика зашел один бедняк... но едва несчастный успел отворить дверь кабинета, цадик, не дав ему выговорить и слова, крикнул: "Что, плохи дела, плохи? Ничего, ничего. Поезжай домой. Бог поможет, Бог поможет". – "Ребе! – воскликнул бедняк. – До меня зашел к вам купец, и вы его продержали около двух часов, а меня даже не выслушали!" – "Видишь ли, – сказал ему цадик, – когда является ко мне купец, я должен с ним биться два часа, пока узнаю, что он бедняк. Что же касается тебя, то я вижу это с первого взгляда"».

В черте оседлости было более ста тысяч чернорабочих, и за ничтожную плату они занимались самыми тяжелыми физическими работами. «Особенно много евреев-носильщиков... – отмечал наблюдатель. – Чах-

Евреи черты оседлости: торговец квасом, продавец бубликов, маляр, плотник

лое существо, в котором, кажется, еле душа держится, тащит на себе целый шкаф, комод или ящик; раз мы видели такое существо, на которое два здоровых мужика нагружали огромный тюк шерсти, больше его самого; мне казалось, что этот тюк должен раздавить и расплющить еврея, ибо он даже глаза вытаращил от напряжения, но взвалившие на него люди сказали: "Ничего – снесет!" – и, к моему удивлению, он, кряхтя, понес тюк на спине за полверсты, и за эту переноску ему полагалось всего пять копеек...» В Ковно евреи возили на двухколесных тележках грузы по пятнадцать–двадцать пудов, «и эту тяжесть, которая считается обычной для лошади, двигает силой мускулов чахлый еврей со впалой грудью, узкими плечами и воспаленными от ветра и пыли глазами». В Гродно евреи строили здания, и подростки таскали кирпичи на верхние этажи по десять часов подряд. В виленской типографии мальчишки десяти-двенадцати лет вертели ручной типографский станок по тринадцать-четырнадцать часов в день и получали за это рубль в неделю. Один из них рассказал, что пятьдесят копеек он посылает матери в местечко, а на остальные деньги живет: пятачок в день на хлеб и пятнадцать копеек в неделю – за право переночевать в общей комнате.

В городах черты оседлости количество евреев без определенных занятий доходило до пятидесяти процентов. Эти люди хватались за любую работу; посыльные и агенты могли целый день суетиться до изнеможения за каких-нибудь пятнадцать копеек. Кишиневский губернатор

вспоминал: «Не раз мне приходилось наблюдать в Кишиневе, как неторопливый молдаванин, привезя на рынок воз сена или зерна, ложился в тени покурить трубку, а юркий еврей, суетясь и волнуясь, приставал к покупателям, выхваливая привезенный товар, бегал с образцами его по лавкам и, наконец, найдя покупателя и сговорившись с ним о цене, тащил своего ленивого доверителя к расчету. Получив деньги, молдаванин с добродушной важностью подавал фактору серебряную монету в пятнадцать-двадцать копеек и уезжал домой».

Случайный заработок был недостаточен для пропитания семьи, и многим приходилось нищенствовать. В еврейской среде нищенство считалось непочетным, да и невыгодным занятием из-за обилия нищих, и с протянутой рукой шли в том случае, когда не было иного выхода. Но даже и те семьи, где кое-как сводили концы с концами, время от времени обращались за помощью в свою общину. В Одессе на праздник Песах просили поддержки по сорок тысяч человек ежегодно, в Вильно – треть еврейского населения, в Ковно и Минске – столько же. Смертность среди взрослого еврейского населения была значительно выше, чем у их соседей: умирали обычно от сердечных заболеваний и туберкулеза; в Варшаве и Одессе более половины умерших евреев хоронили за счет общины, потому что у их родственников не было денег на погребение.

Порой доходило до того, что полицейские чины устраивали сборы в пользу голодающих евреев, и из Вильно писали в газету: «То, чего не встретишь в городах с одним русским населением, – лица явно голодных, хронически голодных людей, с характерным голодным блеском глаз, – здесь, в толпе еврейского пролетариата, так поражает свежего человека, что невольно сердце сжимается».

3

В 1897 году в черте оседлости было около семи с половиной тысяч фабрик, из которых евреям принадлежали почти три тысячи. Как правило, это были небольшие фабрики с малой производительностью, с годовым оборотом в несколько тысяч рублей. «Евреи устраивают заведения, не требующие больших капитальных затрат... – отметила правительственная комиссия. – Еврейские фабрики устроены вообще не солидно, на скорую руку, как бы временно; это объясняется отчасти и тем, что при шаткости юридических отношений, в какие поставлены евреи, они не решаются предпринять что-либо прочное, долговременное». Количество еврейских рабочих на фабриках и заводах черты оседлости не превышало семидесяти тысяч человек. Основные промышленные районы находились в центре России, на Урале и Кавказе, куда евреям не

было доступа; *не могли они попасть* и в Донецкий угольный бассейн, который стремительно развивался и испытывал недостаток в рабочей силе; не пускали их и в Сибирь, на строительство Великой Сибирской магистрали. Почта, телеграф, железные дороги принадлежали казне, и евреев туда тоже не допускали.

Ограничительные законы перекрыли многие пути к экономической деятельности, и тем не менее еврейские капиталы, еврейские головы и руки способствовали промышленному развитию Российской империи. Треть пивоваренных заводов в черте оседлости, три четверти табачных и махорочных фабрик и половина кожевенных принадлежали евреям. Они эксплуатировали несколько сотен паровых и водяных мельниц, собственных и арендованных. Бродские, Зайцевы, Гальперины, Балаховские и другие фабриканты владели третью сахарных заводов в черте оседлости; эти заводы располагались, как правило, в сельской местности, и еврейских рабочих туда не допускали. Производство спичек и щетины было сосредоточено на еврейских фабриках; евреи содержали более шестидесяти процентов лесопилен черты оседлости, фабрики по изготовлению дешевой мебели, пуговиц, фанеры, арматуры, железных кроватей, проволочно-гвоздильные производства, фабрики по производству игрушек и бумаги, по обработке кожи, изготовлению обуви, перчаток и кошельков. Евреи, изгнанные из Москвы и знакомые со вкусами тамошних потребителей, развили в Варшаве производство галантерейных изделий для вывоза во внутренние губернии России. В Лодзи была хлопчатобумажная и шерстяная промышленность, в Вильно – шерстяная промышленность и производство готового платья; в Белостоке производили сукно, шерстяные одеяла, шляпы, бархат, плюш и шелк – этим делом занимались около трех тысяч евреев. «В низкой комнате, – рассказывал очевидец, – за громоздкими деревянными станками работали старые и молодые ткачи. У более пожилых – изможденные, худые, совершенно бескровные лица, большие нечесаные и растрепанные бороды и сосредоточенный на работе взгляд. Непроизвольно, совершенно машинально они совершают движения туловищем и головой в такт движениям станка. И так продолжаются часы, дни и годы».

В Житомире и Бердичеве евреи производили дешевую мебель; сапожные изделия из Брест-Литовска везли во внутренние губернии; Двинск был центром пуговичного производства, где работало много женщин-евреек. В Екатеринославской губернии евреям принадлежали кирпичные заводы, маслобойни, заводы по изготовлению сельскохозяйственных орудий и машин. В Витебске на еврейских фабриках производили около тридцати тысяч плугов в год; в Минской губернии евреи изготавливали веялки, молотилки и соломорезки, ставили лесопильные и смолокуренные заводы по сухой перегонке дерева. В Могилевской

губернии они основывали стекольные заводы и заводы по производству изразцов; в местечке Дубровна ткачи-евреи изготавливали талесы для российских евреев. В городе Калише Царства Польского евреи развили чулочно-вязальное и трикотажное производство и создали новую отрасль – изготовление вышитых изделий, которые вывозили во многие губернии. В местечках Киевской губернии они шили полушубки и крестьянское платье, а в Подольской губернии – тачали сапоги, плели лапти, продавали на местных ярмарках веревки, канаты и мешки собственного изготовления.

Евреи-промышленники, специалисты и квалифицированные рабочие участвовали в развитии нефтяной промышленности на Каспии. Парижский банкирский дом Ротшильдов основал в Баку Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество, которое добывало нефть, вырабатывало и отправляло керосин по российским городам и во многие страны, участвовало в прокладке нефтепровода Баку–Батуми, впервые в мировой практике занялось добычей нефти со дна Каспийского моря. Работали на Каспии еврейские нефтепромышленные фирмы «И. Гальперин и компания», «Дембо и братья», «Г. Поляк и семья»; химик-технолог А. Бейлин разработал новые методы переработки нефти; компании, принадлежавшие евреям, вырабатывали сорок четыре процента керосина от общего его производства в России. Банк барона Г. Гинцбурга был самым крупным золотопромышленным банком Российской империи. Он вкладывал деньги в создание новых приисков по добыче золота и платины, и одно только Ленское товарищество, которое финансировал этот банк, добывало четвертую часть золота в России.

Д. Марголин из Киева руководил Обществом судоходства по Днепру и его притокам: семьдесят восемь пароходов этого общества осуществляли более семидесяти процентов всех перевозок по Днепру. И. Найдич был одним из крупнейших винопромышленников России; в кожевенном производстве славился своими изделиями завод Хаима Френкеля в Ковенской губернии, в табачном – фабрика И. Шерешевского в Гродно и махорочные фабрики братьев Гурари из Кременчуга. На международной выставке 1894 года в Лионе фабрикант Бродский из Киева получил почетную награду за качество изготовленного сахара, Гершанович из Вильно – за мыло, Каган из Шавлей – за шоколад, Барон из Двинска – за ликеры, Кац из Ковно – за краски, Барановский из Мелитополя – за муку, Гинцберг из Ковно – за старый мед, Виленчик из Риги – за табак, Маргулис из Одессы – за фотографии.

Евреи играли огромную роль во внешней и внутренней торговле Российской империи. В Северо-Западном крае почти вся хлебная торговля была в их руках; они вывозили хлеб за границу через Одессу, Херсон, Николаев и порты Балтийского моря, закупали его для российских

винокурен и для продажи жителям городов. Около семидесяти процентов торговли сахаром приходилось на долю еврейских купцов. В Виленской и Ковенской губерниях они покупали лен, раздавали его для обработки, а затем вывозили за границу и на русские фабрики. В южных губерниях они закупали скот и потеснили прочих конкурентов; покупали хлопок в Средней Азии; вывозили за границу домашнюю птицу и впервые стали экспортировать в Европу яйца; в Астрахани и Царицыне евреи занимались обработкой и укладкой рыбы, которую рассылали по всей России и в другие страны, открывая новые рынки сбыта. Рыботорговцы российских городов обвинили евреев в захвате рыбного рынка, просили выселить их из Царицына и Астрахани, но местные рыбопромышленники встали на защиту евреев: «Для этих торговцев было бы, может быть, значительно выгоднее, если бы они являлись единственными покупателями товаров у промышленников; тогда они могли бы нам диктовать какие угодно цены и предписывать какие угодно условия».

Продажа леса была одной из самых крупных отраслей еврейской торговли: его везли по Днепру в южные безлесные губернии, отправляли сухим путем в Польшу и Германию, вывозили морем через балтийские порты; тысячи евреев Виленской и Ковенской губерний работали плотовщиками, сплавляя лес по рекам. В газете «Новое время» отметили: еврейские купцы-меховщики в Москве «не платят по десяти тысяч за магазин, на служащих тратят немного, склады товаров у них на подворьях, в дешевых палатках, на собственных квартирах, приказчики – на комиссионной плате: продал – получил процент, не продал – не взыщи; в заграничных центрах и в восточной России у них постоянные агенты... Мы торгуем по-старому, евреи опередили и в торговой ловкости, и в умении обходить всякие помехи».

Самым крупным торгово-промышленным центром черты оседлости была Одесса, которая из крохотной татарской деревушки превратилась за сто лет в большой город. Евреи Одессы владели фабриками по производству косметики, бумаги, ваты, обоев, сахара, ювелирных изделий; им принадлежали мельницы, винокуренные и уксусные заводы, паровые прачечные и фабрики химической промышленности. До середины девятнадцатого века монополистами по вывозу хлеба за границу были греческие торговые дома из Одессы. Они искусственно занижали закупочные цены в России даже в те периоды, когда хлеб на мировых рынках стоил дорого, – и получали огромную прибыль. Чтобы завоевать хлебный рынок, торговцы-евреи в пятнадцать–двадцать раз понизили свою прибыль по сравнению с греческими купцами: производители зерна получали теперь ту разницу, которая прежде шла в карманы торговцев-монополистов. В торговле зерном выделялся одесский торговый дом Эфрусси, и экономисты определили те качества, которые позволили

евреям завоевать хлебный рынок: «Особое умение взяться за торговую операцию и провести ее; торговый нюх, дающий еврею возможность верно определить и предугадать шансы задуманного дела; дух предприимчивости, заставляющий его не пугаться встречающихся препятствий, не опускать после первой неудачи рук, а бодро доводить дело до конца, бросаясь из стороны в сторону, хватаясь то за то, то за другое средство, чтобы выручить себя из беды». К концу девятнадцатого века евреи вывозили из Одессы за границу до пятидесяти процентов от общего экспорта пшеницы, ржи и кукурузы, до шестидесяти процентов овса и ячменя, до восьмидесяти процентов муки и маслобойного семени.

Одесса была знаменита среди российских евреев как город разнообразных возможностей, где можно было заработать на жизнь и даже разбогатеть. Новоприбывшие приезжали из Бердичева, Кишинева, Житомира, Киева, Винницы, и перепись 1897 года насчитала в Одессе почти сто сорок тысяч евреев. Третья часть из них, по данным городской управы, жила в ужасающей нищете, в невозможных условиях, и в санитарных отчетах управы то и дело отмечалось: «Флигель грозит падением... Полы почти отсутствуют... Воздух спертый... Потолки обваливаются и подперты балками... Течет со стен... Склеп, а не квартира... Конура, в которой и собака не стала бы жить...» Пятьдесят тысяч нищих евреев процветающей Одессы, которую называли «Южной Пальмирой», «маленьким Парижем», «красавицей Юга», перебивались случайными работами, и крохотный однодневный заработок шел на полуголодное существование семьи в течение всей недели. Были в Одессе и десятки тысяч ремесленников, мелких торговцев, которые еле сводили концы с концами; на вершине социальной лестницы стояли богатые купцы, фабриканты и домовладельцы, а выше всех – восемнадцать евреев-миллионеров города.

На конфетных фабриках Одессы работу выдавали на дом, и бывало так, что вся еврейская семья заворачивала конфеты в этикетки, чтобы заработать за целый день тридцать-сорок копеек. Очевидец рассказывал: «Как сейчас вижу перед собой низкий, темный подвал; с позеленевших от сырости стен тоненькими струйками стекает вода и крупными каплями медленно, точно нехотя, падает на земляной пол. Посреди подвала на грязном полу стоит грубая плетеная корзина, и в ней несколько пудов конфет. Кругом на корточках уселась вся семья: мать, взрослая дочь и четверо малых детей. У каждого в руке пачка бумажек и этикеток. Быстро работают худенькие детские руки и не по-детски серьезно глядят их бледные лица. Еще быстрее работают мать и дочь, но конфет в корзине еще много, и не одну их тысячу придется завернуть, пока корзина будет очищена и можно будет разогнуть уставшую от напряжения спину».

Все новые и новые переселенцы из черты оседлости появлялись в Одессе, и один из ее жителей писал: «Помню, в детстве меня удивляла несообразительность мух, гибнувших на сладкой ядовитой бумаге. А теперь приходится удивляться евреям. Из писем родственников и знакомых, из многочисленных рассказов очевидцев они знают, что Одесса – не рай, что здесь давно уже перестали "золото лопатами загребать" и что в Одессе нищеты и голода не меньше, чем в Вильно, Ковно, Бобруйске; и тем не менее обезумевшая нищета хватается за Одессу как за соломинку... Им некуда идти: все дороги заграждены, и, подталкиваемые голодом, они устремляются в Одессу и здесь уже окончательно гибнут».

4

Перепись 1897 года выявила, что сельскохозяйственным трудом занимались в Российской империи около двухсот тысяч евреев, работников и членов их семей – в черте оседлости, а также на Кавказе и в Забайкалье. Сибирские евреи жили в деревнях бок о бок с христианами, а земледельцы-евреи черты оседлости – в обособленных поселениях, которые располагались на казенных землях, и кое-где на собственных и арендованных участках. Размеры этих участков были невелики, земли не хватало; нищие безлошадные хозяйства не могли прокормить жителей, и многие из них занимались случайными промыслами.

В Литве и Белоруссии евреи выращивали картофель, свеклу, морковь, огурцы, брюкву, лук, фасоль, вывозили овощи в другие районы России и за границу. За недостатком земель они ездили в Польшу и Восточную Пруссию, арендовали там участки и закладывали огороды. На Украине евреи выращивали на бахчах арбузы, дыни и тыквы; в Волынской губернии – картофель и сахарную свеклу для винокурения; в северо-западных губерниях разводили скот и продавали молоко, масло и сыр; занимались они и пчеловодством, шелководством, рыбной ловлей и лесными промыслами.

В Бессарабии евреи разводили сады, выращивали орехи и сливы, занимались табаководством, виноградарством и виноделием. Современник отмечал: «Виноделы и подвальщики в Бессарабии – почти поголовно евреи. Вольфензоны, отец и сын, развели лучшие в губернии виноградные сады, подобрав подходящие для местного климата и почвы французские и немецкие сорта винограда, и они же создали первые местные питомники филлоксероустойчивых американских лоз». В Сороках, в плодово-виноградном питомнике Еврейского колонизационного общества, работали подростки – «краснощекие, смуглые юноши с блестящими глазами, широкими плечами и мускулистыми руками... Здесь

не было видно испуганных, худых лиц, тощих, болезненных форм и робких, неуверенных движений... Исключительно их трудами велись обработка земли, уход за растениями и выработка консервов».

Самые крупные и продуктивные еврейские сельскохозяйственные поселения располагались в Новороссии: в Екатеринославской губернии – семнадцать, в Херсонской – двадцать одна. У них были как самые обычные названия – Надежная и Добрая, Веселая и Сладководная, Роскошная и Приютная, Трудолюбовка и Хлебодаровка, так и названия, в которых проглядывала национальность их обитателей: Израилевка, Нагартов – в переводе с иврита «хорошая река», Ефенгар – «красивая река», Сейдеменуха – «поле отдыха». При Александре II с колонистов сняли жесткую опеку, позволили собственными путями организовывать жизнь, и положение в новороссийских колониях заметно улучшилось. Там сеяли пшеницу, ячмень и овес, сажали картофель, косили сено для скота. У земледельцев был свой инвентарь – плуги, бороны, жатвенные и косильные машины; они держали коров, волов, лошадей и овец, разводили домашнюю птицу, высаживали фруктовые сады, мололи зерно на собственных мельницах, перерабатывали молоко в сыр и масло; в поселках были построены каменные дома, школы, синагоги, аптеки; на собранные средства содержали врачей и раввинов. Исследователь писал в начале двадцатого века: «Кто ездил по колониям лет пятнадцать-двадцать тому назад и затем осмотрел бы их теперь, тот был бы поражен настоящим их видом. Раньше... кроме ободранных хат ничего не было видно, сейчас же... дома буквально утопают в зелени, при школьных зданиях имеются отличные фруктовые сады... Плодовые деревья растут прекрасно, уход за ними образцовый и не оставляет желать ничего лучшего».

В степных новороссийских поселениях жизнь была нелегкой: безлесье, очень сухой климат, сильные ветры, недостаток питьевой воды, которую привозили издалека; иногда проносился ураган с дождем и градом, уничтожая урожай целого года, разрушал дома и выворачивал с корнем деревья. В неурожайные годы поселенцы бедствовали так же, как и их соседи-христиане, но несмотря на многие трудности земля кормила тех, кто ее обрабатывал. Один из российских министров отметил после посещения этих поселений: «В отношении благосостояния евреи-колонисты если и не могут выдержать сравнения с колонистами-немцами, то, во всяком случае, зажиточнее и обеспеченнее соседних русских крестьян».

Обследование выявило, что семьдесят процентов евреев не пользовалось наемным трудом, а посевная площадь у них была вдвое больше, чем у крестьян. На сельскохозяйственных выставках евреи получали высшие награды за скотоводство и лесоводство, за качество помола зерна,

шелководство и очистку шерсти, за новые образцы веялки и четырехлемешного плуга собственного изготовления. Однажды земледельцы-евреи с юга Украины приехали по делам в Петербург и вызвали удивление среди сановников, которые до этого сталкивались лишь с евреями-посредниками или торговцами. «Вид здоровых плечистых заправских хлеборобов... – рассказывали тогда, – приводил многих в изумление, как нечто невиданное и совершенно неожиданное».

Казалось, это и был тот путь, который мог хотя бы частично устранить скученность в городах и местечках и искоренить еврейскую нищету, но «Временные правила» 1882 года запретили евреям арендовать и покупать земли в сельских местностях. Еврейские общины просили у властей, чтобы позволили приобретать небольшие участки для выращивания овощей и картофеля, но всякий раз получали отказ; даже выпускникам одесской земледельческой школы не разрешили владеть крохотным участком земли. Порой евреи нарушали закон и арендовали земли через подставных лиц или по словесному уговору, и кишиневский губернатор признавал: «Большинство местных помещиков, в том числе самые завзятые юдофобы, всегда предпочитают арендатора-еврея греку, армянину или русскому... Члены Государственного Совета в Петербурге, сенаторы, даже министры, вводившие ограничительные для евреев законы, не брезгают фиктивной арендой». Чтобы власти не придирались к арендаторам-евреям, приходилось оплачивать их невмешательство, а это стоило недешево. В Бессарабии платили полицейским чинам до пятидесяти копеек за каждую десятину, откармливали их скот и позволяли им засевать бесплатно часть арендованной земли.

Во время сева или уборки урожая евреи нанимались на поденную работу в поле. Женщины убирали хлеб, картофель, капусту, лен, мужчины пахали, косили, убирали и молотили хлеб. С юга Украины сообщали: «Почти каждый вечер на улицах города появляются люди, созывающие местных евреев на полевые работы: “Жиды, на работу! Сорок копеек в день!” – слышим с одной стороны, а с другой – “Эй, жиды, пятьдесят копеек!” И каждый день на рассвете выезжают из города три-четыре подводы, нагруженные еврейскими рабочими...» – «В нашем местечке не редкость встретить на возу, запряженном волами, длиннополого еврея, везущего то дрова, то свекловицу; в этом же году очень многие евреи и еврейки, молодые и пожилые, работают в поле. Они, понятно, не умеют еще косить и жать, но исполняют те полевые работы, которые им пока доступны: загребают оставшиеся колосья, складывают снопы в копны, работают возле паровой молотилки. Правда, евреи сильно утомляются от непривычной полевой работы, но в конце концов они преодолевают ее, и в экономии, как говорят, остаются очень довольны этими импровизированными рабочими».

В южных губерниях черты оседлости евреи собирались партиями по пятьдесят, сто, даже триста человек и нанимались в помещичьи имения. Они хорошо справлялись с непривычной работой на полях; помещики ценили их за трезвость, за желание изучить незнакомое дело и за отсутствие прогулов, а крестьяне удивлялись невиданному зрелищу и говорили: «Жиды, а робят як мужики».

В течение девятнадцатого века еврейское население Российской империи возросло примерно в шесть раз. Перепись 1897 года определила, что в пятнадцати губерниях черты оседлости было 3 558 060 евреев, а в Царстве Польском – 1 316 576. В Варшавской губернии евреи составляли 18,12% от общего количества населения, в Гродненской губернии – 17,28%, в Минской – 15,77%, в Полтавской – 4,02%. По абсолютному количеству еврейского населения на первом месте была Киевская губерния – 427 863 еврея, за ней Волынская губерния – 397 772, на последнем месте Таврическая губерния – 66 125. По количеству городских жителей евреи занимали в Российской империи третье место после русских и поляков; примерно восемьсот тысяч евреев жило в крупных городах черты оседлости: в Бердичеве они составляли 79,8% от всего населения города, в Слуцке – 77%, в Пинске – 74%, в Белостоке – 64,1%, в Минске – 52%, в Кишиневе – 46,3%, в Вильно – 40,9%, в Екатеринославе – 36,8%, в Одессе – 34,4%, в Лодзи – 33,2%, в Киеве – 12,9%. По количеству евреев Варшава занимала первое место среди городов Российской империи и второе место в мире после Нью-Йорка – 219 128 человек, треть населения города. Корреспондент сообщал в газету: «Постоянный житель центральной России, случайно очутившись в Варшаве, легко может подумать, что здесь именно и есть царство Израиля. В самом деле, на первый взгляд кажется, что из-за евреев не видно коренных поляков и из-за еврейского «дусь» и «вусь» не слышно польского «пши» и «пше». Суббота здесь – всеобщий праздник настолько, что даже конторы, представляющие именитое московское купечество, закрывают в этот день свои двери».

Перепись определила и количество евреев во внутренних губерниях. В Санкт-Петербургской губернии они составляли 1,01% от всего населения (21 270 человек), в Смоленской губернии – 0,69% (10 496 человек), в области Войска Донского – 0,6% (15 440), в Псковской губернии – 0,58% (6456), в Харьковской – 0,55% (13 725), в Московской – 0,36% (8749 человек), и меньше

всего в Вологодской, Вятской и Уфимской губерниях – 0,03%. На Кавказе евреи составляли 0,63% от всего населения (58 471 человек), в Средней Азии – 0,16% (12 729). Перепись выявила, что в Петербурге жило тогда около семнадцати тысяч евреев, в Харькове – 11 013, в Москве – 8095, в Иркутске – 3609, в Томске – 3214, в Нижнем Новгороде – 2377, в Туле – 2334; от 1200 до 1700 евреев – в Воронеже, Курске, Казани, Саратове, Самаре, Оренбурге и Чите; в Перми – 942 и в Якутске – 356 евреев. В Финляндии на день переписи было 644 еврея, в Бухаре – 727, в Хиве – восемь, в Верхоянске – шесть, в Олонце – два, в заграничном плавании на военных кораблях – три.

Писатель И. Л. Перец отметил с горечью: «Ну, а что же статистика? Может ли она сказать, каково число пустых желудков, бесполезных зубов? Каково число людей, чьи глаза вылезают из орбит, словно вытягиваемые клещами, при виде куска хлеба? Каково число людей, умиравших от голода и оттого обратившихся к жульничеству и конокрадству?.. Учитывает ли статистика учащенное биение сердца... перед первым преступлением? Измерит ли она, как кровоточит его сердце после совершения преступления? Подсчитывает ли она бессонные ночи до и после?..»

В конце девятнадцатого века специалисты провели исследование типичного городка Киевской губернии, где было две с половиной тысячи евреев на двенадцать тысяч христиан. Среди еврейского населения оказалось: купцов – двадцать два, лавочников – восемьдесят, портных – семьдесят семь, сапожников – шестнадцать, кузнецов – десять, слесарей – семь, извозчиков – пятнадцать, торговцев лошадьми – девять, торговцев хлебом – шестнадцать, меламедов – семнадцать, учителей и учительниц – девять, канторов – пять, раввинов – три, торговцев дровами – двенадцать, поварих на свадьбах – пять, без определенных занятий – восемь. Были там еще мясники, шапочники, рабочие на сахарном заводе, столяры, токари, водоносы и пекари, часовщики и красильщики, бочар, типографский рабочий, аптекарь, доктор, два фельдшера, две акушерки, два продавца книг, четыре владельца постоялых дворов. Мелкие лавочники со временем разорялись, не выдержав конкуренции, и уходили работать на фабрики, если, конечно, там были свободные места. Сто двадцать девушек этого городка работали швеями, вышивальщицами, вязальщицами чулок, работницами на конфетной фабрике; за восемнадцать часов работы они получали по тринадцать копеек в день, а стоимость хлеба в неурожайные

годы доходила до десяти копеек за килограмм. «Лицо девушки ужасающее, – писал исследователь, – впалые исхудалые щеки, глубоко впалые глаза, острый подбородок. Она с трудом отвечает на задаваемые вопросы. Эта девушка собирается в Америку. "Хорошо, – со вздохом говорит она, – ехать в эту страну, когда еще имеются силы; но когда уже весь организм надломлен – тогда и в новой стране одно только горе..."»

Первый президент государства Израиль Хаим Вейцман был родом из белорусского городка Мотоль, и он вспоминал: «Мотоль жил лесоторговлей... Отец мой был сплавщиком. Он рубил и трелевал лес, а затем сплавлял его в Данциг... Отец отправлялся в самый далекий и глухой лес, километров за двадцать–двадцать пять от дома. Единственной ниточкой, связывавшей его с домом, была санная дорога, да и ту могло в любой момент занести снегом... В лесах водились волки, иногда встречались грабители. По счастью, отношения между отцом и теми сезонниками, которых он нанимал, – мужиками из Мотоля и окрестностей, – были замечательные: простые и добрые, почти патриархальные. Несколько раз на отца нападали грабители, но рабочие всегда прогоняли их. Работа была тяжелая и изнурительная, но отец, в общем-то, любил ее – возможно потому, что она требовала немалого искусства. Он сам помечал предназначенные для вырубки деревья, сам наблюдал за их перевозкой к реке... После праздника Песах начинался сплав плотов к морю...»

В «Горном журнале» за 1891 год сообщили: «Центром янтарной промышленности в России является Полангеи, небольшое местечко в Курляндской губернии... Первая янтарная фабрика была основана здесь лет тридцать тому назад. Рабочих около ста человек; все рабочие, без исключения, евреи; они очень искусны в обработке янтаря, и дело, так сказать, кипит в их руках. Гигиенические условия довольно благоприятны: на фабрике светло и просторно, вид рабочих здоровый и бодрый, хотя сама по себе эта работа очень нездоровая – в помещении всегда носится масса мелкой янтарной пыли. Фабрика ежегодно отправляет массу янтарных изделий на нижегородскую ярмарку, куда являются покупатели из Турции, Персии и даже из Африки; для этой последней специально изготовляются крупные, величиной в кулак, округленные куски, употребляемые туземцами вместо денег».

Из книги русского исследователя М. Земцова «Еврейские крестьяне» (1908 год) – о земледельцах Екатеринославской губернии: «Жилища колонистов отличаются необыкновенной опрятностью, палисадники старательно выгорожены, вдоль них по улице часто проложены тротуары. Колонисты любят цветы...» – «У евреев ниже смертность и рождаемость. Человеческая личность у евреев ценится независимо от ее работоспособности. Жена колониста – прежде всего мать. Она много работает и в хозяйстве: при скоте, на огороде... Крестьянские мальчики целый день занимаются пастьбой скота и птицы. Еврейские дети до тринадцати лет сидят в хедере, и колонист не позволит себе оторвать их от учебы; для пастьбы скота нанимают пастухов. Субботу еврей-колонист чтит также более свято, чем крестьянин воскресенье... Празднование субботы требует приобретения пшеничной муки, куска мяса, которое едят один раз в неделю. Евреи очень редко одеваются в домотканую одежду, да и то это исключительно нижняя одежда; их верхняя одежда – всегда из покупной ткани. Лапти колонисты кое-где носят, когда занимаются сельскими работами, но вообще ходят в сапогах...»

Еврейские банкирские дома играли важную роль в экономике Российской империи и принимали участие в государственных займах. Самыми крупными из них были банки Г. Гинцбурга, братьев Поляковых, И. Вавельберга, И. Блиоха. С. Френкель учредил Петербургский международный коммерческий банк; А. Френкель стал одним из основателей Центрального банка русского поземельного кредита; Л. Розенталь участвовал в создании Московского купеческого банка, Виленского коммерческого банка и многих других; А. Варшавский был одним из учредителей Варшавского учетного, Киевского промышленного, Екатеринославского коммерческого и Полтавского земельного банков. В начале двадцатого века Б. Каминка стал председателем правления Азово-Донского коммерческого банка, А. Соловейчик – директором-распорядителем Сибирского торгового банка и учредителем Монгольского банка, Я. Утин – председателем правления Учетно-ссудного банка в Петербурге. В 1916 году представители крупных банков страны решили создать Центральный банк России для финансирования промышленности. В организационный комитет этого банка вошли восемь человек, шестеро из них были евреи.

Банкирский дом Гинцбургов, испытывая финансовые трудности, попросил у правительства кредиты, но не получил их – вопреки существовавшей практике поддерживать стабильность крупных российских банков. В 1892 году банкирский дом Гинцбургов перестал существовать. Л. Полякову отказали в кредитах по той причине, что его банк, как заявил один из министров, «представляет старинную еврейскую фирму, давно укоренившуюся в Москве и являющуюся там могучим центром и оплотом еврейства».

Из еврейских газет конца девятнадцатого века:

«По случаю крушения поезда на Юго-восточной железной дороге газеты отмечали, что при быстром росте железнодорожного дела число машинистов увеличивается весьма незначительно и что трезвый машинист встречается не часто. По этому вопросу собирался даже особый съезд инженеров. Ожидали, что будет отменен обычай, по коему машинисты-евреи не допускаются на железнодорожную службу. Ожидания, однако, не оправдались».

«Если у вас есть восемь человек детей и Господь Бог благословил вас таким состоянием, что вы можете ежедневно тратить на продовольствие четырнадцать с половиной копеек (семь копеек на хлеб, три на селедку, три на крупу и картофель и полторы копейки на лук, соль, перец и пр.), то это значит, что вы не только не голодаете, но и – "дай Бог и в будущем не хуже". Если вы можете расходовать лишь девять копеек в день, то это значит – "живем кое-как, перебиваемся". А если у вас нет почти ничего, и вы проголодали с женой и детьми и старухой-матерью с понедельника до четверга вечером, и у вас нет денег на покупку муки для халы, двух фунтов рубца или рыбы для субботней трапезы и хотя бы трех-четырех субботних свечек, а заложить решительно нечего и занять негде, – то это уже, пожалуй, и можно назвать настоящей голодовкой».

«В характере российского еврея есть одна счастливая черта, оказывающая ему замечательную поддержку в тяжелые минуты жизни. Когда его постигает какая-либо неприятность, в его уме тут же всплывает представление о более крупной неприятности, которая в данном случае могла бы произойти, – и потому он считает себя счастливым».

Очерк тридцать третий

Жизненный уклад еврейских общин. Благотворительность. Хедеры, иешивы и синагоги. Раввины черты оседлости. Свадьба в местечке

1

Первый президент государства Израиль Хаим Вейцман писал в своих воспоминаниях: «Городок, где я родился, Мотоль (или Мотеле, как его любовно называли евреи), стоял – да, возможно, еще и сейчас стоит – на берегу небольшой речки, в болотистой местности, занимавшей бóльшую часть Минской и соседних белорусских губерний, на плоской, открытой равнине, угрюмой и однообразной... Весной и осенью все вокруг превращалось в море грязи; зимой здесь царствовали лед и снег, летом неизменно висело облако пыли. И повсюду на этой равнине, в сотнях городков и местечек, жили евреи, жили уже давно – крохотные еврейские островки в чужом океане...»

Жизненный уклад еврейских общин черты оседлости мало менялся со временем. Отношения между членами семьи в повседневной жизни, отношения между человеком и общиной регулировались законами Талмуда, раввинскими постановлениями и вековыми обычаями. В этом закрытом мире царили нищета, скученность, постоянное беспокойство о завтрашнем дне и забота о пропитании семьи, но этот мир существовал по собственным законам и обычаям, которые не только накладывали отпечаток на облик российского еврея, но и позволяли ему жить

полноценной духовной жизнью, познавать глубину и смысл существования. Современник вспоминал: «Начиная с пятилетнего возраста требовали от меня самого строгого исполнения всех сложных обязанностей благочестивого еврейского мальчика: утренняя, предвечерняя и вечерняя молитвы, обязательное благословение перед едой, перед питьем, молитва перед сном и еще одна утренняя молитва при умывании... Я верил, что во мне два духа – дух добра и дух зла; в борьбе между ними должен победить дух добра, и решить эту победу обязан я... Я отчетливо припоминаю, что на каждом шагу я предавался оценке, является ли данное мое желание результатом внушения духа добра или духа зла».

На улице местечка

Еврейское население в массе своей строго соблюдало религиозные заповеди – к удивлению сторонних наблюдателей. Даже кухарки-христианки в зажиточных еврейских домах прекрасно знали, что следует вымачивать и солить мясо перед его приготовлением, чтобы в нем не осталось крови; они не смешивали молочную и мясную посуду и «не вводили хозяев в грех». Некий священник стыдил своих единоверцев на страницах газеты «Русь»: «А какой еще невыносимой укоризной нам служат нехристиане, например евреи... Посмотрите, настал шабат – суббота, праздник еврейский – и что же? Вы не увидите ни одного еврея за куплей или продажей, и все еврейское сословие в этот день от мала и до велика спешит и бежит в молитвенные свои дома». В некоторых местечках земские на-

чальники даже переносили базарные дни с воскресных дней на будние, чтобы крестьяне из окрестных деревень не пьянствовали в свой праздничный день на глазах у евреев, которые строго соблюдали субботу. В городах и местечках с преимущественным еврейским населением торговля по субботам практически прекращалась, и христиане мирились с этим. «Если вы забыли купить что-либо в пятницу, а в субботу уже шабаш, у евреев ничего не достанете, – сообщал житель местечка. – Отправляетесь в польскую лавку, с вас спрашивают двойную цену за все и откровенно говорят: "Все равно сегодня у жидов ничего не купить"».

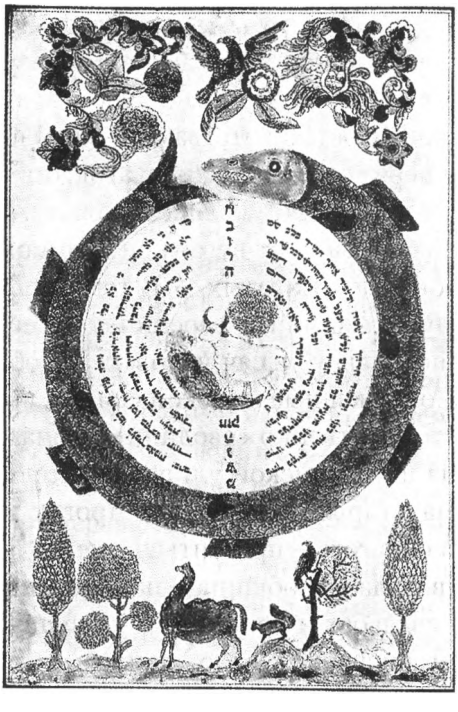
По пятницам с самого утра начинались поспешные приготовления: все шли в баню, переодевались, затем торжественно отправлялись в синагогу для встречи «невесты-субботы». После молитвы дети и взрослые возвращались домой, где было празднично убрано, горели субботние свечи, на столе лежали под салфеткой свежеиспеченные булки-халы. Хозяйка дома подавала рыбу, суп, мясо и цимес, а в промежутках между блюдами вся семья пела в честь субботы: «Как красива и сладка любовь сердечная...» За небольшую плату – порой за рюмку водки или булку – христиане приходили вечерами по пятницам гасить лампы в еврейских домах, а зимой – топить печи по субботам. В молодости М. Горький работал поденно у земледельцев-евреев юга Украины: «Я часто бывал у них шабес-гой, то есть тушил лампы в пятницу вечером, носил вещи в субботу и т. д. Я никогда не забуду этой красивой естественной святости, присущей этой нации, видом которой я наслаждался. В особенности их светлой семейной домашней жизнью. Но теперь, как мне кажется, евреи удалились от этой простоты, и у них уже нельзя найти той поэзии жизни, которая меня, бывало, приводила в восторг».

В Люблине – рассказывал житель города – каждую пятницу под вечер ходил по улицам реб Герш Мехл из братства «Шомрей шабат» – «Охранители субботы» и «гнал перед собой, как куропаток, стаю лоточниц и торговок, засидевшихся в ущерб наступающей субботе: "Домой! Зажигать свечи! Бесстыжие!" Все убегали от него, а он с шумом захлопывал ставни и двери магазинов, еще открытых...» В том же Люблине «по субботам и праздникам тянулись длинные вереницы людей в большие синагоги, вмещавшие по нескольку тысяч человек. По обычаю, в первую после свадьбы субботу, окруженные женской свитой, шли разодетые молодые жены, которых торжественно «вводили» в синагогу. Согласно обычаю города Люблина по Еврейской улице обязательно провозили и всех покойников; на старых неказистых дрогах каждого мертвеца подвозили к большой синагоге – проститься с нею».

В семейных событиях участвовала вся община – на обрезании мальчика, его бармицве, а также на свадьбах и погребении умерших; самым распространенным пожеланием друг другу было «дожить до того дня,

чтобы повести детей под хупу» (свадебный балдахин). «Молодые новобрачные, – отмечал писатель А. Паперна, – не опошленные, не изжившиеся, не истратившие своих сил на стороне... легко привыкали, приноравливались, привязывались друг к другу; сильная вера в святость брачной жизни, естественный инстинкт, общность семейных и экономических интересов – все это создавало крепкую связь между молодыми супругами, делало их необходимыми дополнениями друг к другу, развивало в них родственную любовь, ту любовь, которая с годами не ослабевает, а крепнет». Российские евреи отличались трезвостью, бережливостью, крепостью семейных связей и традиционной заботой о детях: по этой, видимо, причине смертность в детском возрасте была у них значительно ниже, чем у окружающего населения. Еврейские семьи были многодетными, и Хаим Вейцман вспоминал: «Мать... постоянно была либо беременна, либо кормила очередного младенца... Она родила отцу пятнадцать детей, из которых трое умерли в младенчестве, а остальные благополучно выросли. Она не воспринимала это как тяжкое бремя: ей хотелось иметь как можно больше детей, и рожала она их с большой радостью с семнадцати до сорока шести лет».

Евреи черты оседлости жили обособленно, замкнутыми общинами, говорили между собой на языке идиш и отличались от окружающего населения религией, обычаями и одеждой. Их окружал чуждый им мир, временами опасный и враждебный; они переносили насмешки, оскорбления и презрение окружающих, и если не часто решались отвечать

Лист из пинкаса – книги записей общества по изучению Талмуда (Меджибож, XIX век)

окорблением на оскорбление, то в запасе у них оставались терпение, равнодушие, а то и ответное презрение. В их закрытом мире был свой отсчет ценностей, своя гордость, свои авторитеты, и какой-нибудь бедно одетый старик, вызывавший в лучшем случае снисходительное равнодушие посторонних наблюдателей, являлся в их глазах великим в Израиле, мудрецом и наставником, быть может, одним из тридцати шести тайных праведников, которым мир обязан своим существованием.

М. Бен-Ами писал в путевом очерке: «На одной из станций, недалеко от Ковеля, я видел следующую сцену. Из вагона вылез толстый господин, наполовину богатый мужик, наполовину барин, весь бритый, лицо заплывшее жиром... Ему навстречу бросается еврей с кнутом в руках, сняв шапку еще издали и низко и подобострастно кланяясь. Еврей имеет растрепанный, непривлекательный вид. Лицо все покрыто пылью, болезненные красные глаза ушли вглубь, борода и нестриженые волосы сильно всклокочены; изорванный картуз еле покрывает макушку. Длинный балахон из серой грубой парусины страшно грязен, весь в дегтярных пятнах, не застегнут и свободно развевается на ветру. На босые, ужасно грязные ноги одеты огромные грубые башмаки, или, собственно, сапоги с обрезанными голенищами. "Добре здоровье, паничку", – говорит еврей и намеревается взять из рук пана саквояж. "Вон, жид смердючий!" – грозно отталкивает его тот, не глядя на него. "Пане, у меня, ей-Богу, отличная бричка и отличные кони – в два часа будем". – "Говорю тебе, от тебя смердит, жид ты поганый. Чего лезешь?" – довольно спокойным

Еврейский лубок: битва Давида и Голиафа (XIX век)

тоном, но очень громко говорит пан. "Ей-Богу, паничку, не смердит. Вот побачете, что не смердит..." Боже, до какого падения мы дошли!.. Но не забудем, что этот несчастный, который нас так отталкивает, есть своего рода герой, что терпит он все муки и унижения ради своей семьи, чтобы доставить своим детям кусок хлеба, заплатить меламеду за их учение... Чего же можем мы требовать от этих беспомощных, тысячелетия унижаемых, вечно голодных людей? И вместо того, чтобы помочь им, облегчить их горькую долю, мы указываем на их недостатки, на их неприличные приемы, неприличную наружность, неряшливость, раболепие, низкопоклонство, навязчивость... И скажите, пожалуйста, разве мы, именующие себя интеллигенцией, многим лучше ее, этой затоптанной в грязь массы? Разве мы не лезем с теми же настойчивыми уверениями и доказательствами, что "Мы, ей-Богу, пане, не смердим?.."»

2

При Николае I был упразднен кагал – общинное автономное самоуправление, чтобы устранить «еврейскую обособленность». Теперь уже еврейские общины не могли без разрешения властей собирать деньги на собственные нужды, и средствами с коробочного сбора стала распоряжаться не община, как это бывало прежде, а местная администрация. Коробочный сбор – налог на продажу кашерного мяса – взимался лишь с евреев и шел прежде всего на покрытие еврейских недоимок. Его использовали также на содержание полиции и пожарного обоза, на установку фонарей и приобретение ассенизационного аппарата, на мощение улиц, борьбу с холерой, оспопрививание и прочие цели – и лишь остатки от коробочного сбора поступали на содержание еврейских школ, синагог, больниц, домов для престарелых и инвалидов. Денег постоянно не хватало, но общинная жизнь продолжала существовать за счет частных пожертвований.

В каждой еврейской общине была «Хевра кадиша» – погребальное братство: оно ведало кладбищем и погребением мертвых, помогало больным и оплачивало аренду земель, на которых располагались синагоги и кладбища. Во многих общинах существовали общества «Бикур холим» – «Посещение больных»: они содержали больницы и аптеки, нанимали врачей и медицинских сестер, раздавали бесплатные лекарства, ухаживали за больными и при необходимости отправляли их на лечение в другие города. Практически в каждом городе были общества воспитания сирот, помощи бедным невестам и роженицам, общества для предоставления приюта странникам, для содержания сиротских домов, домов для престарелых и инвалидов. Еврейские благотворительные

общества устраивали дешевые столовые, снабжали одеждой и топливом, оказывали поддержку пострадавшим от погромов, посылали еврейским солдатам мацу и кашерные продукты, выдавали беспроцентные ссуды и безвозвратные пособия, а нуждающимся – деньги для приготовления субботней трапезы. После больших пожаров общины принимали бездомных «для прокормления», строили для них временные жилища, из разных концов черты оседлости отправляли погорельцам вагоны с одеждой и хлебом. В одном местечке евреи отказались от устройства субботних трапез в пользу погорельцев, и Шолом-Алейхем писал: «Это значит: все евреи местечка, сами нищие, всю неделю голодающие, чтобы сэкономить что-нибудь на субботу, отказались от субботней рыбы и прочих субботних яств, чтобы прийти на помощь несчастным погорельцам. Право, даже лучший из наших Ротшильдов не в состоянии сделать такого пожертвования!»

По пятницам вереницы нищих евреев шли по улицам городов за подаянием, и в богатых домах им давали грош или копейку, а в бедных домах – одну пятую или одну десятую копейки на каждого просителя. Таких монет в России не существовало, и потому в общинах изготавливали особые марки или маленькие жестяные пластинки стоимостью в какую-либо часть копейки. Обойдя многие дома, нищий шел затем в общинную кассу и обменивал собранные марки или пластинки на равнозначную им сумму денег, чтобы купить продукты для субботнего стола. В Белостоке решили упростить эту процедуру и создали Комитет попечения о бедных. В него вступили полторы тысячи горожан; они вносили ежемесячные пожертвования от двадцати копеек и выше, и за первые три года своего существования комитет выдал нищим по заранее составленным спискам семьдесят пять тысяч рублей. В еврейской газете отметили: «Мы смело можем сказать про каждого еврея, не получающего милостыню, что он раздает ее. Всевышний – по мнению бедняков – доверил богатым ту часть благ, которая приходится на долю бедных, чтобы испытать честность и добросердечие богатых и чтобы облагородить их сердца. Всевышний только поручил богатым раздавать Свои милости, и потому бедный еврей требует милостыню и пользуется ею без того принижающего чувства, которое обыкновенно испытывают бедняки».

Чем крупнее был город, тем больше существовало в нем благотворительных учреждений. Еврейская община Одессы, к примеру, содержала бесплатную больницу для бедняков, куда принимали и христиан, сиротский дом на двести детей с начальной школой и музыкальными классами, родильный приют для бедных женщин, дневной приют со столовой для нуждающихся детей, дешевую кухню с выдачей бесплатных обедов, богадельню на двести пятьдесят стариков, летние загородные оздоровительные колонии для слабых, малокровных, предрасположенных

к туберкулезу детей. В Киеве благотворительные еврейские организации содержали на пожертвования бесплатные больницы, амбулатории, хирургическую лечебницу, санаторий для чахоточных и санаторий для больных детей; они помогали бедным роженицам и больным на дому, раздавали топливо на зиму и бесплатные обеды, помогали потерявшим трудоспособность, содержали школу для бездомных детей и т. д.

По пятницам на рынке Вильно выкладывали на прилавок сотни ковриг хлеба, и покупатели – в основном бедные женщины – жертвовали по копейке, а то и по полкопейки, чтобы выкупить этот хлеб, который относили затем в иешивы. Жила в Вильно известная всему городу Двойра Эстер, разносившая на продажу хлеб и печенье. Однажды она собрала пожертвования у рыночных торговок, организовала благотворительный фонд и стала выдавать беднякам беспроцентные ссуды, которые они постепенно возвращали – по пятачку в неделю. Со временем в ее фонде набралось семнадцать тысяч рублей; до пятисот бедняков получали ссуды из этих денег, а сгорбленная уже старуха Двойра Эстер каждую пятницу, в любую погоду, сидела на табурете посреди рынка и принимала пятаки в погашение долга. Ходил по улицам Вильно горбатый, одетый в лохмотья человек, у которого на боку висела кружка для пожертвований, а в руке он держал корзину. Это был знаменитый на весь город реб Берл: каждый день, с утра и до вечера, он ходил из дома в дом, из лавки в лавку и собирал пожертвования деньгами и вещами. В корзине у него можно было увидеть куски хлеба, обувь, холсты, даже живую курицу: все это он продавал прохожим и обращал в деньги, чтобы удобнее было делить среди бедняков. «Купите! – кричал он. – Купите дешево, всего за копеечку!» – и у него охотно покупали многие, но не за копейку, а за действительную стоимость каждой вещи, так как знали, на что пойдут эти деньги. Реб Берл ходил по улицам в дождь и мороз, промокший и иззябший, а к вечеру приходил в синагогу и раздавал беднякам собранное за день. Из Вильно сообщили: «Он дожил до глубокой старости, ни на минуту не оставляя своего доброго дела, и умер на девяностом году, оплакиваемый всеми бедняками своего города».

В 1891 году во многих губерниях России был голод, от которого пострадали десятки тысяч человек. В еврейском журнале «Восход» писали тогда: «Над Россией стряслась беда... Любимы или нелюбимы мы в России; сытно или голодно кормит она нас – разве об этом вправе мы думать в теперешние тяжелые дни?..» Раввины обращались с посланиями к евреям, и раввин из Проскурова так закончил свое воззвание: «Братья-единоверцы!.. Мы должны немедленно приступить к изысканию средств, чтобы помочь крестьянам более или менее значительными суммами денег». Община Проскурова собрала в пользу голодающих христиан пять тысяч рублей, евреи Аккермана – две тысячи, в Ромнах собрали тысячу

рублей, в Велиже – пятьсот, в местечке Новая Ушица – тоже пятьсот; в Пинске открыли бесплатную столовую на пятьсот человек, и даже нищее население Переяслава устроило общественную лавку, откуда христианам и евреям отпускали муку по удешевленной цене. Современник отмечал: «А ведь уже и теперь в большей части местечек Юго-Западного края наблюдаются проявления такой нужды, что даже чужие нашему народу люди испытывают щемящую боль. "Я не могу без содроганий вспомнить о том, что видел... – говорил офицер после маневров. – Даже в местечках, расположенных почти у самого Киева, кусок хлеба просто за редкость"».

Двойра Эстер из Вильно

И тогда же в петербургском «Новом времени» написали: «Около голодного коренного русского населения наживается теперь все племя иудейское, и каждый пуд хлеба, поступающий в земства нуждающихся губерний, служит наживой по крайней мере пяти евреям».

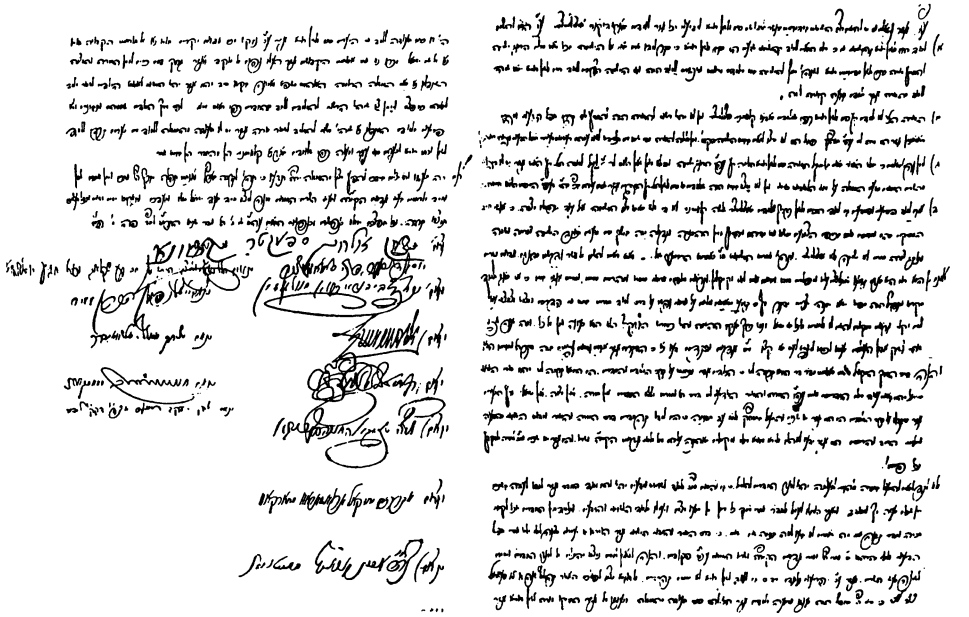
3

С середины девятнадцатого века правительство вело борьбу с традиционным еврейским образованием, чтобы заменить его системой гражданского просвещения «в духе русской государственности и христианской церкви». Выпускали многие постановления по этому поводу, предпринимали различные меры, вплоть до насильственных, однако

хедеры – начальные религиозные школы – устояли в этой борьбе. В конце концов власти признали их право на существование, и закон 1893 года разрешил учителям-меламедам преподавать в хедерах еврейский язык и религиозную литературу.

Роль хедеров была огромной: они обучали детей еврейскому языку, молитвам и религиозным законам, знакомили их с национальными обычаями и традициями; благодаря хедерам евреи в массе своей были грамотными и передавали из поколения в поколение приверженность религии и заветам своих предков. В 1887 году выдающиеся раввины Российской империи подписали обращение в защиту хедеров и иешив: «Знайте, что система воспитания молодежи, унаследованная нами от предков, была для нас благодатью, ибо из среды тех, кто получил свое воспитание в хедерах, у меламедов, вышли мудрецы и ученые в Израиле, великие гаоны, наставляющие нас на путь Торы и нравственного совершенствования, обучающие нас путям Господним и Его мудрости. И не будь хедеров, не было бы у нас ни Торы, ни заповедей, не было бы Израиля».

К концу девятнадцатого века, по примерным оценкам, было в Российской империи двадцать пять тысяч хедеров, в которых учились около трехсот пятидесяти тысяч учеников в возрасте от трех лет. В частных хедерах родители платили за обучение своих сыновей, а хедеры для самых бедных и сирот содержались за счет общин. Занятия обычно проходили в квартире меламеда, в маленькой комнате, порой в подвале, на кухне или на чердаке. Летом в комнате было душно, а то и сыро, зимой –

Обращение виднейших российских раввинов
в защиту хедеров и иешив (1887 год)

холодно, и дети не снимали верхней одежды. Не все меламеды были хорошими учителями; занимались этим делом и случайные люди, которые не могли заработать иным способом: разорившиеся торговцы, извозчики, ремесленники, синагогальные служки, отставные солдаты. В некоторых хедерах обучали лишь чтению молитв и письму на иврите, но были и профессиональные преподаватели, которые основательно знакомили детей с языком, Пятикнижием, Талмудом и еврейской историей. Исследователь хедеров сообщал из Ковно: «В большинстве хедеров успехи учеников показались мне поразительными. Почти всюду мальчики восьми лет уже не только читали Библию и понимали ее текст, но также читали и понимали комментарий Раши, нелегко понимаемый и притом написанный совершенно другим шрифтом».

На первом этапе обучения дети учились читать и писать на иврите, изучали Пятикнижие и отрывки из книг пророков, получали первоначальные сведения о Талмуде. На этом многие оканчивали свое образование и шли учениками к ремесленникам или в торговлю. Более способные поступали в высший хедер – «геморе-хедер» и изучали там Талмуд, каждый день, с раннего утра и до вечера. «Почти без перерывов продолжалось сидение у стола на твердой скамье без спинки, за совместным учением... – рассказывал один из учеников. – И это изо дня в день... при большом напряжении детского ума».

Особо одаренные дети учились по индивидуальной программе, и Г. Слиозберг вспоминал: «Не успел я научиться читать по-еврейски, как меня перевели к изучению Пятикнижия; не успел я освоиться с библейским языком Пятикнижия, как меня, еще не достигшего семилетнего возраста, посадили за Талмуд... Когда мне пошел десятый год, вершители судеб моего обучения – отец и дед – признали, что для меня в Полтаве уже нет подходящего меламеда. Из местечка Мир... извлечен был глубокий знаток Талмуда – Янкель Нохим Чарный. Под его руководством я и еще три-четыре мальчика... посвящали долгие летние дни, а затем и длинные вечера зимою, при тусклом освещении сальных свечей, изучению... труднейших трактатов Талмуда... Затем отец решил, что учитель мне уже не нужен... и с десяти лет я учил Талмуд самостоятельно, в молитвенном доме. Один в пустом помещении, окруженный фолиантами, я углублялся в занятия, и гулко раздавался в пустом помещении мой детский напев, обычный при чтении Талмуда. Временами я испытывал минуты высокого подъема духа, доходящего до экстаза. И на всю мою жизнь незабвенными остались эти моменты высокого умственного напряжения и наслаждения, когда мысль ширится и ширится, мозг как бы разверзается и готов объять необъятное».

Многие занимались самостоятельно в синагогах, молитвенных домах и выбирали для себя программу занятий, чтобы читать и размышлять в

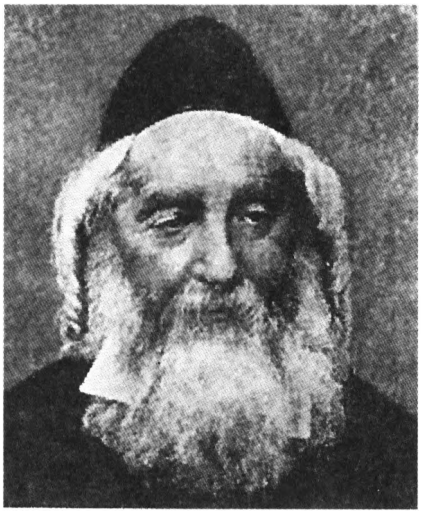
одиночестве. С тринадцатилетнего возраста учился самостоятельно и будущий поэт Х. Н. Бялик: «Эти одинокие часы занятий в синагоге имели огромное влияние на мой характер и душевный мир. Наедине с моими давнишними и новыми мыслями, с моими сомнениями и интимными размышлениями, просиживал я целые дни напролет возле книжных шкафов; по временам я прерывал занятия и погружался в мир мечтаний и образов; я сводил тогда счеты с мирозданием и пытался обрести смысл существования для себя и для всего человечества».

По окончании хедера наиболее способные ученики шли в иешивы. Каждая крупная еврейская община содержала за свой счет иешиву, которой руководил местный раввин или ученый еврей, приглашенный со стороны. Бывало и так, что деньги на содержание иешив давали благотворительные общества и частные лица. Обучение в иешивах было бесплатным; обычно ученики ночевали в здании иешивы, в будние дни они ограничивались тарелкой супа или куском хлеба, а на субботние трапезы их приглашали по очереди местные жители. Среди учеников были не только уроженцы тех мест: существовало мнение, что учиться лучше всего на чужбине, среди посторонних людей, где меньше помех, и многие юноши, а порой и женатые мужчины уходили за сотни верст в дальние иешивы. «Самое интенсивное обучение шло обыкновенно зимой, – вспоминал один из учеников. – При летнем солнечном свете не так углубляешься в бездонные пропасти Талмуда, как при тусклой свечке, стоящей перед тобой задумчиво и уныло. Тридцать–сорок человек, тридцать–сорок свечек рассыпаны по просторному помещению, и каждый читает своим собственным мотивом и особой манерой...» Они занимались по шестнадцать–восемнадцать часов в день, раскачиваясь и напевая текст; наиболее старательные проводили ночи за книгами, а самые способные из них после женитьбы становились раввинами в местечках черты оседлости. Главы иешив и раввины получали крохотное жалованье от еврейских общин, и порой их основным доходом была выручка от продажи свечей, дрожжей и пасхального вина, на которую им предоставлялось исключительное право. Любой бедняк мог купить свечи и дрожжи подешевле, в соседней лавочке, но практически все покупали их у раввина, чтобы не лишить его заработка.

В иешиве маленького литовского местечка Эйшишки училось более ста человек. Бедные жители местечка по очереди приносили еду ученикам, снабжали их необходимыми книгами, заботились об освещении и отоплении здания, платили жалованье главе иешивы. «Наша иешива основана и содержится шапочниками, то есть бедными людьми, – сообщали из Минска. – Глава иешивы имеет мануфактурную лавку. Дело ведет его жена... Всю неделю он посвящает занятиям с учащимися иешивы, а по субботам преподает Тору шапочникам». В Вильно в сина-

гоге мясников и на их средства училось восемьдесят человек; в том же городе славилась иешива «Рамайлес», основанная ремесленниками. Сохранилась память о некоем трубочисте по имени Шабси, который отдавал в эту иешиву все свои заработанные копейки, а его жена бесплатно стирала белье учащимся.

В черте оседлости существовали крупные иешивы – в Воложине, Мире, Слуцке, Слониме, Любавичах, в пригороде Ковно Слободке. Это были знаменитые центры еврейской учености, и туда отовсюду стекалась еврейская молодежь от тринадцати лет и старше. Воложинская иешива достигла наивысшего расцвета во второй половине девятнадцатого века, когда во главе ее стоял раввин Нафтали Цви Иегуда Бе́рлин. Начальник жандармского управления характеризовал его таким образом: «Не только в пределах России, но и за границей он пользуется полнейшим уважением и почетом, к нему относятся с каким-то благоговением, он имеет громаднейшее влияние не только в религиозном отношении, но и в обыденной семейной жизни...» В воложинской иешиве обучалось четыреста учеников – не только из черты оседлости, но и из Англии, Германии, Австрии и Америки. Глава иешивы читал лекции три раза в неделю, а в остальные дни занимался с учащимися раввин Хаим Соловейчик, крупнейший талмудист того времени. Его лекции пользовались огромным успехом, и метод его преподавания был принят практически во всех литовских иешивах. В Воложинской иешиве учащихся приучали к самостоятельной работе, и успехи каждого ученика зависели в первую очередь от его способностей и прилежания. Чаще всего занимались по двое, и время от времени собирались группами, чтобы «обсуждать подлежащее изучению». Юноши из обеспеченных семей не нуждались в поддержке, но большинство получало скромное пособие. Снимали комнату на двух-трех человек, на завтрак и ужин ели

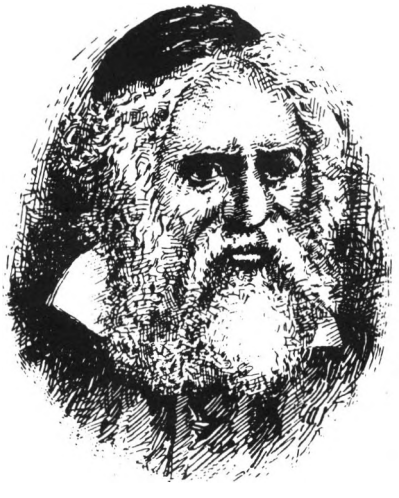
Раввин Нафтали Цви Иегуда Берлин

хлеб и запивали его чаем; горячую пищу они получали к обеду, а мясное блюдо – по субботам. Сборщики пожертвований ездили по всему миру, и больше всего денег на содержание Воложинской иешивы они привозили из Америки. «Нет почти города на Литве, – писал современник, – который бы не посылал в Воложин своих лучших и способнейших учеников, нет того выдающегося еврейского ученого на Литве и даже на юге, который не почерпал своих познаний... в этой высшей раввинской академии... Эта иешива была как бы продолжением знаменитых еврейских академий древности... Другой такой нет, и нет никакой надежды, что когда-либо будет».

В 1892 году иешиву закрыли за отказ ввести преподавание светских наук. Ее преподавателей и учащихся выслали из Воложина, и раввин Нафтали Цви Иегуда Берлин умер в изгнании. Это событие восприняли в черте оседлости как национальное бедствие, и очевидец описывал траурное богослужение в синагоге литовского местечка: «Когда проповедник воскликнул: "Нет более рабби Нафтали, нет больше Воложинской иешивы!", – вся синагога огласилась рыданиями, которые уже не прекращались до конца и от которых у меня волосы поднимались... Надо быть в Литве, чтобы вполне понять, что закрытие Воложинской иешивы... – истинное народное несчастье».

4

В городах и местечках черты оседлости жили раввины – крупнейшие авторитеты того времени. Один из них, рабби Ицхак Эльханан Спектор, был сначала раввином в нищем местечке Гродненской губернии. Его семья постоянно голодала, и отец жены – такой же бедный, как и они –

Раввин Ицхак Эльханан Спектор

присылал им иногда хлеб и мясо к субботнему столу. Рабби Ицхак Эльханан изучал трактаты Талмуда по двадцать часов в день; слухи о молодом раввине распространились по окрестностям, и однажды евреи Несвижа похитили его зимней ночью и перевезли к себе. Со временем он стал раввином в Ковно. Это был человек огромного трудолюбия, его эрудиция поражала всех; его влияние на литовское еврейство было огромным. Шестьдесят лет подряд к нему обращались евреи из разных стран за разрешением сложных и спорных вопросов раввинской практики, и рабби Ицхак Эльханан дал на них десятки тысяч ответов – «респонсов». Он придерживался талмудического принципа «И живи по заповедям Торы, а не умри от них», а потому в своих ответах толковал религиозные законы в облегчительном смысле. Во время неурожая в России он разрешил евреям – в нарушение старого обычая – есть на праздник Песах бобы и горох; это вызвало противодействие раввинов, однако его авторитет был настолько велик, что это решение приняло большинство еврейских общин.

«Простота, кротость и добросердечие его невольно подкупали всякого, кто вступал с ним в общение... – рассказывали очевидцы. – Народная масса несла к нему свое горе, уверенная в том, что рабби Ицхак поймет его, что у него она найдет облегчение и поддержку... Однажды, когда рабби Ицхак прибыл в Вильно, толпа выпрягла – несмотря на его протесты – лошадей из коляски и торжественно повезла его по улицам». Рабби Ицхак Эльханан хлопотал перед правительством об облегчении участи российских евреев, организовывал помощь пострадавшим от пожаров, голода и эпидемий, – он же собрал средства для голодающих евреев Персии. В годовщину его смерти в еврейской газете написали: «Его портрет можно встретить в любой избе местечка черты, в заброшенной заимке в глухой сибирской тайге, в квартирах Уайтчепеля и в

Раввин Израиль Меир Каган – Хафец Хаим

одиноких фермах Техаса или Канады, в Петербурге, Марокко и Сиднее... Любовь и сострадание были альфа и омега жизни покойного, – вот почему почитатели его... решили открыть в Ковно сиротский дом его имени».

Жил в белорусском местечке Радунь крупнейший знаток Талмуда раввин Израиль Меир Каган, которого называли Хафец Хаим – «Жизнелюб», по названию одной из его книг. Его семья жила на доходы от бакалейной лавочки, которую содержала жена; прославленный ученый по нескольку часов в день помогал ей торговать, а остальное время занимался благотворительными и общественными делами, писал сочинения на талмудические темы, преподавал в иешиве, которую назвали его именем – «Хафец Хаим». Хафец Хаим вел скромную и благочестивую жизнь и пользовался огромным уважением в еврейской среде. Возникновение палестинофильства и заселение Эрец Исраэль он воспринял как наступление времен воссоединения рассеянного Израиля перед пришествием Мессии и восстановления Иерусалимского Храма, а потому начал заблаговременно разрабатывать предписания, имевшие отношение к Храму и к жертвоприношениям в нем.

В местечке Ляды Могилевской губернии жил цадик рабби Шолом Дов Бер Шнеерсон, потомок основателя «Хабада» рабби Шнеура Залмана. Раввином в Сохачеве и главой иешивы был хасидский цадик рабби Авраам Сохачевер, выдающийся ученый, обладавший огромным авторитетом среди евреев Царства Польского. Во главе гурских хасидов стоял рабби Иегуда Арье Лейб Алтер из города Гура-Кальварья неподалеку от Варшавы; этот город называли также Новы Ерузалем. Сохранилось описание раввинов, которые в 1910 году приехали в Петербург на раввинский съезд: «Прежде всего рабби Шнеерсон, имевший огромное влияние на раввинов. Далеко не старый человек, он был немногословен, но в каждом его слове отражалась привычка властвовать над умами многочисленных масс. Тонкий политик, он был тверд как скала в области вопросов, имеющих отношение к религиозной жизни... Участвовал в съезде брест-литовский раввин Хаим Соловейчик, пользовавшийся огромной популярностью среди еврейского населения... В Брест-Литовске он был властителем душ, и не только еврейское население, но и польское... считало его святым человеком и обращалось к нему за разрешением споров... Особенную прелесть представляла фигура пружанского раввина Ильи Файнштейна. Красивый старик, с большой окладистой, белой как лунь бородой, с живыми, умными глазами, он производил впечатление патриарха, он мало говорил, но каждое слово было результатом глубокой думы и искреннего убеждения. Такие раввины внушают уважение к той внутренней духовной жизни, которой они озарены».

Во всех еврейских общинах сохранялся обычай писать для синагог свитки Торы. Это считалось особо благочестивым делом, и для этой цели учреждались братства по сбору средств. Свитки Торы писали и для состоятельных жителей; даже еврейские солдаты собирали с разрешения командиров деньги и заказывали свитки для солдатских синагог. Когда свиток был готов, его торжественно относили в синагогу, дописывали там последние строки и устраивали празднество. «Трудно найти дом, даже в какой-либо заброшенной деревушке, – сообщали из Литвы, – где не было бы шкафа с книгами, содержащего Талмуд, Мидрашим и т. д. О Библии уже и говорить нечего. Такого дома нет, где не было бы Библии с разными комментариями. Во многих частных домах

Празднование завершения написания свитка Торы и внесения его в синагогу (местечко Дубровна Могилевской губернии)

есть даже свитки Торы, хранящиеся в особых киотах. Я видел раз таковой в заброшенной бедной корчме недалеко от Стародуба».

В еврейских общинах существовали многочисленные братства по изучению Торы, Талмуда и книг по религиозной морали и этике. Члены этих братств собирались в синагогах, молитвенных домах и клаузах – помещениях для изучения и толкования Закона. В виленской синагоге чернорабочих учение проходило по сменам, в ночь с пятницы на субботу: одна группа занималась с девяти вечера до полуночи, другая – от полуночи до трех часов ночи. В субботу после обеда они опять занимались до самого вечера, и подобное происходило в синагогах и молитвенных домах портных, извозчиков, сапожников, водовозов. Каждый молитвенный

дом содержал на собранные средства раввина и магида-проповедника, и не было ни одной, самой бедной синагоги, которая не имела бы своего учителя. «С зари до полночи, – свидетельствовал современник, – иногда и заполночь, сидели старики и отроки, богачи и нищие, раввины и лавочники, каждый пред своим фолиантом, и нараспев, покачиваясь, повторяли священные тексты, упивались мудрыми толкованиями, опьянялись высшим разгулом духа за счет хилого и презренного тела». Для стороннего наблюдателя эти люди не были интеллигентами в привычном понимании этого слова, и не случайно отмечено в воспоминаниях тех времен: «Интеллигент» – общепринятый термин для обозначения человека просвещенного в смысле общего, не специально-еврейского образования. Термин этот я предпочел бы выбросить из нашего обиходного языка. По истинной "интеллигентности" простой ортодоксальный еврей часто превосходит дипломированных евреев».

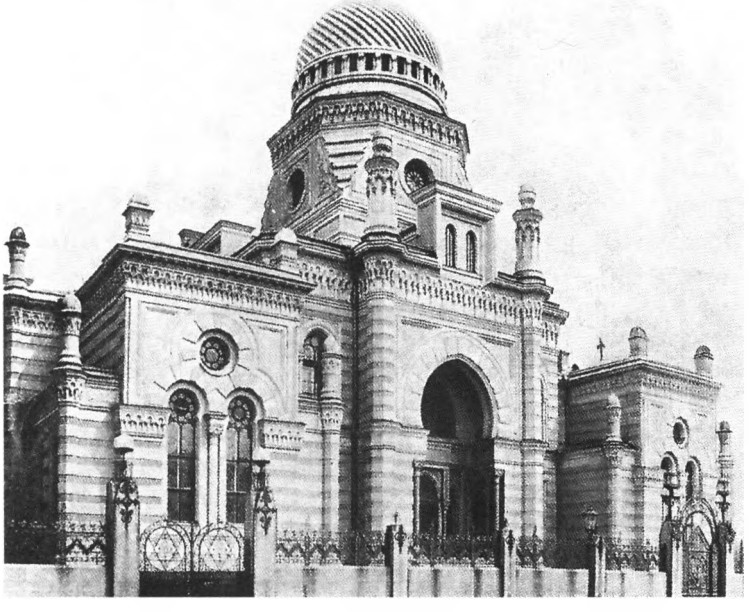
«Есть в Вильно особый класс чернорабочих, называемых "вашовниками", – писал М. Бен-Ами в путевых очерках. – Прибывающие по реке плоты они разбивают в воде с помощью больших длинных топоров и потом огромными крючьями вытаскивают бревна на берег... "Вашовники" стоят в воде в сапогах, по пятнадцати часов в сутки. Сапоги от воды получают страшную тяжесть, ноги тоже вздуваются, а осенью и в начале весны совершенно коченеют, и несчастные еле двигаются... И вот эти люди, как только освобождаются от своей каторжной работы, спешат не водочки выпить или "побаловать себя чайком" в трактире при бравурных звуках "машины", – нет, они спешат в свой клауз. Да, они имеют свой собственный клауз, который содержат на собственные средства. Помолившись, они часа полтора слушают лекцию по какому-нибудь отделу религиозной науки и только тогда отправляются домой. Некоторые еще занимаются потом самостоятельно час-другой, и таких немало. Между ними я часто встречал людей с большими познаниями в Талмуде и Библии».

И еще из путевых очерков М. Бен-Ами: «В синагоге ни одного свежего, здорового, выражавшего бы малейшее довольство, малейшее удовлетворение лица! Все это сгорблено, скомкано, исковеркано, изборождено глубокими, черными морщинами, измучено заботами, истерзано горем, истомлено непосильным трудом... Неужели эти люди способны еще воспринимать что-нибудь?!.. Неужели все эти ужасающие оборванцы понимают Талмуд, Мидраш, пророков?! Да когда они этому успели научиться?! А если успели, как они не забыли до сих пор?.. Представьте себе французского или английского чернорабочего, ремесленника, мелкого торговца, читающего отцов церкви в греческом или латинском тексте. Ведь он прослыл бы истинным ученым. На него бегали бы смотреть...»

5

Для строительства синагог и открытия молитвенных домов в черте оседлости требовалось специальное разрешение губернатора, а вне черты – разрешение министра внутренних дел. По закону дозволялось устраивать синагоги и молитвенные дома на расстоянии не менее ста саженей от православных церквей. Время от времени полиция начинала проверять это расстояние, и если оно не соответствовало установленной норме, синагога подлежала закрытию. Иногда возникали споры из-за одного лишь метра; дело поступало в Сенат, и государственные мужи ломали головы над тем, как следует замерять – от здания церкви или от церковной ограды. Критик В. Стасов писал: «Прилично ли еще и в наше время толкать подальше от церквей христианских еврейскую синагогу, будто евреи – и в самом деле племя враждебное, гнусное, будто верование их – какое-нибудь верование непотребное, омерзительное? Пора уже забыть все эти старинные пошлости, пора уже нам и в этом отношении быть европейцами».

В 1869 году еврейская община Петербурга получила «Высочайшее разрешение» на строительство синагоги «исключительно для евреев, постоянно живущих в здешней столице, а также имеющих право... на временное в оной пребывание». В. Стасов предложил построить синагогу в арабо-мавританском стиле; был подготовлен проект здания, однако последовало указание, чтобы синагога не выделялась особой роскошью. Ее

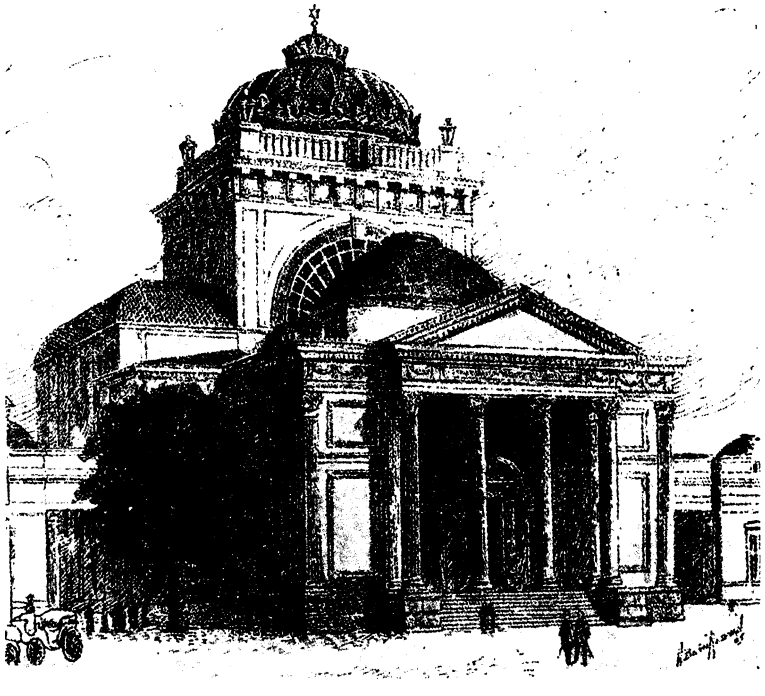

Синагога в Петербурге

строили на пожертвования банкира Г. Гинцбурга, «железнодорожного короля» С. Полякова и других богатых петербургских евреев; строительство обошлось в пятьсот тысяч рублей, и синагогу в Петербурге торжественно открыли в 1893 году. Через несколько лет после этого правление синагоги попросило разрешение на жительство в столице будущему солисту синагогального хора, обладателю голоса редкого диапазона, однако резолюция властей была такова: «Оставить без удовлетворения, поскольку бас-октава – для евреев предмет непозволительной роскоши».

В Вильно было около ста синагог, молитвенных домов и клаузов, в Брест-Литовске – две синагоги и тридцать молитвенных домов, в Одессе – семь синагог и пятьдесят молитвенных домов. Евреи основывали синагоги, молитвенные дома и еврейские кладбища в Оренбурге, Челябинске, Орле, Омске, Томске и в других городах внутренних губерний. Стены, потолок и купол хоральной синагоги в Полтаве были разрисованы; висела огромная люстра, лестница с позолоченными резными перилами вела на возвышение перед хранилищем свитков Торы, занавес к нему был выткан золотом и серебром, а свитки Торы – с богатыми серебряными украшениями. Мужское отделение этой синагоги вмещало тысячу человек, и в синагоге пел – «изливал свою душу перед Богом» – кантор Иерухам-Гакатан, Иерухам Маленький, человек необычайно малого роста.

В 1891 году еврейская община Москвы закончила строительство синагоги в Спасо-Глинищевском переулке – в древнегреческом стиле, с громадным куполом и «щитом Давида» на нем. Проект синагоги был

Синагога в Варшаве

утвержден губернским правлением, однако власти потребовали снять купол, и его тут же разрушили. Евреи Москвы рассказывали друг другу, что московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, проезжая мимо синагоги, будто бы принял ее за церковь и перекрестился – после чего потребовал снять купол и устранить всякое сходство синагоги с церковью. Раввин С. Минор получил устное разрешение от обер-полицмейстера перенести в новое здание свитки Торы, и там начались ежедневные молитвы. Но недаром это было время массовых выселений московских евреев: власти придрались к тому, что не оказалось письменного разрешения на открытие синагоги, и ее закрыли. Это случилось двадцать третьего июня 1892 года: в синагоге должна была состояться свадьба, пришли уже приглашенные, но неожиданно явился полицейский пристав и опечатал здание.

Раввин С. Минор и староста синагоги Шнейдер послали прошение высшему начальству, чтобы позволили открыть синагогу, но в ответ на это «Государь Император Высочайше повелеть соизволил»: за незаконное открытие синагоги раввина Минора отстранить от должности и выслать навсегда в черту оседлости; старосту Шнейдера выслать из Москвы на два года; здание синагоги «продать или обратить под благотворительное заведение; в противном случае здание будет продано с публичных торгов». Чтобы сохранить здание до лучших времен, еврейская община решила перевести туда ремесленное еврейское училище. Три года перестраивали синагогу, и когда выполнили все условия губернской комиссии

Синагога в Самаре

и собрались переводить училище, получили новое распоряжение: «Еврейское ремесленное училище упразднить вообще». Снова перестроили здание синагоги под училище-приют для сирот и бедных детей, а когда закончили все работы, последовало распоряжение: «Еврейское училище-приют упразднить».

Кроме синагоги закрыли в Москве девять молелен, и у еврейской общины оставалось лишь пять небольших молелен, которые начальство не позволяло перевести в более просторные помещения. В них размещалось не более восьмисот человек, а на праздники туда приходили еще около тысячи еврейских солдат, которых отпускали из казарм на молитву. Одна из молелен принадлежала миллионеру Л. Полякову, но в ней разрешали молиться только его семье и ближайшим родственникам. Директор одного из московских банков, потомственный почетный гражданин, попросил разрешения обвенчать свою дочь в молельне Полякова, но его прошение признали «не подлежащим удовлетворению». Чтобы не мучиться в духоте тесных помещений, богатые евреи уезжали на праздники в другие города; многие устраивали нелегальные молельни на частных квартирах, напоминавшие собрания маранов, тайных евреев во времена испанской инквизиции, – крещеные московские евреи тоже приходили туда и там молились. Полиция устраивала набеги на эти недозволенные собрания, и результатом были штрафы, аресты, административные высылки. Так случилось и в Йом-Кипур, когда молящиеся были изнурены постом и продолжительной молитвой. Появилась полиция. Началась давка у входа. Женщины падали в обморок...

В дни коронации Николая II повсюду служили молебны, и евреи Москвы попросили у нового царя – «в виде особой милости» – позво-

Синагога в Канске

лить им отслужить торжественное богослужение в большом зале синагоги. Обер-полицмейстер города вызвал к себе представителей общины и отчитал за «неуместность» просьбы, которая является «дерзким нарушением Высочайшей воли». Здание синагоги собирались продать с торгов; московские евреи придумывали всевозможные благотворительные заведения и перестраивали под них внутренние помещения; в кассе общины не оставалось денег, раввинам задерживали жалованье, строительные подрядчики подавали в суд за неуплату, а губернское правление требовало так перестроить здание, чтобы уже никогда его нельзя было использовать под синагогу.

В апреле 1905 года появился указ о свободе вероисповеданий, и евреи Москвы снова обратились с просьбой к градоначальнику: «Вся Москва славит Бога в своих храмах и мечетях, каждая народность по-своему. Мы желали бы последовать примеру прочих, но нам негде это осуществить». В ответ им сообщили, что в новой синагоге нет необходимости, так как у евреев и без того достаточно мест в существовавших молельнях. И лишь в 1906 году синагогу в Москве вновь открыли, после перерыва в четырнадцать лет. Теперь это – хоральная синагога в Спасо-Глинищевском переулке.

6

В каждой синагоге у ее восточной стены размещались самые почтенные и уважаемые члены общины: раввины, знатоки Талмуда, богатые люди, прославившиеся щедрыми пожертвованиями на общие нужды. В синагогах часто выступали странствующие магиды-проповедники, и все сходились послушать заезжего гостя. «Неподдельный пафос захватывал слушателей, – рассказывал очевидец. – Тысячная аудитория замирала от восторга, а сам оратор, казалось, поднимался все выше и выше и подпирал своей головой в бархатной плоской шапочке высокий купол синагоги, то самое место, на котором яркими красками изображены были херувимы с длинными трубами, возвещающими час избавления Израиля». Странствовал по Литве и Белоруссии знаменитый проповедник – магид из Кельма Моше Ицхак, который пропагандировал идеи религиозного движения мусар. Его проповеди в синагогах сопровождались печальными еврейскими мелодиями; он говорил с невероятным воодушевлением, порой пел; его выступления производили на слушателей такое сильное впечатление, что многие рыдали. В своих речах магид из Кельма обличал уклонения от веры и традиций, притеснения бедняков, недостойное отношение друг к другу и обман в торговле, – бывало так, что после его проповеди торговцы бежали в свои лавки и уничтожали

фальшивые гири. Проповеди магида Э. Гацеля тоже сопровождались вздохами и рыданием, и после его выступления мужчины начинали отращивать бороды, а женщины надевали парики, как требовало того строжайшее соблюдение еврейской традиции.

В синагогах многих городов пели прославленные хазаны-канторы, мастера вдохновенной импровизации. В Кишиневе пел знаменитый Нисан Спивак, в Риге – Барух Розовский, в Вильно – Гершон Сирота, во Львове – Барух Шор, в Пинске – Барух Карлинер. В Бродской синагоге Одессы пятьдесят пять лет подряд пел кантор Нисан Блюменталь, вызывая всеобщее восхищение. Он ввел там хоральное пение, и Бродская синагога стала первой хоральной синагогой в России. Нисан Блюменталь восстанавливал старинные синагогальные мотивы, создавал оригинальные мелодии, а также использовал фрагменты музыкальных тем Мендельсона и Бетховена. Вслед за ним кантором Бродской синагоги стал Пинхас Минковский; его композиции для субботних и праздничных молитв исполняли затем канторы во всем мире.

В синагогах черты оседлости пели также прославленные Эфраим Залман Разумный, Пици Абрас, Яков Бахман, Авраам Моше Бернштейн, молодой Иоселе Розенблат; новые хасидские мелодии сочинял кантор Йосеф Тальнер – при дворе цадика в местечке Тальное Киевской губернии. Особенно славился своими канторами Бердичев, и всякий заезжий еврей шел послушать Ниси Белцера или Зейделя Ровнера: их литургические композиции распевали многие украинские канторы. Когда Зейдель Ровнер – маленький невзрачный старичок с длинными пейсами – вместе со своим хором приезжал в какой-либо городок или местечко, собиралась толпа, взиравшая на него с величайшим благоговением. Очевидец рассказывал: «А он смотрел на них удивленный и озадаченный: чего, мол, они хотят? хазана не видели? Он не знал своего значения и веса, хотя и таил в себе гениальные музыкальные способности и огромные возможности в мире гармонии и звуков».

Имена многих канторов не сохранились в народной памяти, и до наших дней дошло лишь упоминание об одном из них, безымянном слепом юноше, который ездил по местечкам и пел в синагогах: «Сколько надломленных сердец он утешал и успокаивал своими напевами, сколько ярких надежд он зажигал в наших душах! Его напевы и песни долго-долго жили потом в закоптелых кузницах, в швейных и сапожных мастерских, в мирном убаюкивании беспокойных еврейских детей. И если без капли росы и без единого луча солнца они, эти гении, так пышно вырастали, то как и какими выросли бы они на другой почве и при других условиях?..»

В черте оседлости жили тысячи клезмеров – еврейских музыкантов, которые играли на свадьбах, бармицвах, на праздничных гуляниях, яр-

марках, а также на торжествах у христиан. Ведущим инструментом еврейского оркестра была, как правило, скрипка, а к ней добавлялись – в зависимости от возможностей – контрабас, кларнет, труба, флейта, цимбалы и барабан с тарелками. Оркестр клезмеров часто состоял из членов одной семьи, и эта профессия переходила из поколения в поколение. В Полтаве было двадцать шесть семейств еврейских музыкантов, в Бердичеве – около пятидесяти, и они содержали собственную синагогу. При встрече и проводах гостей клезмеры играли «Зайт гезунт» – «Будьте здоровы» и «Добранич» – «Доброй ночи»; на свадьбах «Мазл тов» – «Счастья вам»; во время свадебной трапезы «Тиш нигн» – «Застольный напев»; во время свадебного веселья они исполняли «Мехутоним танц» – «Танец сватов», «Бройгез танц» – «Танец обиды», «Шолем танц» – «Танец примирения», а также знаменитый «Фрейлехс» – «Веселый танец». Из воспоминаний М. Бен-Ами: «Музыканты идут. Уже настраивают инструменты. Вот громко заливается флейта бравурными трелями, желая как бы заглушить прорывающуюся тоску; но в этой самой браваде столько тоски, столько мук, столько отчаяния... И, видя свое бессилие веселить, флейта начинает заливаться громкими рыданиями... И вздрогнула скрипка и застонала, и от этого стона задрожал контрабас, и послышались глухие рыдания... Рыдает невеста, рыдает мать, рыдают все, даже подростки...»

Самым известным из клезмеров был скрипач-виртуоз, блистательный импровизатор Аарон Моше Холоденко из Бердичева, по прозвищу

Клезмеры

Педоцур: его называли «королем клезмеров», и самой большой похвалой для скрипача было – «он играет, как Педоцур». Выступал в местечках черты оседлости и Иосл Друкер из Бердичева по прозвищу Стемпеню; Шолом-Алейхем написал роман о еврейских музыкантах и назвал его «Стемпеню». Из семьи Друкеров вышло несколько поколений скрипачей, пианистов, виолончелистов, дирижеров; отец Стемпеню играл на кларнете, дед – на трубе, прадед был цимбалистом, прапрадед – флейтистом. Многие прославленные композиторы, музыканты и педагоги были потомками клезмеров: И. Дунаевский, Я. Хейфец, П. Столярский и другие.

На еврейских свадьбах развлекали присутствующих рассказами, анекдотами и песнями профессиональные увеселители – бадханы. Среди них прославился виленский бадхан Шайке Файфер, но самым знаменитым из всех был Эльякум Цунзер, тоже из Вильно. Он пел на свадьбах песни собственного сочинения, и шестьдесят сборников его песен увидели свет в России и Америке. Эльякум Цунзер выступал только на богатых свадьбах и брал за это колоссальные гонорары от двадцати пяти до ста рублей. Толпы людей сходились на его выступления, и требовалось порой вмешательство полиции, чтобы удалить со свадьбы незваных гостей.

Бадханов побаивались, и далеко не каждый желал стать объектом их насмешек. Некий богач даже платил виленскому острослову Мотке Хабаду ежемесячное жалованье, чтобы тот не сочинял о нем анекдоты.

7

Среди евреев Киевской и Волынской губерний большим почетом и влиянием пользовался цадик ребе Яаков Ицхак Тверский. Его резиденция находилась в местечке Макаров, и на праздники съезжались к нему тысячи хасидов. В 1900 году макаровский цадик выдавал свою дочь за сына цадика из Польши. Об этом сохранились письменные воспоминания очевидца (И. Равребе), и их стоит пересказать вкратце, сохраняя, по возможности, стиль автора.

Свадьба состоялась в июле, но приготовления в местечке начались сразу же после праздника Песах. Что нужно делать – никто не знал. Чувствовали только, что нужно что-то сделать; просто так сидеть нельзя; необходимо готовиться к такому великому событию, на которое съедутся, быть может, сотни цадиков и тысячи хасидов. Начали красить синагогу, дома, убирать мусор, чинить дорогу, строить шалаши для гостей. Предстоял большой спрос на продукты, и лавочники скупали повсюду необходимые товары, чтобы извлечь из этой свадьбы побольше выгоды для своих пустых карманов. Сапожники и портные были завалены работой.

Даже старый раввин, обращавший на внешний шик не Бог весть сколько внимания, заказал себе новую капоту в честь великого события.

До свадьбы оставалось две недели, а в местечке – Содом и Гоморра: жизнь кипит, как в котле, все суетятся, бегают, распоряжаются и кричат до хрипоты. В центре всей этой сутолоки идет жаркая работа по устройству огромного шалаша для свадебного пиршества. В шалаше вокруг громадного стола амфитеатром высятся четыре ряда скамеек, один над другим, а на самой верхней скамейке – обширная ложа для оркестра и певцов. Неподалеку от шалаша происходят маневры «еврейских казаков»: этот обычай соблюдался, кажется, на всех таких свадьбах. Выбирают двадцать-тридцать рослых и крепких евреев, умеющих ездить верхом, одевают их в казацкие мундиры, сшитые, по большей части, из голубого ситца, вооружают длинными навостренными деревянными шестами, головы им убирают красными ермолками, и эта дружина верхом на исхудалых лошадках должна следить за порядком во время хупы и свадебной трапезы.

К субботе перед самой свадьбой начался съезд гостей. В пятницу утром стали со всех сторон стягиваться в местечко сотни шарабанов, переполненных мужчинами, женщинами и подростками. Многие приходили пешком: из-за двадцати-тридцати верст не стоит иметь дело с балагулой, и вереницы евреев с талесами и тфилинами под мышкой пускались в дорогу. В воскресенье съезд гостей продолжался. Дома переполнены, синагоги кишат людьми. Можно, конечно, ночевать на улице;

«Торамантл» – чехлы для покрытия свитков Торы

лето хорошее, жаркое, местечковое болото уже высохло: где хочешь – ложись и спи. Выстроили множество палаток, похожих на шалаши; в этих палатках не только спали, но и молились, устраивали веселые выпивки. Порой происходили и междоусобные драки между хасидскими лагерями, а затем веселые и шумные примирения.

На следующий день приступили к сооружению хупы: водрузили четыре столба на порядочном расстоянии друг от друга и над ними раскинули громадный балдахин из бархата и шелка. Работу эту произвели не обыкновенные плотники, не Андрей и Трохим, – эту работу сделали хасиды в длинных шелковых капотах и ермолках. Получилось, правда, не очень прочно, зато было выпито много водки и много пожеланий, очень горячих и искренних, было высказано во время работы. Какой-то старец стоял все время рядом и плакал, и рыдал от радости: «Мы ставим хупу для ребе, для самого ребе!..»

Дни стояли светлые и жаркие, и хасиды расхаживали по улицам с взвитыми от ветра длинными лапсердаками. В роще за местечком они сидели в тени деревьев и вспоминали чудеса былых цадиков, передавали друг другу последние новости: сегодня приезжает чернобыльский ребе с хасидами, вчера молился в синагоге острожский ребе, поражающий всех своим молитвенным пафосом, а сегодня молится миропольский цадик: его дыхания не слышно во время молитвы, и этим он наводит благоговейный страх на своих хасидов. Местечковые старики, привыкшие к спокойствию и тишине, были даже раздражены столь необыкновенным

скоплением неожиданностей: ни спать, ни есть нельзя, жаловались они, играют, кричат, поют, галдят, спорят; да еще толкотня в синагоге! – одна группа кончает молитву, другая начинает, и так без конца.

Настал день хупы. Утром ожидался приезд жениха со свитой польских хасидов; известно было, что вместе с женихом прибудут цадики, – и все местечко вышло им навстречу. Среди толпы двигалась длинная вереница карет местных цадиков, окруженная цепью «казаков»; за ними тянулись простые деревенские телеги, битком набитые стариками-хасидами, которым тяжело было идти пешком; на самодельной платформе на колесах ехал оркестр со своими инструментами. У моста образовалась страшная давка – смесь карет, телег, мужчин, женщин и детей. Кучки хасидов на лугу угощали себя водкой и закусками в ожидании гостей. Сначала нерешительно, а потом всё смелее стали затягивать «нигунним» – хасидские мелодии. Какой-то хасид даже вошел в экстаз и ловко станцевал трепака. Все разговаривают, смеются, волнуются в ожидании, а макаровский цадик встал вдруг в карете, обвел взором пространство, кишевшее людьми, и сказал своим приближенным: «Знаете что! Когда придет Мессия, тоже будет такая радостная давка!..»

«Казак», выехавший на разведку, затрубил издалека. Едут! Едут! – заволновалась толпа. Раздался бравый марш, и со стороны рощи выдвинулась длинная вереница запыленных карет. В первой из них сидел глубокий старик в собольей высокой шапке и возле него – худощавый юноша лет пятнадцати или шестнадцати. Значит, это и есть жених.

Фрагменты росписей деревянной синагоги в Могилеве (начало XVIII века)

Волынские цадики первыми вылезли из карет и пошли навстречу гостям; те также слезли, и обе группы обменялись молчаливым рукопожатием. Жених пересел в карету макаровского цадика, будущего тестя, все двинулись обратно, а впереди катилась платформа с играющими музыкантами. Приехав в местечко, процессия три раза объехала рыночную площадь, и гости отправились в предназначенные для них квартиры.

Под вечер состоялось венчание. На пути к синагоге стояли два ряда «казаков», а между ними тянулось шествие цадиков и их близких во всем великолепии и роскоши. Радугой цветов и красок играл этот калейдоскоп бархата, шелка, серебряных и золотых узоров, бесчисленного множества свечей, величественных ликов цадиков. По окончании хупы всем стало легче и веселее, и обратное шествие уже не отличалось прежней торжественностью и великолепием. Толпа смешалась, «казаки» были смяты и оттиснуты на задний план, даже цадики стали как-то мягче и доступнее, и в их ряды вкрадывались группки смельчаков, чтобы поймать слово, шутку, намек из их уст. При входе на улицу, где жил макаровский ребе, водовозы местечка выстроили заграждение из наполненных бочек – символ полноты счастья – и перекрыли дорогу. Жених дал каждому водовозу по серебряному рублю; те расступились, и шествие двинулось дальше.

Началось свадебное пиршество. Вокруг громадного стола восседали польские и волынские цадики, а за их спинами на ярусах толпились массы хасидов, следивших за каждым их движением: как они едят, как пьют, что говорят, как они обращаются друг к другу. Все глаза были вперены в них, все руки тянулись к ним, все сердца бились в унисон с ними, свет и радость сверкали в глазах хасидов – до исступления, до сумасшествия. После «драши», произнесенной женихом, из шалаша убрали столы и скамейки, и начался танец. Поверху вился вихрь радостных и необузданных аккордов; внизу тихо и в такт двигались и кружились величественные фигуры цадиков, а в центре круга стояла невеста с платочком в руке. Хасиды с пылающими глазами глядели на этот необыкновенный танец, громадными усилиями сдерживая желание сорваться с места и слиться с танцующими. Но вот – толпа не выдержала. Вначале поодиночке, а затем целыми группами хасиды начали примыкать к танцующим; шалаш стал тесным, пришлось танцевать на месте; поток кружащихся в восторге людей вылился наконец на улицу, увлекая за собой и оркестр. Там, на улице, хасиды сгруппировались вокруг своих цадиков; танец продолжался, и через несколько минут все местечко представляло собой танцующие хороводы, каждый из которых кружился и пел по-своему, не зная усталости и не делая перерыва. Сами цадики уже не танцевали, они только стояли неподвижно, каждый среди своих, пристально глядели на танцующих, и этот взор огненным током прорывал-

ся через сердца, ускорял движения и наполнял огнем бешеного экстаза. Звезды потускнели на небе; из деревни неслось пение петухов, а танец не прекращался. В некоторых группах уже устали петь и танцевали молча; небо, и заря, и настежь открытые дома смотрели удивленно на этот предутренний немой танец – танец без конца...

Семь дней продолжалась эта свадьба. Каждый день – новые события и новые впечатления. Тысячи «нигуним» – мелодий были созданы за это время, многие сказания и легенды давно минувших дней воскресли в устах хасидов. Старики вспоминали былые дни, когда все было грандиознее и величественнее теперешнего, и с грустью говорили окружающим: «Вы меньше нас. И ваши ребе меньше наших. И ваше веселье мельче нашего...»

Во время переписи 1897 года 96,9% российских евреев назвали своим родным языком идиш (в Литве – 99,3%). Грузинские евреи говорили на грузинском языке, горские евреи – на татском языке, крымские евреи, крымчаки – на крымчакском диалекте крымскотатарского языка, бухарские евреи – на еврейско-таджикском диалекте. 67 000 евреев назвали родным языком русский, 47 000 назвали польский, 22 782 – немецкий: в основном это были жители крупных городов. На сто душ еврейского населения приходилось девять учеников в хедерах и школах, а в среднем по Российской империи, для всех национальностей – 3,7 ученика на сто душ населения.

Еврейские газеты попадали в местечки очень редко и с большим опозданием. «Подписаться на газету не могла ни одна семья, – писал Хаим Вейцман, – это было слишком накладно, да и газета все равно не приходила бы регулярно. Но, раз попав в городок, экземпляр газеты поочередно обходил все зажиточные семьи; в конце концов отдельные клочки попадали и к детям...» Книжных лавок в местечках не было, и несколько раз в год приезжал странствующий книгопродавец – «мойхер сфорим». Он останавливался на синагогальном дворе, выпрягал лошадь, раскладывал свой товар, и его повозку окружали со всех сторон – молодые и старые, ученые и простолюдины, мужчины и женщины. Писатель А. Паперна вспоминал: «Трудно изобразить, какое впечатление произвел на нас первый еврейский роман, теперь почти забытый – "Агават Цион" ("Любовь в Сионе") А. Мапу. Из однообразно серой, копеечно меркантильной, мучительно гнетущей щепетильной

копыльской атмосферы мы чародейскою рукою вдруг перенесены были в невиданно чудную землю – в Палестину времен пышного расцвета ее культуры и поэзии, в золотой век царя Иезекии и пророка Исайи. Перед глазами нашими раскрывались восхитительные картины. Поля с высокими и густыми колосьями пшеницы и ячменя чередуются с горами, покрытыми виноградными лозами, гранатовыми и фиговыми деревьями и оливковыми рощами... А на этих горах и холмах, долинах и лугах под палящими лучами солнца работает красивый, бодрый, жизнерадостный и свободный народ... орошающий каждый клочок земли своим потом и защищающий каждую ее пядь своей кровью... Что это: сонный бред, легенда, плод досужей фантазии? Откуда взялись эти чудные картины, эти яркие краски, эти могучие телом и душою люди, любящие жизнь и черпающие из нее полными горстями? Но нет же! Это не фантазия, не бред, – это все реальные образы, знакомые пейзажи и родные люди, взятые целиком и живьем из Библии! Это подлинные евреи! Но если они евреи, то кто мы такие?..»

Из еврейских газет конца девятнадцатого века:

«В Гродиске недавно умер знаменитый цадик Элимелех Шапир, пользовавшийся глубоким уважением еврейского населения всего края. На его похороны направились со всех сторон тысячные толпы евреев. В день похорон из Варшавы отошли несколько переполненных экстренных и дополнительных поездов».

«На второй день еврейского Нового года местный раввин посетил тюрьму, чтобы помолиться с заключенными. Его провели в комнату, где были собраны шестьдесят евреев, – здесь были и те, кого присудили в Сибирь. После молитвы раввин сказал поучение на русском языке. Многие плакали. Заключенным оставили молитвенники, двести сорок булок, два пуда мяса, картофель и пр.».

«Ново-Радомск. Здесь недавно умер портной местного полка, ста лет от роду, по фамилии Коган... Во время пребывания в строевой службе его усилиями было приобретено несколько свитков Торы специально для солдат-евреев... Умирая, Коган завещал, чтобы свитки эти и впредь оставались "солдатскими". Узнав об этом, командир полка поспешил исполнить волю завещателя, и свитки в присутствии войска и с музыкой были торжественно перенесены в местную синагогу и поставлены в особый, устроенный для этого ковчег. По праздникам солдаты с разрешения командира переносят этот ковчег к себе в лагерь и в отдельной палатке совершают богослужения».

«Станция Джанкой. Один из пассажиров штабс-ротмистр Брильянд запротестовал по поводу того, что находившиеся в зале пассажиры-евреи говорили между собой по-еврейски. На объяснение начальника станции, что на вокзалах железных дорог инородцам не запрещено говорить между собой на родном языке, Брильянд потребовал жалобную книгу, в которую внес запись: "Был разговор на жидовском языке" – и подписал свою фамилию и чин».

«В министерство путей сообщения нередко поступают жалобы на то, что проезжающие по железным дорогам евреи совершают в вагонах молитвенные пения и тем причиняют стеснение другим пассажирам. Принимая во внимание, что общественные молитвы и богослужения могут быть совершаемы только в особых зданиях, для этого определенных, а именно в синагогах, департамент железных дорог предложил иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы евреи не совершали молитвенных пений в общих пассажирских помещениях – как на станциях, так и в поездах».

«Известный каинский купец Н.В.Ш. на обратном пути с нижегородской ярмарки внезапно заболел холерой. Несмотря на то, что Ш. и его жена далеко не дружелюбно, а даже очень враждебно относились к евреям, жена Ш. послала в еврейскую синагогу просить отслужить молебен о выздоровлении ее мужа. В синагоге собрали молящихся, была прочитана молитва, псалмы и все прочее, что полагается в таких случаях. Господин Ш. теперь уже вполне здоров и, надо полагать, после случившегося изменит свое отношение к евреям».

«Государь-император за отличную усердную службу раввинов – С.-Петербургского Абрама Драбкина, Московского Якова Мазе и Варшавского Юделя Сегала – соизволил пожаловать им золотые медали с надписью "За усердие" для ношения на шее на ленте ордена Станислава».

Очерк тридцать четвертый

Евреи во внутренних губерниях Российской империи. Участие в русской общественной, научной и культурной жизни

1

Перепись 1897 года определила, что вне черты оседлости жило шесть процентов от общего количества российских евреев. Это были евреи Кавказа и Средней Азии, находившиеся там много поколений, а также четверть миллиона евреев с правом повсеместного жительства по всей империи. Эта цифра была наверняка заниженной, так как многие жили во внутренних губерниях нелегально и потому уклонились от переписи.

Жестокая нужда гнала евреев за пределы черты оседлости, где было больше рабочих мест и возможностей заработать на хлеб, и в еврейском журнале написали: «От людей голодающих, размножающихся, ищущих где лучше, совершенно так же, как ищут все остальные люди, разве можно требовать, чтобы они постоянно видели перед собой невидимую, воображаемую и произвольную границу, придуманную для них одних, и не переходили бы ее вопреки самым насущным своим нуждам?!.. Такого самоотвержения нельзя требовать и нельзя добиться ни от кого». Всеми правдами и неправдами евреи черты оседлости просачивались во внутренние губернии России; полиция ловила их и выпроваживала обратно, а на смену им появлялись следующие гонимые голодом, которых тоже ловили и тоже изгоняли, – и так без конца.

Молодежь рвалась из черты оседлости, чтобы получить образование в университетах; деловые люди искали пути приложения своих способностей и капиталов; музыканты, художники, журналисты устремлялись в столичные центры – Москву и Петербург. Одни прикрывались вымышленной профессией и получали разрешение на жительство; другие устраивались на правах «швейцарских подданных»: платили швейцару несколько рублей в месяц, и тот не сообщал о них в полицию. Жизнь вне черты тоже была трудной, и из Владимирской губернии сообщали: «Правом жить обладают здесь немногие счастливцы, но и они в большинстве случаев влачат самое жалкое существование. В Шуе, например, из пятнадцати семейств всего четыре зажиточных, а остальные живут впроголодь... Самое же грустное в их жизни – это их полнейшее одиночество. Голодает еврей в "черте", но там он чувствует себя человеком, там он среди своих, которые понимают его, сочувствуют ему. Здесь же, прожив десятки лет, он все-таки чужой и всегда должен быть настороже».

Во внутренних губерниях евреи оказывались разобщенными друг от друга; влияние русской культуры и христианского населения становилось преобладающим, и начинался неумолимый процесс ассимиляции, который затрагивал многих. Востоковед А. Гаркави вспоминал свое прощание в синагоге с дедушкой-раввином перед отъездом в Петербургский университет: «Дедушка сидел около кивота, окруженный слушателями, в талесе, с лицом светлым, приветливым, ласковым. Когда я к нему подошел, он меня погладил по щеке и сказал: "Ты знаешь, мы, старики, боимся университета, мы боимся, что он отнимет вас от еврейства... Прощай, мое дитя, но помни и никогда не забывай, что ты еврей"». Гаркави стал со временем крупным ученым и не переменил веру, но так происходило далеко не со всяким.

В городах внутренних губерний еврейская беднота селилась поближе друг к другу, сохраняя религию, обычаи и, по возможности, прежний образ жизни, а богачи снимали квартиры в центральных районах города, поражали роскошью обстановки и одежды, каретами и брильянтами своих жен, чтобы кредиторы видели их преуспеяние и доверяли им. Эти новоявленные богачи стеснялись прежних своих привычек и обычаев, родного языка и местечковых «пейсатых» родственников, стараясь как можно скорее слиться с окружающим населением. «Начинается прежде всего с имен... – писал сторонний наблюдатель. – Как только какому-нибудь коммивояжеру удалось пролезть в "аристократы", он уже больше не Калман Израилевич, а Кирилл Исидорович. Жена его, бывшая Ревекка Давыдовна, теперь – Глафира Дементьевна, а дети – Ваня, Коля, Фаддей, Ксения, Настя... Из домашнего обихода изгоняется не только жаргон, но все, что прямо или косвенно может напомнить о еврейском происхождении хозяев дома. Запрещается говорить об евреях,

6. Зак. 3898.

о Библии, о погромах, о синагоге... Через несколько лет бывший Калман уже гордится тем, что его дети ни звука не понимают по-еврейски, а в душе скорбит о том, что не в состоянии переделать их физиономии».

Стремительная ассимиляция часто вела к крещению. К этому же подталкивали и насильственные выселения в черту оседлости, процентная норма при приеме в университеты, закрытие доступа к государственным и общественным должностям. (Профессор Петербургского университета Д. Хвольсон признавал откровенно, что он поменял веру «по убеждению»: лучше быть профессором в Петербурге, чем меламедом в местечке.) Крестились и для того, чтобы вступить в брак с христианином или христианкой, так как переход христианина в иудейскую веру был запрещен. «Надо было иметь мужество и большие традиционные национальные связи, чтобы устоять против соблазна, – вспоминал Г. Слиозберг. – Ренегаты вербовались из контингента тех, кто потерял стыд и мог прямо смотреть в глаза своим обездоленным товарищам. Таких было много в университетах, а потом и в адвокатуре, куда с принятием христианства открывался доступ. Ничего не приобретало христианство от этих новообращенных, но я был всегда того мнения, что и еврейство ничего не теряло от ухода этих элементов». О том же писали и в русской газете: «Еврей приходит в университет и хочет поступить. Нельзя. Отчего нельзя? Оттого, что норма, установленная для евреев, заполнена. Ну, так я пойду и приму православие. И он идет и принимает православие, а затем возвращается в университет. “Я уже православный”, – объявляет еврей. И готово. Еврей, посмеявшийся над своей религией и над православной христианской верой, принят в университет, а еврей, не посмеявшийся ни над тем, ни над другим, не принят».

Законы Российской империи поощряли евреев к переходу в христианство еще с первой половины девятнадцатого века. Еврей, совершивший преступление, вплоть до «смертоубийства», подвергался более мягкому наказанию, если во время следствия или суда он принимал христианскую веру. Малолетних детей могли окрестить без согласия их родителей; принявший христианство получал трехлетнюю отсрочку по платежу податей и денежный подарок от казны, а возврат из христианства в иудейскую веру строго карался законом. К концу девятнадцатого века большинство поощрительных мер отменили, но общая политика оставалась прежней. Если глава семьи принимал христианство, вместе с ним должны были крестить и малолетних его детей. Всякий подросток имел право креститься с четырнадцатилетнего возраста, не спрашивая согласия родителей, и закон строго наказывал за «воспрепятствование присоединению» к христианской вере. Интересная деталь: многие ограничительные меры вводились из-за «экономического вреда», который якобы приносила деятельность евреев, а также из-за «врожденных пороков»

еврейской расы. *Но сразу* же после крещения эти соображения теряли свою силу: несмотря на «врожденные пороки», еврей немедленно переставал быть «эксплуататором» и получал все права, хотя и оставался на прежнем месте и продолжал заниматься тем же «вредным» делом.

Бывали порой случаи, когда перемена веры не предоставляла никаких выгод. Некий адвокат-еврей перешел в православие, чтобы получить высокий пост в министерстве юстиции, но старания оказались напрасными: на должность его все равно не назначили, и он умер православным присяжным поверенным. Подобная ситуация была, очевидно, нередкой; она становилась темой еврейских анекдотов того времени – и вот один из них. Жила в Москве некая супружеская пара без права на жительство. Полиция гоняла их с места на место; они вечно жили под угрозой выселения, наконец не выдержали и приняли православие. В их обиходе ничего не изменилось: они говорили между собой на идиш, молились по еврейскому молитвеннику, не работали в субботу и в еврейские праздники, соблюдали законы о пище – и продолжали бедствовать. Однажды жена не выдержала и сказала с упреком мужу: «Ну, и чего же мы выгадали от крещения? Раньше у нас не было копейки, чтобы справить субботу, а теперь у нас нет копейки еще и на воскресенье».

2

Еврейские банкиры и промышленники жертвовали огромные средства на благотворительные нужды российского общества. «Сахарные короли» братья Лазарь и Лев Бродские много сделали для благоустройства Киева: на их деньги был проведен в городе водопровод и первое в России трамвайное сообщение на электрической тяге; они же финансировали строительство Политехнического и Бактериологического институтов в Киеве. Лазарь Бродский выделил сто двадцать тысяч рублей на создание бесленного банка для помощи бедным киевским ремесленникам, без различия вероисповедания. При утверждении устава начальство потребовало, чтобы директор и председатель правления банка непременно были христианами, а в члены правления допускался только один еврей. Бродский был оскорблен – и Киев лишился ремесленного банка.

Промышленник Давид Марголин давал деньги на развитие системы снабжения Киева водой и газом, на устройство коммерческих училищ торговых школ, был среди основателей машиностроительного, чугунолейного и кабельного заводов в Киеве. Современник отметил: «Человек редкого ума и неутомимой энергии, Давид Семенович связал постепенно свое имя со всеми коммерческими предприятиями, возникшими в Юго-Западном крае за последние тридцать лет... (сумев) счастливо

сочетать коммерческие выгоды дела с общими пользами государства и местными нуждами края... Для благотворительных целей просителям без различия национальности всегда открыты двери его дома».

Одесские евреи жертвовали средства на городское благоустройство, и Одесса служила образцом для всей России. Улицы освещались газовыми фонарями, в городе действовали водопровод, конно-железная дорога, телефонная сеть; на городские средства были построены театр, электрическая станция, прачечная, скотобойни, лечебница, библиотека и многое другое. Одесские евреи входили в состав городской думы, а Р. Хари пятнадцать лет руководил финансовым отделом города. По «Городовому положению» 1892 года евреям запретили заведовать отраслями городского хозяйства; Хари вынужден был оставить свой пост, и одесская дума, в признание его заслуг, единогласно постановила учредить стипендию его имени.

Варшавский банкир Ипполит Вавельберг жертвовал огромные суммы на нужды евреев и поляков – для установления взаимопонимания и сближения двух народов. Не было практически ни одного польского благотворительного заведения, которое бы он не поддерживал. На стипендии Вавельберга учились студенты-поляки в университетах; он учредил в Варшаве художественно-промышленный музей и образцовое техническое училище, вкладывал деньги в строительство дешевых квартир для рабочих. Писательница Э. Ожешко жила на его средства в трудные периоды своей жизни, и Вавельберг издал за свой счет полное собрание ее сочинений. Издавал он также сочинения А. Мицкевича и других польских писателей, а когда поляки решили установить памятник Мицкевичу, Вавельберг пожертвовал на это пятьдесят тысяч рублей. «Достоверно известно, – сообщал современник, – что поляки отвергли этот дар Вавельберга, заявив, что они желают создать памятник Мицкевичу от имени всей нации и на польские средства, а не на еврейские».

Банкира Абрама Варшавского называли «аристократом по духу и по манере»: «Он пользовался большими симпатиями в высших бюрократических кругах; никогда не было на Варшавского каких-либо нареканий, и в деловом смысле он считался безупречно корректным. О его доброте распространялись легенды; она проявлялась не только в отношении евреев, всегда обращавшихся к нему за помощью, но и нуждающихся других национальностей». Абрам Зак, директор-распорядитель Учетно-ссудного банка в Петербурге, был экспертом правительства по финансовым и экономическим вопросам; по его совету заблаговременно создали крупный золотой фонд, и Россия сумела провести русско-турецкую войну без финансовых осложнений. Заку предложили должность товарища министра финансов – при условии непременного крещения, но он отказался. Зак «пользовался репутацией одного из

умнейших людей; был меценатом в области музыки, которую страстно любил. Не было музыканта или певца, приезжавшего в Петербург, который бы в доме Зака не участвовал в музыкальных вечерах... собиравших к нему сливки петербургского общества».

«Железнодорожный король» Самуил Поляков построил в Российской империи две тысячи пятьсот верст железнодорожных путей, а за небывалую быстроту и качество строительства получил высшую награду на Всемирной выставке в Париже. Самуил Поляков пожертвовал на благотворительные цели более двух миллионов рублей. Он основал на свои средства первое в России железнодорожное училище в Ельце и первое горное училище в Корсуни. На его деньги основывали гимназии, приюты для бедных детей, госпитали и театры, построили в Петербурге первое в России студенческое общежитие, где бедные студенты получали бесплатно жилье и еду. Поляков «избегал сношений с петербургскими евреями, стоял как бы особняком от них, но зато крайне радушно принимал всяких сановников, князей, графов, искавших его расположения в своих материальных интересах». Сын Полякова «с евреями не встречался, но зато всегда вращался в кругу студентов, носивших аристократические имена графов или князей, богатых и захудалых». Поляков оставил в своем завещании ничтожные суммы в пользу еврейских учреждений, но его сын, единственный наследник огромного состояния, не отдал даже этого – вопреки воле отца.

Банкир барон Гораций Гинцбург не только выделял огромные суммы на благотворительные цели, но и постоянно выступал в защиту российских евреев. Его называли «главным печальником и защитником еврейских интересов»: даже министры признавали Гинцбурга представителем российского еврейства и обращались к нему для разъяснения сложных вопросов. У Гинцбурга было много помощников в этом деле, и вот описание одного из них: «Петербургские евреи... помнят подвижную маленькую фигурку старика с белой длинной заостренной двумя концами бородой, с выразительным подвижным лицом и острыми, умными, проницательными глазами. Это был рабби Шмуэль Быховский. Всегда чисто одетый, в длинном сюртуке, с пачками бумаг в карманах и в руке, он постоянно был занят, постоянно спешил, разъезжая по городу на извозчиках. Он был другом всех швейцаров в министерствах и желанным гостем для всех курьеров, обслуживающих кабинеты директоров департаментов и других высоких сановников. Каждый день, а иногда и по нескольку раз в день рабби Шмуэль являлся с докладом к барону Гинцбургу, получал от него указания и пускался опять в хождение по департаментам... Быховский первым, как бы чутьем, догадывался о готовящемся циркуляре, знал, кто и когда и кому докладывает о том или другом вопросе, и никто лучше его не умел вовремя подать записку, повлиять на то, чтобы доклад был

отложен, пока лицо, от которого зависит решение данного вопроса, не будет надлежащим образом подготовлено».

Главным помощником Гинцбурга был юрист Генрих Слиозберг, знаток законов, циркуляров и разъяснений Сената по еврейским вопросам. По каждому спорному делу Слиозберг подготавливал необходимые документы, убеждал и доказывал, чтобы неблагоприятное решение Сената не стало прецедентом для новых ограничений. Слиозберга называли «заступником» российских евреев, и в будущем о нем написали: «Сказано: сын, снимающий сапоги с ног усталого отца, будет благословен во веки веков. Благословенно будет и имя Генриха Борисовича».

3

Во второй половине девятнадцатого века евреи во многом способствовали развитию музыкальной культуры в России. Прежде всего следует назвать А. Рубинштейна, основателя первой в России Петербургской консерватории (крещен в двухлетнем возрасте своим дедом, бердичевским купцом). Пианист Антон Рубинштейн ездил с выступлениями по всему миру; его исполнительское искусство заслужило высокую оценку Ф. Шопена, Г. Берлиоза, Дж. Верди, М. Мусоргского, – знатоки уверяли, что у него был один лишь соперник – Франц Лист. Ученик А. Рубинштейна композитор П. Чайковский писал: «Могу ли я сопоставить себя с ним? Ведь он первый современный пианист. В Рубинштейне громадный виртуоз сочетается с большим композиторским дарованием». Антон Рубинштейн сочинял оперы, оратории, симфонии, фортепьянные концерты и произведения камерной музыки. Многие его сочинения основаны на еврейских мелодиях, и М. Бен-Ами написал в своих очерках: «Даже его симфония “Океан” в своей первой части построена главным образом на еврейском хасидском нигуне (мелодии), который легко узнает тот, кто хорошо знаком с хасидским миром в Бердичеве. Очень многие еврейские нигуним, распеваемые хасидами, перенесены им целиком, без всякого изменения...» Рубинштейн часто обращался к библейским темам, и после исполнения его оратории «Вавилонское столпотворение» Чайковский отметил: «Особенно хорош “хор семитов”, весь проникнутый меланхолически-нежным настроением, свойственным мелодиям этого племени. Трогательная... жалобная мелодия этого хора, удивительно верно рисующая тоску пришельцев по своей далекой и прекрасной родине, глубоко западает в душу слушателя».

Пианист Николай Рубинштейн – младший брат Антона, основатель и бессменный директор Московской консерватории – был одним из лучших исполнителей сочинений П. Чайковского: тот посвятил ему

свою Первую симфонию и Второй фортепьянный концерт. «Я бы, конечно, никогда не сделал себе имени, – писал Чайковский Н. Рубинштейну, – если бы у меня не был под рукой такой превосходный истолкователь, как ты. Если бы тебя не было в России, то я был бы обречен на вечные искажения. Ты единственный человек, умеющий "мой товар" лицом показать». Братья Рубинштейны часто подвергались нападкам за их еврейское происхождение: «Интересно знать, – издевались в газете над Николаем Рубинштейном, – какое же дворянство ему дадут: иерусалимское, или так просто будет всесветным дворянином?»

Четыре скрипача в России были удостоены звания «солист Его Императорского Величества», все четверо евреи, и один из них – Генрик Венявский, знаменитый скрипач, композитор, профессор Петербургской консерватории. «Солист Его Императорского Величества» скрипач, дирижер и композитор Леопольд Ауэр содействовал расцвету русской скрипичной школы и был первым исполнителем посвященного ему «Скрипичного концерта» П. Чайковского. Карл Давыдов – виртуоз-виолончелист, профессор Петербургской консерватории и ее директор – стал одним из основателей русской виолончельной школы: Чайковский посвятил ему «Итальянское каприччио». Михаил Медведев (Бернштейн) первым в России исполнил партию Ленского из оперы «Евгений Онегин»: «С очень недурным голосом, – отметил Чайковский, – но еще совершенно новичок и плохо выговаривающий по-русски». Медведев мог исполнять партии лирического и драматического тенора, и он был первым исполнителем партии Германа в «Пиковой даме» на премьерах в Киеве, Петербурге и Москве. На премьере в императорском Мариинском театре в Петербурге партию Ленского исполнил лирический тенор Михаил Михайлов (Моисей Зильберштейн), обладатель «голоса-алмаза». В том же театре пели тенор Александр Давыдов (Левенсон) – как говорили, лучший исполнитель партии Германа в России, баритон Иоахим Тартаков – лучший Демон в опере А. Рубинштейна, бас Лев Сибиряков (Спивак), который в юные годы пел в синагогах. Большим успехом пользовались оперная певица Клара Камионская и ее муж – баритон Оскар Камионский: в Италии его называли «русский Баттистини».

В изобразительном искусстве России выделялся Марк Антокольский. Он родился в Вильно в бедной многодетной семье и еще ребенком стал учеником резчика по дереву. Его работы заметила жена виленского генерал-губернатора, снабдила юношу деньгами, рекомендательным письмом и отправила в Петербург, в Академию художеств. Первые его работы были на еврейские темы, но всеобщее признание принесла Антокольскому скульптура «Иван Грозный», которая произвела огромное впечатление на писателя И. Тургенева: «Я нахожу эту статую шедевром

по историческому проникновению, психологии и прекрасному исполнению. И это сделал маленький молодой человек, бедный, как церковная крыса, болезненный...» Александр II приобрел «Ивана Грозного» для Эрмитажа; на выставке скульптура имела громадный успех, и молодой Антокольский писал: «Я заснул бедным, встал богатым. Вчера был неизвестным, сегодня стал модным». За эту скульптуру совет Академии художеств присвоил Антокольскому звание академика; впоследствии он стал членом Парижской Академии художеств, почетным членом академий Вены, Лондона, Берлина; на Всемирной выставке в Париже в 1878 году ему присудили высшую награду и орден Почетного легиона.

Антокольский был верующим евреем, всю жизнь соблюдал религиозные предписания, по субботам не работал, и критик В. Стасов, пожалуй, одним из первых осознал те трудности, которые ему пришлось преодолеть: «Антокольского нельзя ставить на одну доску с прочими нашими художниками... Надо помнить, что он – еврей, и значит, раньше, чем достигнуть чего-нибудь, должен был столько намучиться и настрадаться, сколько не приходится намучиться и настрадаться у нас художнику никакого другого племени... Постыдные предрассудки, недоверие, антипатия, насмешки – вот среди какой обстановки надо было начинать Антокольскому в шестидесятых годах. Да еще начинать первым из всех евреев».

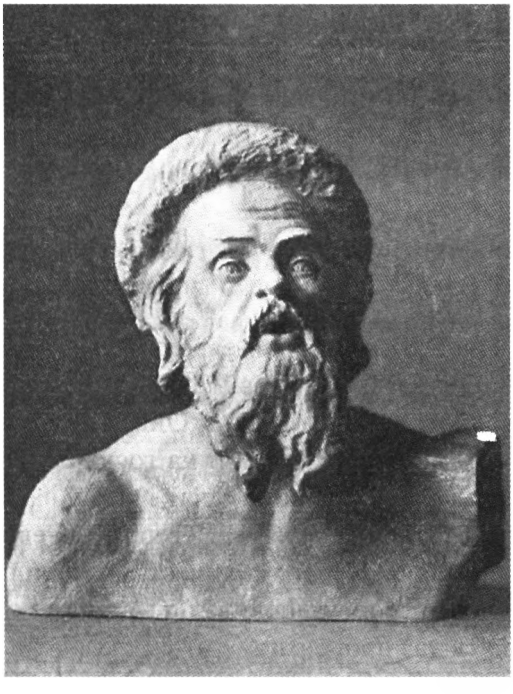
В 1893 году Антокольский выставил новые работы в Петербурге, и правая печать, не стесняясь в выражениях, обрушилась на скульптора-еврея, который осмелился изображать Христа и героев русской исто-

М. Антокольский. Рисунок И. Репина (1866 год)

рии. Антокольский страдал от грубых нападок и оскорблений и решил навсегда уехать из России. На прощание он опубликовал в газете такие горькие слова: «Многие годы уже люди известного лагеря издеваются над моими работами, глумятся надо мною, над моим племенем, клевещут и обвиняют меня при всяком удобном и неудобном случае в разных небылицах: “нахал”, “трус”, “пролаза”, “гордец”, “рекламист”, получаю награды благодаря жидовским банкирам и т. д., и т. д. И при этом не замечают, что, обвиняя меня, обвиняют шесть академий разных стран, членом которых я имею честь состоять, и жюри двух международных выставок, почтивших меня наградами...» Антокольский жил затем в Париже, участвовал в международных выставках как русский художник, и на Всемирной выставке в Париже в 1900 году получил за свои последние работы высшую награду и командорский крест Почетного легиона. Марк Антокольский умер в 1902 году в Германии; гроб с телом привезли в Вильно, и три дня шли жители города, чтобы проститься со своим земляком. Его похоронили в Петербурге, на еврейском Преображенском кладбище, и толпы людей провожали его в последний путь.

Вслед за Антокольским учился в Петербургской Академии художеств Исаак Аскназий, который за свои картины получил звание академика. Аскназий много писал на библейские темы, был верующим евреем, соблюдал все обряды и еще учеником в Академии подал прошение, чтобы ему позволили работать в воскресенье, а не в субботу. Академиком стал и Моисей Маймон за картину «Нападение инквизиции на маранов за пасхальной трапезой»: натурой для главного образа

М. Антокольский.
Талмудический спор (фрагмент)

картины, старика-марана, послужил старый русский генерал, признавшийся Маймону по окончании работы, что и он еврей, крещенный в кантонистах. Картину хотели приобрести для петербургского музея, но профессора Академии художества воспротивились этому из-за ее «антихристианской направленности». Илья Гинцбург тоже учился в Академии художеств в Петербурге и прославился своими скульптурными портретами Л. Толстого, П. Чайковского, И. Репина, М. Антокольского, В. Стасова. Первой женщиной-скульптором в России стала еврейка Мария Диллон.

На одной из художественных выставок однажды появилась картина «Осенний день. Сокольники»: под ней стояла подпись неизвестного художника – Исаак Левитан. Картина имела успех; ее приобрели для Третьяковской галереи – Левитану не исполнилось тогда и девятнадцати лет. Он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, жил впроголодь, бедствовал, не имел постоянного жилья: «Безденежье до того, – жаловался он, – что я как-то не обедал подряд три дня». Критики долгое время ругали работы Левитана, и его, уже знаменитого художника, на время выселили из Москвы из-за отсутствия права на жительство. В конце концов Исаак Левитан получил звание академика живописи, и про него говорили с восторгом и изумлением: «Из какого-то глухого провинциального угла пришел этот тщедушный еврейский юноша, нищий и загнанный, и широко распахнул все входы в самые глубокие тайники русского пейзажа». Левитан написал за свою недолгую жизнь около тысячи картин и этюдов; он умер в возрасте тридцати девяти лет и был похоронен в Москве, на Дорогомиловском еврейском кладбище. Это был день траура для русского искусства, и даже в антисемитском «Новом времени» поместили такие строки на смерть Исаака Левитана: «Этот чистокровный еврей, как никто, заставлял чувствовать и любить нашу бедную и простенькую природу...»

4

По официальным данным на 1887 год, врачи-евреи составляли более шести процентов от общего количества врачей в Российской империи, а в черте оседлости – почти двадцать пять процентов. Они занимались частной практикой, так как путь в университеты и на государственную службу был для них закрыт; даже земства, приглашая врачей на работу, часто добавляли в объявлениях – «кроме евреев». Ветеринары-евреи составляли в 1887 году два процента от общего количества ветеринаров в России, дантисты – двадцать один процент, повивальные бабки – девятнадцать, фельдшеры – двадцать два процента.

Врач Вениамин Португалов из Самары первым предложил готовить специалистов – санитарных врачей, одним из первых в России стал бороться с алкоголизмом и лечить от него. Врач Рувим Кулишер переводил медицинскую литературу на русский язык и писал научные работы по гигиене и военно-санитарному делу. Почетный лейб-медик императорского двора Иосиф Бертенсон был инициатором создания «школы для образования лекарских помощниц» – первого учебного заведения для подготовки медицинских сестер. Леонард Гиршман – из лучших окулистов своего времени и один из основателей русской школы офтальмологии – создал первую в России кафедру глазных болезней при Харьковском университете и первую глазную клинику. С. Штейн основал первую в Москве специализированную клинику по лечению болезней уха, горла и носа. Ветеринар Иосиф Равич – один из зачинателей ветеринарного образования в России – создал и редактировал журнал «Архив ветеринарных наук».

В 1864 году Александр II провел судебную реформу, и в России появился независимый гласный, публичный суд с присяжными заседателями. Тогда же появились и присяжные поверенные со специальным юридическим образованием, другими словами – адвокаты, которые охраняли интересы обвиняемых. Сначала не было никаких ограничений для представителей разных национальностей, и в российских судах выступали адвокаты-евреи, прославившиеся на этом поприще. Это были А. Гольденвейзер и Л. Куперник в Киеве, М. Окс – в Одессе, С. Шайкевич – в Москве, А. Думашевский и Э. Банк – в Петербурге. Юристы-евреи занимали высокие посты в государственных учреждениях – М. Острогорский, Г. Трахтенберг, М. Шафир и особенно Я. Гальперн, вице-директор департамента министерства юстиции, единственный некрещеный еврей, дослужившийся до высокого чина тайного советника. Н. Бернштейн был почетным мировым судьей в Одессе, М. Розенштейн – в Симферополе, Г. Трахтенберг – в Петербурге. Я. Тейтель почти тридцать лет проработал судебным следователем в Самаре; окружной суд неоднократно избирал Тейтеля в члены судейской коллегии, но министерство юстиции соглашалось утвердить его на судебную должность лишь после крещения. Тейтель не соглашался и в конце концов был назначен членом окружного суда в Саратове. Он оставался единственным судьей-евреем в России, который не отказался от своей веры, но и ему пришлось подать в отставку под давлением министра юстиции.

При Александре III юристов-евреев уже не принимали на государственную службу, хотя в законах Российской империи было сказано однозначно: «Различие вероисповедания или племени не препятствуют определению на службу, если желающие вступить в оную имеют на сие право... Евреи, имеющие ученые степени... допускаются на службу по всем ведомствам...» По окончании университетов юристы-христиане

становились следователями и прокурорами, делали служебную карьеру, получали чины и награды, а евреям оставался один путь – в присяжные поверенные. В какой-то момент в Петербурге решили, что адвокатура переполнена евреями, и с 1889 года «с Высочайшего утверждения» ввели новое правило: «лица нехристианских исповеданий» получали право на занятие адвокатской практикой лишь с согласия министра юстиции. Министр давал разрешения мусульманам и караимам, но ни один еврей не стал присяжным поверенным на протяжении многих лет. Закончив университеты, юристы-евреи становились помощниками присяжных поверенных и не могли самостоятельно вести дела, даже если и выделялись своими знаниями и профессиональными способностями. Причиной этого ограничения была боязнь конкуренции, и московский адвокат жаловался в газете на коллег-евреев: «Эти господа способны жить впроголодь, работать до обмороков да сидеть в конурах. Этак поневоле и практика составится, и дело пойдет как следует. А я человек русский; мне и поесть надо как следует, и шампанского выпить, и в обществе побывать, – время-то и уходит; а тут у тебя дела из-под носа перехватывают». – «Не лучше ли, – возразили ему в газете, – заняться выработками этих свойств, чем всеми правдами и неправдами сокращать конкуренцию? Еще не случалось встречать жалобы на печальную судьбу со стороны тех русских, у которых эти свойства – знания, добросовестность и усидчивость – находились в наличии».

Александр Яковлевич Пассовер стал присяжным поверенным в либеральный период правления Александра II. Он закончил юридический факультет Московского университета, был оставлен на кафедре для подготовки к профессуре; его даже послали за границу для усовершенствования, а затем сказали: «Кафедра будет за вами, но вы, конечно, должны отказаться от еврейства». – «Я отказываюсь от кафедры», – ответил он. Про Пассовера говорили, что его «спина неспособна сгибаться, даже кланяться», – и вместо того, чтобы стать профессором Московского университета, он стал присяжным поверенным. «За необращение в православие, – шутил он, – обращен в адвокатуру».

Пассовер выделялся в Петербурге среди самых талантливых юристов своего времени. Его называли «Гулливером среди карликов»; он обладал обширнейшими знаниями в области русского и иностранного права, философии, естествознания, древних языков. Его квартира была завалена книгами, и по всей Европе букинисты скупали для него необходимые ему книги и рукописи. Пассовер пользовался огромным уважением и авторитетом; к нему приезжали на консультации по самым запутанным делам адвокаты, судьи, сенаторы, земские деятели со всей России. Его рекомендации легли в основу многих решений Сената и стали законами Российской империи.

Пассовер появлялся в суде без портфеля и произносил свои блистательные речи, порой часами, со ссылками на законы и решения Сената, со сложными цифровыми выкладками – на память, без единой бумажки. Своей речью он не пытался разжалобить судей и присяжных заседателей, но пользовался исключительно логическими построениями и силой аргументации. «Это удивительный ум, пожалуй, нерусский, – сказал о нем адвокат Ф. Плевако, – он совсем не разбрасывается, не глядит по сторонам. Это ум, отточенный как бритва, пронизывающий беспощадно как раз то, что он хотел пронизать».

Ученики Пассовера – М. Кулишер, М. Винавер, Г. Слиозберг и другие – стали известными адвокатами России. Винавер писал о своем учителе: «Вот настает момент, когда нужно выступать. До этой минуты худенький человек в застегнутом на все пуговицы фраке... в серых замшевых перчатках, сидел там, где-то в толпе, незаметный, опустив голову, закрыв глаза, – исхудалая, желтая, мертвенная фигура. Настает его очередь – фигура угловатою походкою приближается к кафедре... и через минуту исчез уже куда-то маленький робкий человек, движения оживают, голос набухает сильными, подчас раскатистыми звуками, глаза раскрылись и блещут своим серым, стальным блеском – часто злым, безжалостным, насмешливым блеском, – лицо розовеет, точно молодая кровь в нем играет. То играет мысль».

Упомянем несколько еврейских имен – из великого множества. Илья Абельман – астроном: руководил обсерваторией в Москве, работал затем в Пулковской обсерватории, исследовал движения метеорных потоков. Гирш Рабинович – писатель: самостоятельно изучил естественные науки, написал на иврите книги по физике, математике, метеорологии, геологии, органической химии. Иегуда Лейб Рабинович – получил на выставке в Париже золотую медаль за изобретенные им физические приборы. Лев Шкляр – изобрел «безопасную лампу», слуховой аппарат для глухого, прибор для армии, предупреждавший о приближении неприятеля, а также «чернила для слепых», особый состав, который затвердевал на бумаге, и слепые могли читать наощупь; за свои изобретения получил на выставке в Париже большую золотую медаль и орден Почетного легиона. Хаим Слонимский – математик и педагог: изобрел счетную машину, за которую получил престижную премию Российской Академии наук, усовершенствовал паровую машину, предложил способ одновременной передачи по телеграфу четырех депеш. Артур Абрагамсон – инженер, один из основателей и редактор ежемесячного

журнала «Инженер»: организовал отдел железнодорожного транспорта России на Всемирной выставке в Париже и был награжден орденом Почетного легиона. И. Гольдберг – изготовил первые русские печатные машины для типографий. Моисей Фрейденберг – совершил публичный полет на построенном им аэростате, сконструировал новую модель буквоотливной наборной машины, участвовал в разработке проекта первой автоматической телефонной станции. Юлиан Бак, инженер-путеец – строил участки железных дорог Пермь–Котлас, Вологда–Вятка, Киев–Ковель, Балашово–Харьков. Семен Барац, финансист – организовал первые в России женские коммерческие курсы, написал капитальный «Курс вексельного права» и «Курс двойной бухгалтерии». Самуил Вайсенберг, антрополог – одним из первых начал изучение этнических и физических данных евреев России, Ближнего Востока, Северной Африки, Кавказа и Средней Азии; за свои работы получил золотую медаль Московского естественнонаучного общества. Павел Шейн – этнограф, собиратель русских и белорусских песен, знаток быта и говоров; выпустил семь сборников былин, песен и прочих фольклорных материалов, «обнимающих всю духовную жизнь русского крестьянина, от колыбели до могилы». Авенир Грилихес, медальер монетного двора в Петербурге – гравировал государственные печати Александра III и Николая II, а также юбилейные медали и орлов на монетах Российской империи. Его сын Авраам, старший медальер монетного двора, гравировал монеты разного достоинства и юбилейные медали; за изготовление портрета на топазе получил золотую медаль на Всемирной выставке в Париже. Людвик Заменгоф из Белостока, врач и лингвист – в 1887 году опубликовал проект основ нового языка, который включал девятьсот корневых слов и шестнадцать грамматических правил. Этот проект он подписал «Докторо Эсперанто» – «Доктор Надеющийся»: так появился язык эсперанто, распространившийся затем по всему миру. Арнольд Думашевский, юрист – редактировал «Судебный вестник» и перед кончиной завещал Петербургскому университету крупную сумму денег на стипендию «имени еврея Думашевского».

В еврейских газетах писали:

«В Петербурге пребывает в настоящее время феноменальная личность – Давид Розенфельд, талмудический ученый, обладающий сверхъестественной памятью. Розенфельд знает на память, от слова до слова, все тридцать шесть томов Талмуда, и знает их не просто, а удивительным, почти невероятным способом: вразбивку, с начала до

конца и с конца до начала... Если ему дают наугад в любом месте какое-нибудь слово, то он отвечает безошибочно, какое слово приходится в том же месте через десять, сто или двести страниц. Когда ему указывают последнее слово на любой странице, он угадывает номер этой страницы и говорит ее без запинки с первого слова. Розенфельд прибыл в Петербург, чтобы заняться изучением языков».

«Часовой мастер из Житомира С. Померанц изобрел космографические часы, которые самым наглядным образом показывают движение Земли, Луны, Меркурия, Венеры, Марса и Юпитера с их спутниками, перемену дня и ночи, фазы луны, дни недели, месяцы, числа, а также високосный год, равноденствие и перемену времен года. Механизм заводится раз в пять лет. Из других изобретений самоучки-ремесленника: ручной метроном для регулирования маршировки в войсках – награжден Государем Императором малой серебряной медалью; стенные часы с вечным календарем для юлианского и григорианского летосчисления – находятся в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге, за что награжден брильянтовым кольцом и почетным дипломом на Сибирской промышленной выставке; ручной музыкальный метроном удостоен на Московской выставке большой серебряной медалью».

«Часы будильник-кофейник изобрел киевский часовых дел мастер И. Гольдман. Когда будильник начинает звонить, путем несложного приспособления зажигается свеча и одновременно спирт или бензин в горелке, которая и нагревает воду в кофейнике. Таким образом часы не только будят, но сами зажигают свечу и готовят кофе».

«Петербургский фотограф Рубинович недавно получил персидский орден Льва и Солнца и приглашение от двора персидского шаха приехать в Тегеран придворным фотографом на очень выгодных условиях. В скором времени Рубинович выезжает в Тегеран».

Выпускник одесского Новороссийского университета Владимир (Мордехай) Хавкин работал в Пастеровском институте в Париже и первым получил действенную вакцину для прививок против холеры. В 1892 году в России свирепствовала холера; заболело около шестисот тысяч человек, и многие из них умерли. Хавкин предложил безвозмездно передать России метод изготовления противохолерной вакцины и сообщил, что готов немедленно выехать в Петербург. Его рекомендовал Луи Пастер, но в Петербурге вспомнили, что неблагонадежный Хавкин состоял прежде под надзором полиции, и предложение отклонили. Вместо России Хавкин поехал в Индию и изготовил там вакцину от чумы. Его

вакцины против холеры и чумы привили миллионам людей в Индии, и они спасли от смерти сотни тысяч человек. Газеты всего мира писали о «спасителе человечества», а в Бомбее открыли Институт Хавкина, который выпускает и рассылает по всему миру его противочумную вакцину.

Вынужден был покинуть Россию и Залман Ваксман, в будущем лауреат Нобелевской премии: он разработал новое лекарство – стрептомицин, которое спасло сотни тысяч жизней.

В начале девятнадцатого века российские евреи очень редко меняли веру. Одними из первых крестились жители Петербурга Абрам Перетц и Лейба Невахович. В 1823 году бердичевский еврей С. Меерсон поехал в Берлин и принял там протестантство; крестился и врач Липс, который посылал в Петербург записки антиеврейского содержания; крестился А. Темкин из Витебска, представивший правительству сочинение против евреев «Путь очищения к познанию истинной веры» – «для исправления сердец сынов человеческих». В 1838 году два российских еврея перешли в старообрядчество, и после этого Николай I запретил иноверцам принимать эту веру. Перешел в православие кантонист Вульф Нахлас (А. Алексеев), занимавшийся миссионерской деятельностью в армии, и Я. Брафман – автор сочинения «Книга кагала», на которую ссылались гонители евреев. По данным Синода, в 1836 году перешли в православие 322 еврея, в 1846 году – 1921, в 1854 году – 4439: за счет кантонистов, призванных в армию в малолетнем возрасте и окрещенных насильно. В годы либерального правления Александра II переход евреев в христианство значительно уменьшился, а при Александре III снова возрос: в 1886 году перешли в православие 700 евреев, в 1894 году – 1254. Кроме православия евреи принимали католичество в Царстве Польском, а также протестантство. Закон о веротерпимости 1905 года разрешил крещеным евреям возврат в иудейство, и многие этим воспользовались. В газете писали: «В Варшаве замечается за последнее время массовое возвращение крещеных в лоно иудейства. Среди них много женщин, которые принимали католичество, выходя замуж за поляков».

Крещеный еврей С. Эфрон-Литвин сочинил юдофобскую пьесу «Сыны Израиля», и в еврейском журнале «Будущность» отметили: «Пьеса, хоть и написана евреем, преисполнена дикой ненависти к еврейскому народу и содержит невозможные клеветнические

нападки на евреев, возбуждающие племенную вражду к ним». Под названием «Контрабандисты» (в соавторстве с драматургом В. Крыловым) эта пьеса была поставлена в 1900 году в петербургском театре А. Суворина, и на ее премьере разразился небывалый скандал: публика забрасывала актеров гнилыми яблоками, чесноком, тухлыми яйцами и сорвала спектакль. Журналист сообщал: «Верхи заняты молодежью, и там буквально стон стоит. Они жестикулируют, машут шапками, показывают кулаки актерам. Разгоряченные лица наклонены над барьером, и все тот же крик гудит оттуда – Вон! Вон! А внизу это уже не юнцы, это взрослые, привыкшие сдерживаться люди кричат с таким же упорством – Вон! Вон!.. Свистят, шумят, кричат, стучат стульями... В коридорах и зале полиция кого-то тащит, кого-то арестовывает, кого-то из театра вышвыривает...» После премьеры отдали под суд семьдесят два человека, и большинство из них были русские студенты. «Контрабандисты» шли затем в провинциальных театрах и повсюду вызывали бурные протесты публики, драки в зрительных залах, аресты и последующие судебные приговоры – «за нарушение тишины».

Из русских и еврейских газет конца девятнадцатого века:

«Еврей-купец – тридцать лет, большое состояние – ищет невесту с приданым около ста тысяч. Непременные условия: образование, доброе сердце, нееврейская наружность, безупречная фамилия».

«В Петербургском окружном суде разбиралось дело о вероотступничестве отставного солдата Гринфельда. Гринфельд на суде признал себя евреем и заявил, что христианство было навязано ему силой. Общее внимание привлек свидетель Гибнер, по доносу которого подсудимый привлечен к ответственности. При явно выраженном семитическом типе он беспрестанно творил крестные знамения, клал низкие поклоны и просил суд наказать христопродавца Гринфельда».

«Оригинальный "погром" произошел на днях в Варшаве. В роли "громил" выступали на этот раз евреи-рабочие, которые беспощадно расправлялись с сутенерами и торговцами живым товаром, к сожалению, тоже евреями... Разгром домов терпимости и расправа с сутенерами продолжались три дня. До ста притонов разгромлено, убито десять сутенеров, ранено до пятидесяти... Еврейские рабочие расправлялись только с евреями и не трогали ни одного христианина. Расправиться с последними они предоставили христианским рабочим, которые последовали потом их примеру».

«В Западном крае ощущается большой недостаток в православных иконописцах, и потому евреи не только пишут иконы для продажи, но даже занимаются реставрацией иконостасов в церквах. Архиепископ Литовский Алексей сделал в связи с этим внушение духовенству».

«Пинск. В кафешантанах поет еврейские песни румынская певица Пепи Литман. Лицо у нее еврейское, но паспорт не еврейский, и полиция обратилась в Священный Синод с запросом: не грех ли перед небом человеку с христианским паспортом петь в христианских кафешантанах еврейские песни?»

«Положение евреев-ренегатов еще хуже, чем самих евреев. На ренегатов косятся все. Для русского общества они остаются евреями, а для евреев – отщепенцами... У одного мальчика в станице Славянской, крещенного еще в детстве, оказался хороший голосок, и ему велели ходить в церковь и петь в хоре. Когда он явился в воскресенье в церковь, русские мальчики избили его и выгнали, приговаривая: "Да как ты смеешь, жид пархатый, петь наши молитвы!.."»

«Усмань, Тамбовской губернии. В числе учеников уездного училища есть евреи-перекрещенцы. Законоучитель отец Тихонравов, в силу бессмысленной какой-то неприязни, каждодневно издевается над мальчиками, упрекая их за национальность. "А ты, жиденок, поди-ка сюда, расскажи-ка, как твои предки Христа распяли?" или: "Ты, жидовское отродье, зачем свою проклятую веру-то оставил?.."»

«По новой статье устава в паспортах евреев, принявших православие, на вопрос "какого вероисповедания" должен быть ответ "православный, но из евреев". Так как раньше такой приписки не делалось, то многие евреи упрашивают и теперь не делать ее. При этом некоторые прямо заявляют, что если бы они знали о существовании такого закона, то не переходили бы в православие».

«Екатеринослав. Среди обгоревших трупов осталось несколько, которых никто не мог опознать. Возник вопрос, на каком кладбище похоронить эти останки страшной катастрофы, – ведь среди погибших были христиане и евреи. За разрешением этого вопроса обратились к епархиальному начальству, которое ответило, "что Бог один для всех", – и потому решили вопрос жребием. Жребий выпал на еврейское кладбище, и останки провожал на кладбище весь город, русские и евреи».

Очерк тридцать пятый

Правление Николая II. Евреи в революционном движении. Азеф. Образование Бунда. Т. Герцль и Первый сионистский конгресс

1

Царствование Николая II началось в конце 1894 года, и в еврейском журнале «Восход» подытожили первый период его правления: «Не весел и не нов наш рассказ. Серенькие будни уныло тянулись без крупных событий, без освежающих явлений. Жизнь русского еврейства почти вся уходила на повседневную мелочную борьбу за элементарнейшие права – за право жительства, за право промысла, за право учиться, подчас даже за право лечиться. Нелегкая, мучительная эта борьба, и много она – без надобности – поглощает времени и сил, которые при нормальных условиях шли бы на полезное дело».

Выселения продолжались без остановки: из внутренних губерний – в черту оседлости, из деревень – в города и местечки, из запретных кварталов Киева – в разрешенные кварталы. Ялта была закрыта для евреев, и оттуда отправляли под конвоем чахоточных больных, которые приезжали на лечение. Дачников-евреев изгоняли из пригородных районов, приравненных к сельским местностям, и не допускали еврейских детей в деревни под Одессой для оздоровительных морских купаний. Особым указом запретили приезд евреев в Донскую, Кубанскую и Терскую области – «как для пользования минеральными водами, так и вообще для

лечения от болезней». Требовалось специальное разрешение министра внутренних дел, чтобы пустили в Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки и Железноводск. Жены врачей, адвокатов, купцов первой гильдии не могли самостоятельно поехать в курортный город; лишь у их мужей было право на повсеместное жительство, а потому мужья ехали вместе с женами и ждали порой месяцами в ущерб своему делу, пока закончится курс лечения.

Для проведения постоянных облав киевские власти брали ежегодно по пятнадцать тысяч рублей из коробочного сбора – на содержание усиленного штата полиции: таким образом евреи Киева своими деньгами оплачивали собственное изгнание из города. В Москве и Московской губернии купцам-евреям первой гильдии – в отклонение от общего правила – позволяли селиться лишь с разрешения генерал-губернатора и министра финансов, но ни тот, ни другой этих разрешений не выдавали. Купцы приезжали в Москву на короткий срок и опасались оставаться там сверх дозволенного времени: полицейские ловили лиц с «семитической физиономией», отводили в участок для проверки и заводили на нарушителя уголовное дело. Лишь во время международного медицинского съезда ловлю евреев на улицах Москвы приостановили, чтобы ненароком не потащить в участок какое-либо медицинское светило с «семитической физиономией», – а затем все пошло по-прежнему.

Полицейские усердствовали не напрасно: за поимку нелегально проживавшего еврея «Ведомости московской полиции» обещали такое же вознаграждение, как за арест двух грабителей. В газете описали такой случай: «Нижегородский раввин Штейман выехал из Новгорода в Вильно. В Москве пересадка, и поезда надо ждать до вечера. Он вышел на улицу и был задержан городовым. Штейман объяснил ему, что хочет посмотреть Москву, и показал железнодорожный билет. “Нельзя тебе на Москву смотреть”, – резонно ответил городовой и повел Штеймана в часть. По дороге он объяснил, что, как добрый человек, не стал бы его задерживать, да за каждое задержание еврея в Москве выдают по пять рублей. “Неужели мне своего счастья лишиться?..”»

«Временные правила» были губительны для еврейского населения, и за первые годы правления Николая II число нуждающихся еврейских семей увеличилось на двадцать семь процентов. Пострадали не только евреи черты оседлости, но и христианское население, и русский экономист А. Субботин отметил в своем исследовании: «До девяностых годов экономическое положение христианского населения “черты”, согласно всем официальным данным, быстро возрастало и оказалось выше, чем благосостояние остальных тридцати пяти губерний Европейской России, где евреям жить запрещено... Недоимки казенных сборов в четыре раза меньше, поступление земских и городских сборов лучше, продо-

вольственных запасов больше, а долгов меньше, скота больше, безлошадных дворов очень мало, пьянства меньше (число умерших от пьянства в четыре раза меньше), судимость и преступность слабее и т. д. ... Но за самые последние годы... недоимки у крестьян возросли, задолженность помещиков тоже. Для тех и других явились ощутительные невыгоды с устранением евреев от многих видов деятельности».

Из Полтавской губернии сообщали, что ценность земель в сельских местностях упала на тридцать процентов, а число заложенных помещичьих имений увеличилось в два раза. Киевские домовладельцы жаловались на понижение стоимости квартир после выселения евреев; бессарабские крестьяне послали депутацию к начальству, чтобы им вернули изгнанного из деревни «жидана»; русские овцеводы с Кавказа просили допустить евреев для закупки шерсти на ростовской ярмарке; торговцы и помещики Орловской губернии заступились за этих «полезных и необходимых для развития торговли» людей; купцы Астрахани и Царицына упрашивали не выселять евреев – посредников по сбыту нефтяных и рыбных товаров в отдаленные губернии России, в Румынию, Болгарию и Германию. В «Биржевых ведомостях» писали с возмущением: «Полицейские власти не разрешают евреям пребывание на ярмарках вне черты оседлости, и в силу этого цены на скот падают, покупателей нет, товар сбывать некому... Под Бобруйском есть участок земли, сдаваемый городом в аренду; на торгах евреи предложили за него сорок пять рублей, но им отказали на том основании, что участок может быть сдан только христианину, и отдали жене некоего служащего управы за девять рублей шестьдесят копеек».

Наконец в Петербурге решили, что «Временные правила» следует немного смягчить, так как «скученность еврейского населения, часто доведенного до нищеты, неминуемо является постоянной угрозой для общественного спокойствия». В мае 1903 года – «в изъятие из «Временных правил» – открыли сто одно поселение в черте оседлости для «свободного водворения» евреев: это были торгово-промышленные поселки возле фабрик и вдоль линий железных дорог – Лозовая, Кривой Рог, Жмеринка и другие. Со временем евреев допустили еще в двести поселений и позволили селиться в пятидесятиверстной полосе вдоль западной границы: власти пришли к выводу, что «воспрещение евреям доступа в пограничную полосу не влияет на уменьшение контрабанды».

Ограничительная политика продолжалась без послаблений, и невольно возникал вопрос о будущем российских евреев под гнетом постоянных преследований. Как бы в ответ на это из уст в уста передавали высказывание, приписываемое обер-прокурору Синода К. Победоносцеву: одна треть российских евреев вымрет, одна треть уедет из России и одна треть растворится в коренном населении.

2

С 1887 года действовала процентная норма для поступления в средние и высшие учебные заведения, и эта жестокая ограничительная мера принесла много горя, обид и озлобления еще в детском возрасте. В городах черты оседлости евреи составляли значительную часть населения, порой – большинство, но для их сыновей был установлен барьер при поступлении в гимназии и реальные училища: не более десяти процентов от общего числа учащихся. Тысячи еврейских детей в юном возрасте получали наглядный урок бесправия: дети христиан с худшими оценками на вступительных экзаменах поступали в гимназии, а они оставались за дверью.

Состоятельные родители нанимали репетиторов к своим детям задолго до поступления, и те занимались старательно, по многу часов в день, в то время как их христианские сверстники беззаботно бегали по улицам. Затем наступал день вступительных экзаменов – волнения, беспокойства, головные боли у детей и родителей. Чаще всего на одно место претендовало несколько еврейских детей, прекрасно выдержавших экзамен, и тогда начинались поиски протекций, подкупы учителей и директоров гимназий. Из Варшавы сообщали: «Одна еврейка опасалась предложить директору вознаграждение и потому предложила ему пари на крупную сумму, что ее сын не выдержит экзамена. Директор понял, в чем дело, и согласился держать пари на тысячу рублей, что мальчик экзамены выдержит. Еврейка попросила уменьшить пари до пятисот рублей; сошлись на восьмистах: директор "выиграл", сын еврейки попал в комплект процентной нормы и был принят в гимназию».

Порой количество поступавших христианских детей бывало так мало, что еврейским детям вообще не доставалось ни одного места. Из Мозыря писали в газету: «Все шесть евреев не допущены к вступительным экзаменам в местную прогимназию, так как подано было всего лишь четыре прошения о приеме детей-христиан... Десять процентов от четырех учеников-христиан составляют лишь четвертую часть от одного ученика-еврея». Чтобы обойти эту преграду, состоятельные родители оплачивали обучение двух, трех, а то и пяти христианских учеников – лишь бы для их сына тоже нашлось место. Затем право на ограничения получили частные школы и училища: евреев перестали принимать в промышленное училище в Костроме, в учительскую семинарию в Тамбове, в женское училище в Остроге, в ремесленное училище в Путивле, а частную дворянскую гимназию в Полтаве закрыли даже для крещеных евреев. Единицы попадали в гимназии тем или иным путем, и, чтобы преодолеть ограничительный барьер, появился новый тип учащихся – «экстерны». Они самостоятельно готовились по школьной программе,

из года в год пытались попасть в разные классы гимназии и в немолодом уже возрасте сдавали экзамены на аттестат зрелости.

Корреспондент варшавской газеты писал: «Сколько лет слежу я внимательно за списками лиц, оканчивающих гимназии, и – за редкими исключениями – встречаю в них одно и то же: главные награды и медали достаются евреям. Что же это значит?..» Это значило, что гимназистам-евреям надо было непременно получить золотую медаль, чтобы иметь шансы попасть затем в высшее учебное заведение. К этому подталкивала не только естественная тяга к знаниям: университетский диплом давал право на повсеместное жительство и возможность вырваться из черты оседлости. Процентная норма способствовала успехам учеников-евреев; количество медалистов увеличивалось из года в год, и не случайно появился анекдот о христианском мальчике, которого отец наказал за плохие отметки: «Ведь я не еврей, – говорил мальчик в свое оправдание, – чтобы хорошо учиться».

Еврейские родители прикладывали огромные усилия, чтобы их дети получили образование, и это вызывало удивление, восхищение, а то и раздражение окрестного населения. Одесский архиепископ говорил в своем выступлении: «Сравнение наших с ненашими иногда бывает печально, даже больно для русского сердца... Православный священник заведет при своем доме школу для прихожан и приглашает присылать в школу детей. Прихожане не присылают ни одной души. Слышу, что у евреев поголовно все дети учатся грамоте. Еврей-бедняк, поденщик зарабатывает ничтожную плату, но и из этого малую часть проживает на себя и семью, а на остальную часть воспитывает одного сына в университете, другого в гимназии».

Трудно было попасть в гимназии, но во сто крат труднее – поступить в высшие учебные заведения, так как десятки евреев-медалистов претендовали на одно место. В 1901 году уменьшили процентную норму при поступлении в университеты, технологические и ветеринарные институты, в консерватории и Академии художеств. Закрыли для евреев Электротехнический институт и Институт путей сообщения в Петербурге, Сельскохозяйственный институт в Москве, петербургское и московское театральные училища; ограничили прием в аптекарские ученики, в фельдшерские, зубоврачебные и повивальные школы. В женских гимназиях процентной нормы не существовало, однако при поступлении в институты и университеты девушки-еврейки должны были – наравне с юношами – преодолевать установленные законом ограничения. Многие из них старались получить медицинское образование, и в уставе вновь созданного женского Медицинского института в Петербурге не замедлили указать: «В слушательницы института принимаются лица женского пола христианского исповедания». «Спрашивается, за что? – писали в газете "Врач". – Неужели врачи-нехристианки не так же самоотверженно

работали на войне и в земстве на народной ниве, как христианки? Нет, по чистой совести этого никто сказать не может! Быть может, боятся избытка женщин-врачей? Но об этом даже смешно и толковать!..»

После введения процентной нормы количество гимназистов-евреев уменьшилось на пятьдесят–семьдесят процентов, студентов-евреев – почти в два раза, а в Москве и Петербурге – в три раза. Тяга к образованию была огромной, и по окончании гимназий евреи уезжали за границу и поступали там в университеты. Кое-кому оплачивали учебу обеспеченные родители, а большинство ехало на свой страх и риск в Швейцарию, Германию, Францию, Италию, Бельгию, подрабатывая во время занятий, голодая, преодолевая невероятные трудности, чтобы получить образование. Из Парижа сообщали: «Большинство студентов медицинской школы – русские еврейки. Из общего числа в сто десять человек на их долю приходится восемьдесят». О том же упоминал в своих воспоминаниях и Хаим Вейцман: в конце девятнадцатого века «в Берлине, Цюрихе, Женеве, Мюнхене, Париже, Монпелье, Нанси, Гейдельберге молодые русские евреи, изгнанные из родного края преследованиями, дискриминацией и духовным голодом, составляли обособленные и легко отличимые группы. Девушек среди них было почти столько же, сколько юношей, иногда даже больше... Все они были в том или ином смысле "бунтарями": кем же еще они могли стать при таких обстоятельствах?!..»

Процентная норма раздражала и озлобляла еврейскую молодежь; во время учебы за границей юноши и девушки знакомились с политическими эмигрантами из России и возвращались обратно революционно настроенными. Да и в самой России полное бесправие, экономические тяготы и репрессивные меры правительства толкали евреев в революцию. При Александре III было издано шестьдесят пять антиеврейских постановлений, при Николае II – еще пятьдесят; председатель Комитета министров С. Витте признавал, что политика властей «способствовала крайнему революционированию еврейских масс, и в особенности молодежи... Конечно, далеко не все евреи сделались революционерами, но несомненно, что ни одна национальность не дала в России такого процента революционеров, как еврейская». Это же отметил и историк С. Дубнов: «Наиболее истерзанные царским режимом, евреи давали для революционной армии бойцов в пропорции, превышавшей их численность в стране, но и эта пропорция едва соответствовала их страданиям».

Евреи пошли в революционное движение, и это был – по словам В. Жаботинского – «мятеж против жизни, заклейменной проклятием» поэта Х. Н. Бялика:

Но боюсь до крика, до безумной боли –
Жизни без надежды, без огня и доли,

Жизни без надежды, затхлой, топкой, грязной,
Мертвенно-свинцовой, жалко-безобразной –
Жизни пса, что рвется на цепи, голодный, –
О, проклятье жизни, жизни безысходной!

3

К концу девятнадцатого века положение в стране становилось все более напряженным. Еще со времен Александра III существовал указ «об усиленной охране», и во многих губерниях действовали вместо законов циркуляры центральной и местной власти, за нарушение которых строго наказывали. Без суда и следствия применяли административные взыскания вплоть до ссылки в Сибирь; организованную политическую деятельность не допускали, и всякая попытка создать какую-либо партийную группу немедленно пресекалась полицией. Новые газеты могли появиться лишь с разрешения Главного управления по делам печати, которое внимательно следило за либеральными веяниями, и после третьего «предостережения» провинившуюся газету закрывали навсегда. Современник отмечал: «Либерализм казался правительству опасным; но социализм, пока он являлся в теоретической форме, представлялся безвредным. Вследствие этого учение Маркса в книгах и брошюрах получило широкое распространение среди учащейся молодежи». По всей стране издавали в огромных количествах легальные и подпольные книги, брошюры и листовки, а «Капитал» К. Маркса можно было свободно купить в магазинах.

Первого мая 1900 года по улицам Харькова прошли тысячи рабочих с красными знаменами; через год после этого вышли на демонстрацию рабочие Обуховского завода в Петербурге: они забрасывали камнями полицейских и казаков, и для их разгона солдаты стреляли на улицах. В Полтавской и Харьковской губерниях крестьяне громили помещичьи усадьбы; волнения на заводах и в университетах не прекращались, и после беспорядков в Киевском университете забрали в армию почти двести студентов. В ответ на это в начале 1901 года Петр Карпович стрелял в министра народного просвещения Н. Боголепова и смертельно ранил его. Это был первый акт террора после многих лет затишья, и вскоре за ним последовали другие.

К 1902 году народнические группы России объединились в партию социалистов-революционеров (эсеров). В сущности, это была крестьянская партия: главной социальной силой эсеры считали российское крестьянство, а уж затем рабочий класс и демократически настроенную интеллигенцию; они провозглашали экспроприацию крупной частной

собственности на землю и передачу земли сельским общинам. Среди основателей партии эсеров были Е. Брешко-Брешковская, Н. Русанов, В. Чернов, а также евреи – Г. Гершуни, М. Гоц, М. Натансон; представители богатых еврейских семей – Гоцы, Высоцкие, Гавронские, Фондаминские – вступали в партию эсеров и выделяли средства для ее деятельности. Одним из методов борьбы эсеры провозгласили индивидуальный террор, который подготавливала и проводила Боевая организация. Ее создателем и первым руководителем стал Григорий Гершуни, по свидетельству современников – «типичный еврей среднего роста и крепкого телосложения, человек большой воли и несокрушимой энергии», который «своими речами, своей собственной верой, всей сосредоточенной страстностью своей натуры разжигал во встречных жажду борьбы, пафос самопожертвования».

В апреле 1902 года Гершуни подготовил убийство министра внутренних дел Д. Сипягина, которого считали главным виновником карательных мер того времени. Киевский студент дворянин Степан Балмашев переоделся в военную форму, отрекомендовался «адъютантом великого князя Сергея», вручил министру пакет с приговором Боевой организации и дважды выстрелил в него из револьвера. Балмашева повесили по приговору военного суда, и это была первая казнь по политическому делу в царствование Николая II. Убийство Сипягина произвело огромное впечатление в России, и с этого момента Боевая организация стала проводить непрерывные террористические акты против высших сановников страны.

«Террор доказан, – говорил Гершуни. – Он начат. Все споры излишни. Пусть выступает молодежь. Время не ждет». В департаменте полиции называли Гершуни «художником в деле террора», потому что он постоянно импровизировал и действовал «по вдохновению», без разработанного плана. Гершуни планировал убийство обер-прокурора Синода К. Победоносцева и нового министра внутренних дел В. Плеве, а Николай II обещал «озолотить» того, кто его арестует. Приметы Гершуни разослали по всем губерниям; его фотография стояла в кабинете Плеве на письменном столе, как постоянное напоминание об этом человеке; его искали по всей России, но Гершуни был неуловим.

В июле 1902 года Гершуни подготовил покушение на харьковского губернатора князя И. Оболенского – за подавление крестьянских волнений. Рабочий Фома Качура ранил Оболенского из револьвера, на котором были надписи: «За пролитую крестьянскую кровь» и «Смерть царскому палачу». Затем Гершуни подготовил убийство уфимского губернатора Н. Богдановича: по его приказу солдаты стреляли по толпе рабочих-стачечников в Златоусте, и среди убитых были женщины и дети. В мае 1903 года к Богдановичу подошел в городском парке местный рабочий Егор Дулебов, вручил приговор Боевой организации и застре-

лил на месте. Через неделю после этого Гершуни был арестован. Его приговорили к смертной казни, заменили ее пожизненным заключением, но он сумел убежать из сибирской каторжной тюрьмы самого строгого режима: его вывезли оттуда в бочке из-под квашеной капусты, и Гершуни уехал в Америку.

Незадолго до ареста Гершуни назначил своим преемником человека, который прославился затем на весь мир: это был Азеф, руководитель Боевой организации партии эсеров, член ее Центрального комитета и одновременно – в течение пятнадцати лет – платный агент русской тайной полиции. Инженер-электрик Евгений Филиппович (Евно Фишелевич) Азеф еще в студенческие годы предложил полиции свои услуги и на вершине своей карьеры получал огромный оклад – тысячу рублей ежемесячно. У него были многие полицейские клички – «Раскин», «Филипповский», «Валентин», «Николай Иванович», «Толстый», «Виноградов». Азеф переправлял в Россию динамит, добывал поддельные паспорта, разрабатывал планы операций и отправлял «боевиков» на террористические акты. Он подготовил более тридцати покушений, и среди них самые знаменитые – убийство министра внутренних дел В. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Азеф пользовался огромным авторитетом у эсеров, его называли «выдающимся членом партии»; в полиции его тоже ценили как самого блистательного агента, выдавшего властям десятки революционеров, которых казнили или отправили на каторгу.

Противоречивы суждения об Азефе. Директор департамента полиции А. Лопухин: «Вся жизнь этого человека – сплошные ложь и предательство. Революционеров Азеф предавал нам, а нас – революционерам...» Начальник петербургского охранного отделения генерал А. Герасимов: «Заслуги Азефа в деле борьбы против революционного террора огромны...» Начальник особого отдела департамента полиции С. Зубатов: «Азеф был натура... чисто аферистическая... он занимался революцией только из-за ее доходности и службой правительству не по убеждениям, а только из-за выгоды». Один из руководителей Боевой организации Б. Савинков: «Я знал Азефа за человека большой воли, сильного практического ума и крупного организаторского таланта... Мое доверие к нему было настолько велико, что я бы не поверил даже доносу, написанному его собственной рукой». И наконец, историк и публицист В. Бурцев, разоблачивший Азефа: «Я не знаю в русском революционном движении ни одного более блестящего имени, как Азефа. Его имя и его деятельность более блестящи, чем имена и деятельность Желябова, Созонова, Гершуни, но только... под одним условием, если он – честный революционер. Но я убежден, что он – провокатор, агент полиции и величайший негодяй!..»

4

Примкнув к революционному движению, евреи на первых порах вели пропаганду лишь среди русских крестьян и рабочих, однако погромы 1881–1882 годов заставили кое-кого переосмыслить свое участие в русских революционных партиях. Это явление и причины, его породившие, подметил после погромов писатель С. Ярошевский; в его повести жандармский генерал говорит молодому еврею-революционеру: «Вы это делаете из любви к отечеству, к народу... вы хотите доказать этим, что вы перестали быть евреями и наравне со всеми сынами отечества радеете о благе отечества, народа... Но это мыльные пузыри... Вы никогда не добьетесь, чтобы даже ваши друзья... считали вас равными себе... Вы в их глазах всегда останетесь жидами, и уж народ, которого вы являетесь непризванными спасителями, никогда не признает вас... По первому сигналу он пойдет вас бить... Теперешние погромы... это вам наука».

После погромов тех лет студенты Киева и Петербурга впервые заговорили о том, что следует идти «в свой родной еврейский народ». Так появились еврейские революционные кружки, отрывочные сведения о которых сохранились в архивах русской полиции. В 1882 году в Кременчуге недолгое время существовал кружок учеников местного реального училища: у них была библиотека нелегальных книг, и до ареста они успели распространить одну прокламацию. В том же году Хаим Хургин организовал в Минске несколько кружков, в которых участвовало более ста пятидесяти евреев-рабочих – количество по тем временам громадное; они получали нелегальную литературу из Петербурга, были хорошо законспирированы, и полиция долгое время ничего о них не знала. Летом 1884 года приехал на каникулы в Минск студент-медик Эмиль Абрамóвич и создал кружок типографских рабочих. Это был скромный и обаятельный человек, прекрасный популяризатор, и жандармский полковник докладывал начальству: «Абрамович, по прозванию «Белый сапожник», по принципу богатых не лечил, у бедных денег не брал, зарабатывал каким-то ремеслом нищенские гроши, жил впроголодь и весь отдавался пропаганде. Его считали святым и преклонялись перед ним».

Кружки самообразования появлялись в разные времена в Полтаве, Кишиневе, Гомеле, Нежине, Риге и Могилеве; особенно активно они действовали в летние месяцы, когда студенческая молодежь приезжала домой на каникулы. Состав кружков был смешанным – евреи и русские; там вели пропаганду в основном на русском языке, и поэтому рабочих-евреев прежде всего обучали русской грамоте – чтению и письму, затем преподавали им арифметику и основы естествознания и лишь на последнем этапе переходили к революционной пропаганде, которая носила исключительно экономический характер.

Организованное еврейское рабочее движение началось в конце восьмидесятых годов девятнадцатого века в местах крупных скоплений рабочих: в ремесленных мастерских и на фабриках Вильно и Минска, Белостока, Варшавы, Лодзи и Сморгони. В 1887 году чулочницы Вильно устроили крупную забастовку, а через год они создали первую среди еврейских рабочих «кассу» – некое подобие будущих профессиональных объединений. Затем эти «кассы» появились в промышленных городах черты оседлости: наборщики, портные, слесари, папиросницы собирали деньги в стачечные фонды и устраивали забастовки для улучшения условий труда. В 1892 году около ста еврейских рабочих Вильно в первый раз отметили Первое мая, и на митинге один из них сказал: «Нашим первым шагом должно быть завоевание конституции... Рабочим больше не на кого надеяться, только на самих себя». В том же году кружок в Варшаве выпустил сто пятьдесят экземпляров первой, быть может, прокламации на идиш; появились и брошюры на идиш, написанные от руки, а затем их стали печатать на гектографе.

В 1895 году в Белостоке и Брест-Литовске прекратили работу двадцать шесть тысяч ткачей, среди них – три тысячи евреев. Бастовали кожевники, щетинники, рабочие разных профессий: с 1897 по 1900 год еврейские рабочие провели более трехсот забастовок. Они добивались увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня, требовали отмены штрафов, введения медицинского обслуживания и перерывов на еду, но постепенно в кружках и «кассах» стали обсуждать и политические темы – еврейское бесправие и ограничительные законы Российской империи. В 1896 году на социалистический конгресс в Лондон приехали четыре делегата от еврейских рабочих Вильно, Варшавы, Минска и Сморгони. Еще через год рабочий кружок в Вильно начал издавать газету на идиш «Арбейтер штимме» – «Рабочий голос» с социал-демократической направленностью. Ее печатали нелегально на примитивном типографском станке, тиражом в несколько сот экземпляров; шрифт газеты был не очень разборчив, буквы неодинаковой величины, бумага серая, грязная.

У русских, польских и еврейских рабочих были общие интересы, которые касались каждого, без различия национальности: улучшение условий труда, повышение оплаты, борьба с увольнениями, – но у еврейских рабочих существовали и специфические проблемы, которые надо было как-то решать. Рабочий-еврей соблюдал субботу, рабочий-христианин – воскресенье, и потому многие владельцы не брали евреев на работу: иначе их фабрикам пришлось бы простаивать в субботу и в воскресенье или же работать в эти дни при неполном составе рабочих. Бывало и так, что рабочие жили на хозяйских харчах; для евреев надо было содержать отдельный котел для кашерной пищи, а хозяин не желал тратиться на это. На крупных

фабриках евреев издавна принимали лишь на ручные, малооплачиваемые работы, и рабочие-христиане, опасаясь конкуренции, настаивали, чтобы «евреи не работали при машинах». Порой дело доходило до стычек, и однажды польские рабочие с пистолетами в руках прогнали от станков двух евреев и поставили на их место своих единоверцев.

Лидеры социал-демократов издавна смотрели на еврейскую активность в черте оседлости как «на придаток к общерусскому движению», однако в 1895 году социал-демократ Ю. Мартов призывал к созданию «отдельной организации еврейских рабочих». «Мы не можем ждать, как прежде, что все придет к нам от русского пролетариата... – говорил он на первомайском митинге. – Когда русскому пролетариату придется жертвовать некоторыми из своих требований... он скорее пожертвует такими, которые касаются исключительно евреев». Мартов вскоре отказался от этих взглядов, но многие уже понимали, что необходима центральная организация для объединения еврейских рабочих, чтобы выдвигать политические и экономические требования, которые не касались рабочих других национальностей.

Так появилась нелегальная социал-демократическая партия марксистского толка под названием Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, сокращенно Бунд – на идиш это означает «Союз». Ее первый организационный съезд тайно проходил в Вильно, с двадцать пятого по двадцать седьмое сентября 1897 года, на чердаке старого дома. Инициатором созыва был Аркадий Кремер – «отец Бунда», и на съезде присутствовали тринадцать делегатов от еврейских социал-демократических групп Вильно, Минска, Белостока, Варшавы и Витебска. Они образовали Центральный комитет с местом его пребывания в Минске, и органом новой партии стала газета «Арбейтер штимме». В Женеве появился заграничный комитет Бунда и начал издавать газету «Идишер арбейтер» – «Еврейский рабочий».

Дом в Вильно, на чердаке которого проходил тайный организационный съезд Бунда

Социал-демократы с неодобрением восприняли самостоятельную еврейскую партию: всякую национальную борьбу они называли «буржуазной» и опасались, что национализм «затемнит» классовое самосознание пролетариата. «История движется только борьбой классов», – провозглашали они, и победившая революция разрешит в конце концов все наболевшие вопросы, в том числе и еврейский. После создания Бунда Польская социалистическая партия заявила: «Программная и организационная изолированность Бунда ставит его по отношению к нам в положение неприятеля». А русские социал-демократы писали в своем журнале: «В политическом смысле евреи не представляют собой ничего национального... Они страдают, как известно, не потому, что стесняют их национальную культуру, а оттого, что их не допускают к русской культуре».

В 1898 году полиция захватила в Бобруйске типографию Бунда и арестовала в разных городах семьдесят членов партии. Но движение расширялось, и к Бунду присоединялись еврейские рабочие черты оседлости: тому способствовали забастовки, организованные Бундом, которые выделялись упорством, продолжительностью и во многих случаях заканчивались победой. К началу двадцатого века в Бунде было около двадцати тысяч членов, и местные ячейки партии существовали во многих городах черты оседлости. Они выпускали газеты на идиш и одноразовые «летучие» листки, но затем Бунд прекратил выпуск местных изданий, и взамен их стала выходить газета «Дер Бунд».

В 1898 году девять представителей социал-демократических групп собрались в Минске и учредили Российскую социал-демократическую рабочую партию – РСДРП. От Бунда участвовали в работе съезда три делегата, и А. Кремер стал членом Центрального комитета новой партии. Бунд вошел в состав РСДРП на правах автономной организации, подчинялся решениям партии и мог действовать самостоятельно только «в вопросах, специально затрагивающих еврейский пролетариат». В национальном вопросе Бунд следовал учению К. Маркса и не желал добиваться национальных прав, чтобы не отвлекать еврейский пролетариат от общеклассовых интересов. Однако так продолжалось недолго, и в 1901 году Марк Либер – один из лидеров Бунда – уже говорил на съезде: «Мы были до сих пор в большой мере космополитами. Мы должны стать национальными. Не следует бояться этого слова. Национальное не значит националистическое». Первое время в Бунде преобладали «нейтралисты», которые считали, что не следует вмешиваться в процесс добровольной ассимиляции евреев, и лишь впоследствии партия приняла программу «национально-культурной автономии».

В 1903 году на съезде РСДРП в Лондоне бундовцы потребовали признать их организацию «единственным представителем еврейского

пролетариата», однако подавляющее большинство делегатов выступили против любой формы национальной обособленности. В знак протеста бундовцы ушли со съезда, а затем Бунд вышел из состава РСДРП. Видные деятели социал-демократов – среди них и евреи, сторонники ассимиляции – обвиняли бундовцев в национализме и сепаратизме и критиковали их утверждение, что «понятие национальность применимо и к еврейскому народу». В противоположность этому социал-демократы утверждали, что еврейской нации не существует, так как у евреев, рассеянных по миру, нет основных признаков, присущих нации, – общего языка и собственной территории, а потому ассимиляция – единственный для них выход.

Х. Вейцман вспоминал о своих встречах в Швейцарии с лидерами социал-демократов: В. Ленин, Г. Плеханов и Л. Троцкий «с презрением смотрели на любого еврея, которого волновала судьба его народа и воодушевляла еврейская история и традиции. Они не могли понять, как это русский еврей хочет быть евреем, а не русским. Они считали недостойным, интеллектуально отсталым, шовинистическим и аморальным желание еврея посвятить себя решению еврейской проблемы... Когда был создан Бунд... Плеханов язвительно заметил, что "бундовец – это сионист, который боится, что его укачает во время переезда в Палестину"».

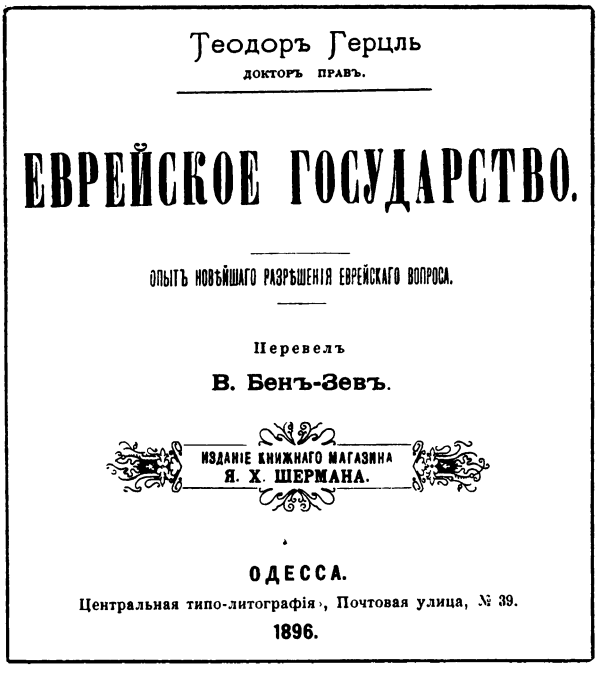
5

В конце девятнадцатого века в палестинофильских кружках России собирали деньги на заселение и освоение Эрец Исраэль, и добровольцы уезжали туда группами и поодиночке. Палестинофильство переживало кризис; было уже понятно, что такими медленными темпами невозможно разрешить еврейскую проблему, – в этот момент появился Теодор (Биньямин Зеэв) Герцль и вывел это движение на новый уровень.

Он родился в 1860 году в Будапеште, в состоятельной еврейской семье, учился в Венском университете, писал рассказы и пьесы, которые с успехом шли на сценах австрийских театров, а затем стал корреспондентом венской газеты в Париже. Герцль был сторонником ассимиляции евреев и – подобно многим либералам того времени – считал, что надвигающийся прогресс избавит мир от антисемитизма. Процесс Дрейфуса изменил его взгляды и убеждения. На парижских улицах толпа кричала «Смерть евреям!», и Герцль отметил с горечью: «И где же это происходило? Во Франции! Во Франции республиканской, современной, культурной, через сто лет после провозглашения Декларации о правах человека!.. Если по такому пути пошел передовой, высокоцивилизованный народ, чего же можно ждать от других народов?» И еще Герцль скажет впоследствии: «Процесс Дрейфуса превратил меня в сиониста».

С этого момента и до конца жизни единственная идея владела им. Герцль записывал в дневнике: «Вот уже много дней и недель одна мысль неотступно преследует меня... Решение еврейского вопроса – у меня в руках. И нет решения, кроме этого, единственного». Уверенный в своей правоте, Герцль начал писать книгу, в лихорадочном волнении, днем и ночью: «В те дни я боялся, что сойду с ума. Идеи в моей душе гнались одна за другой. Целой человеческой жизни не хватит, чтобы все это осуществить...»

Книга вышла на немецком языке в Вене в феврале 1896 года. Называлась она «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса», – в том же году ее напечатали в России в переводе на иврит и русский язык. Герцль провозглашал в этой книге: «Еврейский вопрос существует, и было бы безумием его не признавать... Еврейский

Теодоръ Герцль
ДОКТОРЪ ПРАВЪ.

ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

ОПЫТЪ НОВѢЙШАГО РАЗРѢШЕНІЯ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА.

Переведъ
В. Бенъ-Зевъ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
Я. Х. ШЕРМАНА.

ОДЕССА.
Центральная типо-литографія, Почтовая улица, № 39.
1896.

Титульный лист книги Т. Герцля «Еврейское государство», изданной на русском языке

вопрос неминуемо возникает там, где мы скапливаемся в значительном количестве, а там, где его нет, он возникает с появлением евреев. Мы, естественно, стремимся туда, где нас не преследуют, но с нашим появлением наступают и преследования. Этот вопрос невозможно разрешить эмиграцией евреев из одной страны рассеяния в другую, но лишь созданием независимого еврейского государства... Это будет организованный исход евреев Европы в свое государство, в соответствии с Хартией великих держав, которые признáют право на поселение и предоставят международные гарантии. Пусть только выделят клочок земли... а обо всем

7. Зак. 3898.

остальном мы позаботимся сами... Пора уже нам, наконец, жить свободными гражданами на собственной земле и умирать в собственном отечестве». Сначала Герцлю было безразлично, где окажется этот «клочок земли» – в Палестине или Аргентине, но, познакомившись с настроениями палестинофилов, он понял, что для еврейского народа представление о собственном государстве неотделимо от Эрец Исраэль. Так это движение стало сионистским. «Сионизм... – сформулировал сподвижник Герцля писатель и философ Макс Нордау, – есть новое слово для очень старого чувства».

Сторонники культурной ассимиляции во всех странах – и в России в том числе – немедленно выступили против идеи Герцля. Они говорили: не существует единой еврейской нации, а есть лишь немцы, французы, русские и англичане иудейского вероисповедания. Они провозглашали: евреи не являются временными гражданами в тех странах, где они живут, а потому незачем их свозить в одно место. Они доказывали: «Идея обособления в особое государство противоречит исторической миссии евреев – в рассеянии среди народов поддерживать во всей чистоте идеи абсолютного единобожия и абсолютного равенства всех людей...» Они называли сионизм утопией, «вредным, реакционным явлением» и высмеивали в газетах: «Герцль предлагает основать – ни более, ни менее – особое еврейское государство. Герцль – юморист и сатирик... И можно подумать, что в своей брошюре он просто шутит». Влиятельные и богатые евреи тоже не откликнулись на призыв Герцля и даже предостерегали: «Это опасный авантюрист». В отличие от многих скептиков М. Нордау сразу же принял эту идею: «Раз вы безумец, – сказал он Герцлю, – так будем безумцами вместе!» И Герцль тут же предложил ему портфель министра образования в будущем еврейском государстве.

«Только фантастическое может захватить человека», – провозглашал Герцль, и идеи этого «фантазера» привлекали и отталкивали многих, вызывая вокруг него и его плана яростные споры, превращая его врагов в самых верных последователей. «Книга появилась как гром среди ясного неба... – вспоминал Х. Вейцман. – Эффект, произведенный "Еврейским государством", был огромен. Нас увлекли не столько идеи, сколько стоявшая за ними личность. Она казалась воплощением мужества, ясности ума и решимости». Н. Со́колов, редактор варшавской газеты «Гацфира», иронизировал: «Венский фельетонист затеял игру в дипломатию», – но через год он был уже преданным сторонником этого «фантазера». Российский палестинофил М. Усышкин не пожелал распространять книгу Герцля: «В ее теоретической части сионисты России, после уже вышедших в свет брошюр Пинскера и Лилиенблюма, не найдут ничего нового...», – но вскоре он встретился с Герцлем и стал его активным сторонником. В. Жаботинский писал: «Мы тогда сидели за ка-

навой, у края большой дороги жизни, и по дороге совершалось величавое шествие народов к историческим их судьбам; мы же, как нищие, сидели в стороне с протянутой рукою и молили о подачке и божились на разных языках, что мы вполне заслужили подачку... а в глубине души назревало отвращение к месту нищих за канавой, к протянутой руке, и смутно тянуло на большую дорогу – идти по ней, как другие, и не просить, а самим ковать свое счастье. Тогда пришел он, и отозвался на смутный порыв нашей души, и сказал нам: "Делайте сами свою историю. Выходите на арену, чтобы доля ваша отныне была делом ваших рук"».

Герцль предложил созвать в Мюнхене Сионистский конгресс, но руководители еврейской общины города воспротивились этому из-за боязни, что немцы заподозрят их в недостатке патриотизма, – и конгресс перенесли в Швейцарию, в город Базель. Российские палестинофилы опасались реакции русского правительства, и потому организационный комитет конгресса разослал в газеты такое заявление: «Конгресс стремится к целям близким и возможным... Его прения не будут противоречить законам какой-либо страны и нашим гражданским обязанностям. Особенно мы ручаемся за то, что все суждения конгресса не будут противоречить русским законам». Каждый участник конгресса получил билет с двумя символическими рисунками: евреи у Стены Плача в Иерусалиме и еврейский пахарь, разбрасывающий по полю семена.

Во время подготовки к конгрессу Герцль послал в Россию своего представителя. В Кишиневе ему сказали, что в лучшем случае приедут из России пять-шесть человек, но их оказалось намного больше – из Риги, Вильно, Витебска, Смоленска, Варшавы, Белостока, Пинска, Гомеля, Бобруйска, Киева, Кишинева, Одессы, Харькова и других городов. Российские делегаты с опаской отправились на этот конгресс. Пока они ехали в поезде по территории России, то делали вид, будто направляются на заграничный курорт, и на политические темы не разговаривали – и лишь после пересечения границы заговорили о предстоящем деле. Зарегистрировались на конгрессе шестьдесят шесть российских делегатов – треть от общего количества, но некоторые не пожелали назвать свои имена, опасаясь преследований по возвращении домой.

Двадцать девятого августа 1897 года в Базеле открылся Первый сионистский конгресс. Большой зал городского казино был переполнен. В работе конгресса приняли участие двести четыре делегата из Российской империи, Америки, Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Сербии, Румынии, стран Скандинавского полуострова и Палестины. Российские делегаты были под огромным впечатлением от этого события: «Конгресс стал для нас сплошным радостным и бурным переживанием... Ночами мы не могли спать от возбуждения и обилия впечатлений...» – «Самыми великими минутами были: открытие

конгресса, появление Герцля и его речь о еврейской политике...» – «Герцль – самое глубокое переживание всей нашей жизни...»

В своей речи Герцль провозгласил: «Сионизм – это возвращение к еврейству еще до возвращения в еврейскую страну... Народ должен сам себе помочь, а если он этого не в состоянии сделать, то ему вообще помочь нельзя... Да узнают повсюду, что сионизм – это нравственное, законное и гуманное стремление к старой цели нашего народа...» Конгресс работал три дня и в заключение принял Базельскую программу, которая сформулировала основную цель сионистского движения: «Сионизм стремится к созданию в Палестине обеспеченного публичным правом убежища для еврейского народа». Делегаты конгресса основали Всемирную сионистскую организацию, и в ее исполнительный комитет вошли от России раввин Ш. Могилёвер из Белостока, врачи М. Мандельштам из Киева и Я. Бернштейн-Коган из Кишинева, адвокат Я. Ясиновский из Варшавы. Членом Сионистской организации мог стать всякий, кто платил ежегодный взнос «не менее одного шекеля» (шекель – древняя еврейская монета), что соответствовало в то время одной германской марке или сорока российским копейкам. Председателем Сионистской организации стал Теодор Герцль и оставался на этом посту до самой смерти.

Прежде Герцль знал только понаслышке о российском еврействе и его проблемах, но познакомившись с делегатами из России, он отметил: «Мы всегда были убеждены, что они нуждаются в нашей помощи и духовном руководстве. И вот на Базельском конгрессе российское еврейство явило нам такую культурную мощь, какой мы не могли и вообразить... Они обладают той внутренней цельностью, которая утрачена большинством европейских евреев... Они не растворяются ни в каком другом народе, но перенимают все лучшее у этих народов... Глядя на них, начинаешь понимать, что давало силу нашим предкам выстоять в самые тяжелые времена...» И еще писал Герцль после Базельского конгресса: «Раньше мне часто говорили: “К этому делу тебе удастся привлечь только русских евреев”. Если бы мне это повторили сегодня, у меня был бы готов ответ: “Только?! Мне этого вполне достаточно!”»

В деле департамента полиции записано: в 1866 году Александр II проезжал через деревню Тярлево; шестеро молодых евреев, юноши и девушки, «обратили на себя внимание Государя Императора... и, как принадлежащие по наружным признакам к нигилистам, были по Высочайшему повелению арестованы». С 1884 по 1890 год арестовали в России за революционную деятельность 4307 человек, и среди них 579 евреев (13,4%). В 1898 году евреи составили 18,7% среди аре-

стованных революционеров (213 человек), в 1899 году – 24,8% (351 человек), в 1901–1902 годах – 29,1% (2269 человек). Ссыльных евреев отправляли, как правило, в самые отдаленные районы – на Колыму и в Верхоянск. Один из них вспоминал: «В колымской политической ссылке царило засилие евреев. Их присылали туда отовсюду и всяких. Русских присылали на выбор, лишь особенно строптивых и опасных, заводивших по дороге скандалы и бунты. Евреев посылали подряд: женатых – в Верхоянск, холостых – в Колымск... От Якутска до Колымска 2400 верст – через дикие, холодные пустыни. Зимой надо ехать два месяца, а летом – четыре...»

В 1889 году в Якутске начались волнения политических ссыльных против тяжелых условий жизни; солдаты застрелили и закололи штыками шесть человек. Военный суд приговорил двадцать ссыльных к каторжным работам на разные сроки, троих к смертной казни: среди повешенных оказались два еврея – А. Гаусман и Л. Коган-Бернштейн. Ссыльный Михаил Гоц – сын московского купца-миллионера и внук торговца чаем К. Высоцкого – был ранен во время волнений в Якутске, осужден на бессрочную каторгу, а после амнистии отправлен на поселение. Затем он уехал за границу, получал деньги от богатых родственников из России, тратил их на партийные нужды, а сам жил очень скромно и отличался крайним аскетизмом. Гоц был прикован к креслу, страдал от болей в позвоночнике – последствие ранения в Якутске, но до последнего дня оставался членом Центрального комитета партии эсеров, а его квартира в Женеве была штабом партии.

Устав Боевой организации эсеров провозглашал «борьбу с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы». Боевая организация была малочисленной, и за все время существования в нее входило не более восьмидесяти человек. Это были представители разных слоев русского общества – рабочий, студент, крестьянин, офицер флота, дочь вице-губернатора, сын священника, выходцы из старинных дворянских родов; участвовали в Боевой организации и евреи, около пятнадцати человек. Среди прочих были казнены за террористическую деятельность эсеры Н. Гершкович, А. Шпайзман, С. Рысс, Ф. Фрумкина; Э. Забельшанский погиб при взрыве бомбы на даче П. Столыпина; Д. Бриллиант (участница покушений на великого князя Сергея Александровича и В. Плеве) сошла с ума в Петропавловской крепости; М. Швейцер погиб при изготовлении бомбы.

В 1893 году Азеф послал первое письмо в жандармское управление, завершив его таким образом: «Если мои сведения окажутся Вам необходимыми в дальнейшем, то я не откажусь их сообщать. Готовый к услугам покорный слуга...» Разговоры о двойной роли Азефа начались с 1902 года, но эсеры не могли в это поверить и все слухи называли «легкомысленной обывательской болтовней»: казалось невероятным обвинять в предательстве талантливого руководителя самых блистательных террористических актов того времени. К концу 1908 года Азефа – «провокатора-виртуоза» – разоблачили окончательно, и партия эсеров приговорила его к смерти. Азефа искали по всей Европе, чтобы привести приговор в исполнение; в газетах появлялись сообщения о его убийстве «террористами в косоворотках», но он ускользнул от всех и умер в Берлине в 1918 году. Об этом человеке писали пьесы и романы, воспоминания и научные исследования; по сей день историки называют его «самым загадочным персонажем в истории русского революционного движения» и спорят о том, что двигало этим человеком: месть, ненасытная жадность, ущемленное самолюбие или страсть игрока к опасной игре.

Платный агент полиции Азеф, предотвращая многие покушения на царя, в 1908 году подготавливал совместно с Борисом Савинковым и Петром Карповичем убийство Николая II на крейсере «Рюрик». Хорошо организованная операция сорвалась в последнюю минуту: матрос Герасим Авдеев оказался на палубе корабля рядом с царем, но почему-то в него не выстрелил. И, очевидно, не без оснований сказал Азеф В. Бурцеву, когда все уже знали о его двойной роли: «Если бы вы, Владимир Львович, меня тогда не разоблачили, я убил бы царя».

В 1902 году виленский генерал-губернатор приказал высечь группу евреев и поляков за участие в первомайской демонстрации. В ответ на это член Бунда сапожник Гирш Леккерт стрелял в генерал-губернатора, ранил его и был повешен по приговору военного суда. Этот первый террористический акт, совершенный бундовцем, вызвал в партии дискуссию об «организованной мести», и съезд Бунда отверг любые формы террористической деятельности. Еврейское рабочее движение отмечало день казни Гирша Леккерта, выступившего на защиту чести и достоинства рабочих. В Советском Союзе о нем слагали песни, писали пьесы, сняли фильм «Гирш Леккерт»; его именем называли еврейские школы и клубы, одну из улиц Минска переименовали в честь Леккерта; в этом же

городе ему поставили памятник в 1922 году, однако он долго не просуществовал.

Начальник московского охранного отделения жандармский полковник С. Зубатов создавал с одобрения начальства легальные профессиональные объединения, чтобы отвлечь рабочих от политики и направить на экономическую борьбу с предпринимателями. В 1901 году бывшие члены Бунда основали в Минске Еврейскую независимую рабочую партию: ее участников называли «независимцы», «легализаторы», «зубатовцы». Эта партия не преследовала политических целей, а желала лишь поднять экономический и культурный уровень еврейских рабочих под лозунгом «хлеба и знаний». Один из лидеров «независимцев» провозглашал: «Мы не призываем – пролетарии всех стран, соединяйтесь, а лишь – минские столяры, минские маляры и т. д. – соединяйтесь». Первые же забастовки в Минске дали хорошие результаты, так как местный жандармский полковник вызывал к себе предпринимателей и угрозами заставлял их пойти на уступки. Новая партия стала популярной, и к ней примкнули еврейские рабочие разных городов черты оседлости. Лидер «независимцев» Маня Вильбушевич пользовалась таким влиянием, что получила разрешение министра внутренних дел на проведение в Минске первой и единственной в царской России легальной конференции российских сионистов. (Целью сионистов была Палестина, а не политические преобразования в России, и потому С. Зубатов рекомендовал департаменту полиции: «Надо сионизм поддержать и вообще сыграть на националистических стремлениях».) Бундовцы называли «независимцев» «изменниками и провокаторами» и провозглашали: «Каждый революционер, который входит в какие-либо сношения с Зубатовым или с подобными ему шпионами, вредит интересам рабочих и теряет право носить имя революционера». В 1903 году, после погрома в Кишиневе, «независимцы» приняли решение о самороспуске партии: «На фоне всеобщего подавления всякого живого дыхания в еврействе легальные формы рабочего движения могли бы звучать только резким, бессмысленным и наглым диссонансом». Некоторые из «независимцев» вернулись в Бунд, а остальные примкнули к сионистам.

Термин «сионизм» ввел в употребление венский писатель и философ Натан Бирнбаум – в 1890 году. Он пропагандировал

идеи Льва Пинскера, изложенные в брошюре «Автоэмансипация», – Теодор Герцль говорил впоследствии, что если бы он знал о существовании этой брошюры, то, скорее всего, «не сел бы писать» «Еврейское государство». Для нового движения Герцль предложил «белый флаг с семью золотыми звездами, где белое поле символически обозначало бы светлую, новую жизнь, а звезды – наш семичасовой рабочий день, ибо во имя труда евреи идут в новую страну». Но Давид Вольфсон, уроженец Ковенской губернии (после смерти Герцля он стал президентом Сионистской организации), предложил бело-голубое знамя – в соответствии с цветами талеса, еврейского молитвенного облачения. Так появился флаг сионистского движения: в центре магендавид на белом фоне, а сверху и снизу – две голубые полосы. Теперь это флаг Государства Израиль.

Очерк тридцать шестой

Антиеврейская пропаганда. Кишиневский погром. Т. Герцль в России. Шестой сионистский конгресс и «план Уганды»

1

В первые годы царствования Николая II снова начались погромы в городах и местечках черты оседлости. В феврале 1897 года в Шполе Киевской губернии громадная толпа крестьян громила еврейские магазины, дома, склады, и Шпола – по сообщениям газет – представляла собой «картину опустошенного неприятелем города». Затем это случилось в местечке Кантакузенка Херсонской губернии: «Почти все местечко разгромлено рассвирепевшей толпой; все еврейские лавки разнесены и все товары разбросаны». На Пасху 1899 года разразился трехдневный погром в Николаеве: несколько тысяч человек грабили и уничтожали еврейское имущество. На третий день в город приехали окрестные крестьяне, а когда полиция их разогнала, крестьяне возмутились и разрушили еврейское кладбище. О"и были уверены и на этот раз, что грабить евреев дозволено, и один из арестованных сказал с недоумением: «Казалы, шо можна бити жидив, але же воно брехня...»

В марте 1900 года в городе Вильно была доставлена в полицейский участок крестьянка В. Грудзинская с двумя ранами – на шее и на руке. Она служила прислугой у фельдшера Давида Блондеса и на допросе сообщила, что поздно вечером в кухню неожиданно вбежали два человека,

лица которых были покрыты платками с отверстиями для глаз. Один из них схватил ее за голову, а другой ударил ножом или бритвой по горлу и по руке. В этот момент что-то зашумело на улице, нападавшие замешкались, и Грудзинская, как она объясняла, вырвалась из их рук, побежала в соседний дом, где жил ее родственник, а затем вышла от него и стала звать на помощь. Сбежались на крик дворники, ворвались в дом Блондеса, нашли его спящим в кровати и жестоко, до крови, избили. Блондеса арестовали; в газетах заговорили о попытке ритуального убийства, и из министерства юстиции пришло указание рассматривать дело как «весьма серьезное». К расследованию приступил следователь по особо важным делам, и Грудзинская заявила на допросе: она не знает, что с ней хотели сделать евреи, но от других она слышала, будто ее собирались зарезать, «чтобы добыть крови для мацы».

Суд над Блондесом состоялся в декабре 1900 года. Его защищали три адвоката, среди которых был и петербургский юрист Оскар Грузенберг. Подсудимому не позволили вызвать медицинских экспертов из Петербурга; прокурор в своей речи допускал антисемитские высказывания: «Блондесу помогал легион евреев», не дайте «восторжествовать среде, из которой Блондес вышел»; присяжные заседатели вынесли наконец свое решение: «Да, виновен, но без намерения лишить жизни». Защитники Блондеса предлагали удовлетвориться сравнительно мягким наказанием – год и четыре месяца тюремного заключения, и только Грузенберг требовал пересмотра дела, даже если подзащитному и угрожало бы большее наказание при повторном суде. И Блондес согласился на это. «Неужели мне придется страдать из-за ложного обвинения, из-за того, что я родился евреем?» – писал он из тюрьмы.

Грузенберг подал кассационную жалобу, и в ней отметил такое обстоятельство: в тот вечер Грудзинская спокойно вышла из дома Блондеса и по дороге к своему родственнику никому не жаловалась, хотя встретила несколько человек. Затем она снова вышла на улицу и – словно по наущению – лишь тогда подняла крик и стала называть тех, кто якобы на нее напал. Были и другие несоответствия: на кухне, где «резали» Грудзинскую, не нашли следов крови; не обнаружили ее и на пиджаке Блондеса, в котором он был, по ее утверждению. Кровь оказалась только в спальне, где дворники били Блондеса, но это была его кровь. В начале 1902 года дело слушалось вторично. Петербургские эксперты отметили, что «кожные поранения» были причинены осторожно, «жалеючи» – вероятнее всего, собственной рукой; Грузенберг прекрасно провел защиту, присяжные заседатели признали Блондеса невиновным, и суд оправдал его.

В начале 1903 года возник новый навет: в местечке Дубоссары Херсонской губернии нашли исколотый труп христианского мальчика.

В правых газетах сразу же написали, что «мальчик был распят евреями, кровь спущена до одной капли, и эта кровь приготовлялась для каких-то обрядов». На следствии выяснилось, что мальчика убил его родственник совместно с напарником для получения наследства убитого, а труп исколол «под жидов», чтобы отвести от себя подозрение. Результаты расследования сообщили в министерство юстиции, и начальник департамента пометил на докладе: признания обвиняемого «не соответствуют обстоятельствам дела», «вероятно, его подкупили жиды». Узнав мнение начальства, прокурор и следователь стали убеждать обвиняемого, что его признание вымышленное; тот упорно сознавался в преступлении; его уговаривали, даже производили психиатрические освидетельствования – и наконец обвиняемый взял свое признание обратно.

Пока тянулось дубоссарское дело, кишиневская газета «Бессарабец» из номера в номер обвиняла евреев в ритуальном убийстве и призывала христиан к мести. Редактор «Бессарабца» П. Крушеван получал от правительства субсидию на издание газеты; в Бессарабии она была единственной на русском языке, ее читали интеллигенты и мещане, купцы и ремесленники, ее раздавали бесплатно в библиотеках и читальнях. На страницах этой газеты писали об «экономическом засилье» евреев, требовали изгнать их из государственных учреждений, печатали без обиняков и с разрешения цензуры: «Смерть жидам», «К колеснице будут привязаны трупы жидов», – а начальник Главного управления по делам печати утверждал, что «направление и деятельность Крушевана имеют здоровую основу и прекращение его издания с правительственной точки зрения нежелательно».

В «Санкт-Петербургских ведомостях» отметили: «Вначале бесцветная, захудалая газетка, безо всякого влияния и значения, существовавшая перепечатками из одесских газет, после долгих поисков нашла себе покровителей в лице некоторых местных дворян-землевладельцев... Косные и инертные землевладельцы... с удивлением и завистью смотрели, как растет город, как увеличивается торгово-промышленный класс, и начали с пониманием прислушиваться к лозунгу “жид виноват”... ”Бессарабец” ощутил почву под ногами. Он заговорил языком, ясным невежественной толпе, языком ненависти, нетерпимости, разжигая в массе племенную и религиозную вражду... Он влиял, к стыду, и на местную интеллигенцию... даже в школы проник яд антисемитизма... Каждый год перед Пасхой появлялись в “Бессарабце” известия о таинственных пропажах христианских детей, намекалось на ритуальные убийства... Текущий год был особенно благоприятен для преступной пропаганды. Почва была подготовлена...»

Почва была подготовлена, и вскоре началось то зверство, которое вошло в историю под названием Кишиневский погром.

2

Перепись 1897 года насчитала в Кишиневе примерно пятьдесят тысяч евреев, что составляло почти половину населения города. О погроме заговорили за две-три недели до его начала; евреи обращались за помощью к местным властям, но им всякий раз отвечали, что необходимые меры приняты и беспокоиться не следует. Перед самым погромом раздавали на улицах и в трактирах рукописные и печатные листки с призывом бить евреев, распространяли слухи, будто евреи осквернили церковь и убили двух православных священников, врач-еврей умертвил в больнице христианскую девушку, и что царь разрешил на Пасху трехдневный погром, а потому полиция и войска выступят на стороне «мстителей».

Это началось в воскресенье шестого апреля 1903 года, на исходе еврейского праздника Песах и в первый день христианской Пасхи. В тот день евреи не работали, не торговали, а после молитвы в синагогах стали расходиться по домам. Не было никакого, даже самого малейшего столкновения между евреями и христианами, которое могло бы дать повод к погрому. После полудня мальчишки начали кидать камни в еврейские дома, а к ним присоединились взрослые, которые по случаю праздника были уже навеселе. Разгромили несколько еврейских лавок, а на следующий день с утра началось побоище – одновременно во многих местах. Громилы были вооружены черенками лопат, обрезками водопроводных труб, и в газете отметили: «Это была не случайная вспышка пьяной разгулявшейся толпы мужиков... а заранее задуманное нападение организованной шайки на еврейское население целого города». С первых часов погрома солдаты местного гарнизона были выведены на улицы Кишинева, но они бездействовали и «равнодушно глядели на зрелище грабежа и разбоя». Погром набирал силу, обходя стороной дома, в окнах которых были выставлены иконы, а высшее городское начальство отмечало пока что пасхальный день, разъезжало по городу с праздничными визитами и ожидало распоряжений из Петербурга. Затем начались убийства, и толпа, почуявшая запах крови и не встретившая противодействия, дошла до невероятной степени озверения.

Погром продолжался два дня, и газеты всего мира – «по свежей боли» – переполнились сообщениями из Кишинева: «Звон разбиваемых стекол, треск рам и дверей, свист и дикий рев из тысячи полупьяных глоток слились с криками ужаса избиваемых евреев, воплями женщин и детей...» – «Толпа бушевала с утра до позднего вечера, даже ночью врывались в дома и били, и убивали на виду у всех...» – «Пух из еврейских перин носился в воздухе и, словно иней, покрывал улицы и крыши домов; облепленные им деревья походили на абрикосы в цвету...» – «Евреев убивали в домах, погребах и на улице, срывали с конки и тут же на глазах пуб-

лики топтали ногами и умерщвляли... Завидев издали сидящего в вагоне еврея, толпа кричала, обращаясь к пассажирам-христианам: "Бросьте нам жида!", и жид выбрасывался из вагона на растерзание толпы...» – «Одному столяру отпилили руки его же пилой. Одному еврею распороли живот, вынули внутренности и набили живот пухом из перин...» – «Ординатор земской больницы сообщил: "Суре Фонаржи вбили два гвоздя в ноздри, которые прошли через голову; Харитону отрезали губы, потом вырвали клещами язык вместе с гортанью; Зельцеру отрезали ухо и нанесли двенадцать ран на голове; на углу Свечной и Гостиной улиц беременную женщину посадили на стул и били дубиной по животу; на Кировской улице бросали со второго этажа на мостовую маленьких детей..." – "Еврейская больница... палаты, двор, лестницы залиты потоками крови несчастных жертв... Многие страшно изуродованы: с перебитыми носами, выбитыми глазами и зубами, сломанными челюстями..." – "Я видел в больнице несчастного калеку, у которого вырвали единственный глаз... Я видел девяностолетнюю старуху, которую изуродовали ножками от железной кровати. Я видел изувеченных стариков и молодых, у которых от кровоизлияния в мозгу помутился разум, и они выкрикивают бессвязные слова..." – "Лица убитых до такой степени обезображены, что ближайшие родные... узнавали покойников лишь по платью..."»

Новый губернатор Кишинева князь С. Урусов, назначенный после погрома, писал по окончании расследования: в первые часы побоища «одна рота в руках дельного человека могла остановить и потушить погромный пожар... Вместо этого... весь кишиневский гарнизон два дня подтверждал своим бездействием справедливость легенды о разрешенном Царем трехдневном грабеже». К концу второго дня из Петербурга пришло распоряжение навести порядок; войска стали разгонять толпу, и не понадобилось ни единого выстрела, чтобы убийства и грабежи немедленно прекратились. В отчете городского прокурора сказано: «Всех трупов... обнаружено сорок два, из коих тридцать восемь евреев... У всех убитых найдены были повреждения, причиненные тяжелыми тупыми орудиями: дубинами, камнями, лопатами, у некоторых же острым топором». Еврейские источники того времени называли около пятидесяти убитых евреев и более пятисот раненых; в списках пострадавших от насилия повторялось нескончаемо: «Избит до полусмерти... Ранен в голову... Одна рука сломана... Глаз вышиблен... Страшно изуродован... Страшно изувечен...» В Кишиневе были разгромлены полторы тысячи еврейских домов и лавок; сотни торговцев и ремесленников разорились и стали нищими; громилы уничтожали не только имущество в домах и товары в лавках, но и распиливали столярные верстаки в мастерских, разбивали станки, ломали заготовленную продукцию. По окончании погрома евреи Кишинева собрали изорванные свитки Торы, уложили их в глиняные сосуды, в отдельный сосуд положили

пергаментный свиток с описанием тех трагических событий и понесли хоронить. Впереди шли раввины; следом за ними несли пять пар черных носилок, на которых лежали черные глиняные сосуды; десятитысячная процессия следовала за носилками, а многие стояли вдоль улиц и плакали. Сосуды со свитками Торы принесли на еврейское кладбище и замуровали в особом склепе, посреди могил с жертвами этого погрома. Но вскоре на улицах Кишинева появились печатные листки с призывом «действовать против евреев четырнадцатого и пятнадцатого мая». В городе началась паника, евреи кинулись на вокзал; «на вопрос кассира: куда вам билет? – многие отвечали: куда поезд идет...»

Похороны свитков Торы после погрома в Кишиневе

Безымянный читатель писал в еврейскую газету: «Пусть каждый еврей и еврейка наложит на себя траур, пусть в молитвенных домах провозглашается ежедневно всенародный кадиш, пусть во всех случаях произнесения "Эль мале рахамим" поминаются кишиневские мученики...» В синагогах Смоленска, Кременчуга, Керчи, Житомира, Минска и других городов прошли панихиды по жертвам погрома в Кишиневе, и очевидец рассказывал: «Во время молитвы слышались скорбные рыдания по загубленным людям... Все плакали навзрыд... Плач и стоны произвели потрясающее впечатление...» На тридцатый день после погрома собрались в Кишиневе на траурное богослужение «хромые, безрукие, искалеченные люди. Стоны и плач наполнили синагогу. Впечатление потрясающее, невыразимое...»

3

Погром в Кишиневе вызвал панику среди евреев Российской империи. Каждому было ясно, что грабежи и убийства в большом губернском городе,

на виду у высших должностных лиц не могли произойти без молчаливого одобрения местной, а то и центральной власти. Это же признавал и директор департамента полиции в официальной записке: «низшие исполнительные чины» не посмели бы «организовывать погромы без санкции высшего начальства или хотя бы без уверенности в его сочувствии». Даже солдаты на улицах Кишинева, призванные защищать евреев, были настроены к ним враждебно, и это не способствовало успокоению еврейского населения.

Затем о предстоящем погроме заговорили в Киеве, называли близкую дату – восемнадцатое апреля, и за несколько дней до этого вокзал и пристань были завалены чемоданами и узлами, в поездах и на пароходах не хватало мест для тех, кто хотел поскорее уехать. В Воронеже погром намечали на первое мая; многие евреи выехали из города, а оставшиеся просидели взаперти несколько дней, боясь выйти на улицу. Евреи Двинска запасались дубинками и револьверами; в Тирасполе собирались по пять-шесть семей в одной квартире и коротали ночи без сна в ожидании нападения; из Житомира срочно уезжали в Бердичев, а бердичевские евреи в панике бежали им навстречу, в Житомир.

В русской газете отметили: «Ни один город, ни одно земство не откликнулись на ужасы Кишинева...» Кишиневская городская дума не выделила ни единой копейки в помощь пострадавшим; напротив, местные власти повелели «принять репрессивные и энергичные меры» к выселению из окрестных деревень бежавших туда кишиневских евреев, которые не имели права находиться в сельской местности. Евреи Петербурга просили правительство выделить некоторую сумму для помощи вдовам и сиротам, но министр внутренних дел «счел невозможным» обращаться к царю с подобным ходатайством. Кишиневский губернатор С. Урусов писал в воспоминаниях: «Попытки вызвать сферы на какое-нибудь проявление осуждения погромов или хотя бы на выражение жалости к пострадавшим дарованием им денежной помощи потерпели полную неудачу. Между тем авторитетное слово или действие в этом направлении... уничтожили бы прочно засевшее у многих и утвердившееся после погрома убеждение, что такого рода расправа населения с его исконными врагами – дело полезное с государственной точки зрения и угодное властям».

При обысках в Кишиневе находили целые склады с ворованными вещами. Полиция арестовала свыше восьмисот человек; в тюрьме и в полицейских участках не хватало мест, и часть арестованных содержали под стражей в солдатских казармах и здании цирка. Суд проходил при закрытых дверях: одних выпустили на свободу из-за недостатка улик, других присудили за воровство к трехмесячному тюремному заключению; кое-кто действительно верил, что существовал приказ грабить евреев, а потому – «за них и суда нет». Двадцать пять подсудимых отправили на каторгу и в арестантские роты за убийства и насилия.

Свидетели сообщали в зале заседаний, что агенты охранного отделения «находились среди громил, принимая участие в погроме»; некоторыми группами руководили люди интеллигентного вида, а некий «городовой говорил громилам: "Что вы, ребята, бьете здесь, здесь христиане живут; бей там – то еврейский дом"». После первых судебных заседаний заговорили о том, что среди подстрекателей погрома были начальник охранного отделения жандармский офицер Л. Левендаль, автор антисемитских статей подрядчик Г. Пронин, нотариус Писаржевский и другие. Даже в зале суда Пронин продолжал утверждать, что в кишиневской синагоге проходил перед Пасхой всемирный съезд евреев и там приняли решение усилить подрывную антиправительственную деятельность и всячески досаждать христианам. Начальник местного жандармского управления докладывал из Кишинева в Петербург: «Впечатление от судебного разбирательства самое тяжелое; выходит, что судят кого-то отсутствующего, назвать которого намеренно избегают... Слишком прозрачным является намек сторон на виновность в погроме высшего начальства и на роль исполнителей велений оного – местных властей». Адвокаты – представители интересов пострадавших потребовали привлечь к ответственности истинных виновников погрома, но суд отказал в этой просьбе, и адвокаты в знак протеста покинули зал заседаний.

Газеты всего мира писали о зверствах в Кишиневе; британский парламент сделал запрос правительству; в Нью-Йорке, Чикаго и других городах Америки проходили митинги протеста, и тысячи людей – евреи и христиане – подписывали петицию на имя Николая II с требованием прекратить гонения на евреев. Американский президент поручил послу в Петербурге вручить эту петицию по назначению, но русский министр иностранных дел отказался ее передать. Евреи во всем мире жертвовали деньги в помощь кишиневской общине, и через самое малое время собрали миллион рублей. Пострадавшие от погрома предъявили иски к бывшим руководителям губернии, но им ответили: «Убытки евреев уже в несколько раз покрыты пожертвованиями из России, Западной Европы и Америки».

После погрома была создана в Одессе комиссия для сбора данных. Во главе ее стоял историк С. Дубнов, членами комиссии были Ахад га-Ам, И. Равницкий, М. Бен-Ами, а также поэт Х. Н. Бялик, который поехал в Кишинев для сбора свидетельств. Житель города рассказывал: «Мы видели Бялика на кладбище, у могил погибших... Мы видели, как он рассматривал колесные спицы с пятнами человеческой крови и прилипшими мозгами...» Бялик был потрясен увиденным и услышанным и после этого написал свою знаменитую поэму «Сказание о погроме»:

Встань, и пройди по городу резни,
И тронь своей рукой, и закрепи во взорах

Присохший на стволах и камнях и заборах
Остылый мозг и кровь комками: то – они...

Незадолго до погрома кишиневские евреи попытались организовать самооборону; руководил ими бессарабский сионист Я. Бернштейн-Коган, который писал в воспоминаниях: «Молодежь собирается, волнуется, добывает из-под земли оружие; назначаются квартиры под штаб обороны и для ударных батальонов, прокладывается телефонная связь, а в моей квартире – главный телефон, место встреч и приема известий». Однако в первые же часы погрома отряды самообороны «были окружены полицией и войсками, разоружены и оттеснены в большие дворы; там членов самообороны арестовали и отправили в полицию». Стихийные попытки самообороны проходили в разных районах Кишинева: защищались евреи-мясники, вооружившись ножами и топорами, извозчики и грузчики, хозяева лавок и их приказчики, – но солдаты и полиция их разгоняли. Записи Бялика полны фактами со слов очевидцев: «Мы решили: раз нас не защищают, будем защищаться сами... Мы раскололи длинные бревна на дубинки. Некоторые вооружились железными прутьями и слесарным инструментом... Завязалась драка, мы заставили их отступить...»

Историк С. Дубнов

Поэт Х. Н. Бялик

В «Сказании о погроме» Бялик мог отметить случаи самообороны, но, очевидно для того, чтобы пробудить честь и национальное достоинство, он написал с гневом и болью о тех, кто не нашел в себе мужества защищаться: «Огромна скорбь, но и огромен срам...» Поэт бросал в лицо единоверцам горькие слова тоски и позора: «Не плачь, не плачь, не крой руками век, Заскрежещи зубами, человек, И сгинь от срама!» Его поэма сделала Кишинев символом национального унижения, но вместе с этим она способствовала пробуждению гордости, чести, достоинства

униженного народа: не случайно Бялика назвали «поэтом национального возрождения». Современник вспоминал: «На подпольных сходках мы читали поэму Бялика, обсуждали ее, спорили, и после каждой сходки в организацию самообороны записывались новые и новые члены».

После погрома в Кишиневе Ахад га-Ам, С. Дубнов, М. Бен-Ами, Х. Н. Бялик, И. Равницкий и другие выпустили воззвание к еврейским общинам: «Братья! Кровь наших братьев в Кишиневе взывает к нам: поднимитесь из праха, перестаньте плакать и молить, перестаньте простирать руки к отвергающим вас!.. Нам нужна повсюду, где мы живем, постоянная организация, готовая встретить врага в первую же минуту и быстро созвать к месту погрома всех, в ком есть силы выстоять перед опасностью». Сионисты также призывали к самообороне: «Пришел час притеснению противопоставить силу, а убийству – оружие... Объединяйтесь и выходите на улицы с оружием в руках, с пистолетами и ножами!» Бунд тоже организовывал группы молодежи, и потому министр внутренних дел В. Плеве разослал по губерниям циркуляр с категорическим указанием: «Никакие кружки самообороны терпимы быть не должны». Полиция арестовывала за участие в этих кружках, отбирала оружие, добытое с огромным трудом, а Плеве принял группу евреев и сказал им: «Знайте же, что если вы не удержите вашу молодежь от революционного движения, мы сделаем ваше положение настолько несносным, что вам придется уйти из России до последнего человека».

Летом 1903 года в уездном городе Гомеле молодые люди закупили револьверы и упражнялись в стрельбе, разделили еврейские улицы города на кварталы самообороны, переодевались даже в одежды крестьян и ходили на разведку по окрестным деревням, чтобы их не застали врасплох. Двадцать девятого августа 1903 года на гомельском базаре началась драка между евреями и крестьянами; у евреев оказался численный перевес: один крестьянин был убит, остальные бежали. Сразу же заговорили о погроме; мастеровые и чернорабочие собирались группами и призывали к мести; по городу распространяли слухи, что евреи убили не одного, а двенадцать крестьян, разрушили монастырь, убили священника и офицера, – и на третий день разразился погром.

1 сентября огромная толпа рабочих вышла из железнодорожных мастерских, стала громить еврейские дома, но на площади их встретил отряд самообороны в несколько сот человек: они были вооружены палками, ножами и револьверами. Практически это было первое организованное сопротивление евреев в России, и если бы им не помешали, они наверняка справились бы с погромщиками. Но появились солдаты и дали залп в сторону отряда: трое были убиты, несколько человек тяжело ранены. Погром в Гомеле продолжался без помех; бойцы самообороны пытались защищать свои кварталы и отстояли несколько улиц, но вся-

кий раз появлялись солдаты, оттесняли их или арестовывали. К вечеру войска дали залп по разбушевавшейся толпе, и погром прекратился. В еврейских источниках указано: десять убитых евреев, более ста раненых, разгромлено двести пятьдесят домов и магазинов; потери христиан – восемь убитых и тяжелораненых.

В Гомеле произошло удивительное и неслыханное по тем временам: вопреки распространенному убеждению, что евреев можно безнаказанно грабить и убивать, погромщики столкнулись с организованной защитой и отступили. В. Жаботинский писал: «Еврейская улица до Кишинева и после Кишинева – далеко не одно и то же... Позор Кишинева был последним позором. Затем был Гомель... Скорбь еврейская повторилась еще беспощаднее прежней – но срам не повторился».

4

После погрома в Кишиневе Т. Герцль написал в разоренную еврейскую общину: «Погибшие – часть нашего народа, кровь от крови, плоть от плоти, и надгробья на их могилах взывают: доколе?» Герцль встречался с турецким султаном и его министрами, пытаясь получить у них «чартер» – хартию на право массового заселения евреями Палестины; он беседовал на эту тему с кайзером Германии, с итальянским королем и римским папой; пытался встретиться и с Николаем II, но не получил аудиенции.

В то время в России насчитывалось более полутора тысяч сионистских кружков. Российские делегации были самыми многочисленными на Сионистских конгрессах; из трехсот тысяч акций, выпущенных Палестинским колониальным банком, российские евреи приобрели большинство – двести тысяч. «Я заметил, как изменилась за последние годы тихая еврейская провинция, – отмечал наблюдатель. – Она вся встрепенулась, услышав звуки мессианской трубы из Сионистских конгрессов и отголоски их в прессе. Местечковые евреи глубокомысленно обсуждали вопросы, что выйдет из последней поездки Герцля в Константинополь и его аудиенции у турецкого султана, что шепнул Герцлю император Вильгельм при встрече в Палестине, каковы виды на “чартер”. Молодежь препиралась: вот “Гамелиц” так пишет, а “Гацфира” совсем иначе, а “Восход” отрицает и то и другое; знатоки цитировали самый важный источник: официоз Герцля “Ди Вельт”...»

В 1902 году на легальной сионистской конференции в Минске собрались более пятисот делегатов, которые представляли семьдесят тысяч российских «шекеледателей» – тех, кто платил в кассы сионистских кружков ежегодный взнос «не менее одного шекеля». Ознакомившись с решениями конференции, власти поняли, к своему неудовольствию, что

сионисты выступают не только за эмиграцию евреев, но и за улучшение их положения в России, – и летом 1903 года появился секретный циркуляр министерства внутренних дел «О сионизме и еврейском национальном движении». В нем было сказано, что сионистские общества «отодвинули в область далекого будущего» главную цель – «содействовать переселению евреев в Палестину и образованию там самостоятельного еврейского государства... и направили свою деятельность на развитие и укрепление национальной еврейской идеи... Направление это, будучи враждебно ассимиляции евреев с другими народностями... противоречит началам русской государственной идеи и потому не может быть терпимо».

Секретный циркуляр предписывал губернаторам и полиции закрыть сионистские организации, прекратить продажу акций Палестинского колониального банка и не допускать пропаганду идей сионизма. Узнав об этом, Герцль попросил аудиенции у министров российского правительства и получил приглашение на прием к министру внутренних дел В. Плеве. Еврейские деятели России считали Плеве главным виновником Кишиневского погрома и порицали визит к нему, но Герцль на это отвечал так: а разве наш учитель Моисей не отправился к фараону? Седьмого августа 1903 года Герцль приехал в Петербург и в тот же день записал в дневнике: «О моей поездке не сообщали, однако повсюду, куда эта весть доходила, меня с нетерпением ждали: в Варшаве, Вильно. Им живется так плохо, что я, бессильный, кажусь им освободителем».

Было две встречи между Герцлем и Плеве. На первой из них Плеве заявил: «Для нас еврейский вопрос – это не вопрос жизни и смерти, но, во всяком случае, достаточно важный... Мы хотим ассимилировать евреев в нашей среде, и для этой цели у нас есть два пути: высшее образование и материальное благосостояние... Однако эта ассимиляция, которой мы желаем, продвигается весьма медленно». Это заявление Плеве расходилось с тогдашним положением вещей: существовала процентная норма для приема евреев в гимназии и университеты, да и черта оседлости не способствовала повышению благосостояния ее обитателей. Плеве это понимал и потому сказал Герцлю: «Блага высшего образования мы можем предоставить лишь ограниченному числу евреев, ибо в противном случае у нас очень скоро не останется должностей для христиан. Материальное положение евреев в черте оседлости тоже плохое. Я признаю, что они живут там как в гетто...» Плеве объяснил Герцлю и причины гонений на сионистов: «Ваше сионистское движение поначалу было для нас приемлемо – пока оно работало на поощрение эмиграции... Однако теперь о палестинском сионизме говорят меньше, нежели о культуре, организации и еврейском национализме. Нам это нежелательно».

Через несколько дней состоялась вторая встреча. Плеве сказал: «Не хочу отрицать, что положение евреев в Российской империи не слиш-

ком завидное. Да, будь я евреем, то и я, вероятно, был бы врагом правительства. Однако мы не можем поступать иначе, чем до сих пор, и поэтому для нас было бы весьма желательным создание самостоятельного еврейского государства, способного принять несколько миллионов евреев. В то же время мы не хотим лишиться всех наших евреев. Обладателей высокой интеллигентности... мы хотели бы сохранить для себя... А от евреев низкой интеллигентности и от малоимущих мы бы охотно избавились». Плеве вручил Герцлю письмо, текст которого, по его словам, одобрил Николай II. В письме было сказано, что русское правительство отнесется к сионизму благожелательно, если он приведет к «уменьшению еврейского населения в России». В этом случае правительство сможет оказать материальную и моральную поддержку и будет ходатайствовать перед Турцией, чтобы и та оказала помощь в этом деле.

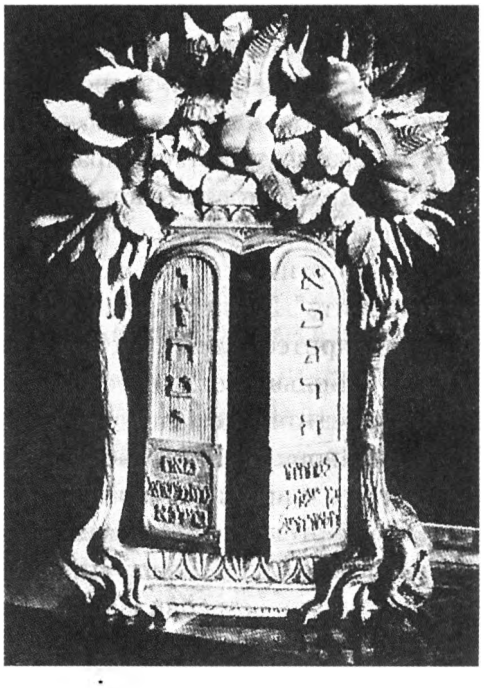
В Петербурге Герцль встретился также с министром финансов С. Витте: «Он принял меня сразу, но был далеко не любезен». Говоря об антисемитизме в России, Витте назвал его причины – экономическую и религиозную, а в последнее время и участие евреев в революционном движении. Он сказал: «По-моему, виновато в этом наше правительство. Евреев слишком притесняют. Я неоднократно говорил покойному царю Александру III: "Ваше Величество, если можно утопить шесть или семь миллионов евреев в Черном море, то я с этим совершенно согласен, но если это невозможно, то надо дать им жить". Этого взгляда я придерживаюсь и поныне. Я против дальнейших притеснений». И еще сказал министр финансов во время той беседы: «Большинство евреев – бедняки, и, будучи бедняками, они грязны и отвратительны».

На обратном пути в Вену Герцль остановился в Вильно. Полиция запретила публичные собрания в его честь и не разрешила Герцлю посетить Большую синагогу города. Агенты неотступно следовали за ним, его телефонные разговоры прослушивались, и тем не менее тысячи евреев запрудили площадь перед гостиницей, где он остановился. Руководители виленской общины были парадно одеты; празднично приоделись многие из публики, и даже лошадей извозчиков разукрасили цветами. Герцль вышел из гостиницы и поехал по улице, и тут неожиданно для всех некий человек подбежал к пролетке, ухватился за заднее колесо и остановил лошадей. «Давид, царь Израиля, – воскликнул он, – да живет и здравствует!» И толпа закричала в ответ «Да здравствует!» и «Ура!» В здании благотворительного общества представители виленской общины устроили торжественный прием в честь «величайшего сына еврейского народа» и вручили Герцлю маленький свиток Торы в резном деревянном футляре – в память посещения Вильно, «литовского Иерусалима».

В тот же день, вечером, в пригороде Вильно Герцль встретился с местными сионистами. На эту встречу пришли из города юноши и девушки;

они стояли на улице и пели песни на иврите. Герцль пометил в дневнике: «Среди этих молодых людей мне бросился в глаза рабочий в синей блузе... Он поразил меня здравицей в честь той поры, когда будет властвовать «король Герцль». В тиши темной русской ночи это смешное пожелание выделялось с особой силой». Среди присутствовавших оказался и агент охранки, и на другой день он представил в полицию подробный доклад об этой встрече и список лиц, которые там находились.

В первом часу ночи Герцль уезжал из Вильно. Город не спал. Сотни евреев дожидались на улицах и балконах его проезда, а перед зданием вокзала собралась толпа. Внезапно появились городовые с казаками и стали всех разгонять. Герцль был потрясен. В купе вагона, сразу же после отхода поезда, он записал: «Никогда не забуду вчерашний день, день Вильно».

Резной деревянный футляр со свитком Торы – подарок Т. Герцлю от еврейской общины Вильно

5

Летом 1903 года британское правительство официально обратилось к Т. Герцлю с неожиданным предложением: предоставить для еврейского поселения территории в Уганде, в Восточной Африке, с автономным самоуправлением – «чтобы улучшить положение еврейского народа». Британский министр колоний говорил Герцлю: «В своей поездке по Африке я видел страну как раз для вас – это Уганда. В местах, расположенных недалеко от моря, очень жарко, но вглубь страны – климат чудес-

ный; там можно выращивать хлопок и сахар, и я подумал, что эта страна подходит доктору Герцлю». Следовало дать ответ на английское предложение, и в августе 1903 года собрался в Базеле Шестой сионистский конгресс, последний, в котором участвовал Герцль, и самый для него драматический.

Конгресс в Базеле проходил после Кишиневского погрома, и Герцль сказал во вступительном слове: «Многие из нас полагали, что хуже стать не может. Однако положение еще ухудшилось. Несчастье, подобное наводнению, нахлынуло на еврейство... Мы не должны забывать, что имеются и другие Кишиневы, и не только в России. Кишинев – повсюду, где евреи страдают физически или духовно, где их честь попирается, а имущество подвергается разорению только потому, что они евреи. Спасем тех, кого еще можно спасти». Герцль предложил на рассмотрение конгресса английский план заселения Уганды, и делегаты были потрясены услышанным. Впервые правительство великой державы вступило в официальные переговоры с представителями рассеянного по миру народа; впервые была предложена конкретная территория и покровительство Великобритании для беспрепятственного национального развития. Это было большим политическим достижением: в зале раздались рукоплескания и восторженные возгласы в честь англичан.

Но далеко не все разделяли эти восторги, и Х. Вейцман, делегат конгресса, вспоминал: «У нас уже сложился обычай вывешивать на стене, за председательским креслом, карту Палестины. На этот раз она была заменена картой Уганды, и этот символический акт неприятно задел нас и наполнил мрачными предчувствиями». И далее: «Герцль побывал в России и увидел черту оседлости и страдания ее жителей. Отчаявшееся еврейство повсюду встречало его как своего освободителя, и теперь он чувствовал себя обязанным как можно скорее помочь русскому еврейству. И поскольку Палестина в данный момент была недоступна, он не считал возможным ждать, ибо волна антисемитизма росла с каждым днем... Поэтому британское предложение – это дар Божий, та самая соломинка для утопающих. Было бы жестоко и неразумно отвергнуть шанс, который может никогда не повториться».

После речи Герцля среди делегатов обозначился непримиримый раскол, а в перерыве какая-то женщина взбежала на сцену и сорвала со стены карту Уганды. Русская делегация уединилась для обсуждения проекта: большинство было против английского предложения, меньшинство – за Уганду. «Что мы теряем, согласившись на Уганду? – говорили они. – Англичане – великий народ. Правительство великой державы делает нам предложение. Нельзя оскорблять такое правительство отказом». В ответ выступил Х. Вейцман и страстной речью перетянул на свою сторону колеблющихся. Он сказал: «Если английское правительство и английский

народ соответствуют моему представлению о них, они наверняка предложат нам что-нибудь более подходящее».

После перерыва начались прения. М. Нордау сказал: «Наш народ должен колонизовать Уганду как промежуточную станцию на пути в Палестину» – это будет лишь временное прибежище, «прибежище на одну ночь». Делегат из Минска Ш. Розенбаум заявил, что все усилия следует сосредоточить на Эрец Исраэль и не разменивать их на Африку. Делегат из Москвы И. Членов тоже был против Уганды: «Я чувствую, как нечто, спрятанное в укромном уголке моего сердца, нечто такое, что я всегда считал дорогим, святым и неприкосновенным, – здесь, в этом доме, ныне унижено и оскорблено». Ораторы сменяли друг друга, и страсти разгорались все сильнее и сильнее. Во время поименного голосования каждый делегат должен был высказаться за или против отправки комиссии в Уганду – для обследования предложенной территории. 295 делегатов сказали «да». 178 – «нет». 132 – воздержались. Среди проголосовавших против «огромное большинство составляли делегаты из России, а кишиневские делегаты отвергли план Уганды единогласно, – свидетельствовал Вейцман. – Западные сионисты были ошеломлены. Я помню, как после голосования Герцль... сказал о русских евреях: "У этих людей удавка на шее, а они еще упорствуют!" Рядом с ним оказалась та молодая женщина, которая сорвала со стены карту Уганды. Она гневно воскликнула: "Господин президент, вы предатель!" Герцль резко отвернулся...»

После объявления результатов голосования произошло неожиданное: встал со своего места в президиуме И. Членов и пошел к выходу из зала. «Куда и зачем? – вспоминал он впоследствии. – Я не знал в эту минуту. Одно я чувствовал, что здесь, в этом зале, в эту минуту, оставаться невозможно, физически невозможно...» К Членову присоединялись по одному российские делегаты и тоже шли к выходу; их становилось все больше и больше: зал разразился аплодисментами, а Герцль стоял на трибуне бледный, с застывшим лицом. Делегаты из России ушли в соседнюю комнату; некоторые из них рыдали, словно получили известие о гибели близких; несколько человек опустились на пол, как это делают евреи во время траура. «И тут нам передали, – вспоминал Х. Вейцман, – что Герцль хотел бы с нами поговорить. Мы ответили, что будем рады его выслушать. Он пришел, осунувшийся и измученный. Его встретило мертвое молчание. Никто не поднялся навстречу ему, никто не аплодировал, когда он кончил говорить... Он заверил нас в своей непоколебимой преданности Палестине, но снова повторил, что сейчас необходимо найти безотлагательно хотя бы временное убежище для огромных масс бездомных скитальцев... Он ушел, ничего не добившись, но я думаю, что во время этой короткой встречи он впервые по-настоящему понял всю глубину чувства, связывавшего нас с Сионом». Герцль сумел предотвра-

тить раскол на конгрессе и свою заключительную речь закончил традиционными словами, которые говорят евреи не одно тысячелетие: «Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет десница моя!»

По окончании конгресса Герцлю оставалось жить совсем немного. Он умер третьего июля 1904 года, в курортном селении возле Вены, и известие о его смерти потрясло многих. Ему было всего лишь сорок четыре года; в этом человеке видели пророка и «царственного трибуна», способного вернуть народу прежнее его величие. До появления Герцля палестинофильские идеи мало кого интересовали в мире других народов. Именно Герцль – впервые за тысячи лет изгнания – создал всемирное представительство еврейского народа и непосредственно обращался к турецкому султану, к германскому императору, к папе римскому – ко всем, у кого была власть и влияние в мире. Каждому из них он излагал свои идеи и планы как полномочный представитель еврейского народа, и его принимали, его выслушивали, о нем писали в самых крупных газетах мира. С появлением Герцля еврейская проблема из частной стала мировой проблемой, она заняла место среди насущных проблем мира – и в этом, быть может, самая большая заслуга этого человека.

По всему миру печатали некрологи в газетах и говорили прощальные речи; в синагогах России служили панихиды, закрывали в день похорон конторы и магазины, проводили траурные митинги; сионисты Гомеля обещали называть именем Теодор всех мальчиков, которые родятся у них в течение года. Н. Со́колов написал в варшавской газете «Гацфира»: «Не звезда исчезла, не звезда из бесчисленного множества звезд. Солнце закатилось. Настала ночь, и так темна эта ночь, что ничего не видно!..» Молодой С. Маршак напечатал стихи на смерть Герцля; из маленького местечка черты оседлости прислали телеграмму из трех слов: «Мужества, мужества, мужества!»; В. Жаботинский писал: «Не надо обманываться: в рассеянии не будет у нас больше такого человека – но, может быть, он и не понадобится. Гений нужен только для первого шага. Он указал дорогу и дошел до первого привала... а народу идти дальше».

После погрома в Кишиневе в еврейских газетах сообщали: «Начальник вольной дружины инженер К. сумел отстоять от погрома свой околоток... Член суда Д. спас от разгрома еврейскую лавочку... Священник Лашков приютил у себя много евреев... Энергичный городовой разогнал толпу и отстоял дом... Девушка из интеллигентной христианской семьи просила разрешить ей дежурить у постели изувеченных, чтобы искупить – как заявила она – грех “своих”...» Певец Ф. Шаляпин пожертвовал сбор с концерта на

нужды пострадавших кишиневских евреев. Антоний, епископ Волынский и Житомирский, с церковной кафедры осудил погромщиков: «Страшная казнь Божия постигнет тех злодеев, которые проливают кровь, родственную Богочеловеку, Его Пречистой Матери, апостолам и пророкам... Под видом ревности о вере они служили демону корыстолюбия... Так поступают людоеды, готовые на убийство, чтобы насытиться и обогатиться...» Профессор В. Набоков – сын бывшего министра юстиции и отец знаменитого писателя – в статье «Кишиневская кровавая баня» обвинил «законодательный и административный строй, под влиянием которого создаются отношения христианского населения к еврейскому». Писатель В. Короленко побывал в Кишиневе после погрома и отметил в дневнике: «Четвертый день в Кишиневе, и чувствую себя точно в кошмарном сне... И как в кошмаре – более всего мучит сознание бессилия». Короленко написал документальный очерк «Дом № 13» – о зверском убийстве евреев их многолетними соседями по дому в день «величайшего из христианских праздников», но цензура не пропустила очерк в печать. Не позволили опубликовать и статью М. Горького о погроме, и ее распространяли в прокламациях: «Долг возложен сегодня на русское общество – доказать, что не испорчено оно окончательно». Л. Толстой писал в те дни: «По первому газетному сообщению я понял весь ужас свершившегося и испытал тяжелое смешанное чувство жалости к невинным жертвам зверства толпы, недоумения перед озверением этих людей, будто бы христиан, чувство отвращения и омерзения к тем, так называемым образованным людям, которые возбуждали толпу и сочувствовали ее делам».

Многие русские газеты с болью и негодованием откликнулись на события в Кишиневе. «Киевлянин»: «После погрома я читал в "Бессарабце" совсем полоумную статью, в которой, точно в бреду сумасшедшего, сыпались фразы о солнечных пятнах, землетрясениях и других космических явлениях, в связь с которыми ставится Кишиневский погром. При чем тут солнечные пятна, когда дело идет о кровавом пятне на совести христиан?..» «Курьер»: «Что это?! Средние века – в двадцатом столетии? Троглодиты – рядом с университетом?.. Сколько лет на наших глазах ведут газеты свою работу подстрекателей! Сколько сотен тысяч людей развратили они, заражая человеконенавистничеством!.. Мы знали это – и чаще всего бездействовали; мы видим теперь – и ничего не предпринимаем...» «Санкт-Петербургские ведомости»: «Кому погром принес пользу, кому нужна была кровь невинных людей?.. Центр Бессарабии, богатейший из ее городов, разорен и не скоро опра-

вится... Безработица, голод, болезни – вот ближайшие следствия погрома, которые почувствует все население...»

В то же время в юдофобских газетах писали, что евреи сами устроили беспорядки в Кишиневе, чтобы вызвать сочувствие во всем мире и получить побольше денег: «Евреи всегда так: сначала напакостят, а потом сами же гвалт поднимают и взывают к общественному состраданию».

П. Крушеван редактировал не только «Бессарабца», но и петербургскую газету «Знамя». Четвертого июня 1903 года в Петербурге, на Невском проспекте, к нему подошел молодой человек и ударил ножом в шею. Репортер «Биржевых ведомостей» сообщал после покушения: «Господин Крушеван тут же зашел в ближайшую аптеку и прежде всего обстоятельно расспросил владельца, какова его фамилия и национальность. Тот оказался евреем, и Крушеван, отказавшись от его помощи, пошел в другую аптеку. То же самое повторилось и там: ее владелец тоже оказался евреем, и Крушеван не пожелал, чтобы тот его перевязал. Он пошел дальше, пришел в контору своей газеты и рассказал служащим о случившемся. Те вызвали к нему врача, Крушеван прежде всего спросил, каково его вероисповедание, и тот тоже оказался евреем. Его отослали назад, обратились в канцелярию градоначальника, и оттуда прибыли еще два врача: украинец и поляк. Они обнаружили у Крушевана легкую поверхностную рану на шее и наложили повязку. После этого Крушеван написал статью под заголовком "Заседание продолжается", где заявил, что, подобно Галилею, он все так же будет восклицать, несмотря ни на что: "А земля все-таки вертится!"»

Молодого человека задержали на месте покушения: это был Пинхус Дашевский, сын врача, бывший студент Киевского политехникума. Он заявил, что приехал в Петербург с единственной целью: убить Крушевана, которого считал главным виновником Кишиневского погрома. В кармане у него обнаружили револьвер, но он им не воспользовался, потому что опасался попасть в прохожих. Суд признал Дашевского виновным в покушении с заранее обдуманными намерениями и приговорил к лишению всех прав и преимуществ и к пяти годам арестантских рот. Через три года его освободили досрочно, по «Высочайшему повелению», без восстановления в правах и преимуществах. (В 1933 году П. Дашевский был арестован в Советском Союзе за сионистскую деятельность и погиб в заключении, предположительно в 1934 году.)

После погрома в Гомеле туда приехал могилевский губернатор, созвал именитых евреев и сказал с возмущением: «Евреи теперь нахальны, непокорны, потеряли всякое уважение к власти... везде и всюду выражают полное неуважение, нетерпимость к христианам. Да вот вам: на днях на улице на мою жену наскочил велосипедист: кто? еврей. Гимназист на улице идет мне навстречу с папиросой в зубах и не кланяется: кто такой? опять еврей... Вот, господа, где причины. Вы сами виноваты во всем случившемся».

Затем был суд, и на скамьях подсудимых оказались сорок четыре христианина и тридцать шесть евреев – юношей и девушек, участников гомельской самообороны. Председатель суда мешал выяснять истинные обстоятельства погрома, и адвокаты, защитники евреев, ушли из зала заседаний. В газете сообщили: «Поверенные покидают места и уходят. Публика оглашает зал аплодисментами, криками "браво" по адресу защиты и уходит за ними. Заседание продолжается». В обвинительном акте суда события 29 сентября были определены как «решимость гомельских евреев отомстить за пострадавших иноверцев Кишинева... и отбить у христиан охоту учинить еврейский погром в Гомеле». Суд определил для всех обвиняемых одинаковые меры наказания – заключение в тюрьму на срок до пяти месяцев, и в журнале «Право» написали по этому поводу: «Если и евреи и христиане в убийстве, насилиях и грабежах виновны лишь в самой малой мере (иначе как объяснить крайнюю мягкость наказания?), то у всякого неминуемо должен возникнуть вопрос: кто же истинный виновник всех ужасов, творившихся в Гомеле?..»

Еврейское народное сказание времен Первой мировой войны: «Когда прогремели первые выстрелы и появились первые жертвы, собрался Небесный суд, чтобы решить, на чьей стороне будет победа. Ангел-хранитель России положил на чашу весов все пушки и все снаряды немцев, чтобы показать, как много они наготовили для погибели невинных людей. В ответ на это ангел-хранитель Германии положил на другую чашу весов всего-навсего два гвоздя, два гвоздя с Кишиневского погрома, которые вбивали в головы жертв. И чаша с гвоздями перевесила».

Очерк тридцать седьмой

Евреи в русско-японской войне.
Погромы 1904–1905 годов. «Смутное» время.
Октябрьские погромы 1905 года

1

Двадцать седьмого января 1904 года Николай II объявил в «Высочайшем Манифесте»: «Японское Правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артура. По получении о сем донесения... Мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии...» Так началась русско-японская война, и по всей стране прошли патриотические манифестации в поддержку царя и русской армии. В еврейской газете «Восход» написали на второй день войны: «Россия – наша родина, и все мы... до последнего свято исполним свой долг перед родиной, с которой связали нас исторические судьбы... Постараемся, поскольку это в силах наших, забыть и недавнее изгнание из Порт-Артура, и кишиневский и гомельский погромы, и многое, многое другое...» В синагогах служили торжественные молебны «о даровании доблестной победы русскому воинству»; по всем общинам собирали пожертвования «на военные нужды», «на усиление отечественного флота», «на нужды семейств убитых и изувеченных воинов»; одесский банкир З. Ашкенази на собственные средства сформировал санитарный отряд; нищие местечки жертвовали крупные суммы из средств коробочного сбора, и

местное начальство даже ограничивало их пыл, чтобы это не пошло в ущерб неотложным нуждам.

По всей стране шла мобилизация в армию, в которой некрещеные евреи не могли стать офицерами и даже унтер-офицерами. Их не допускали в юнкерские училища, не направляли в гвардию и во флот, в интендантство и крепостную артиллерию, в карантинную и пограничную службы. Евреев принимали в армию с такими физическими недостатками, при которых прочих освобождали от призыва; после приема все новобранцы расходились по домам, чтобы в назначенный день явиться на службу, и лишь евреев часто держали под стражей по нескольку недель, а затем отправляли по этапу на сборный пункт. «Мы явились добровольно исполнить священный гражданский долг воинской повинности, – жаловались новобранцы-евреи из Ковеля. – Нас прямо из воинского присутствия под конвоем вооруженных ружьями, как арестантов, отправили в полицейское управление. Сидим под замком в маленьком, темном и душном клоповнике со всеми атрибутами, присущими важным преступникам. Так распорядились председатель присутствия и исправник. За что? За какую провинность?..»

Для врачей-евреев существовала в армии пятипроцентная норма, но после начала войны их стали призывать без ограничения. С первой партией мобилизованных поехали из Петербурга сорок пять врачей-евреев, и на прощание в синагоге города отслужили «напутственное молебствие при громадном стечении народа». В Одесском округе врачи-евреи составили половину от всех призванных – семьдесят пять человек, в Киеве – более шестидесяти процентов. Всего в русско-японской войне участвовали тысяча двести врачей-евреев – треть от общего числа посланных на фронт, а в осажденном Порт-Артуре они составили двадцать семь процентов.

В русских частях на Дальнем Востоке было во время войны более двадцати тысяч солдат-евреев, и корреспондент телеграфировал из района боевых действий: «По рассказам товарищей, по признанию многих офицеров, они сражаются так же самоотверженно, как и православные русские». Офицер одного из полков рассказывал: «Мне приходилось иметь дело с солдатами-евреями, видел я их немало, знают о их храбрости и многие полковые командиры, знает также и командующий армией... Они стреляют хорошо, приказания исполняют в точности, разумно, толково». Даже в газете «Новое время» признавали: «Каких только анекдотов не рассказывают о трусости евреев! Между тем в настоящую войну немало из них показали себя прекрасными, храбрыми и распорядительными солдатами. Немало их награждено Георгиевскими крестами, есть некоторые, имеющие даже по два и три, и эти кресты давались не начальством, а присуждались самой ротой!»

В первых боях с японцами заслужили Георгиевские кресты Шмуэль Ривин, Гиршель Шеток и Мордух Ешин. Рядовой пехотного полка Дубовис получил Георгиевский крест за доставку воды раненым солдатам под сильным огнем противника. Врач Беньяш не ушел с покинутой войсками позиции и под непрекращающимся обстрелом перевязывал раненых, хотя ему трижды приказывали отступать. Ювелир Моисей Лейбошиц из Порт-Артура вступил добровольцем в санитарную команду города, «показал удивительное хладнокровие и неустрашимость», получил посмертно Георгиевский крест за эвакуацию солдат из-под артиллерийского обстрела. Неизвестный солдат-еврей под огнем противника вынес с поля боя двадцать раненых солдат и офицеров; раненный в ногу Фроим Черкасс спас тяжелораненого полкового священника, после перевязки вернулся в свою часть и заслужил в той войне два Георгиевских креста. Георгиевскими кавалерами стали солдаты Боришевский, Вензель, Гриншпун, Марголин, Островский, Прежеровский, Фридман, Чертков, Штейнберг и многие другие. Георгиевский кавалер Герш Лейб Войсвол потерял обе руки и удостоился особой награды командующего армией; три Георгиевских креста заслужил Иосиф Губиш, четыре – Столберг, торговец из Киева, произведенный в офицеры за исключительную храбрость.

Рядовой пехотного полка Виктор Шварц был одиннадцать раз ранен в боях, получил три Георгиевских креста и медаль за спасение тонувшего офицера. В русской газете писали: «Шварц награжден золотым Георгием за взрыв порохового склада японцев. Тяжело раненный во время мукденских боев в грудь навылет, Шварц сутки пролежал среди мертвых, а затем был подобран японцами и увезен в плен, откуда ему удалось бежать. В Москву Шварц приехал навестить своих родных, но положение его поистине критическое: полиция настаивает на немедленном его выселении как не имеющего права жительства в Москве». В московские госпитали привозили с фронта раненых и больных, но их жен и матерей – передавал корреспондент немецкой газеты – «не допускают к постелям раненых, так как им запрещен въезд в Москву. Да и самих солдат-евреев, лишь только они выйдут из госпиталя, хотя бы изувеченными, хилыми и неспособными к труду, тотчас же высылают из столицы».

Война продолжалась, и газеты печатали сообщения о новых героях. Бомбардир-наводчик Лазарь Лихтмахер потерял в бою руку, но снова вернулся на батарею и встал у своего орудия. Ефрейтор Восточно-сибирского стрелкового полка Иосиф Трумпельдор, выйдя из госпиталя, написал ротному командиру: «У меня осталась одна рука, но эта одна – правая. А потому, желая по-прежнему делить с товарищами боевую жизнь, прошу ходатайства вашего благородия о выдаче мне шашки и револьвера». В приказе по полку отметили: «Эти слова следует вписать золотыми буквами в историю полка», так как Трумпельдор не пожелал

«обратиться в инвалида... и, презирая опасность, вновь предложил свою полуискалеченную жизнь на борьбу с врагом». В виде исключения Трумпельдора произвели в младшие унтер-офицеры – «за его боевые заслуги и неустрашимость в бою»; он оставался среди защитников Порт-Артура до сдачи крепости и стал четырежды Георгиевским кавалером.

Иосиф Трумпельдор

2

После начала войны в правительственных кругах России преобладала уверенность в быстрой победе над японцами. Кишиневский губернатор вспоминал: «Во дворце смотрели на нападение японцев, как "на укус блохи"... Сам Плеве... с досадой спросил: "Неужели для вас не ясна следующая арифметическая задача: что больше – пятьдесят или полтораста миллионов?.."»

Но вскоре оказалось, что война не получалась «короткой и победоносной». Уже в первые ее месяцы японцы захватили порт Дальний, осадили Порт-Артур, вывели из строя многие корабли русской тихоокеанской эскадры. С фронта приходили сообщения о неудачах русской армии в сухопутных боях, об огромных потерях среди солдат и офицеров: в бою под Ляояном русские потеряли девятнадцать тысяч убитыми и ранеными, в бою под Мукденом – сорок две тысячи. Трудно было понять, почему огромная Российская империя не может справиться с ка-

кими-то «макаками» (так в газетах пренебрежительно называли противника), и по стране поползли слухи о «виновниках» поражений. «Новое время» обвинило «всемирное еврейство», будто бы подтолкнувшее Японию на эту войну; правые газеты наперебой писали о том, каким образом российские евреи помогают «родственным им по расе» японцам: вывозят золото из страны, закупают лошадей в России для японской армии, собирают деньги на японский броненосец, «молятся о японской победе над русскими». Эти сообщения всякий раз опровергались, редакторы газет приносили извинения за вымысел, – но по России уже заговорили о том, что евреи отправляют вагоны с полушубками для японских солдат, посылают японскому микадо приветственные адреса с пожеланиями скорой победы, намереваются взрывать мосты в тылу и натравливают Англию и Америку на Россию.

Повсюду раздавали бесплатно петербургскую газету «Знамя» с подстрекательскими статьями П. Крушевана, а в Одессе подозрительные личности разъясняли толпе: «Жиды в Америке собрали деньги, чтобы построить броненосец "Кишинев" и подарить его японцам. Этот броненосец – в отместку за Кишиневский погром – будет сражаться против русского флота». От слухов о «виновниках» один шаг до погромов, и в Одессе уже появились печатные листки: «Православные люди! Приближается жидовская Пасха. Берегите ваших детей!» В городе заговорили открыто: «Есть приказ – бить жидов на Пасху», и многие евреи поспешили уехать из Одессы. Затем слухи о погроме появились в Кишиневе, и на базаре стали раздавать листки, разъяснявшие народу «предательство и тяжкие грехи жидов». Кишиневский полицмейстер был в явном смущении, не зная, как поступить, чтобы не пойти наперекор воле начальства, – но из Петербурга пришел циркуляр о принятии немедленных строгих мер, и полицмейстер тут же пообещал губернатору: «Будьте спокойны, теперь беспорядков в Кишиневе не будет!» И вскоре в газетах отметили с облегчением: «Пасха везде прошла спокойно».

С. Витте писал в «Воспоминаниях»: «Началось ужасное время. Несчастнейшая из несчастнейших войн... Было сразу видно, что война эта крайне непопулярна, что народ ее не желает, а большинство проклинает». По всей стране шел набор в армию для отправки на Дальний Восток. Мобилизованные солдаты разбивали казенные винные лавки, напивались и буйствовали; еврейские общины собирали деньги «для угощения» новобранцев, чтобы задобрить их и предотвратить беспорядки, но это не всегда помогало. К солдатам присоединялись мастеровые, приказчики, босяки, крестьяне из окрестных деревень, и все вместе шли громить еврейские дома и лавки.

Волна погромов началась осенью 1904 года. В городе Александрия Херсонской губернии в Йом-Кипур пьяная толпа избивала в синагоге

8. Зак. 3898.

молящихся: были убитые и раненые. «В эту ужасную минуту, – сообщали в газете, – явился на помощь евреям священник отец Алексей. Он вышел на площадь с хоругвями и начал служить молебен под открытым небом. Этим он приостановил на время погром. По окончании службы погром возобновился...» В Могилеве целый день громили еврейские дома, в которых ютились чернорабочие, калеки, вдовы с детьми, нищие, и среди погромщиков евреи узнавали своих соседей. «Целые сутки работали топоры и ломы, разбивая грязные деревянные лавки и разрывая вонючие тряпки... Сотни разоренных бедняков валяются в разбитых домах, без окон и дверей, дети простуживаются и мрут как мухи...» В Быхове толпа разграбила все еврейские лавки, а затем их сожгла. Буйства прошли в Смоленске, Минске, Мстиславле, во многих местечках по пути следования солдат. «Мобилизованные вместе с мужиками, которые везли их на подводах, разгромили все местечко. Один пьяный мужик снял сапог с ноги и требовал, чтобы евреи целовали ему пятки; ослушников бил смертным боем...» Даже во время кратких стоянок поездов, за пять-десять минут солдаты успевали разгромить пару еврейских лавок: «Бейте жидов! – кричала толпа. – Их везде бьют!..»

Война пагубно повлияла на экономику страны, уменьшились торговые обороты, особенно пострадали промышленные города черты оседлости – Варшава, Лодзь, Белосток, Витебск, Минск, Вильно, Одесса, откуда прежде отправляли на Дальний Восток большие партии товаров. Многие фабрики сократили свои производства из-за отсутствия заказов, уменьшились и строительные работы; масса рабочих, ремесленников и приказчиков осталась без всякого заработка. «В Лодзи улицы переполнены нищими. Чуть ли не ежедневно отмечают случаи обмороков на улицах от истощения. Были даже самоубийства от голода. В Одессе толпы безработных стариков, женщин и молодежи вырывают друг у друга работу за двенадцать-двадцать копеек в день, но и такой работы очень мало... Заработков нет, и впереди – страшный голод...»

Семьи мобилизованных солдат теряли своих кормильцев и лишались средств к существованию; погромы в городах и местечках довершали разорение; практически после каждого разгрома еврейские общины взывали к милосердию: «Требуется безотлагательная помощь! Пожертвования просят направлять по адресу...» А из Житомира сообщили на исходе 1904 года: «Сидим, ждем и трепещем...»

3

В июле 1904 года эсер Егор Созонов бросил бомбу на петербургской улице и убил министра внутренних дел В. Плеве. На Плеве покушались

неоднократно: это он выступал против независимости Финляндии, руководил подавлением крестьянских волнений, преследовал студенчество и земские учреждения, – с его именем связывали и еврейские погромы. Убийство Плеве произвело огромное впечатление на все слои русского общества. Покушение называли «одним из самых удачных актов революционной борьбы», и даже в консервативных кругах мало кто сожалел о гибели Плеве. Новый министр внутренних дел провозгласил более либеральную политику «взаимного доверия» между правительством и обществом и пообещал руководствоваться справедливостью и «добротой» в еврейском вопросе.

В августе 1904 года – после рождения наследника Алексея – Николай II предоставил некоторые «милости» населению империи. Кое-какие льготы получили и евреи, и в ответ на это еврейские общины крупных городов Российской империи послали петицию на имя правительства: «Так дальше жить нельзя. Измученные всем пережитым, евреи ждут своего полного раскрепощения, ждут решительной отмены всех ограничительных законов». На «облегчении участи инородцев» настаивал и председатель Комитета министров С. Витте, предсказывая в противном случае усиление «антиправительственной деятельности евреев»: «Враждебное отношение евреев к правительству вызывается тяжелыми материальными условиями, в которых живет большинство русских евреев под гнетом ограничительных законов».

В воскресенье девятого января 1905 года триста тысяч рабочих Петербурга пошли к Зимнему дворцу, чтобы подать петицию Николаю II. В ней было сказано: «Мы, жители и рабочие Петербурга, просим у тебя, царь, защиты и справедливости. Мы – нищие и притесняемые! Обманывают нас, считают за рабов, а не за людей, душат нас и не дают вздохнуть свободно...» Одну из колонн возглавлял инициатор похода священник Георгий Гапон, а следом за ним шли тысячи рабочих – с портретами царя, распятиями и иконами. На подходе к центру города солдаты открыли огонь по безоружным демонстрантам, а казаки рубили их саблями и били нагайками. По официальным данным, погибло сто тридцать человек – демонстрантов и случайных прохожих, несколько сот было ранено; среди погибших оказалось и несколько евреев. Через день после этого начались забастовки протеста по всей России; в них участвовали и еврейские рабочие Вильно, Варшавы, Лодзи и Ковно. В феврале 1905 года эсер Иван Каляев бросил бомбу в Кремле и убил московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Так начался 1905 год – с забастовками на заводах и железных дорогах, крестьянскими волнениями, студенческими митингами, террористическими актами, вооруженными восстаниями, поражениями русской армии на Дальнем Востоке и с жестокими еврейскими погромами, каких прежде не знала Россия.

Почти все слои русского общества – дворяне, промышленники, землевладельцы, представители рабочих союзов – призывали к проведению неотложных реформ и привлечению представителей народа к управлению страной. «Причина частых потрясений... – предупреждали в своей петиции российские инженеры, – лежит не в агитации так называемых революционеров и, конечно, не в иноземном воздействии, а в коренном... неустройстве нашей государственной жизни». В феврале 1905 года Николай II согласился на созыв собрания народных представителей с правом совещательного голоса. Царь позволил организациям и частным лицам вносить предложения, «касающиеся усовершенствования государственного благоустройства», и отовсюду присылали петиции с призывами отменить самодержавие и ввести парламентское правление. В марте 1905 года образовался Союз для достижения полноправия еврейского народа в России и потребовал «широкой автономии общин, свободу языка и школьного обучения», а также всеобщего избирательного права при выборах в парламент.

К лету 1905 года правительственная комиссия разработала устав будущей Государственной Думы, которой дозволялось лишь обсуждать проекты новых законов, задавать вопросы правительству и указывать на незаконные действия властей. По этому уставу евреи не могли принимать участия в народном представительстве, и, по мнению должностных лиц, в этом была определенная логика: нелепо предоставлять право выбора в Государственную Думу той части населения, которая не имела многих гражданских прав и не допускалась даже к городскому самоуправлению. Еврейские общины посылали в Петербург петиции с протестом; депутация городов и земств на приеме у царя просила допустить евреев к участию в народном представительстве, «чтобы не было бесправных и обездоленных». После многих споров и обсуждений евреям позволили участвовать в будущей Думе на общих основаниях, и в газете прокомментировали это таким образом: «Теперь еврей имеет право быть народным представителем, но не имеет права жительства в месте нахождения Государственной Думы, в столице».

В ответ на требования либералов возросла активность сторонников неограниченной самодержавной власти. Они провозглашали в своих прокламациях: «Крики "Долой самодержавие!" суть крики тех кровопийц, которые называются жидами, армянами, поляками... Долой изменников! Долой конституцию!» В Курске, Казани, Пскове, Москве, Тамбове избивали на улицах студентов и гимназистов. Снова заговорили о погромах, и обозреватель отметил с грустью в еврейской газете: «Погром вошел в обычай... Создалось чудовищное для здорового государственного порядка положение, при котором группе граждан ежедневно приходится ставить себе вопрос: не будут ли нас завтра резать наши сограждане?..»

К тому времени организации еврейской самообороны существовали практически во всех городах и во многих местечках черты оседлости. Молодые люди учились стрелять из револьверов, разрабатывали планы защиты еврейских улиц и кварталов. Богатые евреи давали деньги на эти цели, уже не надеясь на солдат и полицию; поговаривали даже о создании единой всероссийской организации самообороны. В Вильно сионист Михаил Гальперин на собственные средства заказывал у еврейских кузнецов сабли и пики, обучал молодых людей пользоваться этим оружием и расставлял их в самых уязвимых местах еврейского квартала, чтобы предотвратить погром. В Киеве и Одессе насчитывалось до двух тысяч участников самообороны, и перед христианской Пасхой в Одессе распространяли прокламации «К русским людям»: «Вражды с вами не желаем, но бить себя не дадим. Если вы нас только тронете, вам это дорого обойдется... Проведите вашу Пасху чинно и мирно, как подобает верующим людям. Иначе вы превратите свой собственный праздник в страшную резню, в которой много погибнет и ваших...» Комитет самообороны Одессы обращался и к евреям: «Каждый из вас должен вооружиться. Если не хватит револьверов, приготовьте острые ножи, дубины... Женщины пусть заготовят кипяток или серную кислоту... За оружие, братья! За народную честь, за жизнь жен и детей!»

Погромщики тоже готовились к беспорядкам, разрабатывали планы, выпускали подстрекательские листки против «жидов, социалистов и интеллигентов». В Николаеве написали в прокламации: «Мы решили уничтожить всю эту дрянь. Считая вас не интеллигентом, предлагаем по первому нашему зову явиться в наше национальное общество, избрать оружие и с помощью полиции и казаков вступить в бой... В противном случае будем считать вас интеллигентом». Заранее подготовленная толпа ждала лишь сигнала, и поводом для погрома годился любой слух: в Симферополе – будто еврейский мальчик бросил икону в клозет, в Житомире – будто евреи упражнялись в стрельбе по портрету царя и запасались оружием, чтобы «перерезать христиан, забрать всю русскую землю и править ею». Правые газеты сообщали об очередных «преступлениях» еврейского народа и внушали населению, что «погром есть дело первейшей государственной необходимости». В еврейской газете писали: «В гимназиях и школах педагоги и даже законоучители открыто говорят с кафедр о том, что необходимо для блага отечества устроить погром».

С апреля началась первая полоса погромов 1905 года, и кое-где отряды самообороны предотвращали их или ослабляли разрушительное действие. В Симферополе вооруженная молодежь отстояла синагогу и еврейские улицы. В Мелитополе бойцы самообороны – совместно с христианской молодежью – рассеивали толпы громил и отбирали у них

награбленное. В Николаеве самооборона сумела подавить погром в первые же минуты; подобное могло произойти и в других городах, но солдаты и полицейские разгоняли защитников, стреляли в них, и погромы продолжались – часто при содействии властей.

В Белостоке во время праздника Песах казаки избивали молящихся в синагоге, и больше всех пострадали старики: «Головы их изрезаны ударами нагайки, по всему телу ссадины...» В Минске солдаты били евреев, городовые стреляли в участников самообороны, казаки разгоняли их: «Большинство ранено пулями, многие пиками, некоторые шашками и нагайками...» В Екатеринославе солдаты и казаки стреляли в евреев на улицах, громили их дома и лавки: «Смятение и ужас в городе. Разгромленные дома, раненые, убитые, паника и отчаяние...» В Керчи градоначальник и полицмейстер города шли во главе патриотической демонстрации с портретами царя и пением гимна. Возбужденная толпа кинулась громить еврейские дома и расхищать имущество; даже цыгане приехали из табора «за добром», а «полицейские, конные и пешие, стояли вплотную к толпе и курили папиросы...» Участники самообороны Керчи пытались защищаться, но солдаты стреляли в них, и среди убитых оказался русский гимназист П. Кириченко, который «встал на защиту разоряемых».

На улицах Житомира проходили яростные сражения с погромщиками, были убитые и раненые с обеих сторон. «В Житомире происходит резня. Положение отчаянное. Нападают христиане, евреи обороняются. На улицах бой, стрельба...» Студент Николай Блинов пытался успокоить громил, и его забили насмерть на глазах у солдат и полицейских. «Хоть ты и русский, – кричала толпа, – но сицилист и хуже жидов!..» Четырнадцать еврейских юношей из города Чуднова поспешили на помощь в Житомир, и Янкель Митновецкий свидетельствовал: «В Троянове нас окружили “кацапы”, стали обыскивать, все забрали и начали бить топорами, дубинами... Я видел, как мои товарищи один за другим падают мертвыми. Пока явился урядник, осталось в живых четверо... Кто лежал с отрубленной головой, у кого живот распоротый, отрезанные руки... Я впал в беспамятство и очнулся в больнице».

Еврейские газеты из номера в номер печатали списки пожертвований, добавляя названия городов и местечек после очередного буйства: «в пользу пострадавших от погрома в городе Могилеве», «в пользу пострадавших от погрома в городе Симферополе», «в пользу пострадавших Быхова... Мстиславля... Феодосии... Житомира... Мелитополя... Черкасс... Брест-Литовска... Керчи... в пользу семьи Н. Блинова...» В «Восходе» писали: «Не одни евреи – все население России переживает дни страха и тревог. Категории погромов умножились: появились погромы армянские, избиения русской интеллигенции, учащейся молоде-

жи и пр., и пр. Какой-то вихрь насилий пронесся над страной...» И как бы в подтверждение этого список пожертвований в еврейской газете пополнился еще одной рубрикой: «В пользу армян, пострадавших от беспорядков в Баку...»

4

Страна переживала неспокойное, «смутное» время. Все были возмущены неудачами на фронте, и в вину правительству ставили падение Порт-Артура, разгром русского флота в Цусимском проливе, сокрушительное поражение под Мукденом, где русская армия потеряла десятки тысяч убитыми. Год был неурожайный, и по губерниям России прошли крестьянские волнения. Крестьяне жгли и разоряли помещичьи имения; войска жестоко подавляли беспорядки, и местные власти докладывали в Петербург в секретных отчетах: «Тяжелое положение крестьян видят и солдаты, что производит на них дурное впечатление».

К лету 1905 года положение еще более обострилось. На улицах Лодзи войска стреляли в демонстрацию польских и еврейских рабочих, и на похороны убитых вышли десятки тысяч жителей города. Четыре дня шли в Лодзи сражения на баррикадах: погибло сто пятьдесят человек и многие были ранены. Затем на Черноморском флоте началось восстание матросов броненосца «Потемкин»; были матросские волнения в Либаве, в войсковых частях Херсона и Варшавы. В июле 1905 года некий анархист бросил в Белостоке бомбу в военный патруль, и в городе разразился жестокий погром. Солдаты стреляли на улицах по евреям, и в газете написали: «Весь день, до глубокой ночи, гремели выстрелы... Лужи крови, стоны раненых... В еврейской больнице – тридцать два трупа и двадцать шесть раненых...» В сентябре 1905 года войска стреляли в забастовщиков на улицах Москвы; в октябре бастовали рабочие, телеграфисты и машинисты на железных дорогах; по всей стране не выходили газеты; повсюду громили оружейные магазины и забирали ружья с патронами; вооруженные столкновения случались почти ежедневно – со многими жертвами среди демонстрантов, солдат и полицейских. «Нужно только навалиться всей силой на колеблющееся самодержавие, – писали в левой газете, – и оно рухнет...» А священник Г. Гапон призывал из-за границы: «На войну идти отказывайтесь!.. По указанию боевого комитета восставайте!.. Водопроводы, газопроводы, телефоны, телеграф, освещение, конки, трамваи, железные дороги уничтожайте!..»

Такая напряженная обстановка могла парализовать всю страну, и семнадцатого октября 1905 года Николай II подписал манифест. В стремлении «к скорейшему прекращению столь опасной для Государства

смуты» царь обещал «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы»: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Обещаны были выборы в Государственную Думу – уже не в совещательный, а в законодательный орган, без одобрения которого «никакой закон не мог восприять силу». Веками российскому императору принадлежала в стране вся полнота законодательной и исполнительной власти, и основной закон страны гласил: «Император есть монарх самодержавный и неограниченный». Манифест семнадцатого октября означал отказ от единоличной самодержавной власти, превращение Российской империи в конституционное государство, и Николай II назвал этот шаг «страшным решением», которое он «тем не менее принял сознательно». «После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться, – записал он в тот день. – Господи, помоги нам, усмири Россию».

Долгожданный манифест повсюду встречали с ликованием, служили благодарственные молебны, на улицы городов выходили демонстранты с красными флагами. На многолюдных митингах ораторы благодарили царя за «дарование свободы», рабочие братались с солдатами, оптимисты предсказывали наступление спокойствия и всеобщего единения в стране, измученной забастовками, террором и кровопролитиями. Тон в этих манифестациях задавали революционеры: они праздновали первую победу над царской властью, требовали окончательного свержения самодержавия, освобождения политических заключенных и рвали портреты Николая II. В ответ на это местные власти организовывали патриотические шествия с иконами, портретами царя, национальными флагами и пением гимна. Огромные толпы шли по улицам в сопровождении солдат и полицейских; к ним присоединялись уголовники, босяки, лавочники, чернорабочие, подростки – все те, кого именовали тогда «черной сотней». Столкновения были неминуемы, и по империи прокатилась волна насилия, которая оставила за собой тысячи убитых и тяжелораненых. В день опубликования манифеста солдаты стреляли в мирную манифестацию в Петербурге; в Саратове, Казани, Полтаве, Ярославле, Кишиневе, практически повсюду «черные сотни» жестоко избивали гимназистов, студентов, интеллигентов. В Минске войска стреляли без предупреждения в многотысячную толпу, и «место, где народ встретил манифест о даровании свободы, было покрыто грудами тел и лужами крови»: погибло пятьдесят человек, ранено – более ста. В Юзовке черносотенцы кидали в доменные печи участников демонстрации в честь «дарования свободы»; в Томске толпа подожгла здание городского театра, где собрались демонстранты с красными флагами, и в огне погибли двести человек; в Нежине тысячи крестьян из окрестных деревень пригнали студентов и евреев города к собору, поставили их на

колени и под угрозой смерти заставили принести присягу – «не бунтовать, царя уважать».

Впоследствии стало известно, что в Петербурге, в подвале департамента полиции печатали тысячи погромных прокламаций, «различных по изложению и однородных по содержанию» – против «революционеров, поляков, армян и жидов». Командовал тайной типографией жандармский ротмистр М. Комиссаров, который говорил: «Погром можно устроить какой угодно: хотите на десять человек, хотите и на десять тысяч». Текст каждой прокламации получал одобрение директора департамента полиции; затем ее печатали и пачками отправляли в губернии, где прокламации распространяли местные чиновники, полицейские и жандармы. В городе Александровске Екатеринославской губернии полиция наладила печать собственных воззваний «Ко всем истинно русским людям», призывая население вооружаться вилами и косами и подниматься против «революционеров, социал-демократов и жидов». Эти воззвания распространяли среди крестьян, а потому их текст был прост, доходчив и содержал совсем уж невероятные сведения: «На этих днях изверги рода человеческого ранили царя-батюшку нашего, который от горя уже успел поседеть». Один из создателей прокламаций сообщал в департамент полиции: «Я убежден, что эти воззвания благотворно повлияют на крестьян и удержат их от насилий над помещиками».

Министры российского правительства были, как правило, против погромов, однако в Петербурге нашлись влиятельные лица, которые подталкивали толпу на грабежи и убийства. В особой записке, составленной по поручению С. Витте, было сказано: «Создалось вполне твердое убеждение, что все эти погромы... провоцировались и направлялись одной и той же рукой, и притом рукой властной... чтобы не дать осуществиться обещаниям манифеста». Товарищ министра внутренних дел, а затем дворцовый комендант генерал Д. Трепов (тот самый, что издал приказ по армии: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть») располагал особыми полномочиями, миллионами рублей из секретного фонда, и многие были уверены, что именно он стоял за вдохновителями и организаторами тех погромов. «Трепов не был погромщиком по любви к сему искусству... – писал Витте в “Воспоминаниях”. – С легким сердцем он относился только к погромам “жидов”; а разве он один так относился к сей кровавой политической забаве? А Плеве разве был против того, чтобы в Кишиневе, Гомеле и вообще хорошо проучили жидов? А графы Игнатьевы разве не питали те же чувства?.. Когда мне самому приходилось государю указывать на недопустимость подобных действий, государь или молчал, или говорил: “Но ведь они, то есть жиды, сами виноваты”».

5

Это были дни хаоса, дикого остервенения, и практически повсюду беспорядки выливались в жесточайшие еврейские погромы, в грабежи, поджоги и убийства. «Во главе "бунтовщиков", – отметили в правительственном расследовании, – народ всегда видел евреев, которые благодаря своей исключительной впечатлительности, нервности, легкой возбудимости и страстности являлись наиболее видным элементом митингов, манифестаций и забастовок, хотя на самом деле, быть может, представляли меньшинство среди других участников сборищ и шествий». Погромы, как правило, начинались одинаково: по улицам и площадям проходили демонстрации в поддержку октябрьского манифеста; навстречу им шли колонны с царскими портретами и иконами; столкновения между ними перерастали в драку со стрельбой, а затем толпа кидалась на еврейские дома и магазины.

Первая телеграмма о погроме пришла восемнадцатого октября 1905 года, на другой день после опубликования царского манифеста. Каждый час телеграф приносил новые известия, и еврейские газеты переполнились сообщениями с мест событий. Нежин: «Всю ночь и день продолжается разгром еврейского имущества. Много раненых. Есть убитые...» Ростов-на-Дону: «Картина разрушения не поддается описанию... Много убитых, раненых, особенно евреев...» Саратов: «Сердце обливается кровью и руки цепенеют от ужаса... Число убитых и раненых пока не выяснено...» Бахмут: «Полиция и войска бездействуют. Паника страшная. Есть убитые и раненые. У жителей нет надежды на спасение...» Золотоноша: «Город уничтожен и сожжен антиеврейским погромом, голодают пятьсот еврейских семейств, ради Бога – немедленную помощь!..» Новозыбков: «Богатый город превращен в собрание нищих, без хлеба и крова. Уничтожено почти все...» Тирасполь: «На глазах начальника станции, начальника патрульного отряда и массы публики... солдаты били евреев-пассажиров штыками и прикладами, а служащие станции – инструментами... Когда поезда ушли, оказалось десять убитых, в том числе трое детей...»

Поводом к погрому в Киеве послужили сообщения, что евреи разорвали царские портреты; затем заговорили о том, что они подожгли Голосеевский монастырь, вырезали монахов и взорвали пороховые погреба неподалеку от города. В правительственном расследовании отметили «близкое к попустительству бездействие» войск и чинов полиции. Полицмейстер Киева «спокойно и сочувственно смотрел на происходившее» и отвечал поклонами на приветствия погромщиков. Генерал-лейтенант Бессонов, ответственный за охрану Подола, населенного евреями, «стоял во главе громил и мирно беседовал с ними: "Громить можно, – говорил он, – но грабить не следует..."» Со слов свидетелей, тот же Бессо-

нов заявил, что «если бы он захотел, погром закончился бы в полчаса, но евреи приняли слишком большое участие в революционном движении и потому должны поплатиться». Разбой продолжался три дня, с утра до позднего вечера; к ночи погромщики расходились по домам, а наутро с новыми силами принимались за дело. Громили дома бедняков на окраине Киева, громили и богатые еврейские магазины в центре города; подвергли разгрому особняки барона Гинцбурга, братьев Бродских и других; в образцовом еврейском училище разрушили все, что оказалось на пути, вплоть до мраморных лестниц и железных перил. Очевидец свидетельствовал: «Погромщики врывались в дома и вытаскивали оттуда не только имущество, но и избитых, окровавленных людей, от которых требовали прочесть молитву или показать царский портрет. В квартирах оставались трупы убитых... Наш дом был осажден толпой, но... живший в одной из квартир священник поклялся на кресте, что "жидов и бунтовщиков против царя в этом доме нет..."» Солдаты были уверены, что погром разрешен властями, и говорили с убеждением: «Мыслимо ли это без дозволения начальства?» Епископ Платон умолял толпу пощадить евреев, становился перед ней на колени, но ему с угрозой кричали: «И ты за жидов?!..» Еврейская молодежь пыталась защищаться и стреляла в погромщиков из окон домов, но в ответ на это солдаты давали залп по тем домам, а толпа громила квартиры. В дни погрома профессора Политехнического института послали в Петербург телеграмму: «Город залит кровью, войска неистовствуют... Именем общественного спасения просим вас о немедленном изъятии власти из рук военного начальства: всякий час промедления грозит величайшим кровопролитием».

В Одессе евреи участвовали в общих демонстрациях с красными флагами и призывами «Долой самодержавие!» Стычки с полицией привели к первым жертвам с обеих сторон, а затем начался погром, который продолжался четыре дня. В правительственном отчете отметили: «По силе и проявлению жестокости этот погром превзошел все ему предшествовавшие... Все полицейские чины, считая евреев виновниками всяких политических смут, вполне сочувствовали совершавшемуся погрому еврейского населения, не считали даже нужным скрывать это...» Полицейские «руководили действиями толпы»; солдаты и казаки участвовали в грабежах и «убивали без всякой причины совершенно неповинных лиц». Переодетые полицейские стреляли в воздух и указывали затем на окна еврейских домов, из которых будто бы вели стрельбу; солдаты обстреливали эти дома, а толпа их громила. Отряды студенческой милиции и еврейской самообороны пытались защищать еврейские кварталы, но против них применили винтовки и артиллерию; жители еврейских кварталов вооружились топорами с оглоблями и сумели отстоять несколько улиц. Официальное расследование установило, что местные власти

лишь наблюдали за погромщиками и не мешали им. Начальник кадетского корпуса говорил: «Вы идете громить евреев – благословляю вас!» Командующий войсками Одесского округа заявил на встрече с офицерами полиции: «Нужно признаться, что все мы в душе сочувствуем этому погрому». Одесский градоначальник раскланивался с толпой громил: «Спасибо, братцы!», а когда избиваемые кинулись к нему за помощью, градоначальник сказал: «Я ничего не могу сделать. Вы хотели свободу – вот вам жидовская свобода». Евреи убегали из города, но их убивали в поездах, сбрасывали с кораблей в море. Из Одессы сообщали в те дни: «Зверства разъяренной толпы неописуемы. Передают, что, убив грудных детей, разрывали их на части, взрослых сбрасывали с третьих и четвертых этажей, издевались над жертвами... В еврейской больнице лежат раненые с отрезанными органами тела; есть случаи кастрации...» Причину погрома в Одессе правительственный ревизор определил таким образом: «Озлобление, вызванное поведением евреев... их дерзким и наглым поруганием и оскорблением национального чувства русского населения, должно было вылиться в какой-либо с его стороны протест...» Результаты этого «протеста»: пятьдесят тысяч человек оказались без крова, и часть из них временно разместили во дворе еврейской больницы и в аудиториях университета; по окончании погрома похоронили в братской могиле двести пятьдесят евреев, среди них пятьдесят участников самообороны, – но это были еще не все жертвы.

С восемнадцатого по двадцать девятое октября 1905 года, в течение двенадцати дней, прошло шестьсот девяносто еврейских погромов в губернских и уездных городах, в деревнях и местечках. Большинство из них пришлось на южные и юго-западные губернии черты оседлости, в Литве и Белоруссии погромов было мало, в Польше – ни одного. Погромы прошли и вне черты оседлости – в Великих Луках, Вязьме, Орле, Брянске, Курске, Твери, Ростове-на-Дону, Воронеже, Рязани, Ярославле, Казани, Саратове, где заодно с евреями избивали на улицах студентов и интеллигентов. В погромах принимали участие торговцы, ремесленники, железнодорожные и заводские рабочие, крестьяне, служащие и чиновники. Кое-где лавочники угощали босяков водкой, давали им по пятьдесят копеек и посылали громить лавки конкурентов-евреев. Бывало и так, что погромщик укрывал в своем доме соседей-евреев, а сам шел грабить на другие улицы. Правые газеты объяснили погромы «местью за революционную деятельность евреев», однако от разбоя страдала та нищая еврейская масса, которая не имела никакого отношения к общерусской общественной и политической жизни.

По официальной статистике за эти двенадцать дней были убиты восемьсот десять евреев, из них в Одессе – более четырехсот, в Ростове-на-Дону – более ста пятидесяти, в Екатеринославе – шестьдесят семь, в

Минске – пятьдесят четыре, в Симферополе – свыше сорока, в Орше – более тридцати, в Кишиневе – девятнадцать. Ранено в октябрьских погромах около двух тысяч человек; некоторые сошли с ума от нервных потрясений, умерли от ран; изнасилованные женщины кончали жизнь самоубийством; от грабежей пострадали двести тысяч человек. Адвокат А. Марголин говорил на суде от имени потерпевших: «Октябрьские погромы... это есть гнусная отдача бесправной части населения на поток и разграбление подонкам и жалким отбросам общества».

Октябрьские события 1905 года подтолкнули еврейскую молодежь на борьбу: одни шли в отряды самообороны, другие – в революционные партии, чтобы завоевать равноправие. С. Дубнов писал: «Как наиболее угнетаемые царским режимом, евреи не могли не броситься в освободительное движение, но за это черная Россия мстила им погромами, которые еще больше толкали их в ряды крайне левых партий... И снова сомкнулся заколдованный круг: бунтуют оттого, что бьют, и бьют за то, что бунтуют». А в еврейских газетах появился очередной список пожертвований: «В пользу пострадавших от октябрьских погромов...»

Российских евреев постоянно обвиняли в «систематическом уклонении от воинской повинности»: количество евреев, не являвшихся на призывные пункты, значительно превышало уклонявшихся от службы христиан. Далеко не всякий желал отдавать несколько лет жизни, а то и саму жизнь, по призыву государства, которое не признавало его полноправным гражданином; не признавали его полноправным и в армии, а по окончании службы требовали, чтобы он вернулся в черту оседлости. Положение еврейских солдат было тяжелым, и командир Волынского полка говорил по этому поводу: «Представьте себе еврея из небогатой, старозаветной семьи, внезапно водворенного в нашу казарму. Его манеры, его жаргон, его растерянность вызывают насмешки; все кругом для него чуждо, дико и страшно. Его стараются поскорее “обломать” и ввести в обычный круг солдатских занятий, но при этом невольно задевают и нарушают его привычный обиход и его религиозный обычай. Иногда, в первый же день своей солдатчины, он принужден хлебать щи со свининой и участвовать на учениях в субботу... Он заброшен и одинок, душевное состояние его подавлено...»

Во время войны с Японией мобилизованный врач-еврей сообщал с Дальнего Востока: «Медицинское начальство относится к евреям в высшей степени недоброжелательно... Словом, повторилась старая история: нас ненавидят даже тогда, когда мы жертвуем для родины

всем, что есть для нас дорогого». Во время той войны главный штаб русской армии выпустил приказ: «Вольноопределяющиеся евреи и последователи других вредных сект не допускаются к держанию экзамена на звание прапорщика запаса». По окончании войны всех вольноопределяющихся, участвовавших в боевых действиях, произвели в офицеры, всех – кроме евреев. «Во вверенном мне полку... – вспоминал один из командиров, – надели офицерские мундиры все вольноопределяющиеся, среди которых были люди с мизерным образованием, с невысоким нравственным и умственным уровнем, преданные пьянству; были даже не побывавшие ни в одном бою. А рядом с этими вновь произведенными офицерами остался в старой солдатской шинели вольноопределяющийся-еврей с высшим образованием, участвовавший во всех боях, раненый и возвратившийся по выздоровлении в строй». После войны в армии усилилась антиеврейская агитация, среди солдат распространяли газеты и брошюры против «жидов» – врагов русского государства. Их печатали и в подвале департамента полиции, а из провинции просили присылать побольше – «ввиду успеха воззваний к солдатам». «В солдатской компании, – отмечал современник, – еврей всегда предмет дешевого остроумия и глупого зубоскальства. Над кем и потешаться, если не над «жидом». Это тем соблазнительнее, что само начальство часто не прочь от скуки заняться «жидотрепанием»...»

В. Жаботинский писал в своих воспоминаниях о И. Трумпельдоре, четырежды Георгиевском кавалере:

«Сослуживец и друг его... рассказал мне такой случай из того времени, когда у Трумпельдора еще были обе руки... Японцы круто наступали; почти все соседние сопки уже были очищены, во взводе Трумпельдора все старшие чины перебиты... Солдаты начали ворчать, стали ползти к выходу из траншеи. Трумпельдор стал у выхода с винтовкой и объявил: “Кто тронется с места – застрелю”. Так и остались они в окопе, пока не опустела и последняя из соседних русских сопок. Тогда он солдат послал в крепость, но сам остался и полез на разведку: осмотрел профиль той местности и пришел к убеждению, что японцев еще можно прогнать. В это время увидел он на равнине, в стороне от огня, офицера в капитанских погонах морского дивизиона, с подзорной трубкой в руках. Трумпельдор спустился к нему и объяснил: если вызвать свежую роту и поставить ее там, то можно еще отобрать позицию назад.

– Верно, – сказал капитан. – Сбегай, голубчик, вон за тот бугор – там засела моя команда; скажи старшему офицеру, чтобы шли сюда.

Трумпельдор добежал до пригорка, на который сыпались японские снаряды, вскарабкался на вершину – и увидел, что морская команда, не выдержав огня, отступила: "только пятки мелькали". Он вернулся к капитану и доложил. Тот глубоко огорчился: сорвал фуражку, ударил себя кулаком по седой голове и застонал:

– Осрамили! Удрали – как жиды!

Трумпельдор подтвердил мне потом этот анекдот, очень весело улыбаясь...»

(Трумпельдор попал в японский плен вместе с защитниками Порт-Артура, после заключения мира получил недосягаемый для еврея офицерский чин прапорщика запаса и поступил в Петербургский университет на юридический факультет. В 1912 году Трумпельдор уехал в Палестину и был рабочим в Галилее. Во время Первой мировой войны он стал командиром еврейского транспортного отряда погонщиков мулов, который воевал на стороне англичан против турок. После войны Трумпельдор снова вернулся в Палестину, защищал еврейские поселения в Галилее и погиб в 1920 году в стычке с арабами.)

Руководитель Боевой организации эсеров Азеф был потрясен Кишиневским погромом, и есть предположение, что с этого момента он – верный агент полиции – стал скрывать от властей подготовку некоторых покушений. По словам жандармского полковника С. Зубатова, Азеф «трясся от ярости и с ненавистью говорил о Плеве, которого считал главным виновником» Кишиневского погрома. Азеф подготавливал его убийство и убеждал членов Боевой организации: «Если нет людей, их нужно найти. Если нет динамита, его необходимо сделать. Плеве во всяком случае будет убит. Если мы его не убьем, его не убьет никто». В то время в Швейцарии проходил съезд партии эсеров, и во время прений принесли телеграмму об убийстве Плеве. «На несколько минут воцарился какой-то бедлам, – вспоминал очевидец. – Несколько мужчин и женщин ударились в истерику. Большинство обнималось. Кричали здравицы... Как сейчас вижу Н.: стоит в стороне, бьет о пол стакан с водой и со скрежетом зубов кричит: вот тебе за Кишинев!»

На заупокойной молитве в петербургской синагоге кантор назвал среди жертв погромов и Николая Блинова, погибшего в Житомире; его имя было выбито на мраморной доске в житомирской хоральной синагоге. Во время октябрьских погромов писатель

В. Короленко изо дня в день ходил на рыночную площадь в Полтаве, уговаривал крестьян не громить и не убивать евреев. Священник Г. Гапон писал из-за границы в «Послании к русскому крестьянскому и рабочему народу»: «Отчего же ты, великий русский народ, народ христианский... распаляешься глухой ненавистью, лютой яростью против евреев, жидами тобою прозываемых? Отчего же в великие христианские праздники... недостойные дети твои беспощадно заливают еврейской детской кровью городские улицы, землю-матушку Божью, чуть не паперти церковные?.. Рассуди, крестьянский рабочий народ, и узнай, наконец, доподлинно – евреи ли твои враги лютые и будет ли конец твоей маяте каторжной, если бы они исчезли с русской земли до единого?.. Удержись, остановись же, русский народ, от погромов бедноты еврейской!»

Из еврейских газет:

«Крестьянский сход селения Новопетровска Херсонской губернии единогласно постановил исключить из общества и выслать в Сибирь четырнадцать крестьян, виновных в разгроме еврейских семей в октябрьские дни. Настойчивые просьбы земского начальника не изменили решение крестьян».

«В селе Архангельском Херсонского уезда шайка хулиганов... разбила окна в еврейских домах, испортила некоторые лавчонки, одних хозяев побила, других поранила... На другой день староста созвал полный сход... Крестьяне единогласно постановили потребовать хулиганов на сход и здесь же разделаться с ними по-свойски. Начался самосуд... "Уж так били, так били, – говорил после один из крестьян, – что десятому заказали больше не пакостить..."»

«В Луганске к местному еврею явился крестьянин и со слезами на глазах рассказал, что в погромные дни 1905 года он забрал у него швейную машину. С этого времени удачи будто бы совершенно оставили его, и несчастье за несчастьем стало сваливаться на его голову. Наконец, от холеры умирают его жена и двое маленьких детей. Каждую ночь покойники приходят к нему и утверждают, что они умерли за его грехи. Крестьянин уверен, что если не отдаст швейную машину, он и сам умрет...»

Очерк тридцать восьмой

Образование Союза русского народа. Первая Дума. Погром в Белостоке. Вторая Дума. Массовое бегство евреев из России

1

Манифест семнадцатого октября 1905 года не принес успокоения. С отменой цензуры появились во множестве газеты революционных партий, на страницах которых призывали к дальнейшей борьбе вплоть до вооруженного восстания; о том же говорили и на многолюдных митингах, пользуясь обретенной свободой слова. В Финляндии началась всеобщая забастовка, в Царстве Польском – массовые демонстрации с требованием независимости; бунтовали матросы в Кронштадте и солдаты во Владивостоке; на крейсере «Очаков» подняли красный флаг, и руководитель восстания лейтенант Н. Шмидт телеграфировал в Петербург, что Черноморский флот «отказывает в повиновении правительству». В декабре 1905 года в Москве шли бои на баррикадах; войска подавили восстание, и за десять дней борьбы погибло более тысячи человек.

В такой обстановке началась подготовка к выборам в Первую Государственную Думу. В тайной типографии департамента полиции печатали прокламации с призывом бойкотировать еврейских кандидатов; печатали их и в типографии петербургского градоначальника – «с дозволения цензуры», а также в штабе Одесского военного округа. В Царстве

Польском нарастала кампания против еврейского населения, которому русское правительство «несправедливо дало одинаковые избирательные права с поляками, истинными хозяевами этой земли». Евреям открыто грозили за их «дерзкое намерение» выдвинуть своих кандидатов и предупреждали в многочисленных прокламациях: «Если из-за вас не одержат победы на выборах истинные сыны нашей родины, а пройдут наши жиды или ожидовевшие поляки... тогда вам придется пожалеть, что вы вовремя не опомнились». Запугивание дало результаты, и от миллионного еврейского населения Царства Польского в Первую Думу не прошел ни один депутат-еврей.

В то время создавалась в стране новая политическая организация с явно выраженной антисемитской программой – Союз русского народа. В ноябре 1905 года в Петербурге проходил его учредительный митинг; основателями Союза были врач А. Дубровин и чиновник В. Пуришкевич; присутствовали на митинге и вдохновители погрома в Кишиневе П. Крушеван и Г. Пронин. В газете писали: «Публика состояла главным образом из купцов, лабазников, приказчиков и дворников... Все речи были направлены исключительно против крамольников – евреев и прочих инородцев... Не обошлось и без инцидентов. Так, на трибуну взошел один крестьянин и едва успел сказать: «Не верьте им, они вас обманывают», как тотчас же был схвачен и избит. Публика неистово кричала при этом: «Дайте нам его! Убьем!..» По правилам Союза его членами могли состоять лишь православные христиане, в отдельных случаях – протестанты и католики; в уставе было записано: «Евреи в члены Союза никогда допущены быть не могут, даже в том случае, если они примут христианство», – однако и тут не обошлось без исключений.

В конце декабря 1905 года Николай II принял депутацию Союза русского народа, и они попросили его: «Великий Государь, повели не давать евреям равноправия с нами, иначе они будут владычествовать над нами». Царь ответил: «Я подумаю» и согласился принять знаки принадлежности к Союзу – для себя и своего сына, наследника престола. «Объединяйтесь, русские люди, – сказал он. – Я рассчитываю на вас». Союз русского народа получил правительственную субсидию – два с половиной миллиона рублей, и С. Витте так охарактеризовал эту «партию бешеных юродивых»: «На знамени их высокие слова “самодержавие, православие и народность”, а приемы и способы их действий архилживы, архибессовестны, архикровожадны. Ложь, коварство и убийство – это их стихия».

Союз русского народа издавал газету «Русское знамя» и выпускал брошюры, в которых восхваление самодержавия и отстаивание неприкосновенности крупной земельной собственности сочеталось с призывами к еврейским погромам. Деятельность Союза необычайно возросла

в провинции при поощрении местной администрации. В Гомеле «Летучий отряд великих черносотенцев» предупреждал евреев, чтобы они не посмели избирать в Думу своих кандидатов: «в случае ослушания – беда». В Одессе писали в воззвании «К иудейскому народу»: «Если дана Государем свобода, то вы не преувеличивайте этой свободы... Эта свобода дана русскому народу, а не вам! Вы как были рабами нашими, так и останетесь ими». Черносотенцы Одессы практически терроризировали город: с ножами, дубинками и револьверами они врывались в еврейские дома и магазины, угрожали, громили и безнаказанно избивали. В казармах распространяли прокламации с призывом бить евреев, и командир одесского гарнизона признался журналистам, что войска враждебно настроены против «жидов», «рвутся в бой, и он, командующий войсками, не ручается за то, что не будет нового погрома».

Российские евреи надеялись, что будущая Государственная Дума предоставит им равноправие, и один из ораторов говорил на предвыборном собрании: «Мы идем в Думу не для того, чтобы угнетать других, а только для того, чтобы не угнетали нас». Но еврейское население не было единодушно в своих политических симпатиях: сионисты призывали участвовать в выборах, а Бунд – совместно с эсерами и социал-демократами – их бойкотировал. Союз для достижения полноправия евреев рассылал тысячи плакатов на русском языке и на идиш, чтобы ознакомить новичков-избирателей с процедурой выборов, и призывал поддерживать кандидатов от конституционно-демократической Партии народной свободы. Эта вновь созданная партия (общепринятое название – партия кадетов) выступала за конституционную и парламентскую монархию и требовала равноправия для еврейского населения Российской империи. Одним из основателей партии кадетов стал еврей – юрист М. Винавер, который утверждал, что «решение еврейского вопроса возможно только в рамках общерусской борьбы за свободу»; партию кадетов поддерживала еврейская интеллигенция, среди которой был популярен предвыборный лозунг – «не левее кадетов». На встрече с еврейскими деятелями глава правительства С. Витте призывал их отказаться от участия в российской политической деятельности: «Это не ваше дело, предоставьте это русским по крови и по гражданскому положению; не ваше дело нас учить, заботьтесь о себе». На это Винавер ответил: «Евреи должны поддерживать русских в борьбе за свободу и равенство».

Еврейская масса черты оседлости практически не разбиралась в отличиях одной партии от другой, но и она проявила огромный интерес к выборам в Первую Думу. Очевидец писал из Подольской губернии: «Предвыборные собрания устраивались в синагогах... Синагоги были переполнены и не вмещали всех тех, которые желали присутствовать.

Можно сказать, что все местное население поголовно принимало участие в этих собраниях и жадно прислушивалось к речам... Больные чуть ли не на носилках доставлялись в избирательные собрания и подавали свой бюллетень». В выборах приняли участие более семидесяти процентов евреев с правом голоса; процент избирателей-христиан оказался меньше.

Выборы в Думу не были всеобщими, прямыми, равными и тайными. Они проходили отдельно по четырем куриям – городской, землевладельческой, крестьянской и рабочей, и голос одного землевладельца приравнивался к голосам трех горожан, пятнадцати крестьян и сорока пяти рабочих. На первом этапе избиратели голосовали за выборщиков, и в городах черты оседлости многими выборщиками оказались евреи. На втором этапе эти выборщики организовывали между собой коалиции для избрания из своего состава думских депутатов. В Первую Государственную Думу прошли двенадцать депутатов-евреев, и пятеро из них были сионистами. Один из них – Шмарьягу Левин – сказал с думской трибуны: «Перед вами стоит депутат, который в прошлом году был выслан из Петербурга, когда он захотел остаться в столице на двадцать четыре часа, и который на точном основании закона будет выслан из Петербурга, как только сессия парламента закончится».

2

Двадцать седьмого апреля 1906 года в петербургских церквах зазвонили колокола, и Николай II торжественно открыл первое в истории России представительное учреждение, первый парламент – «в стране окровавленной, потрясенной», как отметил П. Столыпин, новый министр внутренних дел. Кадеты провели в Думу самое большое количество депутатов; была в Думе и «трудовая группа», были «автономисты» – представители поляков, литовцев и других народов, были социал-демократы, которые в последний момент решили не бойкотировать выборы; небольшое количество голосов получили и «октябристы» – новая умеренно-либеральная партия «Союз 17 октября». Эта партия выступала за всеобщее равенство, но затем в ней стали преобладать антисемитские настроения, и либералы покинули ее. Двенадцать депутатов-евреев объединились в общую еврейскую группу на базе Союза полноправия, а в Думе каждый из них мог примыкать к любой партии по своему усмотрению. Трое из них поддерживали «трудовую группу», девять – партию кадетов.

Интерес к работе Первой Государственной Думы был огромным. Повсюду с нетерпением ожидали газеты, чтобы прочитать отчет об очеред-

ном заседании и первые свободные речи в первом русском парламенте. Между правительством и либеральными думскими партиями существовали непримиримые разногласия, и в зале заседаний проходили бурные дебаты. Дочь П. Столыпина писала о выступлении своего отца: «Только в самом начале его речи все было тихо, но вот понемногу на левых скамьях начинается движение и волнение, депутаты переглядываются, перешептываются. Потом говорят громче, лица краснеют, раздаются возгласы, прерывающие речь. Возгласы становятся все громче, то и дело раздается "в отставку", все настойчивее звонит колокольчик председателя... Депутаты на левых скамьях встали, кричат что-то с искаженными, злобными лицами, свистят, стучат ногами и крышками пюпитров...»

Отчуждение помещичьих земель, политическая амнистия, отмена смертной казни – это были основные вопросы на повестке дня Первой Думы. Однако у депутатов нашлось время и для обсуждения еврейской проблемы, и они единогласно потребовали установления «равенства всех без исключения перед законом». Думская комиссия стала разрабатывать проект закона о гражданском равенстве, но почти ничего не успела сделать – из-за кратковременного существования Думы.

В дни работы Первой Государственной Думы разразился погром в Белостоке – с первого по третье июня 1906 года. Все началось с убийства местного полицмейстера, в котором обвинили анархистов-евреев. Толпа громила, грабила и зверски убивала; в погроме принимали участие кондуктора трамваев, чиновники Государственного банка и лица, «причисляющие себя к интеллигенции». Группа евреев пыталась спастись в здании почты, но почтальоны вытолкали их на улицу в руки толпы. Солдаты местного гарнизона обстреливали еврейские дома и прицельно стреляли по евреям на улицах; после выстрелов солдаты расступались и пропускали громил на очищенную залпами территорию. Еврейская самооборона – в основном подростки – отстояла несколько кварталов, и солдаты не решались приблизиться к ним без прикрытия артиллерии. Ночью пожарные подбирали раненых и убитых, укладывали их на телеги и отвозили в еврейскую больницу: «разможженные черепа, перерезанные горла, перерубленные ноги, раздробленные челюсти, вытекшие глаза, дыры в животе от солдатского штыка...» У одного старика на его глазах убили троих сыновей, у другого – двух дочерей, а третью дочь с двумя детьми он откупил у громил за один рубль восемьдесят копеек. Маленькие дети из окна чердака видели, как убивали их отца и брата, добивали дубинами мать и сестру: при виде этого одна из девочек сошла с ума. Корреспондент передавал из Белостока: «В погребах и на чердаках прятались люди, не двигаясь, боясь шелохнуться... Есть было нечего – и все голодали. Только самая маленькая девочка на второй день начала с голода плакать... рискуя привлечь этим внимание

громил. Ее мать обшарила весь погреб: нет ни крошки. Вдруг, "к счастью", в мышеловке нашелся прикрепленный для мышей кусочек булки. Этот кусочек раскрошили для девочки, и она успокоилась...»

Специальный корреспондент газеты «Хроника еврейской жизни» сообщал по пути в Белосток: «Призраки погрома начинают веять уже по дороге. Вагоны наполовину пусты. При каждой остановке поезда евреи с бледными от страха лицами бросаются к окнам и осторожно, словно крадучись, выглядывают тревожно на платформу: нет ли хулиганов? не бьют ли уже на этой платформе?.. В Гродно на вокзале творится нечто ужасное. Зловещие признаки предвещают погром на завтра... Сотни еврейских семейств, приехавших в Гродно, спасаясь от белостокского погрома, мечутся по платформе, не зная, что предпринять, куда бежать... Вдруг начинают раздаваться какие-то странные, короткие, отрывистые звуки: девушка лет пятнадцати забилась в истерике. И под эти странные звуки не то смеха, не то рыданий поезд трогается и мчится дальше».

В официальном отчете местной полиции евреев назвали виновниками погрома: они бросили бомбу в религиозную процессию, убили ксендза, ранили православного священника, обстреляли почту и казначейство, – но градоначальник опроверг эти сообщения, да и корреспонденты сообщали в газеты, что выстрелы во время следования религиозной процессии «были сделаны провокаторами». Погибло в Белостоке более семидесяти евреев, восемьдесят ранено; разгромлены еврейские фабрики, магазины и квартиры. После погрома военные власти признали «поведение войск примерным» и объявили благодарность солдатам белостокского гарнизона за подавление беспорядков.

Государственная Дума послала в Белосток парламентскую комиссию из трех депутатов. Они опросили десятки свидетелей и на основании собранных данных пришли к выводу, что погром был подготовлен заранее, полиция проявляла нескрываемую вражду к евреям, а войска расстреливали еврейское население, в том числе женщин и детей – под видом усмирения революционеров. Комиссия определила однозначно: «Если бы войск не было, не было бы и погрома». С думской трибуны депутат М. Винавер выступал от имени «одной из самых истерзанных национальностей»; депутат М. Ковалевский говорил: «Дело идет о более важном, нежели выражение чувства возмущения! Дело идет о достоинстве и чести нашей родины!»; депутат Ф. Родичев: «Нам грозит разложение. Или прекратятся позорища и распад, или Россия перестанет существовать»; депутат С. Урусов: опасность погромов «не исчезнет, пока на дела управления и на судьбы страны будут оказывать влияние люди, по воспитанию – вахмистры и городовые, а по убеждениям – погромщики». Впервые в истории России с трибуны Государственной Думы депутаты во всеуслышание заявили, что ответственность за погромы ложится

целиком на местную и центральную власть; они потребовали «предания суду всех ответственных должностных лиц» и отставки правительства.

Но дни Первой Думы были уже сочтены. Она просуществовала менее трех месяцев, и в июле 1906 года Николай II подписал манифест о роспуске, так как депутаты «уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей...» Для депутатов это оказалось полной неожиданностью: когда они пришли на очередное заседание, то обнаружили запертые двери и оцепленное солдатами здание. Около двухсот депутатов Думы – в их числе и все депутаты-евреи – собрались в Выборге и подписали воззвание, призывая народ к пассивному неповиновению: «Граждане всей России!.. Стойте крепко... за Государственную Думу... До созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все как один человек». Подписавших воззвание отдали под суд, приговорили к трем месяцам тюрьмы и лишили права избирать и быть избранными в новую Государственную Думу.

3

Положение в стране оставалось неспокойным, и террор не ослабевал. Кроме эсеров в нем принимали участие анархисты, среди которых были и евреи, порой в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет; еврей-анархист, свидетельствовал современник, это «ремесленник, по большей части почти мальчик, нередко искренний идеалист и смелый террорист». Анархисты участвовали в покушениях на полицейских и высших должностных лиц, занимались «экспроприацией» банков, обкладывали денежным сбором лавочников и владельцев мастерских, нередко казнили тех, кто отказывался им платить: «пусть вечная угроза смерти... висит над буржуа каждый миг, каждый час его существования». Анархисты-евреи бросили бомбу в одесское кафе, «где пировала еврейская буржуазия»; анархист-еврей тяжело ранил в Белостоке еврея – хозяина мастерской, а в Нежине ранили фабриканта-еврея, который во время забастовки нанял штрейкбрехеров; анархист Лапидус пытался убить в Париже банкира Ротшильда. По всей России заседали военно-полевые суды, которые отправляли на виселицы «за принадлежность к революционной организации», за участие «в противоправительственной пропаганде и бросании бомб», – в сообщениях об очередных казнях упоминались и еврейские имена.

В июне 1906 года матрос Я. Акимов застрелил командующего Черноморским флотом адмирала Г. Чухнина – за подавление восстания в

Севастополе. В августе отделившаяся от эсеров группа «максималистов» совершила покушение на председателя Совета министров П. Столыпина: от взрыва бомб на министерской даче погибло более тридцати человек, а с ними и оба террориста – И. Типунков и Э. Забельшанский. Через день после этого З. Коноплянникова застрелила генерала Г. Мина – за подавление московского декабрьского восстания 1905 года. Были убиты варшавский генерал-губернатор, петербургский градоначальник, главный военный прокурор, самарский и симбирский губернаторы; всего за 1906 год террористы убили около восьмисот полицейских чинов и солдат, высших сановников и государственных служащих и столько же ранили. Во время покушений, при перестрелках и взрывах бомб погибали случайные люди, и общее число пострадавших было значительно больше.

Союз русского народа насчитывал более десяти тысяч отделений по всей стране с сотнями тысяч участников. К Союзу примыкали или ему сочувствовали представители разных слоев населения – чиновники и журналисты, писатели и артисты, рабочие, гимназисты, студенты, профессора университетов и представители духовенства. В городах и местечках черты оседлости проходили мелкие еврейские погромы, но к ним настолько уже привыкли, что уделяли этим событиям две-три строчки на газетной странице. В «Русском знамени» печатали списки евреев, которых следовало немедленно уничтожить, призывали расправиться с депутатами-евреями разогнанной Думы, а товарищ министра внутренних дел признавал полную свою беспомощность, так как черносотенцы «пользуются безнаказанностью и самым высоким покровительством». В июле 1906 года был убит М. Герценштейн, крещеный еврей, профессор политэкономии, который выступал в Думе против аграрной и финансовой политики правительства. Герценштейна убили черносотенцы из Союза русского народа, и в своем печатном листке они по ошибке оповестили о его смерти за день до покушения. Призывы к уничтожению «врагов религии, отечества и русского народа» шли из разных мест, в том числе из Почаевской лавры на юго-западе России: туда стекались тысячи паломников, и этот призыв они разносили по многим губерниям.

В августе 1906 года разразился погром в Седлеце, губернском городе Царства Польского: по сообщению журналистов, он «имел характер карательной военной экспедиции в наказание за убийство полицмейстера». В субботу вечером на башне ратуши зажгли красный фонарь, и город оцепили войска; начальник полиции потребовал от евреев выдать революционеров, а затем приказал стрелять из пушек. Солдаты и полицейские ходили по еврейским домам и магазинам, под видом обыска грабили, громили и убивали. В газетах писали: «Кровь в Седлеце повсюду. Взгляните внимательно на стены домов – кровь... От ратуши вплоть до еврейской больницы – кровь, и даже проливной дождь... не может ее

смыть...» – «Зверство солдат доходило до крайности. Масса случаев изнасилования. Одну девушку изнасиловали двадцать солдат, другую выкупила ее мать за шестьсот девяносто рублей...» – «Все бегут из города. Толпа, одержимая каким-то животным, тупым страхом, с плачем и проклятиями ломится в поезд...» В Седлеце погибли тридцать евреев, более ста пятидесяти были ранены; военное начальство доложило в Петербург, что «войска действовали самоотверженно и энергично» и убивали только «революционеров»; организатор погрома, начальник полиции города получил благодарность «за энергию и распорядительность».

В такой обстановке началась предвыборная кампания во Вторую Государственную Думу. В черте оседлости во множестве распространяли антисемитские брошюры и воззвания, чтобы скомпрометировать Первую Думу и доказать, что она находилась «во власти жидов и поляков», избранных при помощи «еврейских денег». Особенно сильной была агитация в деревнях: прокламации распространяли среди сельского духовенства и учителей; их разносили коробейники и агитаторы; в них доходчиво разъясняли крестьянам, что евреи, поляки и прочие инородцы решили завладеть Россией: «Вслед за евреями поплетутся на хутора немцы, бельгийцы, англичане... Не забунтует, не забастует уже тогда батрак-Иван, а не то губернатор-еврей пришлет генерала, своего же брата еврея, и офицеров-евреев и поляков, – так они расправятся с Иваном по-своему, и не у кого тогда просить заступы-защиты...»

Союз русского народа требовал в своей предвыборной программе не допускать евреев в армию и во флот, не позволять им селиться во внутренних губерниях, запретить их избрание в Государственную Думу, не разрешать им редактировать и издавать периодические издания, содержать книжные магазины и типографии. Предложения поступали отовсюду: заставить евреев работать по субботам и в их праздничные дни; запретить им открывать банки и торговать лесом и зерном; не допускать их в высшие и средние учебные заведения; не принимать в оперные и драматические театры; равноправие предоставлять лишь внукам евреев, принявших православие. Чтобы разредить черту оседлости, предлагали расселить евреев в Верхоянском округе Якутии, в зоне вечной мерзлоты, и выделить каждому бесплатно по пятнадцать десятин земли – без права выезда оттуда.

Чем ближе подходил день выборов, тем откровеннее звучали угрозы и запугивания черносотенцев. В Одессе били стекла в еврейских домах и магазинах, угрожали револьверами, избивали резиновыми дубинками на улицах. В газете появилось такое сообщение: «Местный отдел Союза русского народа, считая предвыборную агитацию в Одессе почти законченной, отправил в Екатеринослав транспорт резиновых палок “на предмет предвыборной агитации”».

По предварительным подсчетам в Думу могли попасть от двенадцати до пятнадцати еврейских депутатов, однако агитация сделала свое дело. В Минской губернии крестьяне объединились с помещиками против «жидов и поляков», и ни один депутат от поляков и евреев не прошел в Думу. В Гродненской губернии евреи составили блок с крестьянами, но в последний момент духовенство убедило тех отказаться от союза «с жидами». Евреев блокировали и в других губерниях, и потому из черты оседлости с ее многомиллионным еврейским населением прошли в Думу лишь два депутата-еврея на восемьдесят два правых депутата, а от Кишинева был избран вдохновитель погрома П. Крушеван. Всего во Второй Думе оказались четыре депутата-еврея: трое из них примкнули к кадетам, один – к социал-демократам. Думская комиссия предложила отменить антиеврейские ограничительные законы, но до обсуждения дело не дошло. Вторая Государственная Дума просуществовала три с половиной месяца, с февраля по июнь 1907 года, а затем была распущена: поводом для этого послужило обвинение фракции социал-демократов в военном заговоре и подготовке вооруженного восстания.

Депутат В. Шульгин говорил с трибуны Второй Думы: «Западная половина России от Бессарабии до Варшавы кипит ненавистью к евреям, которых она считает главными виновниками всех бед». Во время работы Думы был убит в Москве Г. Иоллос, сотрудник газеты «Русские ведомости», бывший депутат-еврей Первой Государственной Думы. В газете «Рассвет» писали: «Из ворот дома, где помещается правление Союза русского народа и редакция черносотенной газеты, выбежал неизвестный человек и произвел два выстрела. Смерть наступила почти мгновенно. Убийца скрылся». Убийцей оказался некий рабочий, который совершил покушение по наущению члена Союза русского народа. Выяснив затем, что тот передал ему ложные сведения о Иоллосе, рабочий заманил клеветника в лес и убил его.

4

Прошли наконец бурные годы – с 1903 по 1907, и Николай II отметил с облегчением: «Слава Богу, все идет к лучшему... Сразу после бури большое море не может успокоиться». И действительно, по всей империи постепенно утихали волнения, которые одни называли бунтом толпы, подстрекаемой «революционерами и жидами», а другие – освободительным революционным движением. С конца 1906 года прекратились крупные погромы, и в еврейской газете с горечью отметили: «Мы дошли уже до состояния людей, способных вдумчиво обсуждать вопрос о том, где нас хуже калечили – в Бессарабии или на Литве».

При подведении итогов тех лет выяснилось, что почти никто из официальных лиц не понес наказания за учиненные погромы, а многие получили благодарности, повышения в чине и должности. Депутат Ф. Родичев говорил с думской трибуны: «До сих пор учинение погромов открывало карьеру; до сих пор препятствие погрому часто ее портило...» Даже после погрома в Белостоке, который осудила Первая Дума, не было привлечено к ответственности ни одно должностное лицо, ни один солдат или офицер, виновный в убийствах. За грабежи и насилия над евреями суды приговаривали погромщиков к разным срокам наказания, но через самое короткое время – по просьбе местных отделений Союза русского народа – они получали полное помилование от российского императора. В министерстве юстиции были заготовлены специальные бланки для помилования, куда следовало лишь вписать имена погромщиков; мотивы помилования были одинаковы для всех и также отпечатаны на бланке: «крайнее невежество, безупречное прошлое и раздражение, обусловленное укоренившейся в простонародье враждой к евреям, коих оно считало главными виновниками происходившей в России смуты».

После октябрьских погромов 1905 года евреи России, Европы и Америки собрали огромные суммы в помощь пострадавшим. По улицам Нью-Йорка прошла стотысячная процессия, в церквах звонили в колокола в знак траура, и американский конгресс, «встревоженный ужасающими известиями об избиении евреев в России», единогласно выразил «свое сердечное сочувствие всем, пострадавшим за свое происхождение и религию». Христиане разных стран организовывали комитеты помощи в пользу жертв погромов, и только в России не было митингов протеста и всеобщего осуждения в печати. В русской прессе отмечали «поразительное равнодушие» общества в те трагические годы; в еврейских газетах писали о «нашем одиночестве среди животной ненависти одних и животного равнодушия других». Лишь отдельные лица протестовали против национальной и религиозной вражды, и среди них – Л. Толстой, М. Горький, В. Короленко, А. Куприн, Л. Андреев. Писатель С. Елпатьевский призывал в «Воззвании к русским людям»: «Очнитесь, прозрейте, поймите, как грубо и зло обманывают вас, куда, на какое дело зовут вас!..» В обращении интеллигенции говорилось: «Русские граждане!.. Не оставайтесь равнодушными свидетелями: тот, кто может предотвратить убийства и не делает этого, сам убийца».

То был начальный период правления председателя Совета министров П. Столыпина, период «успокоения и реформ». Столыпин понимал, что в еврейском вопросе также необходимы срочные реформы, чтобы «успокоить нереволюционную часть еврейства», и в конце 1906 года Совет министров предложил отменить некоторые ограничения – «как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие». Проект постановления

подали «на благоусмотрение» Николая II, и он ответил Столыпину отказом: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям».

Октябрьский манифест 1905 года провозгласил неприкосновенность личности, всеобщее равенство перед законом, и кое-кто принял всерьез дарованные свободы. При выселении из Москвы некоторые евреи отказывались подчиняться приказаниям полиции, ссылаясь на манифест о всеобщем равенстве и угрожая жалобами на нарушение «священной воли Монарха». Обескураженная полиция запросила разъяснения у градоначальника, градоначальник – у московского генерал-губернатора, тот – у министра внутренних дел, и наконец из Петербурга уведомили, что неприкосновенность личности должна осуществляться «в пределах действующих законов». Время от времени всплывали на рассмотрение проекты новых ограничений: политика властей держала в напряжении еврейское население и подталкивала погромщиков на новые акции. В еврейской газете «Рассвет» появилась рубрика «Тревожное настроение», и в ней из номера в номер печатали сообщения о мелких погромах, грабежах и проявлениях антисемитизма в городах и селениях Российской империи. «Околоточный, шиворот и неприкосновенность личности, – писали в газете, – мыслимо ли примирить эти представления?..»

Но многих российских евреев уже не интересовали эти проблемы. Ужасы пережитых погромов, безработица и голод гнали с насиженных мест, и еврейские газеты были переполнены сообщениями «о массовой лихорадочной эмиграции»: «Бегут отовсюду, бегут во все четыре стороны света: кроме Америки и Англии... в Южную Африку, в Палестину, в Турцию и даже Индию...» – «Это не эмиграция, а беспорядочное, хаотическое бегство, бегство без плана, без цели...» – «Едут даже на остров Кипр, на “авось”, увлекаемые всевозможными рассказами. В ответ на запрос о возможности устроиться на Кипре получили ответ по телеграфу: “На Кипр не эмигрировать! Подробности письмом...”»

Массовое бегство из Российской империи началось в 1903 году, после Кишиневского погрома. Волна беженцев нарастала, подхлестываемая новыми насилиями; особенно она увеличилась после октябрьских погромов 1905 года и превысила сто двадцать пять тысяч человек в год. Всего же с 1903 по 1907 год – менее чем за пять лет – из Российской империи выехало в Соединенные Штаты Америки более четырехсот тысяч евреев. По количеству эмигрантов евреи занимали в США второе место среди разных национальностей: впереди них были только итальянцы. В летние месяцы эмиграция значительно увеличивалась, а к зиме сокращалась: мно-

гие переселенцы пересекали океан на палубах пароходов и потому предпочитали отправляться в путь в теплое время года. Об отъезде говорили повсюду, рассказывали друг другу невероятные истории и пели песни о заморской стране: «Там, в Америке, белый хлеб едят даже в будние дни...»

Очевидец описывал положение беженцев на перевалочном пункте в Германии: «Войти в барак нет никакой возможности. Страшное зловоние останавливает дыхание, голова кружится, в глазах темнеет. Эмигранты стоят огромной кучей, женщины и больные дети лежат на голых нарах, на столах. Двери открыты, стекла в окнах выбиты, и сквозняк прогуливается на просторе. На полу лужи воды и склизкой грязи, в которых вязнет нога... Вагоны для эмигрантов – специальные, грязные, на которых снаружи красуются белые надписи по-немецки "Для русских эмигрантов". В вагонах сидят запертыми, как арестанты. Люди лежат на скамьях и на полу все вместе, как сельди в бочке. Воздух такой отвратительный, что дышать невозможно... На корабле в нашей мужской каюте – триста шестнадцать человек... Духота, рвота, безобразие, плевки, пол в каюте постоянно покрыт липкой грязью...» Корабли с беженцами обычно приплывали в Нью-Йорк; после строгой проверки эмигрантов доставляли на пароходике в центр Нью-Йорка, высаживали на берег – и дальше ими никто не интересовался. Новый житель Америки отыскивал обычно родственников или знакомых, а затем, как писал очевидец, «ему покупают за доллар кровать, ставят ее в тесной комнате и начинают искать для него работу».

Более ста тысяч российских евреев оказались в Англии; они увеличили в несколько раз еврейское население Франции и Швейцарии; ехали они в Южную Америку и в Южную Африку, в Канаду и Австралию. Этот наплыв бедняков вызывал ответную реакцию коренного населения, и газеты были переполнены сообщениями: «Беглецам из России нет больше житья в Германии и все теснее становится в Англии... В Женеве, Цюрихе и других промышленных центрах раздаются протесты против иностранцев, усиливающих конкуренцию рабочих и сбивающих цены на труд... Из Берлина выслано много евреев... В Австралии на собраниях рабочих партий требуют недопущения в страну бедных эмигрантов...»

Поток беженцев достиг и Палестины: это была вторая волна репатриации в Эрец Исраэль. До начала Первой мировой войны она составила около сорока тысяч человек, и большинство из них приехало из Российской империи.

5

С конца девятнадцатого века русские крестьяне, склонявшиеся к иудейской вере, группами и поодиночке приезжали на Святую Землю.

Через одно-два поколения их потомки полностью растворились в еврейском населении, и некоторые из них поменяли свои фамилии: Иосиф Матвеев стал именоваться Яакоби, Моисей Нечаев – Эфрони, Илья Протопопов – Шмуэли. В Галилее, на учебной ферме в Седжере было восемь семейств русских крестьян: они работали инструкторами и обучали евреев основам ведения сельского хозяйства. О них говорили: «Это лучшие работники в нашем поселении, прекрасные люди, честные и на редкость трудолюбивые».

Конюхом на учебной ферме в Седжере работал Авраам (Агафон) Куракин. Еще в России он задумывался над основами христианской веры, беседовал на эту тему со своими соседями, спорил и убеждал. Однажды на Рождество он полез на колокольню, чтобы бить в колокол; внезапно у него закружилась голова, в глазах потемнело. Чтобы подбодриться, Куракин стал произносить вслух стих из псалмов Давида: «Крылом Своим Он укроет тебя и под крыльями Его найдешь убежище...» И в этот момент он услышал голос с Небес, который указывал ему перейти в израильскую веру: «Ибо откуда молитвы? От нее». Куракин спустился с колокольни и рассказал крестьянам, какое откровение было ему явлено, – а они слушали его с огромным вниманием. После праздника крестьяне запрягли лошадь, сложили в телегу все иконы, что были в их домах, и отвезли их к священнику: «Прими, отец, не веруем в них более». Священник кричал на них, стыдил, уговаривал – ничто не помогло. Тридцать семь семей из той деревни – более ста человек – продали свои дома и переехали в село к субботникам. Прошло еще немного времени, и они отправили своего посланника в город, к раввину. Тот сначала испугался, опасаясь преследования властей, но мужики настояли на своем: раввин дал им еврейские молитвенники с переводом на русский язык (эти молитвенники они привезли впоследствии на Святую Землю и молились по ним).

Власти чинили новообращенным всяческие неприятности, и тогда они снова поднялись с места и пошли в Вильно, нищие и голодные: некоторые из них умерли в пути от болезней. В Вильно они поселились среди евреев; через полтора года переехали в Одессу; представители палестинофильского общества посадили их на корабль, и в 1898 году они приплыли в Яффу. Авраам Куракин стал инструктором в Седжере, а его сыновья – Моисей, Осип, Исаак и Элиягу – взяли в аренду участки земли и занялись сельским хозяйством. Зимними вечерами в доме у Авраама Куракина собирались жители Седжеры, пили чай из самовара и слушали рассказы «дедушки». Куракин любил напевать по-русски тот самый псалом Давида, который произносил в памятный день на колокольне: «Он воззовет ко Мне, и Я отвечу ему... Долголетием насыщу его и дам ему увидеть спасение Мое». А когда Куракина спрашивали: «Как вам здесь?», он неизменно отвечал: «Благодарим Создателя: нам хорошо».

Сын Куракина Исаак был одним из первых еврейских сторожей в Нижней Галилее; его внук Реувен погиб от арабской пули; его правнук Авраам Авигдоров отличился в Войне за независимость Израиля, а правнук Рафаэль погиб в той же войне. Когда деду Рафаэля сообщили о гибели внука, он сказал: «Страна даром не достается. Приходится приносить жертвы. Я принес ее». (В 1997 году погиб в Ливане во время проведения боевой операции один из потомков Куракиных – командир морского спецотряда подполковник Армии обороны Израиля Йосеф Куракин.)

На картах Палестины начала двадцатого века пространство вокруг озера Хулы, на севере страны, обозначено так: «Дубровинские болота». Посреди болот стояла усадьба Иоава (Андрея) Дубровина, который принял в России иудаизм и вместе со своей семьей переехал на Святую Землю в 1906 году. С собой он привез плуги, телеги, прочий сельскохозяйственный инвентарь, а в Одессе приобрел и свиток Торы. В долине озера Хулы Дубровин купил участок плодородной земли и вместе с сыновьями построил дом, конюшню и амбар, птичник и хлев, разводил коров и лошадей, кур и гусей, насадил фруктовый сад, выращивал зерновые культуры, получал призы на сельскохозяйственных выставках. Берега озера Хулы были заболоченными, и первым умер от лихорадки сын Дубровина Яаков; затем умерли его сыновья Авраам и Эфраим, умер муж его дочери и несколько внуков. Старик Дубровин говорил оставшимся: «Не плачьте по умершим. Господь дал, Господь взял, благословенно имя Господне!» Иоав Дубровин дожил до ста четырех лет и перед смертью завещал своему внуку: «Знай, что Дубровины ничего не боятся, никогда не лгут, никогда не напиваются и никогда не крадут. Трудности не могут сломить человека, они лишь закаляют». На его могиле в поселке Рош-Пина написано на камне: «Здесь покоится праведный прозелит Иоав, глава семьи Дубровиных... Да упокоится душа его в мире вечности».

И. Дубровин и его семья – на свадьбе дочери Ципоры (1914 г.)

В середине двадцатого века в усадьбе Дубровиных жил в одиночестве сын Иоава Ицхак Дубровин. В газете писали о нем: «Он пустил корни в эту землю, подобно эвкалиптам, которые окружают усадьбу Дубровиных и которых не сдвинешь отсюда даже бульдозером». Ицхак Дубровин ушел с неохотой из тех мест, когда ему исполнилось девяносто лет, и в усадьбе открыли музей памяти этой семьи. Он так и называется: «Усадьба Дубровиных».

После смерти Т. Герцля споры в сионистском движении приняли ожесточенный характер. «Территориалисты» полагали, что если невозможно получить согласие Турции на массовое поселение евреев в Палестине, следует искать иные территории. Их основными противниками стали русские сионисты во главе с М. Усышкиным, которые называли себя «Ционей Цион» – «Сионисты Сиона». На Седьмом сионистском конгрессе они оказались в преобладающем большинстве и постановили, что проекты заселения иных земель не будут даже рассматриваться, потому что они противоречат основному принципу сионизма – заселению и освоению Эрец Исраэль. После этого «территориалисты» вышли из Сионистской организации и образовали Еврейское территориальное общество – для поселения евреев в любой части земного шара. Среди «территориалистов» оказался и врач М. Мандельштам из Киева, который написал незадолго до смерти, после многих лет борьбы за равноправие: «Я пришел к убеждению, что... спасение русских евреев – вне России».

К тому времени план заселения Уганды провалился: земли оказались негодными для колонизации, да и английские плантаторы, которые там жили, бурно протестовали против еврейского внедрения в Уганду. Лидер «территориалистов» писатель Исраэль Зангвил выдвинул лозунг: «Лучше сионизм без Сиона, чем Сион без сионизма»; «территориалисты» искали земли для заселения в Австралии, Аргентине, Боливии, Бразилии, Колумбии, Парагвае и Родезии. Они переселили несколько тысяч евреев в Техас, пытались поселить российских евреев в португальской колонии Анголе, но климатические условия оказались там чрезвычайно тяжелыми, да и безопасность поселенцев нельзя было гарантировать, так как вокруг жили воинственные африканские племена.

Русский писатель, историк и публицист Даниил Мордовцев много писал на еврейские темы – романы, повести, статьи, очерки

о творчестве писателей-евреев. После погромов 1881 года он предлагал российским евреям отправиться на поиски убежища: «Пусть ищут его в Палестине, а пожалуй, и в Америке». Мордовцев поддержал сионистскую идею и призывал народы мира возвратить Палестину евреям: «Я глубоко убежден, что, получив обратно в свое владение Палестину, еврейский народ при его необычайной даровитости и поразительной энергии духа создаст могущественное и богатое государство... И это сбудется, я этому глубоко верю».

Многие раввины и духовные руководители евреев не принимали идею Т. Герцля о создании еврейского государства, так как – считали они – человеческими усилиями нельзя изменить судьбу народа. «Избавление придет к нам от Господа, Который пошлет Мессию, чтобы привести нас на Святую Землю, – писали противники сионизма. – Мы не желаем свободы от человека, кем бы он ни был, а хотим ее от Всевышнего...» Однако и среди религиозных евреев нашлись сторонники сионизма, и в 1902 году на учредительном съезде в Вильно они основали сионистское религиозное движение «Мерказ рухани» – «Духовный центр» («Мизрахи»). Инициатором создания «Мизрахи» и его лидером был раввин из Литвы Ицхак Рейнес. Движение «Мизрахи» желало «привлечь верующих к сионизму»; их девизом стал лозунг: «Земля Израиля для народа Израиля – согласно Торе Израиля», и в первом воззвании «Мизрахи» сказано: «Сион и Тора – две святыни, дополняющие одна другую и нуждающиеся друг в друге». Движение «Мизрахи» стало фракцией в рамках Всемирной сионистской организации и сохраняло автономию в области религиозной и культурной деятельности – «в духе традиции и ортодоксальности». В 1912 году образовалась независимая организация «Агудат Исраэль», объединившая бóльшую часть ортодоксального еврейства. В ее программе было записано – «решать в духе Торы различные вопросы, которые станут на повестку дня в жизни народа Израиля». «Агудат Исраэль» была в оппозиции к сионистскому движению и выступала против образования еврейского государства на Святой Земле – если это будет сделано без «Божественного вмешательства».

К началу двадцатого века – на основе идей сионизма и социализма – возникли в черте оседлости кружки рабочего движения «Поалей Цион» – «Рабочие Сиона»: они находились под влиянием

9. Зак. 3898.

русских революционных идей и склонялись к марксизму. Идеологом социалистического сионизма стал публицист Нахман Сыркин, который утверждал, что еврейский рабочий – «раб рабов» и «пролетариат пролетариата» – в массе своей должен эмигрировать в Палестину и образовать там еврейское социалистическое государство. В 1904 году появилась Сионистско-социалистическая рабочая партия, которая проповедовала построение справедливого социалистического общества в будущем еврейском государстве и не настаивала на непременной связи еврейского народа с Эрец Исраэль. В феврале 1906 года была основана в Полтаве социал-демократическая еврейская рабочая партия «Поалей Цион». Ее идейный руководитель Бер Борохов призывал к массовой эмиграции в Эрец Исраэль и к развитию там национальной экономики, что приведет к росту пролетариата, классовой борьбе и неминуемой победе социализма. Появилась и Социалистическая еврейская рабочая партия: ее сторонники считали, что собственную территорию евреи сумеют получить лишь в отдаленном будущем, а пока что следует добиваться национальной автономии в составе федеративной России, чтобы основные вопросы внутренней жизни каждой нации решали национальные сеймы: отсюда и название сторонников этой партии – «сеймовцы». Российские социал-демократы и Бунд боролись с сионистским социалистическим движением; традиционные сионисты были против связи идей сионизма с социализмом – однако это движение распространялось в черте оседлости.

В отчете департамента полиции было сказано: «Еврейская масса представляет собой организм, вдоль и поперек испещренный партиями, фракциями, группами... Жизнь еврейского народа в России отличает необыкновенная политическая чувствительность и интенсивность политической деятельности».

Перед выборами во Вторую Думу образовалась Еврейская народная группа, во главе которой стояли М. Винавер и Г. Слиозберг. Эта группа поддерживала партию кадетов, боролась за гражданское равноправие и общинное еврейское самоуправление и выступала против сионистов. Тогда же образовалась и Еврейская народная партия: в общеполитических вопросах она тоже поддерживала кадетов, а в национальном вопросе стояла на позициях «автономизма». Теорию «автономизма» разработал историк С. Дубнов: он считал сионистское движение лишь частью общей национальной программы и утверждал, что еврейский народ «может и в диаспоре

существовать в качестве самобытной культурной нации». Еврейская народная партия требовала национально-культурной автономии для евреев России, провозглашала свободу языка, религии и национальной школы, а также создание автономных еврейских общин – «для заведывания местными культурными, кооперативными и благотворительными учреждениями».

В начале 1904 года в Палестину приехала группа участников еврейской самообороны из Гомеля: с этого момента началась вторая волна репатриации в Эрец Исраэль. Ее составляли в основном молодые люди, которые выросли в период расцвета сионистского движения. Они приезжали один за другим и сходили на берег в порту Яффы. Турецкий чиновник на пристани проверял документы и вручал каждому бумажку красного цвета – право на пребывание в Палестине до трех месяцев, не больше. Новоприбывшие проходили в город и рвали эти бумажки на мелкие клочки: это означало, что они остаются навсегда – не туристами, а постоянными жителями. За двадцать лет до этого евреи из первой волны репатриации мечтали лишь о «здоровой жизни» на своей земле, а эти репатрианты поставили перед собой конкретную задачу – создание независимого еврейского государства. В 1906 году приехал из польского города Плонска Давид Грин, в будущем первый глава правительства Государства Израиль Давид Бен-Гурион. В 1907 году приехал из Полтавы Ицхак Шимшелевич, в будущем второй президент Израиля Ицхак Бен-Цви. В том же году группа из восьми человек основала тайное общество «Бар Гиора» – для охраны еврейских поселений. В эту организацию входили в основном российские евреи; их девизом стали слова: «В крови и огне пала Иудея, в крови и огне она восстанет».

Очерк тридцать девятый

«Протоколы сионских мудрецов»

1

В августе–сентябре 1903 года в девяти номерах петербургской газеты «Знамя», которую редактировал П. Крушеван, были напечатаны с продолжениями обширные материалы под общим названием «Программа завоевания мира евреями». В 1905 году в типографии Царского Села вышла книга мистических озарений С. Нилуса «Великое в малом, или Антихрист как близкая политическая возможность» – в нее была включена та же «Программа завоевания мира евреями». В том же году в Петербурге увидела свет книга Г. Бутми, одного из организаторов Союза русского народа; она называлась «Корень наших бед», и в ней снова присутствовала эта «Программа» – в несколько измененном виде. Так начали свое движение по миру – порой под разными названиями, с небольшими разночтениями и в переводах на многие языки – «Протоколы сионских мудрецов», которые их почитатели назвали «стратегическим планом завоевания мира евреями».

Все издатели «Протоколов» подчеркивали, что сионские мудрецы хранили этот документ в строжайшей тайне, и в разных его выпусках существуют различные версии его похищения и обнародования. В предисловии к первому своему изданию С. Нилус сообщал, что некая женщи-

на выкрала копию сверхсекретных «Протоколов» у масона во Франции и переправила ее в Россию, где «Протоколы» перевели с французского на русский язык. В примечаниях к одному из изданий настоятельно просили не смешивать сионских мудрецов с лидерами сионистского движения, а Нилус – в издании 1917 года – утверждал обратное: этот «стратегический план завоевания мира под пяту богоборца-Израиля» будто бы доложил совету старейшин «князь изгнания» Теодор Герцль, в дни Первого сионистского конгресса в Базеле в августе 1897 года. В немецком издании книги С. Нилуса появляется новая версия обнародования «Протоколов»: русское правительство якобы послало в Базель, на Первый сионистский конгресс тайного своего агента; агент подкупил еврея-гонца, который увозил с конгресса отчеты тайных заседаний; «гонец по дороге переночевал в маленьком городке, где русский агент ожидал его с группой переписчиков, которые за ночь сняли с документов копии...» Французский издатель сообщил, что «Протоколы» похитили в эльзасском городке из ящика буфета, и сделала это жена или невеста руководителя местных масонов. В польском издании написали совсем просто: «Протоколы сионских мудрецов» выкрали из венской квартиры Теодора Герцля. Затем появилась еще одна версия: будто составил эти «Протоколы» еврейский публицист Ахад га-Ам, впервые прочитал их группе посвященных в 1890 году на тайном собрании в Одессе, а уж затем они попали на конгресс в Базель.

Специалисты сразу отметили, что в «Протоколах сионских мудрецов» не оказалось ссылок на Библию и Талмуд, нет в них и упоминания о будущем пришествии Мессии, что было бы так естественно, если бы «Протоколы» действительно исходили от еврейских мудрецов. Но читатели не интересовались подобными тонкостями. На них производили впечатление пугающие «глубины сатанинских замыслов» против всего человечества, коварные, безжалостные и неуловимые «мудрецы», их «таинственная и зловещая сила», детективный способ похищения «Протоколов» и их обнародования.

Разные варианты «Протоколов сионских мудрецов» мало отличаются друг от друга и содержат протоколы двадцати четырех тайных заседаний безымянных еврейских лидеров, которые якобы разрабатывали план захвата власти во всем мире. Первые десять протоколов посвящены теме разрушения христианских государств, чтобы на их развалинах построить всемирное еврейское царство. Для этой цели следовало взвинчивать цены и поддерживать состояние неуверенности среди населения, способствовать росту недовольства и бездеятельности, подкупать прессу, насаждать культ золота, подрывать уважение к власти, провозглашать демократические свободы и права человека, обострять «раздоры и вражду» между странами, поощрять гонку вооружений,

провоцировать войны, призывать к анархии и атеизму, развивать потребность к роскоши, насаждать пьянство и разврат, а также способствовать тайной разлагающей деятельности масонов, которые в массе своей и не подозревали о том, каково их истинное назначение. В протоколе № 10 сказано: следует «переутомить всех разладом, враждою, борьбою, ненавистью и даже мученичеством, голодом, прививкою болезней, нуждою, чтобы иноверцы не видели другого исхода, как прибегнуть к нашему денежному и полному владычеству». Даже метод наглядного обучения – изобретение тех лет – приписывался сионским мудрецам, чтобы превратить народы «в немыслящих, послушных животных», которым необходимо воспроизведение предметов на картинках для их понимания. Даже новинка городского строительства – метрополитен был признан чудовищной затеей сионских мудрецов: «метрополитеновые подземные ходы-коридоры» понадобятся в нужный момент, чтобы взрывать столицы христианских государств.

Последующие четырнадцать протоколов тайных заседаний посвящены тому времени, когда сионские мудрецы воцарятся во всем мире. Во главе мирового «сверхправительства» будет стоять «царь Израильский» из рода Давида, назначаемый тремя мудрецами, и этот самодержавный монарх станет править всем человечеством. В будущем всемирном государстве восторжествуют цензура и тайная слежка, будут ограничены свобода слова, совести и объединений, жесткие ограничительные меры установятся навсегда – но называться они будут временными, якобы для борьбы с врагами народа. Народные массы окажутся вне политической деятельности, сосед начнет доносить властям о неблагонадежном поведении соседа, и каждый привыкнет к тому, что за ним постоянно следят. В протоколе № 17 сказано: «Треть подданных наших будет наблюдать за остальными из чувства долга, из принципа добровольной государственной службы. Тогда не будет постыдно быть шпионом и доносчиком, но похвально...»

Чтобы народы «сами до чего-нибудь не додумались», их станут отвлекать «увеселениями, играми, забавами, страстями, народными домами... спортом». Одновременно с этим власти позаботятся о всеобщем благосостоянии, уменьшат налоги, искоренят пьянство и безработицу, чтобы население чувствовало заботу о себе. Законы станут четкими и однозначными, судьи – непогрешимыми, руководители – отзывчивыми к нуждам населения, а «царь Израильский» – «примерно безупречный» – будет бескорыстно и неутомимо заниматься государственными делами, «беседовать на площадях со своим народом», и никто не заподозрит, что он окружен толпой секретных агентов. Народы мира «увидят в его лице отца, заботящегося о каждой нужде», и начнут относиться к нему «с благоговением, близким к обоготворению». Невероятные

достижения будущего режима станут противопоставлять неудачам предшествовавших правлений, хаос прошлых времен – наступившему идеальному порядку, «покою, миру, достоинству отношений», и всемирное еврейское царство утвердится на все времена.

2

«Протоколы сионских мудрецов» возникли не на пустом месте. О всемирном заговоре евреев против христианских народов говорили еще в четырнадцатом веке: будто евреи отравляли колодцы, чтобы погубить христиан, и от этого пошла по Европе чума – «черная смерть». В шестнадцатом веке в Париже была напечатана поддельная переписка между раввинами Стамбула и испанскими евреями, насильно обращенными в христианство. Раввины призывали их подрывать изнутри христианские устои для достижения «господства над миром»: «Делайте ваших детей торговцами, чтобы они мало-помалу отняли имущество у христиан... Делайте ваших детей врачами и аптекарями, чтобы они отнимали жизнь у христиан... Делайте ваших детей священниками, чтобы они разрушали их церкви...» С середины девятнадцатого века стала популярной тема о тайном всемирном сговоре евреев с масонами против христианского мира, о евреях и масонах – виновниках Великой французской революции, о будущем еврейском всемирном царстве, во главе которого встанет потомок царя Давида. Основа для «Протоколов сионских мудрецов» была подготовлена, и не случайно в них есть «признания мудрецов», что французская революция – результат еврейского заговора: именно евреи изобрели лозунг «свобода, равенство, братство» и «ввели в государственный организм яд либерализма», чтобы обезоружить и обессилить христианский мир.

В 1873 году в Базеле вышла книга секретного агента России В. Осман-Бея «Завоевание мира евреями». Автор утверждал, что евреи добровольно ушли в изгнание две тысячи лет назад, чтобы со временем захватить весь мир и распространить «иудаизм на территории, простирающейся от Северного до Южного полюса». Примерно в то же время был опубликован роман немецкого писателя Г. Гёдше-Ретклифа «Биарриц–Рим». Одна из глав романа называется «Еврейское кладбище в Праге», и в ней описано тайное совещание на пражском кладбище представителей двенадцати колен Израиля, которые собирались раз в сто лет и разрабатывали планы завоевания мирового господства. Эта глава из романа зажила самостоятельной жизнью; ее издавали во множестве на разных языках, в том числе и на русском, и называли документальными протоколами тайного собрания «избранников Израиля». В главе

«Еврейское кладбище в Праге» «избранники» говорят среди прочего: «Так как народ Израиля рассеян по всей земле, то ему и должна принадлежать вся земля!.. Когда все золото на земле будет наше, власть перейдет к нам... Если мы будем владычествовать на бирже, мы достигнем того же и в государствах... Поддержка всякого недовольства, всякая революция... приближает нас к цели... Восемнадцать столетий принадлежали нашим врагам, следующее принадлежит нам!..» Впоследствии многие из рассуждений «избранников» на пражском кладбище были использованы в «Протоколах сионских мудрецов».

Тема еврейского заговора для достижения всемирного господства присутствовала в романах русских писателей В. Крестовского и Н. Вагнера; писал об этом И. Лютостанский в трехтомнике «Талмуд и евреи»; увидел свет в России и трактат «Великая тайна масонов» – о «жидо-масонском заговоре», чтобы «воздвигнуть на развалинах христианства... всемирную иудейскую монархию»; развитию этой темы способствовала и «Книга кагала» выкреста Я. Брафмана. В 1895 году в департаменте полиции в Петербурге была составлена для служебного пользования записка под названием «Тайна еврейства». За год до этого вступил на престол Николай II, и эта записка, по всей видимости, должна была повлиять на молодого царя, чтобы продолжил политику своего отца, Александра III. С помощью «Тайны еврейства» следовало убедить царя, что существует всемирный еврейский заговор для захвата власти, а потому всякие либеральные идеи предназначены для этой цели и служат лишь интересам заговорщиков. В записке указаны «этапы тайной деятельности» евреев: «И гуманизм, и французская великая революция, и освобождение Америки, изгнание турок из Европы, капитализм и объединение Италии, и интернационал 48-го года...» Теперь подошла очередь России, где заговорщики решили насаждать капитализм и либеральную буржуазию – «в противовес столбовому дворянству», охранителю религиозных, национальных и государственных традиций. Авторы записки рекомендовали немедленно начать борьбу со «зловредной силой... осветив печатно, в популярном изложении, тайные еврейские замыслы против всего христианского мира и России в частности». Но «Тайна еврейства» не попала по назначению. Ознакомившись с ней, тогдашний министр внутренних дел написал на полях: «Ответить, что докладывать Его Величеству не усматриваю необходимости ввиду излишнего и неосновательного пессимизма».

Однако эта идея не умерла, и через малое время появились «Протоколы сионских мудрецов». В 1899 году они ходили по рукам в Петербурге и были известны в правительственных кругах, а экземпляр первого издания книги С. Нилуса – после ее появления в 1905 году – сразу же передали Николаю II.

3

«Протоколы сионских мудрецов» изучали многие исследователи, и на основании упомянутых там конкретных событий – в частности, строительство метрополитена в Париже – они пришли к выводу, что «Протоколы» были сфабрикованы после 1895 года. Непосредственным инициатором создания документа о «еврейском заговоре» являлся, вероятнее всего, П. Рачковский, заведовавший заграничной агентурой департамента полиции Российской империи. Его резиденция была в Париже; в своей работе он часто использовал фальшивки, подделывал документы, провозглашал любые либеральные движения орудием в руках евреев (впоследствии Рачковский стал вице-директором департамента полиции, одним из инициаторов создания Союза русского народа, и под его руководством печатались погромные листовки в тайной типографии департамента полиции). Сохранились свидетельства очевидца, которому С. Нилус рассказывал в 1909 году, как таинственная «парижская дама» (агент охранки Ю. Глинка) получила рукопись от Рачковского и привезла ее для перевода в Россию. Этому же человеку Нилус показывал рукопись, написанную на французском языке, разными почерками, на бумаге желтоватой окраски, и на первой ее странице было большое пятно.

Изготовлением «Протоколов», по всей видимости, непосредственно занимался литератор М. Головинский, а помогал ему в работе журналист И. Манасевич-Мануйлов – платные агенты охранного отделения, которые вели слежку за русскими эмигрантами. В Париже в то время жила польская княгиня Радзивилл; она была свидетелем подлога и писала затем в американских газетах: «Однажды Головинский показал мне и нескольким приятелям сочинение, над которым он работал с Рачковским и Мануйловым. Он сказал, что книга эта имеет целью установить существование обширного еврейского заговора против общего мира... Мне неоднократно пришлось видеть эту рукопись; видели ее и некоторые мои друзья, среди которых была одна американка, находящаяся сейчас в Нью-Йорке. Рукопись эта была составлена на французском языке и писана рукой, но разными почерками, на желтоватой бумаге. Помню отчетливо, что на первой странице было огромное синее чернильное пятно. Позднее я узнала, что рукопись эта целиком включена Сергеем Нилусом в знаменитую книгу, напечатанную в типографии Красного Креста в Царском Селе».

Журналисты тут же разыскали «американку из Нью-Йорка» – Г. Херблет, и она подтвердила в печати, что встречалась с Головинским в Париже, в доме у княгини Радзивилл, куда он приходил из Национальной библиотеки. «Помню тот раз, когда он пришел с законченной

рукописью, – вспоминала Херблет. – Помню, она была на французском языке, но написана разными почерками. Она была на желтоватой бумаге... на первой странице большое синее пятно...» И далее из свидетельства Херблет: «Я – антисемитка. Когда я услышала про "Сионские протоколы" и прочитала о них, я немедленно раздобыла себе эту книгу. Мне тогда не приходило в голову, что она может находиться в какой-нибудь связи с моими парижскими друзьями. Но как только я раскрыла книгу, я немедленно сказала себе: "А, я вижу моего друга Головинского"... Не подлежит сомнению, что документ Головинского и "Протоколы" – одно и то же».

Директор департамента полиции А. Лопухин утверждал, что «Протоколы» подделал Рачковский со своими агентами, – и это не было секретом в правительственных кругах. Товарищ министра внутренних дел жандармский генерал П. Курлов свидетельствовал в эмиграции: «Я глубоко убежден, что "Сионские протоколы" были сфабрикованы... Рачковский дал мне понять, что "Протоколы" сфабрикованы, и сказал, что доложит мне о них подробно по возвращении из деревни, куда он уехал на один день. Приехав в деревню, он умер...» В 1915 году один из участников подлога И. Манасевич-Мануйлов – в беседах с историком и публицистом В. Бурцевым – «не раз говорил, смеясь, что только идиоты могут верить в эти "Протоколы"... правительство никогда официально не решится признать подлинности "Протоколов" и не будет пользоваться ими для своих целей». Во время суда над М. Бейлисом нашлись желающие использовать «Протоколы» для обвинения еврейского народа, но власти не пошли на это. Товарищ министра внутренних дел С. Белецкий говорил: «Мы прекрасно понимали, что это значило наверняка провалить все дело. Ведь это явная подделка! Нельзя же было срамиться! Разве с такими документами можно выступать на суде?»

Даже С. Нилус, издатель «Протоколов», похоже, не очень-то верил в их подлинность. Его спросили однажды: «Не предполагаете ли вы, Сергей Александрович, что, сами того не ведая, оперируете подлогом?» – «Пусть так, – ответил Нилус. – Но Бог и лжецов заставляет вещать правду, а вера наша и собачьи кости может превращать в чудотворные мощи». А в предисловии к очередному изданию «Протоколов» в 1911 году он писал: «Меня могут, пожалуй, упрекнуть – и справедливо – в апокрифичности представляемого документа...»

4

Авторы «Протоколов» использовали для их составления антисемитскую литературу разных времен, но главным их пособием оказалась

забытая книга середины девятнадцатого века французского адвоката Мориса Жоли. Это была сатира на режим правления французского императора Наполеона III и называлась она «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье». Впервые поразительное сходство между этой книгой и «Протоколами» обнаружил летом 1921 года в Стамбуле эмигрант, русский дворянин М. Рославлев. Он сообщил об этом стамбульскому корреспонденту лондонской газеты «Таймс» Ф. Грейвсу; в августовском номере газеты появилось сообщение о «беззастенчивом и бессовестном» подлоге, а затем в Национальной библиотеке Парижа нашли экземпляр книги М. Жоли с чьими-то характерными пометками. Составители «Протоколов», очевидно, полагали, что их сочинение готовится лишь для служебного пользования и останется затем в архивах полиции, – иначе они бы проделали свою работу более добросовестно. При сравнительном чтении можно определить, что литературная форма «Протоколов» целиком заимствована из книги Жоли: двадцать пять диалогов между Макиавелли и Монтескье превратились в двадцать четыре протокола тайных заседаний сионских мудрецов. А объект сатиры Жоли – деспотические устремления Наполеона III – авторы «Протоколов» использовали для обрисовки будущего всемирного еврейского царства.

Эксперты установили, что около половины текста «Протоколов» составляют выписки из книги Жоли; минимум в ста семидесяти случаях фрагменты из речи Макиавелли почти дословно вложены в уста сионских мудрецов, – и вот несколько примеров. Макиавелли – в книге Жоли: «Что сдерживает этих ненасытных животных, которые называются людьми?» Сионские мудрецы – в «Протоколах»: «Что сдерживает хищных животных, которых зовут людьми?» Макиавелли: «Разве политика имеет что-нибудь общее с моралью?.. Да разве вы не видите, что само слово “право” отличается крайней неопределенностью? Где оно начинается, где оно кончается?» Мудрецы: «Политика не имеет ничего общего с моралью... Где начинается право, где оно кончается?» Макиавелли: «Народы чувствуют какую-то тайную любовь к гению, крупному по грубой силе. При каждом акте насилия, отмеченного талантом и искусством, вы услышите, как все будут говорить... – это, конечно, непохвально, но как это ловко сыграно и великолепно сделано». Мудрецы: «Народ питает особую любовь и уважение к гениям политической мощи и на все их насильственные действия отвечает: подло-то подло, но ловко!..» Макиавелли: «Когда несчастный испытывает притеснения, он говорит: если бы это знал царь!..» Мудрецы: «Ореол власти требует для своего существования, чтобы народ мог сказать: «когда бы знал об этом царь...» Макиавелли: «Как бог Вишну, пресса моя будет иметь сто рук...» Мудрецы – о газетах будущего всемирного еврейского

царства: «Они, как индийский божок Вишну, будут иметь сто рук...» – и так далее.

«Протоколы сионских мудрецов» – после их появления – не имели успеха в России, и даже антисемитская газета «Новое время» определила их как явную фальшивку. С. Нилус признавал: «Опубликование этого документа было встречено молчаливой ненавистью всей преданной Сиону прессы... и легкомысленным невниманием» правительственных кругов. О том же писал В. Бурцев в книге «"Протоколы сионских мудрецов" – доказанный подлог»: «В России в то время – и в обществе, и в правительстве – было много самых диких антисемитов, кто искренне верил даже в ритуальные убийства. Но и среди таких зоологических антисемитов я за все время не встретил никого, кто бы решился открыто, за своим именем защищать подлинность "Сионских протоколов"... В тогдашних либеральных русских изданиях можно было встретить о них только иронические и брезгливые отзывы, как о ничтожном пасквиле. Серьезно к ним никто не относился».

Во время революционных волнений 1905–1906 годов нашлись люди, которые пожелали воспользоваться «Протоколами» для агитации против евреев. Как сообщал в эмиграции бывший начальник петербургского охранного отделения (по свидетельству В. Бурцева – генерал К. Глобачев), экземпляр «Протоколов» представили Николаю II, и он сделал пометки на полях книги: «Какая глубина мысли! Какое предвидение! Какая точность исполнения! Наш 1905 год точно под дирижерство мудрецов!» Сотрудники заграничной агентуры получили ордена и денежные награды за «розыск» «Протоколов», а деятели правых кругов тут же составили проект для их широкого использования в политических целях. По указанию П. Столыпина два жандармских офицера провели секретное расследование, установили подлог и выявили истинных авторов «Протоколов». Узнав об этом, Николай II был поражен и письменно распорядился: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело делать грязными способами».

Всемирная «слава» к «Протоколам сионских мудрецов» пришла позднее...

5

Во время Первой мировой войны командующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич распорядился перевести «Протоколы сионских мудрецов» на английский язык и распространять их среди союзников. Х. Вейцман вспоминал, как в 1918 году в Палестине английский генерал показал ему несколько страниц машинописного

текста, которые оказались выдержками из «Протоколов»: «Я прочитал первую страницу и в недоумении поинтересовался, что означает вся эта галиматья... Он ответил медленно и с сожалением: "Вы можете найти это в вещмешках большинства наших офицеров – и они верят этому! Это привезла британская военная миссия, побывавшая на Кавказе в армии великого князя Николая Николаевича"».

После Февральской революции 1917 года историк С. Сватиков был назначен специальным комиссаром Временного правительства для ликвидации заграничной агентуры департамента полиции. В Париже он допрашивал подданного Франции А. Бинта, старейшего агента русской тайной полиции. Сватиков писал: «Бинт сказал, что лет семнадцать тому назад по указаниям шефа, т. е. Рачковского, была создана еще и такая фальшивка, а именно "Сионские протоколы". "Что было в этих «протоколах?.." – "Описание того, как евреи правят миром и совещаются между собой, как лучше это сделать..." – "Было ли это написано с погромной целью" – "Не знаю." – "Ну, вообще, чтобы подстрекнуть русских против евреев?" – "О, да!.. «Охрана» (полиция) ничего не знала о затее Рачковского. Это было его индивидуальное предприятие..." – "Сам ли Рачковский писал эти «протоколы?»" – "Нет, писал их наш агент Головинский... Я ему, как и другим, платил деньги по приказанию «шефа», из рук в руки..."»

Во время Гражданской войны отделы пропаганды Белой армии печатали «Протоколы» в городах Сибири и юга России, распространяли их среди офицеров, и они несомненно подтолкнули на многочисленные и жестокие погромы. После окончания войны распространение «Протоколов» в Советской России было запрещено, но эмигранты привезли их в Европу, и с этого момента началась их всемирная известность. С 1920 года «Протоколы» выпускали многими изданиями в Англии и во Франции; в Соединенных Штатах Америки их издавали на средства владельца автомобильных заводов Г. Форда; европейские газеты писали о подлинности «Протоколов», объясняя большевистский режим в России как результат еврейского заговора против христианского мира. В августе 1921 года в лондонской газете «Таймс» впервые появилось сообщение корреспондента из Стамбула, что «Протоколы» во многом списаны с книги М. Жоли. Против этой фальшивки выступали затем интеллектуалы Франции и Англии; русские эмигранты выпустили несколько книг с разоблачением «Протоколов»; в США суд рассматривал дело по обвинению Г. Форда в клевете, после чего он попросил прощения у «многострадального еврейского народа» за «непроверенные утверждения и ошибки», которые носили злонамеренный характер, и запретил издавать и распространять свою книгу «Международное еврейство» – о всемирном еврейском заговоре.

В 1933–1935 годах проходил открытый суд в швейцарском городе Берне, который рассматривал иск местных евреев против распространителей «Протоколов» в Швейцарии. Свидетелями на суде выступали христиане и евреи из разных стран мира – виднейшие специалисты по еврейскому вопросу, а также делегаты Первого сионистского конгресса в Базеле, на котором якобы обсуждались эти «Протоколы». Суд выслушал заключения экспертов обеих сторон, затем – независимого эксперта и определил, что «Протоколы» не имели никакого отношения к Ахад га-Аму и к конгрессу в Базеле; в основу их положена книга М. Жоли, и сфабрикованы они для определенного воздействия на правительственные круги в России. Суд признал «Протоколы сионских мудрецов» «подделкой, плагиатом и бессмыслицей», а верховный суд города Берна подтвердил это определение.

Русский философ Н. Бердяев писал в своей работе «Христианство и антисемитизм»: «Ненависть к евреям часто бывает исканием козла отпущения. Когда люди чувствуют себя несчастными и связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими, то они ищут виновника, на которого можно было бы все несчастья свалить. Это не делает чести человеческой природе, но человек чувствует успокоение и испытывает удовлетворение, когда виновник найден и его можно ненавидеть и ему мстить. Нет ничего легче, как убедить людей низкого уровня сознательности, что во всем виноваты евреи. Эмоциональная почва всегда готова для создания мифа о мировом еврейском заговоре, о тайных силах «жидо-масонства» и пр. Я считаю ниже своего достоинства опровергать «протоколы сионских мудрецов»... Есть что-то унизительное в том, что в страхе и ненависти к евреям их считают очень сильными, себя же очень слабыми, неспособными выдержать свободной борьбы с евреями... В основе антисемитизма лежит бездарность».

Первое издание «Протоколов» на немецком языке появилось в 1919 году, а затем лидеры вновь созданной нацистской партии в Германии стали издавать их миллионными тиражами, субсидировали их издания во многих странах и на разных языках. После прихода Гитлера к власти «Протоколы» были рекомендованы как учебное пособие в высших и средних учебных заведениях Германии; их распространяли во множестве и на оккупированных Германией территориях. «Протоколы сионских мудрецов» сыграли огромную роль в развитии идеологии германского национал-социализма и повлияли на возникновение и осуществление плана

«окончательного решения еврейского вопроса», что привело к уничтожению шести миллионов евреев.

После Второй мировой войны публикации «Протоколов» во многих странах были приостановлены, но затем их стали издавать в Саудовской Аравии, Сирии, Египте и в других мусульманских странах для борьбы с сионистским движением. С семидесятых годов двадцатого века тема о «жидо-масонском заговоре» появилась в советской антисионистской пропаганде, которая основывалась на «Протоколах сионских мудрецов». С конца двадцатого века антисемитские движения в России и в других республиках бывшего Советского Союза – а также в странах Восточной Европы – издают, распространяют и используют в своей пропаганде этот поддельный документ.

Существуют и иные поддельные документы, которые обвиняют какой-либо народ в стремлении к мировому господству. В начале девятнадцатого века во Франции было напечатано «Завещание» Петра I – план из четырнадцати пунктов завоевания Россией мирового господства, которое должны были осуществить его преемники. Это поддельное «Завещание» неоднократно печатали в европейских странах, чтобы в нужный момент возбудить общественное мнение против России. Так было во время Крымской войны, во время русско-турецкой войны, во время Первой мировой войны; в Германии это «Завещание» напечатали в газетах в 1941 году, после нападения на Советский Союз.

После прочтения «Протоколов» многие задавались таким вопросом: «Возможно, это фальшивка... Но как тогда объяснить тот пророческий дар, который предсказал заранее все случившееся?..» Этот «пророческий дар», предвосхитивший основные принципы тоталитаризма двадцатого века, следует отнести за счет таланта Мориса Жоли, автора книги «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье». Наблюдая режим правления «деспота-любителя» Наполеона III, Жоли сумел определить и пророчески предсказать принципы будущих тоталитарных режимов, их общность в установлении и сохранении деспотии. Воспользовавшись его книгой, составители «Протоколов» перенесли эти принципы в будущее еврейское царство, во главе которого они поставили «царя Израильского» из рода Давида. Жоли писал свою книгу против

надвигавшегося деспотизма, для защиты свободы и равенства, для провозглашения либеральных идей; составители «Протоколов» использовали его «Диалоги» для насаждения непримиримости, злобы и ненависти. Судьба обессмертила Жоли самым нелепым образом, связав его имя и его сочинение с «Протоколами сионских мудрецов». Как отметил один из исследователей, это оказалось «грустным бессмертием» Мориса Жоли...

Очерк сороковой

Третья Дума. Применение ограничительных мер. Четвертая Дума. Убийство П. Столыпина

1

Вторая Государственная Дума была распущена царским манифестом в июне 1907 года. Ее состав признали «неудовлетворительным вследствие несовершенства способа избрания ее членов», и Николай II утвердил новый избирательный закон. По этому закону значительно увеличивалось число выборщиков-землевладельцев и наиболее состоятельных горожан, а количество выборщиков-крестьян уменьшалось в два раза. Новый закон лишил избирательного права население Средней Азии, которое «не созрело» еще для выборов, и сократил в три раза количество представителей Кавказа и Царства Польского. Правые партии с восторгом приняли манифест, и телеграмма Союза русского народа в адрес царя начиналась такими словами: «Слезы умиления и радости мешают нам выразить в полной мере чувства, охватившие нас при чтении Твоего, Государь, манифеста, Державным словом положившего конец существованию преступной Государственной Думы».

Выборы по новому избирательному закону увеличили в Третьей Думе количество депутатов из дворян, духовенства, крупных землевладельцев и способствовали созданию правого большинства. Тон задавали Н. Марков 2-й и основатель черносотенного Союза Михаила Архангела

В. Пуришкевич, который заявил с думской трибуны: «Правее меня – только стена!» В Третью Думу попали лишь два еврейских депутата от Ковенской и Курляндской губерний; они примыкали к кадетам и безуспешно пытались противостоять антиеврейскому натиску правых.

Третья Дума начала свою работу в ноябре 1907 года и просуществовала почти пять лет. Большинством голосов Дума отстранила евреев от участия во вновь созданных земских собраниях в западных губерниях, ограничила их прием в начальные школы, учительские семинарии и институты, не утвердила предложение правительства позволить евреям – по назначению врачей – лечиться на курортах Кавказских минеральных вод. Правые депутаты призывали обложить евреев – «вредный элемент в войсках» – особым налогом взамен службы в армии; не назначать мировыми и волостными судьями и не допускать на работу в печатные органы; думские депутаты даже потребовали, чтобы торговые заведения по всей империи были обязательно закрыты в воскресные дни и в христианские праздники. Для мелких торговцев, мусульман и евреев, это могло стать новым бедствием: либо закрывать лавки сто тридцать дней в году, в свои и в христианские праздники, и разориться окончательно, либо мусульманам отказаться от отдыха в пятницу, а евреям – в субботу. «Вы ничего не даете евреям, – говорил депутат Н. Фридман, – не лишайте их, по крайней мере, того, что они имеют», – но большинством голосов Дума проголосовала за принудительный воскресный отдых. В 1910 году сто шестьдесят шесть депутатов внесли законопроект об отмене черты оседлости, но он так и остался в архивах думской комиссии.

Стенограммы заседаний Думы переполнены спорами депутатов на еврейские темы – и вот несколько примеров. Депутат В. Караулов: «Где нет равенства, где есть народы-парии, там нет конституционного строя!» Голос с места: «И слава Богу, и не надо!» Депутат Крупенский: «Евреи-солдаты оказались элементом, растлевающим армию в мирное время, ненадежным и опасным во время войны». Депутат Ф. Родичев: «В России во флоте евреев нет, так что во флоте евреи не сеяли ни развращения, ни революции. В подготовке Цусимы евреи совершенно не виновны: ни одного не было...» (Бурные аплодисменты слева. Шиканье справа. Пуришкевич – с места: «Лакей еврейского пятака!») Депутат Г. Замысловский – с трибуны, в ответ на замечание слева: «Жидовская дерзость дошла до того, что они уже в Думе не позволяют говорить» (добавляет по адресу еврейского депутата Л. Нисселовича оскорбительную фразу, которую из-за шума многие не расслышали). Нисселович – председателю: «Заставьте его повторить фразу». Замысловский: «Заставьте замолчать жида!» (Повторить фразу не решается, опасаясь удаления с заседания). Слева – кричат: «Пусть он повторит, трус, трус!» Справа –

кричат: «Долой жида!» Нисселович подходит к трибуне и грозит кулаком: «Я ему в морду дам!» Председатель не может водворить порядок, покидает председательское место, и тем самым объявляется перерыв.

2

С конца 1907 года прекратились политические демонстрации на улицах городов, не бастовали уже студенты и рабочие, не было волнений в деревнях, и в газетах отмечали – одни с торжеством, а другие с унынием: «Революция закончилась». Революционная пресса снова ушла в подполье, профессиональные союзы практически прекратили свое существование, в тюрьмах ввели строгий режим с телесными наказаниями и подавляли любые протесты заключенных. Военные суды продолжали выносить суровые приговоры, однако количество их постепенно уменьшалось: в 1908 году казнили около семисот человек, в 1909 – пятьсот сорок, в 1910 – сто тридцать. Административные высылки также шли на убыль: в 1908 году выслали без суда около десяти тысяч человек, в 1909 году – три тысячи.

Годы, предшествовавшие Первой мировой войне, отмечены ограничениями российских евреев в различных сферах жизни и более суровым толкованием антиеврейских законов. «Никогда еврейский вопрос не стоял так жестоко в России, как теперь, – признавал С. Витте, – и никогда евреи не подвергались таким притеснениям». Как грустный анекдот пересказывали друг другу резолюцию министра торговли и промышленности на проекте очередного циркуляра: «Сути дела не помню, но на ограничение евреев согласен». Газеты Союза русского народа подогревали настроение читателей описанием «чудовищных нападений жидов на бедное, беззащитное христианское население» и открыто провозглашали «Да здравствует народный самосуд!» Из Одессы сообщали в еврейскую газету: «Перечислять систематические мелкие погромчики не стоит... На улице, в ресторанах, на конке – нигде от них не убережешься. Вечно находишься в каком-то напряженном ожидании, что вот-вот вспыхнет катастрофа, вечно живешь, словно на вулкане...»

Власти усердствовали по всей империи. На Кавказе они ограничивали передвижение горских евреев, в Крыму изгоняли из Севастополя; массовые выселения из городов и деревень стали обычным явлением: арестованных запирали в тесные, сырые, загаженные камеры, а затем отправляли по этапу. Депутат П. Милюков говорил на заседании Думы: «С 1909 года, по команде, началась в огромных размерах охота за евреями, как за какими-то дикими зверями. Лозунг шел сверху... Лифляндскому губернатору напомнили о его безразличном отношении к праву

жительства, и он стал не безразличен. В Ростове администрация была снисходительна; ей указали на это, и она сразу изменила свое отношение».

На улицах Киева почти ежедневно можно было увидеть толпу, окруженную городовыми; впереди шли задержанные в притонах проститутки, воры, оборванцы-попрошайки, а за ними евреи. «На глазах невольно выступают слезы, – возмущался очевидец, – и в течение целого дня вопрос: "за что?" не дает покоя». Облавы проводили не только по ночам, но во всякое время дня, и зимой 1910 года из Киева выслали тысячу двести еврейских семейств. В Петербурге один из полицейских приставов ставил в паспорта приезжих евреев красный штемпель – «На выезд в двадцать четыре часа» и говорил при этом с издевкой: «Я знаю, что вы имеете право на пребывание, а я все равно ставлю штемпель: за жида в ответе не будешь». Зимой 1912 года из деревень Волынской губернии выселили пять тысяч евреев, которые прожили в тех краях многие годы, обзавелись хозяйством, а теперь должны были перебираться в переполненные города и местечки. «Изможденные лица, – сообщала киевская газета, – пугливые взгляды скорбных глаз, рыдания женщин, плач детей, наваленный скарб...» Картина была настолько ужасной, что даже киевский генерал-губернатор, прославившийся изгнаниями евреев из Киева, признал «бесчеловечным выселение зимой» и повелел отложить акцию до весны, – а правые депутаты Думы назвали его решение «излишней сентиментальностью».

Малая часть евреев жила в сельских местностях на законном основании, и от них при всем желании нельзя было избавиться. И тогда витебский губернатор предложил Сенату рассматривать родившихся у них детей как вновь поселившихся в деревнях, а потому подлежавших выселению – на основании «Временных правил» 1882 года. Мнения в Сенате разделились; дебаты были продолжительными, со ссылками на законы и существовавшую практику. Сенаторы должны были установить, что такое рождение еврея – естественное появление на свет или сознательное переселение из одной местности в другую. Один сенатор доказывал, что переселение подразумевает перемещение в пространстве, из одного места в другое, а так как вновь родившиеся дети прежде «нигде не жили», то их нельзя считать вновь поселившимися в запрещенной для евреев местности. Другой сенатор заявлял, что выселять евреев можно лишь на родину или в то место, откуда они прибыли, – но отправить новорожденных туда, откуда они появились, вряд ли теперь возможно. Третий сенатор выступал за выселение детей и приводил простой довод: до 1882 года их в деревнях не было, а значит, по закону и не должно быть. Девятью голосами против трех Сенат постановил, что вновь родившиеся евреи не переселялись из других мест, а «появились

там естественным путем» – и потому имеют право на жительство. Три сенатора тем не менее остались при особом мнении.

Чтобы обойти ограничительные законы, евреи платили взятки на всех уровнях местной и центральной власти. «Ни с кого администрация не берет столько взяток, сколько с евреев, – писал С. Витте. – В некоторых местностях прямо создана особая система взяточнического налога на жидов. Само собой разумеется, что при таком положении вещей вся тяжесть антиеврейского режима легла на беднейший класс, ибо чем еврей более богат, тем он легче откупается». Взяточничество стало нормой, и если полицейский желал поправить свои финансовые дела, он обходил вверенный ему район и проверял у евреев право на жительство. «При хорошей полиции, – говорили тогда, – а хорошая значит: берет взятки, – существование евреев хотя и трепетное, но более или менее сносное».

В Петербурге были дома, сплошь заселенные евреями без права на жительство; полиция знала об их существовании и даже предупреждала о предстоящих облавах. Петербургский журналист описывал один из таких домов: «Там жили целые семьи, там рождались, умирали без всяких прав. Там была установлена строгая система: в определенные дни полицейские обходили своих "клиентов", получали установленное "жалование" и, пожелав всяких благ, удалялись... Жил там совершенно одинокий человек... который служил на каком-то заводе и платил ежемесячно пять рублей околоточному и рубль дворнику. Это ему надоело; в один прекрасный день он отправился в Выборг к знаменитому в свое время пастору Пирру, который за две марки выдавал любому еврею свидетельство о крещении. Через некоторое время околоточный явился за своим жалованием. Ритуал за много лет установился такой: околоточный любезно здоровался, садился, выпивал стакан чая. При последнем глотке жилец вынимал бумажник и выплачивал пять рублей. На сей раз он не торопился. Околоточный выпил чай и, не отличаясь, по-видимому, находчивостью, растерялся и попросил второй стакан чая. Выпил. Жилец молчит. Полицейский не выдержал. "Ну?" – "В чем дело?" – "А деньги?" Вместо бумажника тот вынул паспортную книжку, где слово еврей было зачеркнуто и указано, что он ныне уже евангелического исповедания. Полицейский укоризненно покачал головой и промолвил: "Ишь, жиды! За деньги Бога и совесть продают..."»

Бывало и так, что полицейские чины сдавали комнаты в своих домах бесправным евреям, а пристав Казанской части Петербурга превратил собственную квартиру в гостиницу, брал с богатых евреев по десять рублей в сутки и позволял жильцам делать у него что угодно – «хоть шабаш справляйте». «Если бы евреев не было в России, кто бы содержал полицию? – говорил с думской трибуны депутат Гулькин. – Посмотрите,

сколько мы даем становому приставу? Становой пристав получает только на табак. А откуда же он имеет выезд, фаэтон и все это богатство?.. Потому и не снимают черты еврейской оседлости, так как знают, чем живет полиция».

3

Экономическое положение Российской империи постепенно улучшалось: урожаи 1912 и 1913 годов были прекрасными, производство обрабатывающей и добывающей промышленности возрастало, потребление местных и иностранных товаров непрерывно росло. Несколько улучшилось и положение еврейского населения: возникали общества взаимного кредита, кооперативы и ссудо-сберегательные товарищества, которые поддерживали еврейских ремесленников и торговцев. Русский экономист отмечал в те годы: «Роль евреев в торговой жизни России громадна, они в значительной степени эту торговлю налаживают. Всякие тормозы в проявлении торговой энергии евреев отзываются болью в национально-экономическом теле России».

Это прекрасно понимали фабриканты и купцы внутренних губерний. Организаторы пушной ярмарки в Кургане просили правительство впустить евреев в город на трехнедельный срок, иначе «будет нанесен ярмарке смертельный удар и обнищавшее население останется с непроданным товаром». Общество фабрикантов и заводчиков Нижнего Новгорода упрашивало Совет министров прекратить преследования евреев во время ярмарочного сезона: в противном случае «заготовленные товары не найдут ни потребителя, ни покупателя, ни деятельного посредника». Иногда власти прислушивались к этим просьбам, но чаще всего они твердо стояли на своем. В первый день конской ярмарки в Тамбове губернатор выслал комиссионеров-евреев, которые закупали лошадей в австрийскую и немецкую армии, и в газетах сообщили: «Ярмарка сразу опустела, сделки затихли, и на третий день никто уже не покупал лошадей». Градоначальник Ялты заявил на заседании местного отделения Союза русского народа: «Дорогие моему сердцу союзники!.. Не сдавайте им квартир, не сдавайте помещений для торговли. Если жид будет давать тысячу рублей, не сдавайте ему, а лучше русскому за пятьсот рублей. Этим вы доймете жидов».

Осенью 1912 года началась предвыборная кампания в Четвертую Государственную Думу, и самая ожесточенная борьба проходила в Царстве Польском. Евреи Варшавы могли провести в Думу своего депутата, но их предупреждали со скрытой угрозой: «Избрание еврейского депутата будет сочтено польским обществом как объявление войны». Поля-

ки выдвинули в Варшаве кандидата от партии национал-демократов, известного своими антисемитскими взглядами, и после выборов в газете написали: «Сорок шесть еврейских выборщиков оказались неспособными довести дело до конца. У них хватило мужества не подавать голоса за польского антисемита, но не хватило мужества выбрать еврея». При поддержке выборщиков-евреев от Варшавы прошел в Думу рабочий-поляк, кандидат от социалистической партии; это было расценено как вмешательство евреев в «национальные выборы» и привело к вспышке антисемитизма в Царстве Польском.

Четвертая Дума начала свою работу в ноябре 1912 года; в ней заседали еврейские депутаты от Ковенской и Курляндской губерний и от города Лодзи: все трое – кадеты. В начале работы Думы В. Пуришкевич пообещал, что «правые не станут теперь требовать новых ограничений евреев в правах, а будут настаивать лишь на сохранении старых», – но действительность оказалась иной. На первой же сессии Дума приняла закон об ограниченном участии евреев в городском самоуправлении Царства Польского. Польские депутаты проголосовали за это совместно с правым большинством, которое в иных случаях ограничивало поляков в правах, – и депутат Ф. Родичев заявил по этому поводу: «Да что же это за несчастье быть русским или поляком, если быть русским – значит ограничивать кого-либо в правах, если быть поляком... – непременно ограничивать евреев в правах!»

Евреи Польши жили обособленно, по своим законам и традициям, говорили на идиш и не желали ассимилироваться. К ним присоединялись литовские евреи, переселявшиеся в промышленные центры Царства Польского в поисках заработка, и местное население с неудовольствием наблюдало за образованием в Польше «второй Иудеи». Положение становилось все более напряженным; сразу же после выборов в Думу зазвучали призывы к «мести», «расправе», «экономическому бойкоту». Уличная газетка «Два гроша» натравливала поляков на евреев и печатала списки еврейских фирм и магазинов, которые следовало бойкотировать. Группы нанятых подростков отгоняли покупателей от еврейских лавок; на дверях магазинов появились объявления о продаже «исключительно христианских товаров»; на собрании польского общества «Культура» провозглашали: «Дом за домом, лавку за лавкой, дело за делом – вот что нужно отобрать у евреев и передать в наши руки». Евреев бойкотировали повсюду: увольняли из ресторанов официантов, не заказывали работу у ремесленников, не пользовались услугами извозчиков. В школах избивали учеников-евреев; в деревнях крестьяне поджигали еврейские дома; заговорили уже о том, что евреи «захватили польскую музыку», а некий писатель-либерал заявил: евреи – «это блуждающие и кочующие крысы, которых надо уничтожить».

Пропаганда приносила свои результаты; антисемитизм проявлялся повсюду, и в газете появилось такое сообщение: «На днях в Варшаве упала на улице беременная женщина и тут же начала рожать. Вокруг роженицы собралась толпа мужчин и женщин, исключительно христиан, которые старались чем-либо ей помочь. Вдруг кто-то заявил: "Это – еврейка". Толпа немедленно растаяла, и больная осталась лежать на панели. Проходившая по улице еврейка подняла больную, посадила на извозчика и отвезла в ближайший еврейский родильный приют. Роженица, оказавшаяся христианкой, до сих пор лежит в этом приюте».

4

Евреи занимали видные места в Российской социал-демократической рабочей партии – РСДРП. Эти люди порвали с еврейством всякие связи, провозглашали себя интернационалистами, и в их среде были сильны ассимиляционные настроения. Из Царицына написали в газету: «Одна молодая еврейка приглашает свою подругу в театр. Та отвечает, что не может себе этого позволить ввиду траура по жертвам октябрьских дней. Наша социал-демократка с презрением стыдит подругу, на которую могли навлечь печаль какие-то еврейские погромы. Другое дело, говорит она, день девятого января, когда пролилась рабочая кровь. В этот день я сочту своим долгом наложить на себя траур».

Евреи входили в состав польской, украинской и белорусской социалистических партий, и С. Дубнов писал о них: «Это – последовательные ассимиляторы... Их народ – русский, а не еврейский народ, ибо понятие "народ" для них политически-территориальное, а не культурно-историческое... Они готовы признать широкую национально-культурную автономию всех подчиненных народностей России, кроме еврейской». Польские социалисты вели борьбу за собственные национальные интересы, а потому считали «ополяченных евреев собратьями, а евреев обособляющихся – элементом чуждым, а в известных случаях и враждебным». Социалисты-евреи тоже настаивали на полном слиянии евреев с польским народом, и Роза Люксембург призывала: «Пусть они учатся, думают и говорят по-польски, пусть празднуют польские праздники и забудут свой субботний отдых».

Деятельность Бунда и количество его членов постепенно сокращались: одни эмигрировали из России, другие отошли от политики и организовывали литературные, музыкальные и драматические кружки. В 1906 году Бунд вернулся в РСДРП с сохранением автономии в составе партии; в 1912 году – после окончательного разрыва между большевиками и меньшевиками – бундовцы остались с меньшевиками, которые признавали, в

отличие от большевиков, право евреев на национально-культурную автономию. Бундовцы постоянно боролись с сионизмом, «реакционным буржуазным и мелкобуржуазным националистическим» движением, и яростные споры на митингах и собраниях порой переходили в драки со многими пострадавшими. Против сионизма выступали и евреи-ассимиляторы, и в 1907 году в Петербурге появился еврейский антисионистский комитет. В газете «Рассвет» отметили с иронией: «В выпущенном им воззвании один лозунг: евреи, ради Бога, не идите за сионистами!.. Вам нужно равноправие и еще кое-что, скажем, чтобы не так сильно били... а сионисты проделывают свои эксперименты за счет еврейской крови и слез».

Однако сионистское движение в России разрасталось. Глава правительства Израиля Голда Меир вспоминала: «С детских лет я помню синюю жестяную копилку, что стояла у нас в гостиной рядом с субботними свечами, в которую не только мы, но и наши гости еженедельно опускали монеты; такая синяя копилка имелась в каждом еврейском доме, где мы бывали». Эти копилки Еврейского национального фонда стояли во многих домах и синагогах черты оседлости и предназначались для сбора средств на выкуп земель в Эрец Исраэль. Опуская туда свои копейки, многие понимали, что, скорее всего, они никогда не побывают на Святой Земле; землю выкупали для будущих поколений, для всего народа. Каждый приобретенный клочок Святой Земли рассматривался как общенациональная собственность: Еврейский национальный фонд мог сдавать ее в аренду, сажать на ней деревья, строить дороги и создавать новые поселения, но не имел права продать ни одного квадратного метра выкупленной земли. Российские евреи жертвовали в этот фонд гораздо больше, чем евреи других стран: бедняки отдавали свои копейки, а более обеспеченные – по три рубля на посадку оливковых деревьев в роще Теодора Герцля или по двадцать рублей на выкуп одного дунама земли. Богатые евреи дарили и завещали крупные суммы, и на деньги торговца чаем К. Высоцкого приобрели в Хайфе участок земли для строительства здания высшего учебного заведения – Техниона. А по Днепру плавали груженые суда купца первой гильдии Авраама Живова; каждое из них называлось «Герцль», и евреи прекрасно понимали, в честь кого дано такое название.

Первого сентября 1911 года в зрительном зале Киевской оперы во время антракта к председателю Совета министров П. Столыпину подошел молодой человек во фраке и выстрелил в него два раза, – это произошло на торжественном спектакле, в присутствии Николая II. В зале поднялась суматоха; молодой человек неторопливо пошел к выходу, но в дверях его схватили. Стрелял в Столыпина еврей Дмитрий Богров, сын киевского адвоката и богатого домовладельца, внук писателя Г. Богрова. «Да разве Богров – представитель еврейства?.. – говорил с

думской трибуны депутат Л. Нисселович. – С еврейством ничего общего у него нет. Еврейское население никакого отношения к убийству Столыпина не имело и не имеет...» Его речь прерывали криками и руганью; правые делегаты кричали: «К черту этого жида!»; в антисемитских газетах требовали «взять евреев в железо» и непременно устроить «жидовский погром – верный способ расплаты с еврейством».

Российские евреи с ужасом восприняли известие о покушении на Столыпина. В Киеве началась паника, и многие побежали из города, опасаясь погрома. Через несколько дней Столыпин умер от ран; паника в Киеве возросла во сто крат, на вокзале скопились тысячи евреев, и во всех направлениях отправлялись дополнительные поезда. Чтобы успокоить население, Николай II «повелел объявить непреклонную Свою волю: «Его Величество воспрещает толпе, обществам и отдельным лицам проявление своеволия, могущего вызвать беспорядок, дабы пребывание Его в древнем Киеве, на берегах днепровских и на Волыни не было ничем вновь омрачено». Власти предприняли решительные меры, спешно перебросили к городу войска и погрома в Киеве не допустили.

Убийца Столыпина двадцатичетырехлетний Дмитрий Богров, помощник присяжного поверенного, еще в студенческие годы примкнул к анархистам, затем отошел от них и под кличкой Аленский сотрудничал с киевским охранным отделением. На допросах Богров говорил: «Ни к какой партии я не принадлежу... Преступление совершено мною без предварительного уговора с другими лицами... Я решил убить Столыпина, так как считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна». На одном из допросов Богров признал, что «у него возникла мысль совершить покушение на жизнь государя, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром. Он, как еврей, не считал себя вправе совершить такое деяние...» Настоящие мотивы покушения на Столыпина так и остались невыясненными; возможно, Богров желал реабилитировать себя перед революционерами, которые подозревали его в измене, – известно только, что он просил согласия партии эсеров на это убийство, но не получил его. В газетах сообщали: «В течение нескольких лет Богров состоял сотрудником охранного отделения, оказывая ценные услуги и пользуясь, видимо, полным доверием. Билет в театр он получил от самого начальника киевского охранного отделения». По этой причине в обществе заговорили о том, что покушение на Столыпина организовали высшие чины министерства внутренних дел, чтобы избавиться от всесильного правителя, – и многие в это поверили.

Заседание военного суда продолжалось три часа. От защиты Богров отказался, и после короткого совещания суд приговорил его к смертной казни через повешение. Его казнили на Лысой Горе, в предместье Киева,

в ночь на двенадцатое сентября 1911 года; тело положили в яму, засыпали ее и сравняли с землей. В газете «Рассвет» писали: «При казни присутствовал общественный раввин. Передают, что перед смертью Богров хотел что-то сказать раввину, но потом отказался от этого желания. Группа представителей правых организаций... присутствовала при казни... чтобы убедиться, что будет казнен именно Богров и что вместо него охрана не повесит куклу... Выведенного на место казни Богрова они встретили градом насмешек... Конвоировавший его офицер спросил, узнают ли они Богрова, и они с радостью подтвердили, что осужденный есть "тот самый", которого они уже "побили" в театре. Во время погребения тела они осыпали казненного отборной площадной руганью и, уходя, унесли по куску веревки – "на счастье"».

С 1832 года между Российской империей и Северо-Американскими Соединенными Штатами существовал торговый договор, по которому американские граждане – без различия вероисповедания – могли беспрепятственно заниматься торговлей на территории Российской империи, а подданные России могли торговать в Северо-Американских Соединенных Штатах. Так продолжалось долгое время, но с конца девятнадцатого века зарубежных евреев начали пускать в Россию на ограниченный срок и по специальному разрешению министерства внутренних дел. Теперь уже американский еврей при пересечении границы Российской империи немедленно подпадал под действие антиеврейских законов, которые ограничивали его передвижение и торговлю. Даже американский посол в Стамбуле, еврей по происхождению, получил разрешение посетить Россию лишь на короткий период, и во время визита он находился под строгим надзором полиции.

В начале 1911 года еврейские организации Америки начали борьбу против этой дискриминации, и палата представителей американского конгресса подавляющим большинством голосов – триста один против одного – потребовала расторгнуть торговый договор с Россией, ибо права американских граждан «не должны терпеть ущерба ни на родине, ни на чужбине из-за их расы или религии». Такое же решение принял Сенат, и русский посол докладывал в Петербург: «Американские жиды ловко провели конгресс... Весь этот инцидент доказывает, главным образом, что американцы покуда еще стоят на весьма примитивной ступени общественного развития... Какие-либо уступки с нашей стороны, конечно, немыслимы». В декабре 1911 года американское правитель-

ство расторгло торговый договор с Российской империей. Тут же нашлись евреи в Америке, которые начали говорить: «В стране всего три миллиона евреев. Какой прекрасный повод для антисемитов заявить в очередной раз, что страной правит еврейское меньшинство». На это отвечал один из лидеров американских евреев Л. Маршалл: «Если борьба за равные права с другими гражданами делает нас непопулярными, придется это пережить. Мы никогда не избавимся от антисемитизма, если будем бояться выступать за свои интересы».

В российских газетах печатали статьи с призывом бороться «за национальное достоинство и против американского засилья». В газете «Земщина» написали: «Вся история с торговым договором задумана и осуществлена не американцами, а евреями». В зале Дворянского собрания в Петербурге состоялся митинг протеста, созванный правыми организациями. Ораторы провозглашали: «В целях достижения мирового господства американские евреи всеми силами стремятся добиться равноправия для евреев в России...» – «От приемов Америки мы должны кричать "караул"! Пора перестать быть глупыми и ложно думать, что американцы хороший народ. Их отношение к неграм во много раз хуже, чем у нас в России к евреям...» – «Пусть американские власти убедятся, что на попытку вмешаться в наши внутренние дела мы спокойно и с достоинством отвечаем: мы хозяева у себя дома!..» – «Шумные аплодисменты присутствующих. Единогласно принята резолюция о воспрещении въезда в Россию евреям – гражданам Северо-Американских Соединенных Штатов, исполнен гимн, и при криках "ура" публика разошлась».

Депутат П. Милюков говорил с думской трибуны: «Когда деревенский народ в случае холеры бросается на врачей или когда он верит толкам, что холера происходит потому, что колодцы отравлены (Голос справа: "А что вы думаете?")... этот деревенский народ надо учить. Когда член Союза русского народа пишет в "Русском знамени"... что смерть от паралича сердца свойственна правым общественным деятелям и что смерть эта причинена ядом "кураре", который распространяют масоны и еврейские банкиры, тогда я думаю, что этого человека надо лечить...» (Шум. Рукоплескания слева. Голоса справа: «Довольно!»)

В газете «Рассвет» сообщили: «Курская земская управа обратилась в Харьковский медицинский институт с просьбой командировать пять курсисток для борьбы с сыпным тифом... Поехали две курсистки-еврейки, но земство их не приняло и телеграфировало

в институт, чтобы евреек не посылали». Подобное происходило и во время эпидемии холеры: врачей-евреев не всегда принимали в медицинские пункты по борьбе с эпидемией и в отряды Красного Креста. В одной из деревень Харьковской губернии умерла еврейская девушка, которая ухаживала за холерными больными, и читатель написал в газету: «Нас не принимают, принципиально не принимают, а мы все равно добиваемся... "спасаем человечество", жертвуем собою... Мы работаем и умираем для тех, которые нашу работу отвергают, и мы настолько низко пали, что просим позволения умирать для других, что навязываем свои услуги, за которые нас в конце концов выбрасывают за дверь».

Из еврейских газет:

«Ярославль. В один из ресторанов ворвалась группа студентов Демидовского лицея и с криком "бей жидов" тяжко избила сидевшего в общем зале студента-армянина».

«Орел. Отставной полковник Гнаббе пришел в магазин Ранк за получением заказа, но оставшись недовольным исполнением, ударил хозяйку два раза. В полицейском участке полковник заявил, что ошибся, приняв г-жу Ранк за еврейку».

«Винница. В местную психиатрическую лечебницу доставлен из местечка Немирова больной Теплицкий, заболевший умственным расстройством на почве... еврейского бесправия. Вернувшись с военной службы, Теплицкий в течение нескольких лет не находил себе заработка, голодал с большой семьей и в конце концов пришел к заключению, что "евреям есть запрещается"... Две недели Теплицкий отказывался принимать пищу из-за этого "запрещения", и его пришлось поместить в больницу».

«Каменец-Подольский. В городе проведена интересная анкета, иллюстрирующая одно из гибельных последствий "черты". Оказалось, что 89% еврейских детей школьного возраста никогда не видели белки в лесу; 54% никогда не видели малины на кусте; 49% – грибов и живого ежа; 52% – ползущей улитки; 65% – дуба с желудями; 68% – васильков в поле; 33% – никогда не были в лесу».

«Одесса. Группа евреев возбудила перед градоначальником ходатайство о разрешении учредить "Общество евреев, молящихся Богу за царя и правительство". Общество это хочет проповедовать... глубокую преданность самодержавию и правительству; учредители его ссылаются на учение рабби Ханины, говорившего: "Молитесь о благополучии верховной власти: ведь если не страх перед ней, люди глотали бы друг друга живьем"».

Очерк сорок первый

Еврейские общественные организации.
Поэты и писатели. Издание книг и газет.
Участие в русской культуре. Крещения

1

Евреи Петербурга были зачинателями многих общественных дел. Еще в 1863 году там появилось Общество для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ); его первым председателем стал банкир барон Евзель Гинцбург, а затем его сын – барон Гораций Гинцбург. Общество выделяло пособия учащимся, покупало книги для еврейских училищ и библиотек, давало деньги на научные издания, открывало начальные еврейские школы и подготавливало для них учителей. Вслед за Петербургом отделения общества возникли в Одессе, Риге, Киеве, Москве, а затем еще в двадцати пяти городах России. Киевское отделение ОПЕ, к примеру, содержало два еврейских детских сада, хедер, библиотеку, субботнюю школу для взрослых. Общество существовало на взносы своих членов и на частные пожертвования и тратило на благотворительные цели до четырехсот тысяч рублей ежегодно.

При ОПЕ работало Еврейское историко-этнографическое общество, которое собирало и публиковало материалы по истории евреев России и Польши, устраивало публичные доклады, выпускало журнал «Еврейская старина». Под руководством писателя С. Ан-ского были проведены этнографические экспедиции в местечки Волыни и Подолии: записыва-

ли народные легенды и хасидские предания, собирали старинные предметы быта и исторические документы, сделали две тысячи фотографий. Композитор Ю. Энгель записывал в этих экспедициях мелодии народных песен, художник С. Юдовин привез множество зарисовок – этот огромный материал составил основу первого еврейского историко-этнографического музея в Петербурге.

Историко-этнографическое общество издало три тома архивных материалов, в которые вошли около двух с половиной тысяч документов, надписей, извлечений из русских актов и летописей, имеющих отношение к российским евреям. Составители писали в предисловии: «Из всех этих источников хлынули на нас факты, картины, идеи – новый богатый мир родной старины постепенно раскрывался перед нашими глазами. И что же!.. Прошедшее невольно сплелось с настоящим, в старом мы увидели новое, в новом старое, и жизнь во всей своей яркости, многообразии и жестковатой непосредственности охватила нас со всех сторон; мы ушли по горло во все ее мелочи и изгибы, но вышли оттуда мы, незадолго перед тем еще хмурые и вялые, крепкими, ясными; а главное – мы обрели ту устойчивость... которая придает жизни неисчерпаемую ценность и богатство... Снова заговорил разум, снова зацвели надежды!»

В 1880 году в Петербурге появилось Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ). В первые месяцы его существования пожертвования превысили двести тысяч рублей; деньги шли на создание и развитие ремесленных училищ, сельскохозяйственных поселений и школ земледелия, на обучение садоводству и огородничеству, на содержание классов рукоделия. В годовых отчетах о потраченных средствах можно прочитать: «за обучение портняжному ремеслу девицы Рахили Гутман в Хотимске», на покупку швейной машины «белошвейке Шпринце Гицис в Бельцах», на приобретение инструментов «переплетчику Янкелю Тетельбауму в Великих Луках», «жестяных дел мастеру Ш. Фридману в Полоцке», «кузнецу Менделю Сорочинскому в селе Буяново» и пр.

Петербургское Общество для научных еврейских изданий выпускало книги по истории и культуре еврейского народа; совместно с издательством Брокгауза и Ефрона оно выпустило шестнадцатитомную Еврейскую энциклопедию. Петербургское Общество любителей древнееврейского языка имело десятки отделений в городах черты оседлости: они распространяли литературу на иврите, основывали образцовые хедеры, еврейские библиотеки и курсы для изучения иврита. Общество еврейской народной музыки устраивало лекции и концерты исполнителей еврейской музыки, организовывало хоры и оркестры, собирало еврейские народные песни, награждало премиями за «музыкальные произведения еврейского характера». Одним из создателей общества был композитор

Михаил Гнесин, а его сестры Елена, Евгения и Мария Гнесины основали Московское музыкальное училище.

С 1908 года в Петербурге существовало Еврейское литературное общество с отделениями во многих городах. Оно основывало библиотеки, устраивало доклады о творчестве писателей и поэтов, литературные вечера и диспуты, выдавало пособия нуждающимся литераторам. Еврейское литературное общество и сто двадцать его отделений были запрещены летом 1911 года, одновременно с украинскими и польскими культурными организациями: за пробуждение «узкого национально-политического сознания» и «усиление национальной обособленности».

В 1911 году появилось в Петербурге Общество поощрения высших знаний среди евреев – для материальной помощи бедным студентам. Его основатель петербургский коммерсант М. Гинсбург ежегодно жертвовал на нужды общества семьдесят пять тысяч рублей, три четверти его бюджета. В 1912 году в Петербурге было создано Общество охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ) – для обследования физического и психического состояния еврейского населения и улучшения его санитарно-гигиенических условий. Первым председателем ОЗЕ стал контр-адмирал в отставке С. Кауфман, крещеный еврей, к концу жизни, по-видимому, вернувшийся к иудаизму. Общество организовывало в черте оседлости детские площадки, ясли и летние оздоровительные лагеря, открывало амбулатории, больницы, санатории и пункты «Капля молока» для бесплатного снабжения новорожденных молоком, предоставляло бесплатные лекарства для нуждающихся и обеды для школьников, распространяло брошюры о личной гигиене. Было в Петербурге и Общество гигиенических дешевых квартир для малоимущих еврейских семей, а также несколько обществ пособия бедным евреям.

С 1908 года открылись в Петербурге Курсы востоковедения, которые основал барон Давид Гинцбург. Это было первое в России светское еврейское высшее учебное заведение с пятилетним сроком обучения. Около тридцати человек занимались на курсах по обширной программе: Тора и Талмуд, иврит, арамейский и арабский языки, талмудическая и раввинская литература, история еврейского народа и пр. Востоковед Д. Гинцбург был ректором и преподавателем на этих курсах; после смерти отца, Горация Гинцбурга, он возглавлял еврейскую общину Петербурга и взял на себя гигантскую благотворительную деятельность, которой славилась их семья.

Давид Гинцбург умер в 1910 году, и в еврейской газете отметили: «У всех евреев в России умер “барон”. Каждый еврей в России привык... представлять барону массу своих забот: ведь он в Петербурге и сделает все, что нужно. Прежде Бог, а потом барон. Какое бы ни случилось несчастье – барон, одно исцеление от всех недугов... И Давид Гинцбург до-

бросовестно выполнял эту миссию. Ночь он отдавал книге, а день – человеку. Сотням, тысячам лиц оказывал он помощь; тайно помогал тому или другому и никому не отказывал... Его деятельность была похожа на деятельность наших раввинов прошлых поколений: случился погром – раввин наскоро надевал свой кафтан и бежал к полицмейстеру, к губернатору. Пришла еврейка с жалобой, что у нее украли белье с чердака, он надевал свой кафтан и бежал спасать. И то и другое он делал с одинаковым энтузиазмом. У Давида Гинцбурга мы наблюдали это явление ежедневно. Малое или великое – энтузиазм был тот же... Я понимаю простого еврея, когда он узнал печальную весть, что умер Давид Гинцбург; тогда он воскликнул: "Господи! Что же теперь будет?.."»

2

Незадолго до закрытия Еврейского литературного общества В. Жаботинский прочитал в его киевском отделении доклад на тему «О еврейских языках». Громадный зал был переполнен; слушали с неослабевающим интересом, так как «острая и жгучая» тема вызывала постоянные споры среди еврейской интеллигенции России. Это был «спор языков» между «гебраистами» и «идишистами» – какой язык признать родным для еврейской общеобразовательной школы: древнееврейский – иврит или «жаргон» – идиш. «Гебраисты» – многие из них были сионистами – вводили в школах преподавание предметов на иврите, организовывали кружки для изучения этого языка; самые радикальные из них презирали идиш, «язык рассеяния», и провозглашали: «Или по-древнееврейски, или по-русски». «Идишисты» – и среди них бундовцы – отрицали «мертвый» древнееврейский язык и пропагандировали идиш, язык народных масс, язык улицы и семьи. Публичные диспуты между представителями двух направлений доходили порой до скандалов, и каждая сторона требовала, чтобы выступали лишь на том языке, который она признавала.

«Спор языков» затронул и литературу. Это был давний спор, еще со второй половины девятнадцатого века: какой язык предпочтительнее для еврейского писателя в России – иврит, идиш или русский. Менделе Мойхер Сфорим (Шолом Абрамович) начинал писать на иврите, но затем перешел на идиш. «Наши писатели смотрели на жаргон свысока и с полнейшим презрением... – вспоминал он. – Меня очень смущала мысль, что если я стану писать на жаргоне, то этим унижу себя; но сознание пользы дела заглушило во мне чувство ложного стыда, и я решил: будь что будет – заступлюсь за отверженный жаргон и буду служить своему народу». Менделе Мойхер Сфорим (в переводе это означает Менделе Книгоноша) самые известные свои рассказы и повести написал на идиш –

10. Зак. 3898.

о жителях Тунеядовки, Глупска и Кабцанска («кабцан» – нищий). На собрании Еврейского литературного общества в Одессе престарелый «дедушка еврейской литературы» сказал: «Странный народ – евреи! Все, наоборот, имеют по одному языку, а у них два, и они, видите ли, обижаются: много! У всех один, а у нас два! Да ведь это неслыханное богатство, единственное в истории, а глупцы хотят от него отказаться... Пишите на том языке, который вам по душе... Перестаньте спорить и пишите побольше и получше – вот что я думаю!»

Менделе Мойхер Сфорим

Но «спор языков» не прекращался. Лев Леванда писал на русском языке, а потому советовал начинающему литератору: «Ты не пиши на идиш. Это отвратительный язык. Ты пиши по-русски, потому что ты живешь в России». Популярный среди литовского еврейства Айзик Дик писал на идиш и говорил тому же литератору: «Напрасно вы пишете по-русски. Пишите на идиш, чтобы вас могла понимать всякая еврейская женщина». Реформатор иврита Элиэзер Бен-Иегуда провозглашал, что у народа не должно существовать двух языков для разных сфер жизни: иврит – язык священных книг, язык молитв и общения со Всевышним, и идиш – язык повседневной жизни. Язык должен быть один, и это – иврит.

Во второй половине девятнадцатого века появились в продаже бульварные романы на идиш с интригующими названиями – «Кровавая месть», «Нищий миллионер», «Наслаждения любви» и тому подобное. Это были переводы и переделки французских бульварных романов: какого-нибудь «принца Рудольфа» заменяли на «миллионера Кнобельгольца», и получался роман «из еврейской жизни». Прославился на этом поприще Н. Шомер, который выпускал на идиш до двадцати пяти романов в год. Издатели платили ему по три рубля за очередное сочинение, и он говорил: «Сегодня утром я начал роман в двух частях, а закончу его послезавтра. Издатели не любят долго дожидаться, да и кушать надо».

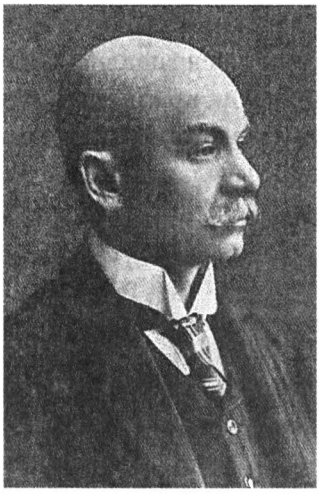
В книгах Шомера были измены и убийства, яд и кинжал, короли и графы; местечковые нищие в его романах неожиданно превращались в богачей, бедный ремесленник оказывался тайным герцогом, красавица-принцесса влюблялась в ученика иешивы, – и девушки в черте оседлости зачитывались этими книгами. Одна из книг Шомера называлась так: «Негр Отелло – знаменитый роман известного философа Шекспира, значительно нами исправленный и улучшенный». В предисловии автор писал: «Этот знаменитый роман обладает сверхъестественной силой разжигать кровь читателей, как бенгальский огонь... До напечатания мы дали роман для прочтения многим видным лицам и сами видели, как у них струились слезы из глаз и страшный холод пробегал у них по костям; а весьма образованная В., прочтя роман, почувствовала себя крайне ослабленной».

Шолом-Алейхем

Одним из первых стал бороться с бульварными романами Шолом-Алейхем (Шолом Рабинович) – не только статьями на эту тему, но, главное, своими рассказами и повестями на идиш, которые вытеснили Шомера и ему подобных. Шолом-Алейхем создал мир Мазеповки и Касриловки; в этом мире жили «маленькие люди с маленькими мечтами», «заплатных дел мастера»: «гол да весел», «чем беднее, тем веселее, чем голоднее, тем песня звонче». Его герои – Тевье-молочник, мальчик Мотл, «человек воздуха» Менахем Мендл сделались воистину народными героями. Шолом-Алейхем стал самым любимым еврейским писателем; его книги расходились огромными тиражами, их переводили на иврит, русский, английский – с примечанием «перевод с идиш», то есть с того языка, которым пренебрегали многие писатели. Шолом-Алейхем умер в Нью-Йорке, и на его похороны пришли сто тысяч человек – в основном бывшие российские евреи, переселившиеся в Америку.

Поэт Семен Фруг прославился своими стихотворениями на русском языке, которые печатались в еврейских и русских журналах. Это он

Цветокъ

Сегодня мнѣ друзья прислали
Съ затѣйливой записью букетъ —
Изъ нѣжныхъ прихотливыхъ созвучій
Благоухающій сонетъ.

Какъ прихотливо рѣзвовались
Въ немъ тубероза съ резедой,
Со львинымъ зѣвомъ орхидея
И съ пряностью левкой.

И, чудная, жаркимъ вдохновеньемъ
Дыша, средь нихъ пламенѣ ты,
Волшебствуя сказочъ царевною,
Цвѣтокъ — Любовь и Красота!

С. Фруг и его факсимиле

написал: «Два достоянья дала мне судьба: жажду свободы и долю раба». Стихи Фруга оказали влияние на многих еврейских поэтов; их читали на собраниях и в еврейских домах и заучивали наизусть; они стали популярными песнями, о которых Фруг сказал: «Каждое слово в той песне – стон из родных мне могил, сотен замученных жизней, сотен загубленных сил». «Читая его русские стихи, – отметил Х. Н. Бялик, – я чувствовал в каждом слове язык предков, язык Библии, я чувствовал душу человека, страждущего за еврейский народ». Десятки тысяч людей шли в Одессе за гробом поэта, который написал такие строки:

Будем жить, моя родная,
В наши тягостные дни,
На могилах зажигая
Поминальные огни!

И. Л. Перец

Будем жить, к лазури вечной
В нашем горе вековом
Вознося свой гимн сердечный,
Свой рыдающий псалом!
Будем жить и страстной жаждой
Счастья, радости растить
Нивы нашей колос каждый, –
Будем жить!..

Ицхак Лейбуш Перец из Варшавы – один из основоположников литературы на идиш – писал стихи, рассказы, повести, пьесы, сказки и истории для детей, используя народный фольклор, хасидский быт и предания. Шолом Аш воспевал в повестях и пьесах на идиш обитателей «штетла» – еврейского местечка. Семен Ан-ский (Шолом Раппопорт) писал по-русски и на идиш и прославился своей драмой «Диббук». Поэт Шауль Черниховский сочинял на иврите стихи, поэмы и баллады, а также идиллии о жизни евреев черты оседлости:

Под вечер реб Мордехай, зерном торговавший в Подовке,
Сел на крылечке у хаты, обмазанной свежею глиной,
Скромно стоявшей в венках темно-красного перца...

Хаим Нахман Бялик писал в основном на иврите, и М. Горький отметил: «Для меня Бялик – великий поэт, редкое и совершенное воплощение духа своего народа... Он любит народ свой до отчаяния, он говорит с ним языком мстителя, оскорбляет его, кричит голосом Байрона:

И когда я погибну в вашем брошенном храме,
Захлебнусь в моей злобе –
Пусть умру средь молчанья: не пятнайте слезами
Мою память во гробе.
Семь пожаров Геенны, что прошел я при жизни,
Пусть найду и в могиле,
Лишь бы худшей из пыток – вашим плачем на тризне
Вы меня не казнили.
Дайте гнить без помехи, глядя мыслью бессонной,
Как гниете вы сами,
И обглоданной пастью хохотать о бездонной
Вашей муке и сраме...»

И далее у М. Горького: «Но это гнев любящего, великий гнев народного сердца, ибо поэт – сердце народа. Сквозь вихрь гнева, скорби и

тоски пробивается ярким лучом любовь поэта к жизни, к земле и его крепкая вера в духовные силы еврейства: "Мы – соперники Рока, Род последний для рабства и первый для радостной воли!" Эта вера Бялика не вызывает сомнения у меня: народ Израиля – крепкий духом народ, – вот он дал миру еще одного великого поэта...»

3

В первом десятилетии двадцатого века значительно возросло в России издание книг на иврите и на идиш: по количеству экземпляров оно занимало третье место после книг на русском языке и на польском. В 1910 году в Царстве Польском увидели свет 463 книги на иврите и идиш тиражом в миллион экземпляров, а в остальных губерниях черты оседлости – 441 книга тиражом в миллион двести сорок тысяч экземпляров. Еврейские издатели выпускали молитвенники, книги о законах и обычаях повседневной еврейской жизни, раввинскую литературу; с начала девятнадцатого века в Российской империи увидели свет сто десять изданий Библии и двадцать полных изданий Талмуда. Виленская типография «Вдова и братья Ромм» была крупнейшей в мире по выпуску книг на иврите; в ней подготовили к изданию и отпечатали Вавилонский Талмуд со многими комментариями, который прославил эту типографию во всем мире. Правительственный чиновник сообщал о деятельности этой типографии: «Вильно является поставщиком Талмуда для всего света... Экземпляров Талмуда печаталось так много, что часто, несмотря на свои пятнадцать больших типографских машин, эта типография должна была заказывать свои работы по другим типографиям, чтобы удовлетворить заказчиков».

В 1910 году в России было двадцать пять газет на иврите и шесть газет на идиш, а также еврейские газеты на русском и польском языках. Первая ежедневная газета на идиш « Дер Фрайнд» стала выходить в Петербурге с 1903 года: ее тираж достигал пятидесяти тысяч экземпляров; в Варшаве выходили на идиш ежедневные газеты «Хайнт» и «Момент». Первая в мире ежедневная газета на иврите «Гайом» вышла в Петербур-

Гацофе. עתון יומי. Hazofe.

Титульный лист газеты «Гацофе»

ге еще в 1886 году; по тем временам это было сенсацией, и многие не верили, что на этом «мертвом» языке можно писать на самые злободневные темы. В начале двадцатого века в Петербурге выходила на иврите ежедневная газета «Гамелиц», в Вильно – «Газман», в Варшаве – очень популярная «Гацфира», и одну из своих поэм Ш. Черниховский начинал такими словами:

Реб Элиокум, резник, встает неспешно со стула,
Все нумера «Гацфиры» сложил и ладонью разгладил,
Выровнял, ногтем провел по краям. Ему «Гацфира»
Очень любезна была, и читал он ее со вниманьем...

Центром издания еврейских газет и журналов на русском языке был Петербург. С 1881 по 1906 год там выходил ежемесячник «Восход» и «Недельная хроника Восхода»: их основал и многие годы редактировал А. Ландау. Выходили в Петербурге еженедельник «Будущность», научный журнал «Еврейская старина», сборник «Пережитое»; сионисты издавали ежемесячник «Еврейская жизнь», еженедельники «Хроника еврейской жизни» и «Рассвет». На иврите, идиш и русском языке выходили газеты, литературные сборники, детские журналы в Елисаветграде, Белостоке, Одессе, Лодзи, Луганске, Вильно, Полтаве и Ялте: одни из этих изданий существовали короткое время, а другие выходили малыми тиражами несколько лет подряд.

Еврейские газеты в России

Со второй половины девятнадцатого века евреи принимали участие в издании русских газет. О. Нотович выпускал в Петербурге газету «Новое время» – в ее либеральный период, а затем еженедельник «Новости». А. Липскеров основал в Москве газету «Новости дня» и «Новости иностранной литературы»; М. Кулишер редактировал киевскую «Зарю», одну из лучших провинциальных газет, И. Кугель – «Киевскую мысль», а затем петербургскую газету «День». Юрист И. Гессен был среди основателей авторитетного юридического еженедельника «Право» и одним из редакторов кадетской газеты «Речь». Я. Гуревич издавал в Петербурге педагогический журнал «Русская школа»; театральный критик А. Кугель основал и редактировал еженедельник «Театр и искусство», создал театр пародии и сатиры «Кривое зеркало».

Участие евреев в русской культуре, науке и общественной жизни непрерывно возрастало. И. Ефрон основал фирму «Брокгауз и Ефрон» и издавал «Библиотеку великих писателей», «Библиотеку самообразования», «Библиотеку естествознания», «Библиотеку промышленных знаний»; он же выпустил Большой энциклопедический словарь в восьмидесяти шести томах, а затем шестнадцатитомную Еврейскую энциклопедию. «Товарищество М. О. Вольфа» было одним из ведущих издательств на русском языке; Н. Цейтлин выпустил в издательстве «Просвещение» свыше пятисот книг и двадцатитомную энциклопедию; И. Кнебель основал первое в России специализированное издательство изобразительного искусства; братья А. и И. Гранат выпускали энциклопедии; З. Гржебин основал издательства «Пантеон» и «Шиповник», а Н. Столяр – «Универсальное издательство» и издательство «Современные проблемы».

Дирижер С. Кусевицкий создал в Москве симфонический оркестр и «Российское музыкальное издательство» – для пропаганды русской музыки. С огромным успехом гастролировал по миру скрипач Б. Губерман: городской совет Генуи пригласил его дать концерт на скрипке Паганини, которую хранили как национальную реликвию. Э. Купер дирижировал оркестром Большого театра в Москве, А. Хессин – симфоническими оркестрами Петербурга, Москвы и Киева. С большим успехом выступало «Московское трио», один из первых в России постоянных ансамблей камерной музыки – скрипач Д. Крейн, пианист Д. Шор, виолончелист Р. Эрлих. Скрипач-виртуоз Яша Хейфец из Вильно начал выступать с шестилетнего возраста – «маленький мальчик с золотыми кудряшками и маленькой скрипочкой в руке»; с девяти лет он учился в Петербургской консерватории и с колоссальным успехом выступал в России и за границей: его приравнивали к «категории гениев» наравне с А. Рубинштейном и Ф. Листом. Композитор И. Сац писал музыку к спектаклям Московского Художественного театра; музыковед Н. Берн-

штейн был инициатором создания Петербургской народной консерватории и общества музыковедов; П. Столярский стал основателем одесской скрипичной школы; композитор и пианист С. Майкапар вел класс фортепиано в Петербургской консерватории и написал более двухсот пьес, которые вошли в учебный репертуар начинающих пианистов. Дирижер военного оркестра С. Чернецкий сочинял военные марши, ставшие классическими в русской, а затем и советской армии; военный дирижер М. Кюсс написал знаменитый вальс «Амурские волны».

Яша Хейфец

Математик С. Дикштейн был одним из основателей польских физико-математических журналов и председателем физико-математического общества в Варшаве. В востоковедении и семитологии успешно работали А. Гаркави – почетный член научных обществ разных стран и Д. Хвольсон – почетный член Петербургской Академии наук. Получили признание философы С. Франк и Л. Шестов, литературоведы Ю. Айхенвальд, А. Волынский, М. Гершензон, А. Горнфельд; историк русской литературы С. Венгеров руководил изданием «Библиотеки великих писателей», был основателем и первым директором Книжной палаты. Во время ссылок на Дальний Восток евреи одними из первых начали исследовать культуру и быт малых народов Севера. Л. Штернберг изучал быт гиляков на Сахалине, В. Иохельсон – язык юкагиров в Якутии; В. Богораз исследовал на Колыме языки и фольклор чукчей, эвенов и других малых народов, а впоследствии составил первый словарь и грамматику чукотского языка. В. Богораз, В. Иохельсон и Л. Штернберг участвовали в северо-тихоокеанской экспедиции, которая установила связь народов Азии и Америки – через Тихий океан, по «мосту народов».

С огромным успехом шли в русских театрах пьесы Ш. Аша и Я. Гордина в переводе с идиш, а также пьесы Д. Айзмана, О. Дымова, С. Юшке-

вича, написанные на русском языке. (На другой день после петербургской премьеры пьесы Ш. Аша «Бог мести» драматурга выслали из столицы, потому что у него не было права на жительство. «Пьеса моя может жить в Петербурге, – писал он. – А я не могу».) Режиссер А. Санин был среди основателей Московского Художественного театра – в этом театре с успехом выступал актер Л. Леонидов (Вольфензон); братья Роберт и Рафаил Адельгеймы первыми сыграли на провинциальной сцене Отелло, Гамлета, Фауста, короля Лира, Шейлока и другие роли мирового классического репертуара. Художник Л. Бакст – один из основателей творческого объединения «Мир искусства» – оформлял спектакли в Александринском театре в Петербурге, создавал костюмы и декорации для спектаклей балетной труппы С. Дягилева во время «Русских сезонов» в Париже, сыграл огромную роль в развитии русского и европейского театра. Художник Л. Пастернак преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и стал учителем многих русских художников. И. Пэн открыл в Витебске школу живописи и рисования, в которой учился молодой М. Шагал; евреи-художники основывали школы живописи в Риге, Минске, Одессе, Кишиневе, Баку и Ашхабаде; на выставках появились картины авангардистов Н. Альтмана и Р. Фалька.

Портрет Марка Шагала.
Художник И. Пэн

Адвокат О. Грузенберг выступал защитником на процессах М. Горького, В. Короленко, К. Чуковского, армянских социалистов и прославился огромным количеством оправдательных приговоров. Современник называл его «адвокатом Божьей милостью, в распоряжении которого

находился огромный ораторский талант, остроумие и превосходная эрудиция на фоне высокой общей культуры».

В 1912 году первый полет с пассажирами из Берлина в Петербург совершил пилот В. Абрамович, внук писателя Менделе Мойхер Сфорима.

4

В недолгий либеральный период 1905–1907 годов автономные советы профессоров российских университетов и институтов принимали евреев с превышением процентной нормы, а то и вообще без ограничений, по результатам приемных экзаменов. Количество студентов-евреев возросло в несколько раз; даже в Военно-медицинскую академию, закрытую для евреев много лет, попали по «Высочайшему повелению» несколько «лиц иудейского исповедания». Министр народного просвещения заявил: «Я сторонник немедленной отмены процентной нормы», которая придумана «как будто не людьми, а какими-то врагами рода человеческого». Но либеральный период быстро закончился; в 1907 году председатель Совета министров П. Столыпин написал в ответ на обращение Киевского отдела Союза русского народа: «Безобразный прием евреев в Киевский политехникум уже обратил на себя мое внимание, и я принял соответствующие меры». А в 1908 году Николай II вновь подтвердил процентную норму – теперь уже законодательным образом. Для университетов и институтов она сохранилась прежней: десять процентов в черте оседлости, пять – вне черты, в Москве и Петербурге – три процента. Для средних учебных заведений ее немного повысили: пятнадцать процентов в черте оседлости, десять – вне черты, пять – в столицах, но процентную норму распространили теперь и на некоторые училища, в которых она прежде не применялась.

И снова повторилась прежняя ситуация: евреи – выпускники казенных гимназий с золотыми и серебряными медалями оказывались за стенами высших учебных заведений и отправлялись на учебу в европейские университеты. Перед Первой мировой войной в странах Европы обучались двенадцать тысяч студентов из Российской империи, и более шестидесяти процентов из них составляли евреи. Из-за огромного наплыва иностранных студентов недоставало мест в аудиториях; бывало так, что лекции слушали стоя, а для работы в лабораториях записывались в очередь за несколько семестров вперед. И потому в университетах Европы начали ограничивать прием иностранцев, а в Берлине и Мюнхене их вообще перестали принимать.

Чтобы обойти процентную норму, в российских городах открывали частные гимназии и реальные училища, начальные и профессиональные школы, в которые евреев принимали без ограничений. Как правило,

выпускные аттестаты частных гимназий не давали права на поступление в высшие учебные заведения, но ученики сдавали затем экзамены экстерном в одной из казенных гимназий, так как на экстернов не распространялась процентная норма. Появились в России и частные высшие учебные заведения, в которых не существовало процентной нормы. У них не было прав казенных университетов и институтов; их диплом не давал никаких преимуществ, но оставалась надежда – по окончании курса лекций – сдать экзамен на получение государственного диплома, а с ним обрести право на повсеместное жительство.

В Петербурге для евреев были открыты без ограничений частные женские Бестужевские курсы, Психоневрологический институт профессора В. Бехтерева, Вольная высшая школа профессора П. Лесгафта. Эти учебные заведения не давали права жительства во время обучения, и потому начинались мытарства: бегство от полиции, жизнь впроголодь, погоня за заработком – на пропитание, жилье и, главное, на учебу, которая стоила недешево. Бывало так, что еврейка брала в полиции желтый билет проститутки, чтобы получить право жительства и учиться на Бестужевских курсах; бывало и так, что слушатель Психоневрологического института, одаренный музыкальным талантом, поступал одновременно в Императорскую консерваторию, которая давала право на временное жительство, – но в этом случае ему приходилось платить за обучение в двух местах. Несмотря на многие трудности, высшие курсы были переполнены еврейской молодежью, а их стремление к образованию поражало сторонних наблюдателей: «Еврейская молодежь стекается со всех

сторон в большие города, где все учатся, учат других и голодают. Эти обиженные судьбой молодые люди... выжимают из себя все соки, все силы на достижение двух-трех уроков за один-два рубля в месяц... живут по пять-шесть человек в вонючей каморке, спят на голом полу, питаются хлебом и водой и вечно учатся».

В 1911 году процентную норму распространили и на экстернов, и это лишило многих единственно доступного способа получения казенного диплома: количество экстернов-христиан было настолько ничтожным, что малый процент от него приближался к нулю. Новое постановление вызвало переполох среди еврейской молодежи, и современник восклицал в отчаянии: «Сколько голода, холода и горя выносят эти подростки в своей погоне за ярлыком образованного человека – а многим ли улыбнется удача? У пяти человек не хватит сил доучиться, трех сгрежут, девятый покончит самоубийством или уедет в Америку, и только один выйдет, может быть, "в люди", чтобы потом не иметь доступа ни на земский пост врача, ни в присяжную адвокатуру... Но что теперь будет, куда они теперь кинутся – на это никакая фантазия не в силах дать ответ...»

Это была жизнь в непрерывных лишениях и унизительных просьбах вымолить хотя бы часть того, на что другие подданные Российской империи имели право от рождения. Перед многими возникала одна и та же проблема: существовать впроголодь под угрозой выселения, унижаться, бегать от полиции, навсегда, быть может, отказаться от образования – или креститься и немедленно получить равные со всеми права. Соблазн был велик, и требовалась большая нравственная сила, чтобы устоять.

Рекламы в еврейских газетах

В Варшаве крестилась группа евреев и затем без помех попала в университет; в Киеве исключили из коммерческого училища восемьдесят студентов-евреев: они тут же крестились, и их приняли обратно. Эта тема широко обсуждалась на страницах русских и еврейских газет; на эту тему много говорили в домах и на собраниях; пятьсот еврейских юношей Екатеринослава и Минска опубликовали в газетах свой протест: «Уход от иудейства есть уход от еврейского народа, уклонение от участия в общем страдании».

Те, что стояли перед выбором – креститься или не креститься, задавали простой вопрос: «А почему нельзя?» Им отвечал В. Жаботинский в одном из своих фельетонов: «Когда мы себя об этом спрашиваем, то оглядываемся назад, и нашему духовному взору открывается картина, которая лучше всякого ответа. Перед нами расстилается необозримая равнина двухтысячелетнего мученичества; и на этой равнине, в любой стране, в любую эпоху, видим мы одно и то же зрелище: кучка бедных, бородатых, горбоносых людей сгрудилась в кружок под ударами, что сыплются отовсюду, и цепко держится нервными руками за какую-то святыню. Эта двадцативековая самооборона, молчаливая, непрерывная, обыденная, есть величайший из национальных подвигов мира... Сами враги наши снимают шапку пред величием этого грандиозного упорства... В этом упорстве наша высокая аристократичность, наш царский титул, наше единственное право смотреть сверху вниз. И теперь, над могилами несметного ряда мученических поколений, разорвать этот круг, распустить самооборону, выдать старое знамя старьевщикам? Что же нам останется? Как это мыслимо? Как это возможно?!..»

В то время появились и «кающиеся» евреи, которые долгое время были оторваны от еврейства и искали теперь пути к нему. О них писал С. Ан-ский в частном письме: «Ощущение у них такое, что они во имя национальной идеи отошли от чего-то универсального к маленькому и бедному, но своему. И в этом большая ошибка. Происходит она оттого, что те, которые жили вне своего народа, знают еврейство только с внешней его стороны, видят в нем только горе, страдание и нищету. Вернуться из яркого мира европейской культуры к покрытому язвами старому нищему только потому, что он родной, конечно, подвиг. Но эти возвращающиеся не понимают одного, что нация живет не страданиями, а восторгом сознания своего “Я”, радостным творчеством, гордостью своей культуры, поэзией своего бытия. Только этим. Не будь этого, еврейского народа давно бы не существовало... На возвращение к еврейству можно и должно смотреть поэтому не как на подвиг, не как на самоограничение, а как на “ввод в наследство”, как на приобщение к огромному богатству, которым можно радостно и гордо жить».

Семнадцатилетний Моисей Гинсбург – уроженец местечка Волынской губернии, из бедной многодетной семьи – поехал в Гамбург, нанялся матросом на парусник и добрался до Нью-Йорка. В Америке он работал на железной дороге, торговал вразнос, скопил деньги на билет и уехал в Японию, имея в кармане пять долларов. Там он стал со временем главным поставщиком русской Тихоокеанской эскадры; о нем говорили, что Гинсбург «делал часто такие дела, которые никто другой не мог бы выполнить»; о нем вспоминал впоследствии великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат Николая II: «Он был нашим благодетелем, от которого зависел весь наш Тихоокеанский флот... Стоило лишь передать заказ через его агентов, и все необходимое доставлялось в срок... От булавки до корабельного якоря и от заклепки до дымовой трубы – все приходилось доставать с помощью Гинсбурга...» У него появились деньги, и Гинсбург стал помогать евреям родного местечка: построил там синагогу, больницу, школу, ремесленное училище, привел в порядок кладбище, кормил бедных жителей. На средства Гинсбурга построили синагогу и приобрели землю под кладбище для небольшой еврейской общины города Нагасаки. Перед русско-японской войной Гинсбург создал в Порт-Артуре запасы продовольствия, угля и медикаментов, которые понадобились во время осады; на его средства были эвакуированы из осажденного города сотни семейств офицеров, чиновников и прочих лиц. Затем он поселился в Петербурге, построил еврейский дом для престарелых на двести человек, который содержал за свой счет, давал щедрые пожертвования на нужды еврейской общины столицы. В 1911 году Моисей Гинсбург основал в Петербурге Общество поощрения высших знаний среди евреев, чтобы помогать бедным студентам, и ежегодно жертвовал на нужды общества три четверти его бюджета. Когда эскадра адмирала З. Рождественского отправилась в кругосветное путешествие, Гинсбургу поручили снабжение ее углем и провиантом на всем пути плавания, и он прекрасно справился с этой задачей. Был награжден российскими орденами, получил чин действительного статского советника; во время Первой мировой войны выполнял важные поручения правительства, основал в Петербурге госпиталь на свои средства, помогал семьям погибших моряков русского флота. В 1917 году он уехал в Японию и построил дом для приема и содержания русских беженцев. Жил затем в Париже; денег у него было уже немного, но он продолжал оказывать помощь, особенно бывшим русским морякам. Современник писал:

«Его дающая рука не оскудевает. Следует воздать должное не только уму и энергии Моисея Гинсбурга, но в большей мере – его безграничной сердечной доброте». Моисей Гинсбург умер в Париже в 1936 году.

Петербургский купец Л. Фридланд собрал библиотеку редчайших еврейских книг и рукописей и подарил Азиатскому музею в Петербурге тринадцать тысяч книг и триста рукописей. Семья банкиров Гинцбургов владела одной из крупнейших библиотек в Европе с книгами и рукописями на иврите, арабском и персидском языках. Барон Д. Гинцбург завещал собрание книг публичной библиотеке в Иерусалиме; их не успели вывезти до начала Первой мировой войны, а затем советская власть запретила вывоз библиотеки Гинцбургов из России. Библиотеки с редкими экземплярами еврейских книг и рукописей собрали московские библиофилы З. Персиц и О. Гавронский. Варшавский библиофил И. Беренштейн владел одной из самых крупных в мире коллекций книг и рукописей по еврейской этнографии и фольклору и выпустил сборник, в который вошли четыре тысячи еврейских пословиц и поговорок, записанных в России, Польше и Галиции. Ш. Леман из Варшавы на свои средства организовывал экспедиции в еврейские местечки и собрал более пяти тысяч еврейских песен, тридцать тысяч пословиц, тысячи сказок, преданий и анекдотов. Собиратель книг М. Страшун подарил еврейской общине Вильно свою огромную библиотеку, которая составила основу общественной библиотеки города. В Одессе существовала библиотека общества приказчиков-евреев с редкими изданиями Библии и Талмуда.

Книги на иврите выпускали одесское издательство «Мория», варшавские – «Ахиасаф» и «Тушия»; издательство «Идише библиотек» в Варшаве выпускало книги на идиш. В 1911 году В. Жаботинский основал в Одессе издательство «Тургеман» – «Переводчик» для перевода на иврит классиков мировой литературы. Х. Н. Бялик перевел на иврит «Дон Кихота» Сервантеса; Ш. Черниховский переводил на иврит Гомера, Софокла, И. В. Гете, В. Шекспира, Г. Лонгфелло; Д. Фришман – Д. Байрона, И. В. Гете, В. Шекспира, Ф. Ницше, А. Пушкина (первым перевел стихи Пушкина на иврит Л. Мандельштам – еще в 1847 году). Появились переводы на иврит М. Лермонтова, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова, В. Гюго, Э. Золя и других писателей.

В 1908 году драматург П. Гиршбейн основал в Одессе театр на идиш, гастролировавший в городах и местечках черты оседлости. Через год Н. Цемах создал в Белостоке драматический кружок на иврите, который впоследствии превратился в театр «Габима». С большим успехом выступал в Петербурге, Москве и в других городах варшавский театр на идиш А. Каминьского; главные роли в спектаклях играла «мать еврейского театра» знаменитая Эстер Каминьская. Ш. Гинзбург и П. Марек собрали и выпустили первый в России сборник текстов еврейских народных песен. Киевский адвокат М. Варшавский сочинял тексты и мелодии песен на идиш, многие из которых стали народными – «Ойфн припичек», «Алеф-бейс» и др. «Плакать – по-нашему это жить, – сказано в одной из его песен. – Жить – это страдать и петь песни».

Внедрение евреев в культурную и общественную жизнь России вызывало беспокойство русской интеллигенции и споры на эту тему. Писатель и критик К. Чуковский считал, что уход евреев в русскую культуру нанесет вред их национальной культуре: «Они идут в компиляторы, переводчики, рецензенты, в репортеры, интервьюеры, хроникеры... Пропеть на весь мир «Песнь песней» и потом пойти в хористы чужой, полудикой литературы, чтобы подхватывать чужие мотивы и подпевать неслышными голосами по чужим нотам, – это ли не рабство духовное, не унижение...» И далее: «Я утверждаю, что еврей не способен понять Достоевского, как не способен понять его англичанин, француз, итальянец. Иначе либо Достоевский не Достоевский, либо еврей не еврей». Писатель А. Белый выступал против «интернационализации культуры» и возмущался нашествием тех, кто не понимал «глубины народного духа»: «Вы посмотрите списки сотрудников газет и журналов России: кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите почти сплошь имена евреев... Общая масса еврейских критиков совершенно чужда русскому искусству, пишет на жаргоне эсперанто и терроризирует всякую попытку углубить и обогатить русский язык». Философ и литературовед М. Гершензон, автор работ о А. Пушкине, А. Грибоедове, А. Герцене, С. Аксакове (его называли «славянофил в талесе»), писал на эту тему в частном письме: «Я чувствую свою психику совершенно еврейской и совершенно разделяю точку зрения Чуковского, Андрея Белого и пр., т. е. я уверен, что интимно понять русских я не в состоянии».

В те же самые годы Б. Пастернак и О. Мандельштам опубликовали в журналах первые свои стихи.

Из Одессы сообщали в газету: «На Литве крещеных вы насчитываете редкими, наперечет известными единицами. Там крестится лишь тот, кто уезжает из Литвы: разрыв с народом связан там с разрывом и с родным городом, и со средою, и, в большинстве случаев, с родительским домом и семьей. В столице юга всего этого нет... За последние годы мы свыклись с какой-то вакханалией бессовестных, именно бессовестных крещений». По сообщениям Синода, в 1911 году приняли православие 1147 евреев, в 1912 – 1362: после крещения эти люди получили все права, «как исцелившиеся от заразы, – по выражению современника, – или как терпимая часть неизбежного зла». В 1912 году новые «Правила о приеме в кадетские корпусы» закрыли туда доступ даже тем лицам еврейского происхождения, чьи отцы и деды были уже христианами. Подобное ограничение ввели и в устав Военно-медицинской академии: при поступлении туда следовало прилагать метрические свидетельства отца и матери, а «в сомнительных случаях» – свидетельства о рождении бабушек и дедушек, чтобы не оставалось никаких сомнений, что «проситель не имеет деда или бабки, родившихся в иудейской вере». Это выполнялось неукоснительно, и в Военно-медицинскую академию не приняли даже сына профессора А. Данилевского, крещеного еврея, который был начальником этой академии.

Некрещеные евреи не могли стать нотариусами, помощниками нотариусов, даже писцами в нотариальных конторах. В университетах было очень мало преподавателей – некрещеных евреев, и они не могли получить звание профессора. В Московском университете преподавал приват-доцент Л. Минор, основатель московской школы невропатологии; его именем были названы многие симптомы и заболевания, им впервые описанные. Медицинский факультет Московского университета присвоил Минору звание профессора, но профессорская коллегия университета не утвердила это решение.

Молодой человек из Вильно написал Л. Толстому: «Я еврей. Мне двадцать три года. Я окончил среднее учебное заведение, но в университет – вследствие ограничения в приеме евреев – не попал. В Западную Европу поехать не могу из-за материальной необеспеченности. Остается одно средство – перейти в православие или другое исповедание... Должен сказать, что к религии иудей-

ской, как и ко всякой другой, отношусь совершенно безразлично, но в решении этого вопроса... чувствую себя бессильным. А потому цель настоящего обращения – услышать Ваш совет по сему поводу». Л.Толстой ответил так: «Прежде, чем заботиться о том, как Вам поступить в университет, Вам нужно позаботиться о том, чтобы выработать в себе те религиозные убеждения, которые, как Вы говорите, в Вас отсутствуют. Переход же в исповедание той религии, в которую не веришь, есть поступок нехороший, который никак не окупится ни той мнимой мудростью, которую Вы почерпнете в университете, ни тем улучшением общественного положения, которое доставит Вам диплом».

Скульптор И. Гинцбург писал о Толстом: «Однажды Л. Н. мне сказал: «Вот у меня теперь сидит очень хороший знакомый – еврей. Прекрасный человек. Он крещеный еврей. Лет десять тому назад он крестился, и отчасти благодаря моему содействию. Я раскаиваюсь, что сделал это. Это нехорошо. Это была с моей стороны ошибка, и никогда больше этого не сделаю».

Из русских и еврейских газет 1907–1914 годов:

Во время международного музыкального конкурса имени А. Рубинштейна власти не пустили в Петербург евреев – пианистов и композиторов, хотя на этот конкурс – по «Высочайше утвержденному» положению – допускались «лица всех наций, религий, сословий».

В Одессе оштрафовали на триста рублей братьев Левензон за неявку их брата на призывной пункт. Когда же выяснилось, что за год до призыва этот человек перешел в православие, Сенат постановил: семейство Левензон должно быть освобождено от штрафа.

«Минск. Несколько времени тому назад был удален из архиерейского дома поставщик хлеба – еврей. Хлебопек этот доставлял хлеб в архиерейский дом десятки лет. Узнав о том, что ему подают еврейский хлеб, епископ Митрофан воспылал гневом и закричал: “Как смели меня отравлять жидовским хлебом!”»

Ярый антисемит монах Илиодор многие годы выступал против евреев и провозглашал в проповедях: «Погромы не есть какой-либо человеческий произвол. Это есть Божие правосудие, воля Божия». В 1912 году Илиодор написал в Синод покаянное письмо, в котором были такие слова: «Народ израильский! Светоч мира! Ты особенно прости меня. На тебя я всех больше нападал; поверь мне: крови твоей я никогда не хотел, но людей против тебя настраивал. Прах убитых во время погромов младенцев мучит мою совесть!

Прости меня, самый даровитый, самый блистательный народ из всех народов. Искренно я о тебе до сих пор заблуждался, искренно и каюсь. Ты рассеян среди всего человечества для того, чтобы вести все человечество к вечной истине. Веди! Тебе много дано, много и делай».

«Бахмут. Епископ Екатеринославский, Мариупольский и Таганрогский Агапит посетил местную гимназию и выступил перед воспитанницами с речью, в которой внушал, что все зло происходит от евреев, что евреи прокляты Богом и что с ними не надо иметь ничего общего. Бедные девочки были глубоко потрясены этой речью, многие истерически плакали. Некоторые ученицы-христианки обращаются с вопросом, как им теперь быть: можно ли по-прежнему сидеть рядом с подругами-еврейками и готовить совместно уроки?»

После смерти некоего петербургского нотариуса – крещеного еврея в завещании обнаружили, что он просил похоронить его на еврейском кладбище, так как всегда чувствовал себя евреем. Православное духовенство признало его отрекшимся от христианства, а еврейская община исполнила волю покойного. Читатель написал в газету «Рассвет»: «Еврей для своей личной материальной выгоды отрекается от еврейства. Десятки лет он пользуется внутренней ложью, чтобы устроить себе более легкую жизнь, и сознательно отделяет себя от миллионов своих собратьев по крови, над которыми тяготеет суровый закон бесправия. А когда весь путь земной жизни пройден, проделывается скачок в обратном направлении, чтобы уготовить себе легкий путь к неземной жизни... Выходит, что человек всегда искал свою выгоду: выгоднее жить нееврeем, приятнее умереть сыном родного народа...»

Письмо в газету «Псковская правда». «Уважаемый господин редактор!.. Не нуждаясь в покупателях, избегающих покупать в еврейских магазинах, считаю долгом оповестить гласно, что мой магазин принадлежит еврею, дабы не желающие хотя бы случайно попасть в еврейский магазин могли избегнуть этого. Примите уверение в совершенном к вам почтении. – *С. Зильбер*».

Очерк сорок второй

Дело Бейлиса

1

Двадцатого марта 1911 года в отдаленном районе Киева играли дети, бегали друг за другом, прятались, и неожиданно в одной из пещер на склоне холма они обнаружили тело мертвого мальчика. Множество ран на туловище и на голове говорило о зверском убийстве: полуобнаженное тело было почти обескровлено, части одежды покрыты запекшейся кровью. На полу пещеры лежали тужурка, фуражка, кожаный кушак и носок убитого – тоже со следами крови; в кармане тужурки обнаружили пропитанный кровью кусок наволочки, и экспертиза выявила на нем следы мужского семени. Возле тела убитого лежали свернутые в трубку тетрадки и на них – имя его и фамилия: это был тринадцатилетний Андрей Ющинский, ученик духовного училища при Софийском соборе в Киеве, который исчез из дома за восемь дней до этого. Не успела полиция начать расследование, не успели опубликовать результаты вскрытия тела, а мать убитого уже получила письмо за подписью «Христианин»: в нем сообщалось о том, что мальчика убили евреи для получения христианской крови, необходимой им для ритуальных целей.

Андрея Ющинского хоронили двадцать седьмого марта, и присутствующим раздавали на кладбище отпечатанные листовки. В них было

сказано, что «жиды ежегодно перед своей пасхой замучивают несколько десятков христианских мальчиков, чтобы их кровь лить на мацу», – а потому следует бить «жидов, пока хоть один будет в России». Полиция арестовала члена Союза русского народа, который разбрасывал листовки; на него завели дело, но быстро его прекратили. Прокурор киевской судебной палаты Г. Чаплинский говорил начальнику сыскной полиции: «Если связаться с черносотенцами, то не избавишься от неприятностей; лучше с ними ладить, что советую и вам принять к сведению».

Семнадцатого апреля черносотенцы организовали панихиду на могиле Ющинского и поставили крест с надписью «От Союза русского народа». Прокурор Чаплинский докладывал в Петербург, что на этот день был подготовлен в Киеве еврейский погром, однако он не состоялся по весьма важной причине. В августе того года ожидали приезда Николая II; город готовился к этому событию, и еврейский погром был «особенно нежелателен ввиду предстоящего прибытия в Киев царской семьи». Начальство строго предупредило лидеров местных черносотенцев; те пообещали воздержаться от погрома, и полицейский чиновник доложил по инстанции: «У нас все благополучно... Решили они отложить свое выступление до отъезда государя из Киева... Бить жидов, как уже сказано, отложили до осени».

Правые газеты из номера в номер писали о ритуальном убийстве Ющинского. В «Русском знамени» опубликовали статью под заглавием «Христиане, берегите своих детей!» В «Земщине» сообщили подробности еще не расследованного дела: «Жиды убили – нет, не убили, а мучили целыми часами свою жертву, забивая в череп гвозди, вскрывая вены, прокалывая в разных местах все тело, и наконец замучили». В «Новом времени» призывали к расправе с евреями Киева, чтобы отомстить за «загубленного младенца». Некоторые еврейские публицисты – под гнетом ритуального навета – пытались что-либо доказать, разъяснить, убедить и опровергнуть, и писатель Ш. Аш отвечал им на страницах варшавской газеты «Фрайнд»: «Я помню картину: в старой синагоге в Кракове стоят двадцать раввинов, одетых в талес и тфилин, перед открытым “арон га-кодеш”. Горят черные свечи, и раввины присягают. Присягают в том, что евреи не убивают младенцев, не употребляют их крови... Рабы! Вы присягаете?! Пусть Кишинев присягает! Пусть выступают те, которые устраивали погромы, и пусть они присягают при иконах и при свечах, что они не людоеды, что они не убивали детей. Пусть они присягают!»

О том же писал и В. Жаботинский: «Теперь подняли гвалт о ритуальном убийстве – и вот мы уже опять вошли в роль подсудимых, мы прижимаем руки к сердцу... и божимся на все стороны, что мы этого питья не потребляем, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня

Бог на этом месте... Доколе?.. Кто мы такие, чтобы пред ними оправдываться, кто они такие, чтобы нас допрашивать?.. Ритуального убийства у нас нет и никогда не было; но если они хотят непременно верить, что «есть такая секта» – пожалуйста, пусть верят, сколько влезет... С какой же радости лезть на скамью подсудимых нам, которые давным-давно слышали всю эту клевету, когда нынешних культурных народов еще не было на свете, и знаем цену ей, себе, им? Никому мы не обязаны отчетом, ни перед кем не держим экзамена, и никто не дорос звать нас к ответу. Раньше их мы пришли и позже уйдем. Мы такие, как есть, для себя хороши, иными не будем и быть не хотим».

Началось следствие, и начальник киевской сыскной полиции сразу же отверг ритуальный характер этого убийства. Подозрение пало на Веру Чеберяк: в ее квартире был воровской притон, а ее сын Женя дружил с Андреем Ющинским. Женю начали допрашивать, и прокурор Чаплинский доложил министру юстиции, что Чеберяк «неустанно следила за сыном... видимо опасаясь, что он может проболтаться». Следователи отметили, что Чеберяк запугивала Женю и не давала ему говорить. Следователь И. Красовский: «Когда она заметила, что Женя очень оживленно начал разговаривать с надзирателем, она в это время сделала ему угрожающий жест рукой и показала на язык. Женя сейчас же замолк...» Надзиратель Кириченко: «Когда я спросил Женю, кто убил Ющинского, я заметил, что у него получилась судорога на лице. Я... увидел, что за стеной стояла Чеберяк и рукой и всем телом делала угрожающие жесты...»

В июне 1911 года Вера Чеберяк была арестована, и в ордере на арест значилось: «за участие в убийстве Ющинского». В тюрьме она призналась наконец, что видела Андрея Ющинского в день убийства; призналась также, что он оставил у них в доме пальто, которое она затем сожгла, – и в полиции были теперь убеждены, что убийство произошло в ее квартире. Следователь Красовский: «Путем розысков я пришел к убеждению, что убийство было совершено воровской организацией во главе с Верой Чеберяк». Следователь по особо важным делам Фененко: «Для меня было ясно, что убийство Ющинского, скорее всего, было совершено в квартире Чеберяк». Прокурор Брандорф: «Я твердо рассчитывал, что если она просидит несколько дней, то удастся раскрыть все дело», – но неожиданно прокурор Чаплинский распорядился выпустить ее на свободу.

Пока Чеберяк сидела в тюрьме, Женя заболел, и после освобождения она сразу же отправилась в больницу и забрала сына домой. Врач предупреждал, что его нельзя беспокоить, но мать пожелала, чтобы Женя умирал дома. Агенты полиции явились на ее квартиру и оставались там неотлучно до смерти мальчика. Они показали, что Чеберяк совершенно не интересовалась здоровьем сына, а лишь следила за тем, чтобы он не

проболтался, и закрывала ему рот поцелуями. «Женя был в очень тяжелом состоянии и постоянно бредил, – докладывали агенты. – Когда Женя приходил в себя, его мать, обращаясь к нему, говорила: "Скажи им, что я по этому делу ничего не знаю". На это Женя отвечал: "Мама, не говори мне про это, мне очень больно"». Находясь большей частью в бессознательном состоянии, Женя вскрикивал: «Андрюша, Андрюша, не кричи, Андрюша, Андрюша, стреляй...» К умирающему ребенку привели священника, и в последние минуты жизни сына Чеберяк очень старалась, чтобы он произнес хотя бы несколько слов о ее непричастности к убийству. Но Женя ничего не сказал, а через несколько дней после его смерти умерла его сестра Валентина.

Официальная экспертиза установила, что брат и сестра умерли от дизентерии, но в правых газетах опубликовали такое сообщение: «В Киеве отравлен сверстник и товарищ Андрея Ющинского Женя Чеберяк. Сообщая это, жиды называют отравление загадочным. Но что же тут загадочного? Устранение важного свидетеля составляет обычное средство кровожадного племени...»

2

После вскрытий тела Ющинского киевский митрополит сообщил в Святейший Синод: «И первым и вторым вскрытием отвергнуто предположение о сексуальном и ритуальном характере убийства». О том же докладывал и прокурор Чаплинский: эксперты отвергают ритуальный характер убийства и предполагают, что оно совершено из мести. Однако некие влиятельные лица, по-видимому, желали придать убийству ритуальный характер; Чаплинский поддержал эту версию и рекомендовал то же самое другому прокурору, чтобы «не испортить себе карьеры». Чиновник департамента полиции свидетельствовал: Чаплинский «в своих беседах поражал крайним юдофобством и той ненавистью, с какой он говорил о евреях», – но вряд ли бы он действовал так безнаказанно, если бы не ощущал поддержки министра юстиции, если бы его не поощряли влиятельные лица в Петербурге.

Некий студент В. Голубев – черносотенец, один из руководителей киевского общества «Двуглавый орел» – проводил собственное следствие, и прокурор Брандорф докладывал начальству, что Голубев сознательно мешает полиции и «пускает в ход самые неблаговидные приемы»: запугивает, обещает всяческие выгоды за нужное ему показание, угощает детей сладостями, а взрослых пивом и водкой. На допросах Голубев показал: неподалеку от пещеры, в которой обнаружили труп Ющинского, «расположена огромная усадьба жида Зайцева. Управляю-

щим усадьбой и кирпичным заводом состоит некий жид Мендель... Судя по всем признакам, я признаю и уверен, что убийство – ритуальное, совершено по ритуалу секты хасидов... Доказательств, конечно, этому я представить не могу». Прокурор Чаплинский немедленно сообщил министру юстиции об «усадьбе Зайцева, где проживает еврей Мендель», а вскоре на его докладе появилась резолюция министра: «Доложено Его Императорскому Величеству в Царском Селе». Так в этом деле впервые появилось имя – Мендель, а вскоре на весь мир стала известна и его фамилия – Бейлис.

Менахем Мендель Бейлис

Менахем Мендель Бейлис – тридцатисемилетний коренастый мужчина среднего роста, бывший солдат, отец пятерых детей – последние пятнадцать лет работал на кирпичном заводе Ионы Зайцева, вел конторские книги, следил за погрузкой кирпича, получал сорок пять рублей в месяц и имел при заводе бесплатную квартиру. Бейлис не был религиозным евреем, однако знал молитвы, умел читать и писать на идиш, а по-русски говорил с некоторыми затруднениями. У него сложились хорошие отношения с соседями-христианами и со священником местной церкви: когда при церкви строили приходскую школу, Бейлис выхлопотал у хозяев завода, чтобы для церкви продали кирпич по цене ниже себестоимости. Во время погромов 1905 года Бейлиса не тронули: черносотенцы вместе со священником пришли к нему и сказали, что с его семьей ничего плохого не случится. При жизни хозяина завода Ионы Зайцева у Бейлиса была еще одна обязанность: раз в году, перед праздником Песах, он рассылал родственникам и знакомым Зайцева две тонны мацы, приготовленной по строгим предписаниям религиозного закона. Затем хозяин умер, изготовление мацы прекратилось за

несколько лет до описываемых событий, однако обвинение составило на этом факте систему доказательств: Бейлис имел отношение к распределению мацы – для изготовления мацы якобы требуется христианская кровь – именно поэтому Андрей Ющинский был убит незадолго до праздника Песах.

Обвинение пыталось доказать, что Ющинского убили «по ритуалу секты хасидов». В ответ на это триста цадиков и раввинов опубликовали в российских газетах свой протест: «Современные наши клеветники... изобретают какую-то "секту" хасидов, приписывая именно ей употребление крови. Но это чистая нелепица... Иудаизм вообще чужд сектантству. Хасидизм, не отошедший от иудаизма ни в своих принципах, ни во внешнем церемониале, никак не может считаться сектой... Как в Библии, так и в Талмуде и во всех его комментариях строго воспрещается употребление в пищу даже ничтожной капли крови живых или умерщвленных животных и птиц. В третьей книге Моисеевой, в семнадцатой главе, стихи десять и двенадцать, говорится: «Сказал Я сынам Израиля: никто из вас не должен есть крови; и пришелец, живущий среди вас, не должен есть крови...» Затем в газетах появилось заявление восьмисот раввинов городов и местечек Российской империи: «В еврействе нет сект; еврейская религия не давала и не могла дать почвы для кровавого изуверства». Не все читали газеты в то время, не каждый верил тому, что в них написано, и современник-еврей отметил впоследствии: «Тупая обывательская морда подстерегала меня на каждом шагу. В ее насмешливо прищуренных глазах я читал безмолвный вопрос: "Ну что, напился христианской крови?.."»

В июле 1911 года появился новый свидетель – фонарщик Казимир Шаховский. На первом допросе он сообщил, что в день убийства видел Андрея Ющинского вместе с Женей Чеберяком неподалеку от дома Чеберяк. «Боялся я впутываться в это дело, – показал Шаховский, – потому что ходить мне по улицам приходится поздно вечером и рано утром, и меня всегда могут подколоть те, кому не понравится мое показание. По этому делу вы, следователь, лучше допросите живущих в одном дворе с Чеберяковой... Они вам расскажут, какого поведения сама Чеберякова, – я же сам слышал, что она воровка...» С Шаховским, очевидно, «поработали» в промежутках между допросами, потому что через десять дней он упомянул в своих показаниях «завод Зайцева», «приказчика Менделя» и сказал многозначительно: «Больше пока добавить ничего не имею...» А еще через два дня Шаховский заявил, что забыл сообщить «об очень важном обстоятельстве». Женя Чеберяк будто бы рассказал ему, что в день убийства их «спугнул недалеко от печей» кирпичного завода «какой-то мужчина с черной бородой... Проживал тогда там только один человек с черной бородой, а именно Мендель, приказчик завод-

ской усадьбы... Вот почему я и думаю, что в убийстве этом принимал участие этот самый Мендель».

Этого было достаточно. Прокурор Чаплинский вызвал к себе начальника киевского охранного отделения и потребовал задержать Менделя Бейлиса, пока тот не скрылся. В тот же день Чаплинский отправился на доклад к министру юстиции, в его имение в Черниговской губернии, и прислал в Киев шифрованную телеграмму: «Арестован ли Мендель?» Ему ответили: «Мендель арестован в порядке государственной охраны». В ночь с двадцать первого на двадцать второе июля 1911 года большой наряд полиции – с начальником охранного отделения во главе – произвел обыск в квартире Бейлиса и арестовал его как государственного преступника. Вместе с ним был арестован и трое суток находился под стражей сын Бейлиса Давид, мальчик девяти лет.

Никто вначале не предполагал, каким громким окажется это дело, и в еврейской газете сообщили: «В ближайшие дни предстоит освобождение Бейлиса, и всему этому эпизоду в деле Ющинского будет положен конец». Прокурор Брандорф уговаривал Чаплинского освободить Бейлиса за недостатком улик, а следователь по особо важным делам Фененко отказывался продлить срок его ареста. «Лживость показаний целого ряда свидетелей против Бейлиса настолько очевидна, – сообщал он впоследствии, – что о привлечении Бейлиса к делу в качестве обвиняемого не могло быть и речи». Даже свидетель Шаховский неожиданно показал на очередном допросе: «Относительно мужчины с черной бородой Женя мне ничего не говорил, и это я прибавил сам от себя». Однако Чаплинский, по всей видимости, уже получил согласие министра юстиции на проведение процесса и потому был непоколебим. Не случайно говорили о Чаплинском знающие его люди: «Он ничего не предлагал, а только говорил всегда: как угодно министру».

Третьего августа 1911 года Бейлису предъявили обвинение в убийстве Ющинского, и версия прокуратуры была наконец выстроена. Первое – Андрей Ющинский играл с детьми на территории кирпичного завода, и его утащил к обжиговой печи некий «еврей с черной бородой»; второе – на территории завода располагалась шорная мастерская, а в ней были в избытке шила, орудия убийства мальчика; и третье – наследники Ионы Зайцева, в память об отце, за несколько дней до убийства заложили на территории завода фундамент дома для престарелых рабочих: по мнению прокуратуры, для освящения нового здания тоже требовалась христианская кровь.

В газете «Земщина» писали в те дни: «Наконец, кажется, дело выходит на путь истинный!» В октябре 1911 года сгорела квартира Бейлиса на кирпичном заводе, которую подожгли неизвестные лица; семья Бейлиса не пострадала...

3

В ноябре 1911 года в российских газетах появилось обращение «К русскому обществу» – с подзаголовком «По поводу кровавого навета на евреев». Это обращение составил писатель В. Короленко; подписали его М. Горький, Л. Андреев, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб; поставили свои подписи профессора и академики, члены Государственного Совета и депутаты Государственной Думы – всего сто шестьдесят человек. «Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия мы поднимаем голос против новой вспышки фанатизма и темной неправды... Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обагрялась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!..»

М. Бейлис под стражей

Первыми на это обращение откликнулись двести германских ученых, писателей, политиков – среди них Т. Манн и Г. Гауптман. Французские общественные деятели во главе с А. Франсом потребовали, чтобы «подобные обвинения не находили больше веры в цивилизованной стране». В Англии протест подписали двести сорок человек, и среди них – архиепископ, кардинал, председатель палаты общин, члены парламента, президенты университетов. Они назвали «кровавый навет» «пережитком времен колдовства и черной магии... клеветой на иудаизм, оскорблением западной культуры, позором для тех церквей, во имя которых невежественные фанатики поднимали свое ложное обвинение», – и русский консул доложил в Петербург о «посягательстве на наши внутренние дела со стороны англичан, подбитых к этому евреями».

В Европе проходили митинги протеста, а Бейлис сидел пока что в киевской тюрьме, в грязной и тесной камере на сорок арестантов. Шло следствие – без видимых результатов; Бейлис не признавал себя винов-

ным; черносотенцы требовали применить к нему пытки, а прокурор Чаплинский регулярно докладывал министру юстиции: «никаких новых данных к подкреплению виновности Менделя Бейлиса следствием не добыто». Вскоре дала показания соседка Веры Чеберяк, которая жила на первом этаже, непосредственно под воровским притоном. В день убийства, утром, она услышала, как дверь в квартиру Чеберяк сильно хлопнула и послышались быстрые детские шаги: по всей видимости, от входной двери в комнату убегал ребенок. Затем раздались быстрые шаги взрослых людей в том же направлении – детский плач, писк, какая-то возня. Голос ребенка, уверяла соседка, не был похож на привычные ей голоса детей Веры Чеберяк: «Мне ясно было, что ребенка схватили и что-то с ним сделали...»

Это было чрезвычайно веское свидетельство, и обвинителям Бейлиса требовалось противопоставить ему нечто существенное. В этот момент и появился некий Иван Козаченко, полицейский осведомитель, только что освобожденный из тюрьмы. Он сидел в одной камере с Бейлисом и сообщил следователю, что тот просил его отравить двух свидетелей – «какого-то фонарщика» и человека по прозвищу Лягушка: «А если бы я удачно все сделал, то мне дали бы столько денег, что хватило бы на всю мою жизнь, причем деньги эти дала бы вся еврейская нация...» Чаплинский доложил о показаниях Козаченко министру юстиции, а тот – Николаю II: «Добыты прямые указания на то, что одним из участников означенного преступления является еврей Мендель Бейлис». Киевская прокуратура представила в Петербург два варианта обвинительного акта; один из них получил одобрение, и двадцатого января 1912 года киевская судебная палата утвердила обвинительный акт о предании суду Менделя Бейлиса.

Семья Бейлиса во время его заключения

Бейлису предъявили обвинение в предумышленном убийстве Ющинского – «по мотивам, в точности не выясненным предварительным следствием». О ритуальном характере убийства не было сказано, но и в таком виде обвинительный акт вызывал сомнения у многих. Начальник киевского жандармского управления докладывал в департамент полиции о «недостаточности собранных улик» против Бейлиса, о «поспешности заключений и даже односторонности». Киевский губернатор сообщал более откровенно: «По имеющимся у меня сведениям, процесс несомненно окончится оправданием обвиняемого». Совсем откровенно выражался министр внутренних дел – в «совершенно секретном» письме министру юстиции: «Возможный исход этого дела в смысле оправдания обвиняемого произведет на русское население крайне тягостное впечатление, и наоборот, в среде инородцев, особенно евреев, вызовет ликование». На осень 1912 года были назначены выборы в Четвертую Думу, а потому министр внутренних дел предложил провести суд после выборов – «в ограждение русских избирателей от всяких потрясений». И слушание дела было отложено.

В мае 1912 года киевские газеты опубликовали сенсационный материал – результаты частного расследования убийства Андрея Ющинского. Это расследование провели по своей инициативе уволенный со службы следователь И. Красовский и местный журналист С. Бразуль-Брушковский: они-то и выяснили истинные обстоятельства дела. В начале 1911 года в Киеве произошло большое количество краж и ограблений богатых квартир и магазинов. Успешно работала шайка воров, у которых было укромное убежище на окраине Киева, в квартире жены почтового чиновника Веры Чеберяк. Туда приносили краденые вещи, оттуда их переправляли в другие города; в квартире Чеберяк воры отдыхали, устраивали свои попойки, обсуждали дальнейшие планы. Андрей Ющинский дружил с Женей, сыном хозяйки квартиры, часто бывал у них в доме, слышал разговоры взрослых и видел, очевидно, как приносили краденые вещи. Он был своим в этом доме; его никто не опасался, и было у него два прозвища, которыми его называли, – «байстрюк» и «домовой».

В марте 1911 года полиция задержала нескольких грабителей и провела обыск в квартире Чеберяк. Это обеспокоило оставшихся на свободе воров: они решили, что кто-то на них донес и выдал полиции их притон. В те же дни произошел один эпизод, внешне незначительный, который и привел затем к трагедии. Двенадцатого марта Андрей Ющинский не пошел в училище, а вместо этого пришел к Жене, оставил у него в доме пальто, учебники с тетрадями, – и два приятеля отправились на прогулку. Во время игры они поссорились, и Женя сказал Андрею примерно следующее: «А вот я скажу твоей матери, что ты не ходишь в школу», – а тот ему ответил: «А я расскажу всем, что у твоей матери в квартире кра-

деные вещи». Женя Чеберяк вернулся домой и все рассказал своей матери. В это время в квартире находились трое воров – Иван Латышев, Борис Рудзинский и Петр Сингаевский, брат Веры Чеберяк; они услышали про угрозу Андрея и решили избавиться от опасного свидетеля. Вера Чеберяк послала сына за Андреем; Женя привел своего друга к дому, сам остался на улице – а Андрей вошел в квартиру. Бандиты зверски убили мальчика, труп бросили в пещеру, а сами уехали в Москву.

Защитники Бейлиса отстаивали на суде эту версию, обвинение отрицало ее как «выдуманную» – но многие тогда полагали, что эта версия основана лишь на частном расследовании Красовского и Бразуль-Брушковского. Но после Февральской революции 1917 года специальная следственная комиссия допросила бывших должностных лиц, обнародовала секретные архивные материалы – и выяснилось вдруг, что киевское жандармское управление вело собственное расследование этого дела и пришло к подобным же выводам. Следователь жандармского управления сообщал прокурору Чаплинскому, что он располагает «совершенно достаточным материалом для обвинения в убийстве Ющинского не Менделя Бейлиса, а Веры Чеберяк, Латышева, Рудзинского и Сингаевского», и просил немедленно их арестовать. Начальник киевского жандармского управления, в свою очередь, докладывал министру внутренних дел, что настоящие убийцы обнаружены, против них следует возбудить уголовное дело, но «прокурор палаты категорически этому противится». Таким образом, начальство на всех уровнях, от киевского и до петербургского, знало об истинных убийцах Ющинского и продолжало поддерживать обвинение против Бейлиса.

Однако результаты частного расследования, опубликованные в киевских газетах, оказались настолько убедительными, что министр юстиции распорядился возвратить дело Бейлиса к доследованию. Из Петербурга приехал новый следователь и приступил к работе; черносотенцы распространяли прокламации о ритуальных убийствах с портретом «мученика киевского Андрея»; одна из газет сообщила читателям: «Семья Бейлиса совсем одичала от страха. И мать, и дети, как говорят, живут в постоянном трепете, в постоянном ожидании расправы. Они не смеют даже раскрыть окон и дышать воздухом, а дети прячутся под кровать при первом появлении неизвестного человека... Босые дети, почти нищенская обстановка и очевидное житье впроголодь...»

В мае 1913 года киевская судебная палата рассмотрела новый обвинительный акт о предании суду Менделя Бейлиса. Председатель палаты и докладчик по этому делу предложили немедленно освободить обвиняемого, так как данные против Бейлиса «неубедительны в общей их совокупности... и едва ли могут быть признаны достоверными судебными доказательствами». Но остальные члены судебной палаты – как писали

в газете – «указали на то, что теперь, мол, неудобно прекратить дело, так как безосновательно томили Бейлиса два года в тюрьме. Сейчас выход только один: пусть присяжные заседатели оправдают его, если он невиновен, – но дело необходимо довести до суда».

Большинством голосов судебная палата утвердила обвинительный акт; он содержал более сорока страниц машинописного текста и заканчивался таким образом: «На основании изложенного мещанин гор. Василькова Киевской губернии Менахем Мендель Тевьев Бейлис, 39 лет, обвиняется в том, что по предварительному соглашению с другими, не обнаруженными следствием лицами, с обдуманным заранее намерением, из побуждений религиозного изуверства, для обрядовых целей лишить жизни мальчика Андрея Ющинского... схватил игравшего с другими детьми названного Ющинского и увлек его в помещение завода, где затем сообщники его, Бейлиса, с ведома его и согласия, связав Ющинскому руки и зажимая ему рот, умертвили его, нанеся ему колющим орудием 47 ран на голове, шее и туловище... Вследствие этого... мещанин Менахем Мендель Тевьев Бейлис подлежит суду киевского окружного суда с участием присяжных заседателей».

За несколько месяцев до суда министр юстиции И. Щегловитов пригласил в Петербург начальника московской сыскной полиции, попросил его ознакомиться с делом Бейлиса и выявить то, что «может послужить к подтверждению наличия ритуала». После изучения дела московский следователь не обнаружил в нем «наличия ритуала», и разгневанный министр сказал ему на прощание: «Мы, видимо, с вами говорим на разных языках. Я очень жалею, что обратился за вашей помощью. Надеюсь, что будущий приговор присяжных поколеблет вас в ваших юдофильских воззрениях. Честь имею кланяться!»

«Между тем Бейлис все еще в тюрьме... – писали в еврейской газете. – Он чувствует себя плохо, тоскует и по целым дням бродит по камере. Питается плохо и сильно ослаб. По пути в тюремную контору он упал в обморок и сильно ушибся... Во время последнего свидания с женой и братом он спросил прокурора, правда ли, что его засудили заочно на вечное заключение в тюрьме».

4

Двадцать пятого сентября 1913 года начались заседания киевского окружного суда и продолжались затем тридцать четыре дня. В зале суда неотлучно находились два чиновника-наблюдателя из департамента полиции, и каждую ночь они посылали в Петербург телеграфные депеши – отчеты за прошедший день. На процессе присутствовали извест-

ные журналисты столичных и провинциальных газет Российской империи; крупнейшие газеты Европы прислали своих представителей и публиковали на самых видных местах репортажи из зала суда; больной писатель В. Короленко сообщал в письме: «Нахожусь в Киеве собственно потому, что не мог бы себе во время этой подлости найти место в Полтаве». Вся печать России – за исключением крайне правых – была на стороне обвиняемого; суд над Бейлисом определяли как «самое значительное событие года»; в газете «Русское богатство», в статье под названием «Срам» отметили: «Дело Бейлиса отодвинуло все внутренние и внешние дела России. Обыватель, развертывая газету, искал глазами... прежде всего известий о деле Бейлиса. По-видимому, русские граждане поняли наконец, что еврейский вопрос не только еврейский, но и общерусский... поняли, какую бессудную, дикую, темную Россию готовит национализм для русских».

Журналисты не стеснялись в критике властей, и за это полиция закрывала газеты, штрафовала и привлекала к суду их редакторов. Был даже конфискован тираж газеты «Киевлянин» за статью ее редактора В. Шульгина, депутата Государственной Думы. После оглашения на суде обвинительного акта Шульгин написал: «Становится обидно за киевскую прокуратуру и за всю русскую юстицию, которая решилась выступить на суд всего мира с таким убогим багажом». Тысячи номеров «Киевлянина» успели попасть к подписчикам газеты, и статья лидера русских националистов, обвинившего прокуратуру в фальсификации ритуального процесса, произвела в России огромное впечатление. Шульгина привлекли к судебной ответственности, и в газете «Рассвет» отметили в те дни: «Замечательно то, что за статьи явно погромного характера правые издания никаким репрессиям не подвергаются».

В первый день суда над Бейлисом многие евреи постились, в синагогах России читали специальные молитвы, в Житомире отменили торжества праздника Симхат-Тора. Интерес к процессу был настолько огромным, что тираж варшавской газеты на идиш «Момент» увеличился в пять раз и достиг ста пятидесяти тысяч экземпляров. В дни суда на фабриках и заводах черты оседлости проходили забастовки протеста; в одной из них, которую организовал Бунд, участвовали двадцать тысяч еврейских рабочих. Забастовки проходили и вне черты – в Петербурге, Казани, Саратове; рабочие киевского городского транспорта собрали деньги в помощь семье Бейлиса; петербургские адвокаты призвали защитников Бейлиса «отстоять право, справедливость, доброе имя еврейского и честь русского народа» – и за «возбуждение против правительства» двадцать пять адвокатов были арестованы.

По всему миру – в США, Канаде, Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии – проходили демонстрации и многолюдные собрания. Правые

11. Зак. 3898.

круги России называли это «происками евреев», и чиновник департамента полиции определил в своем докладе: в Киеве «идет сейчас не суд над безвестным дотоле евреем, а генеральное сражение между всемирным еврейством и русским правительством». Черносотенцы Витебска разбрасывали листки, призывая «перерезать жидов» в случае оправдания Бейлиса; в Киеве готовили погром «во имя любви к престолу и отечеству»; в газете «Русское знамя» предлагали «признать евреев народом столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь... Жидов надо поставить искусственно в такие условия, чтобы они постепенно вымирали. Вот в чем состоит нынешняя обязанность правительства и лучших людей страны». Было ясно, что у обвинения нет улик против Бейлиса, а потому в «Новом времени» на всякий случай сообщили: «Вполне бесспорные улики есть вообще роскошь правосудия».

Заседания суда продолжались ежедневно, с утра до двенадцати часов ночи. Снаружи помещение охраняли пешие и конные городовые; в коридорах и на лестницах патрулировали чины полиции во главе с полицмейстером; в зал суда впускали по особым билетам. К первому заседанию подсудимого привезли в тюремной карете в сопровождении конных стражников, и журналист передал в газету: «Под конвоем вводят Бейлиса. Лицо смуглое, сильно обросшее черной бородкой. Глаза глубокие, под очками. Резкие складки у носа. Выражение страдания. Входит свободно и легко; в движениях – ничего арестантского...» Первые вопросы председателя суда: «Вы мещанин?» – «Мещанин». – «Сколько вам лет?» – «Тридцать девять». – «Законнорожденный?» – «Да». – «Грамотный?» – «Да». – «Женаты?» – «Да... да...» – «Имеете детей?» – «Имею детей... Пять». Бейлис отвечал кратко, отрывисто; на вопрос «Вы еврей?» он выпрямился и твердо, отчетливо сказал: «Да, еврей». На заседаниях суда Бейлис внимательно следил за происходящим, временами начинал тихо плакать, закрывая лицо руками, иногда громко рыдал, и тогда объявляли перерыв. Один раз ему стало дурно, и почти в бесчувственном состоянии Бейлиса вывели из зала; однажды он громко рассмеялся, когда обвинитель – для подкрепления «зловредных замыслов» обвиняемого – назвал Бейлиса цадиком. Солдаты с саблями наголо повсюду сопровождали подсудимого и стояли вокруг его скамьи. «Никогда я не видел в зале суда, – сообщал журналист, – такого тихого, беззащитного и испуганного человека, окруженного такой многочисленной стражей». На вопрос о виновности Бейлис ответил: «Нет. Не виновен. Живу честным трудом. Служу. Содержу жену, пять детей... Вдруг меня взяли, арестовали... Ничего этого не было...»

Председательствовал на процессе судья Ф. Болдырев, по лестной характеристике начальства – «человек твердых, безусловно правых

убеждений». Министр юстиции пообещал Болдыреву повышение по службе по окончании процесса, и он готовился к этому с большим старанием, даже принял курс водолечения. Чиновник-наблюдатель департамента полиции докладывал с процесса: «Председатель умело направляет внимание присяжных на свидетелей обвинения и незаметно, но неукоснительно направляет на правильный путь запутавшихся свидетелей, выручая их от обстрела защитников». Тот же самый чиновник сообщал в Петербург, что председатель и прокурор советуются с ним во время процесса и «просят его распоряжений».

Обвинение поддерживал присланный из Петербурга товарищ прокурора О. Виппер. Помогали ему гражданские истцы, представлявшие на суде мать Ющинского: лидер крайне правых в Государственной Думе Г. Замысловский и известный антисемит московский адвокат А. Шмаков. Защищали Бейлиса присяжные поверенные Н. Карабчевский, А. Зарудный, В. Маклаков, Д. Григорович-Барский; единственным евреем среди них был О. Грузенберг. Суд над Бейлисом проходил с участием присяжных заседателей, и чиновники департамента полиции телеграфировали в Петербург: «Прокурор Виппер, видимо, человек опытный, так как сумел отвести из присяжных заседателей всю интеллигенцию... Улики против Бейлиса очень слабы, но обвинение поставлено прилично, серый состав присяжных может обвинить ввиду племенной вражды». Все присяжные заседатели оказались христианами: два мещанина, три мелких чиновника, семь крестьян. Для сравнения журналисты отметили, что в те же дни, в том же здании суда рассматривалось дело о мелком преступлении, и там среди присяжных заседателей было десять образованных людей, в том числе два профессора.

Во время процесса присяжные заседатели ночевали в здании суда и были изолированы от остального мира. Чтобы выяснять их настроение, к охране добавили двух жандармов в форме курьеров, которые подслушивали разговоры присяжных и доносили об услышанном. Об этих курьерах было известно министру юстиции, а их сведения позволяли прокурору разъяснять присяжным, как бы ненароком, возникавшие у них вопросы, – разъяснять, естественно, в пользу обвинения. «Мы не подозревали, – писал впоследствии Грузенберг, – что прокурор Чаплинский и председатель суда Болдырев могут докатиться до такой низости».

Перед судом прошли около двухсот свидетелей и четырнадцать экспертов, и после первых допросов выстроенная система обвинения начала разваливаться. Рабочие завода показали, что в день убийства Бейлис занимался отгрузкой кирпича, и немыслимо было бы тащить мальчика в печь посреди дня, на глазах у многих. Соседка Чеберяк сообщила, что после убийства Ющинского дочка Чеберяк ходила в мужских ботинках. Чеберяк уверяла, что это были ботинки ее сына Жени, но выяснилось,

что Женя носил ботинки «на пуговицах», а эти оказались «с резинками», как и ботинки убитого Ющинского. Та же соседка подтвердила, что кусок вышитой наволочки, найденный в кармане убитого, похож на наволочки на подушках в квартире Чеберяк. На куске наволочки были обнаружены следы мужского семени; такие же следы экспертиза обнаружила и на обоях в квартире Чеберяк, где воры устраивали попойки и любовные развлечения.

Свидетель Наконечный по прозвищу Лягушка (тот самый, которого Бейлис якобы хотел отравить) заявил на суде, что Бейлис не позволял фонарщику Шаховскому воровать дрова с территории кирпичного завода, и потому Шаховский пообещал «пришить» Бейлиса к убийству Ющинского. Шаховский был основным свидетелем обвинения: это с его слов впервые появился в протоколе допроса «мужчина с черной бородой», который будто бы тащил Ющинского к печи. На предварительном следствии Шаховский несколько раз менял показания, и его появления ожидали с нетерпением. Журналист передавал в газету: «В день суда он трезв... и на вопрос прокурора отвечает, что Женя Чеберяк рассказывал ему, как их прогнал какой-то неизвестный человек, причем о черной бороде ему ничего не говорили... "Не говорил ли вам Женя, что это был Бейлис?" – "Нет, не говорил", – твердо отвечает свидетель...» А затем Шаховский неожиданно назвал имена двух сыщиков полиции, которые поили его водкой и советовали «показывать на Бейлиса» как на убийцу Ющинского.

После этого в зале суда появились две свидетельницы – жена фонарщика Ульяна Шаховская, «совсем опустившаяся женщина в изорванном платье», и профессиональная нищенка Волкивна, оборванная, спившаяся, с осипшим от пьянства голосом. Обе женщины начали обвинять друг друга во лжи: Шаховская утверждала, что Волкивна говорила ей о человеке с черной бородой, который тащил мальчика в печь, а Волкивна категорически отрицала. Это о них сказал председатель киевской судебной палаты: «Свидетели эти из той категории, к которым сама обвинительная власть не может относиться иначе, как с брезгливостью».

А чиновник департамента полиции в ту же ночь телеграфировал в Петербург: «Версия похищения Ющинского человеком с черной бородой не подтвердилась».

5

Процесс над Бейлисом шел своим чередом, и чиновники обеспокоенно докладывали в Петербург: «Жандармы, охраняющие присяжных, передают, что присяжные между собой говорят: "Як судить Бейлиса, коли

разговоров на суде о нем нема...”» Обвинители получили письмо от «группы русских дворян, горячо относящихся к вашей работе»: «Ради Бога, – писали они, – говорите же наконец о Бейлисе... Ведь он сидит на суде, как невинный агнец, о нем ни слова, ни звука... Если Бейлис лично не виноват, то во всяком случае убийство Ющинского жидами должно быть доказано. На вас вся надежда...» Департамент полиции поставил под надзор всю почтовую переписку, которая имела отношение к процессу, а потому письмо «группы русских дворян» было просмотрено, а затем доставлено адресату. Но когда некий адвокат из Вильно направил защитнику Бейлиса письмо с полезными советами, директор департамента полиции повелел собственноручно: «Послать в день окончания процесса».

В зале суда крепло убеждение, что Ющинского убили в квартире Чеберяк, и после ее допроса гражданский истец Шмаков записал в дневнике, который не предназначался для посторонних глаз: «Провралась стервоза Чеберячка... В этом заключается все дело». Но тот же самый Шмаков заявлял на суде: «Шайки не было. Шайка выдумана защитой... Я понимаю, что русский человек может зарезать, может зверски убить сразу, в два-три удара. Но чтобы он сорок семь ран нанес, чтобы он так истязал невинного младенца, творение Божие, допустить этого русский человек не может».

Защитники Бейлиса вызвали на суд свидетеля С. Махалина, в присутствии которого вор Сингаевский однажды сказал: «Да, это наше дело... Я, да Борька, да Ванька Рыжий убили байстрюка, чтобы не болтал». Тот же Сингаевский говорил, что напрасно они спрятали тело так близко: надо было «в Днепр спустить или повезти в корзинке в Москву и по дороге сбросить». Встреча Махалина с Сингаевским в зале суда стала одним из кульминационных моментов этого процесса. В газетах писали: «Очная ставка с Махалиным захватила Сингаевского врасплох, и он, видимо, был потрясен ею. Взглянул, сразу признал, но долго не решался сказать, что знает. Эти мгновения произвели более сильное впечатление, чем весь допрос. На лице Сингаевского был прямо животный страх...» – «Показания Махалина произвели огромное впечатление... Махалин отвечал с убийственной простотой и находчивостью... Присяжные зашевелились. Большое движение в публике. После таких показаний обвинение Бейлиса просто немыслимо...» – «Когда выходили в перерыве лица, видевшие очную ставку, везде только и было слышно: преступление открыто, мы видели убийцу...»

После допроса свидетелей началось слушание экспертов. Хирурги лейб-медик профессор Е. Павлов и профессор А. Кадьян определили, что преднамеренного обескровливания не было, и чиновники сообщили в Петербург: «В общем, медицинская экспертиза – не в пользу обвинения».

Психиатры академик В. Бехтерев и профессор А. Карпинский опровергли психиатрическую экспертизу обвинения, исключили предумышленное «собирание крови» и установили, что у убийц было «единственное намерение – лишить Ющинского жизни». Наконец подошла очередь католического ксендза Иустина Пранайтиса, которого специально вызвали из Ташкента, и чиновник-наблюдатель докладывал в Петербург: «Весь ход процесса будет зависеть от того, насколько воспримутся темной массой заседателей аргументы ксендза Пранайтиса, убежденного в наличности ритуальных убийств».

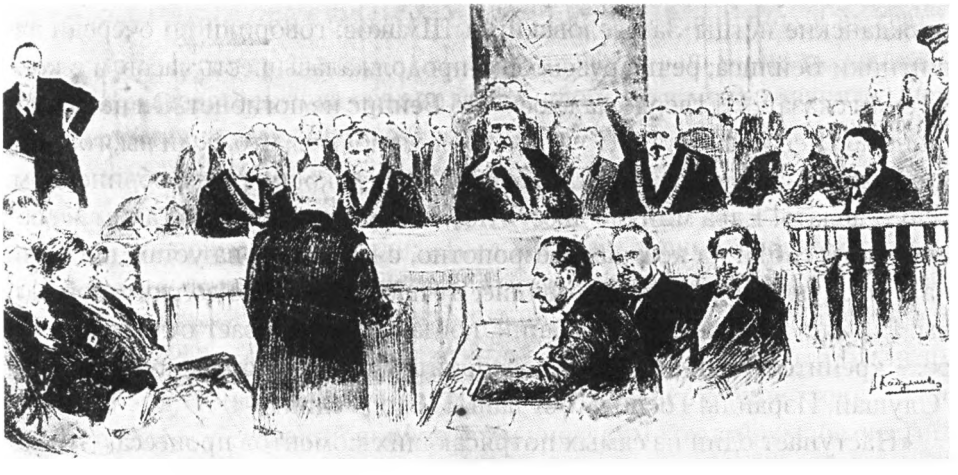
На предварительном следствии по делу Бейлиса профессор Киевской духовной академии священник А. Глаголев, знаток еврейского языка и Талмуда, отрицал употребление евреями христианской крови. Прокуратуру не устраивало такое заключение, а потому и появился на суде Иустин Пранайтис, единственный эксперт обвинения по ритуальным вопросам. В секретной переписке его именовали «лицом, сведущим в вопросе о ритуальных убийствах», и в полиции на него составили такую характеристику: «Ксендз Пранайтис известен департаменту как лицо, относящееся весьма несочувственно к евреям и, в частности, к их деятельности в Туркестанском крае». Лондонский корреспондент писал о нем: «Пранайтис – одна из самых поразительных фигур на процессе: это тощий католический священник с нависшими бровями, одетый в рясу, с большим золотым крестом с изображением Христа, свисающим с пояса на серебряной цепи».

Выступление Пранайтиса на суде длилось одиннадцать часов. Он пытался доказать, что Ющинского убили по всем правилам ритуального убийства, и в подтверждение своих выводов ссылался на книгу монаха Неофита. Неофит выдавал себя за крещеного еврея, знакомого с тайнами раввинов, и утверждал, что «человеконенавистные и христоненавистные евреи» употребляют кровь при обрядах бракосочетания, погребения, обрезания, а также при изготовлении мацы. В его книге сказано: «Все европейские евреи имеют коросту на седалище, все азиатские имеют на голове паршу, все африканские имеют чирьи на ногах, а американские имеют болезнь глаз, то есть страдают трахомой...», и против этих болезней «вселукавые раввины» нашли лекарство для исцеления – христианскую кровь. Но и это не все: четыре раза в году, как уверял Неофит, «на кушаньях евреев... сверху, из воздуха, оказывается какая-то кровь... и если от этих кушаний вкушает какой-нибудь еврей, то он тотчас умирает»: единственное спасение – христианская кровь. На суде зачитывали отрывки из этой книги, и в лондонской газете отметили с удивлением: «Если Неофит прав, то непонятно, каким образом такой обширный спрос на кровь и не менее обширное предложение до сих пор были скрыты от всеобщего внимания?»

После выступления Пранайтиса его учитель краковский архиепископ Симон заявил, что экспертиза Пранайтиса «несерьезна и лишена теологического значения», а его «познания в Талмуде и еврейской письменности поверхностны». На суде в этом могли убедиться многие: защитники просили Пранайтиса объяснить значение некоторых терминов из Талмуда, а он отвечал: «не знаю, не знаю». Пранайтису даже приготовили ловушку – по поводу названия одного из трактатов Талмуда «Баба Батра», что в переводе означает «Последние врата». Защитники спросили его: «Когда жила Баба Батра и в чем заключалась ее деятельность?» Пранайтис и на это ответил: «Не знаю», а чиновник-наблюдатель немедленно доложил в Петербург: «Ввиду дилетантских знаний и ненаходчивости экспертиза Пранайтиса имеет весьма малое значение».

На суде выступали гебраист академик П. Коковцов и профессор Петербургской духовной академии И. Троицкий, который сказал среди прочего: «Еврейская религия вообще против убийств. Основные заповеди евреев заключаются в том, что им запрещены разврат и убийство...» Чиновник-наблюдатель отметил в докладе начальству, что эти эксперты «дали заключение, исключительно благоприятное для защиты, восхваляя догматы еврейской религии, не допуская даже возможности совершения ими религиозных убийств». Многочасовую речь произнес московский раввин Я. Мазе; со ссылками на Библию и Талмуд он доказывал, что Закон запрещает евреям употребление какой бы то ни было крови: «Это немыслимо. Скорее у евреев можно было бы допустить изуверство в смысле доведения до крайности догмы неупотребления крови».

Римские папы в своих буллах неоднократно запрещали обвинять евреев в ритуальных убийствах, но ксендз Пранайтис заявил на суде, что эти буллы подложны. За несколько дней до начала процесса защита

В зале суда. Выступление московского раввина Я. Мазе

попыталась получить копии этих булл из архивов Ватикана, и по просьбе лорда Ротшильда статс-секретарь Ватикана кардинал Мерри дель Валь заверил копии своей подписью. Закон требовал, чтобы кардинальская подпись была заверена в русском посольстве при Ватикане, и лишь после этого копии можно было представить в суд. В посольстве решили не давать в руки защиты столь важный документ, и заверенные кардиналом копии пролежали там до вынесения приговора. Уже газеты перепечатали переписку Ротшильда с кардиналом; о существовании заверенных копий знали председатель суда, прокурор и гражданские истцы, знали об этом и защитники Бейлиса, которые не имели возможности представить суду эти документы, – ничего не знали только присяжные заседатели, изолированные в здании суда от всех событий в мире. А Шмаков издевательски говорил в заключительной речи: «Таких булл не только не бывало, но и не могло быть».

Трудно было предугадать заранее, как закончится этот процесс. Волнения дошли до крайних пределов, и М. Горький писал в те дни: «Мучительно переживаю процесс Бейлиса... Но в костре гнева и тоски, стыда и обиды есть уголек надежды: а что как эти двенадцать мужичков скажут: нет, не виновен?!. Хочется чуда! Лишь оно спасет нас от мирового позора!!!» А чиновник-наблюдатель телеграфировал из Киева: «Все светила литературы, медицины и науки на стороне уже успевшего обработать их еврейства, – против них стоит еще не затронутая еврейским просвещением душа простолюдинов».

Прокурор Виппер говорил в заключительной речи о могуществе еврейского капитала, который подкупил или запугал многих свидетелей, – и в Петербург была отправлена очередная депеша: «Виппер... разгорячился, произнес несколько фраз, могущих разжечь племенную вражду, сказав между прочим, что евреи погубят Россию». Затем выступали гражданские истцы Замысловский и Шмаков; говорили по очереди защитники Бейлиса; речь Грузенберга продолжалась шесть часов, и в конце ее он сказал: «Я твердо надеюсь, что Бейлис не погибнет. Он не может, он не должен погибнуть. Но что, если я ошибаюсь; что, если вы, господа присяжные, пойдете, вопреки очевидности, за кошмарным обвинением. Что ж делать! Едва минуло двести лет, как наши предки по таким же обвинениям гибли на кострах. Безропотно, с молитвой на устах, шли они на неправую казнь. Чем вы, Бейлис, лучше их? Так же должны пойти и вы. И в дни каторжных страданий, когда вас охватывает отчаяние и горе, – крепитесь, Бейлис. Чаще повторяйте слова предсмертной молитвы: “Слушай, Израиль! Господь Бог наш, Господь един!”»

«Наступает один из самых потрясающих моментов процесса, – писали в газете, – последнее слово подсудимого... Бейлис встает бледный, как полотно. Внешне спокойствие его не оставляет, но в этом спокойст-

вии чувствуется много выдержки и много сдерживаемых слез. Держась за барьер, Бейлис тихим, едва слышным голосом произносит: «Я многое хотел бы сказать... Но я устал и не могу... Одно прошу вас... Поймите, что я не виновен, и скажите, что я не виновен... Дайте мне снова увидеть семью и детей, которых я не видел два с половиной года...»

Затем председатель суда Болдырев произнес напутственное слово присяжным заседателям – перед тем, как они удалились в совещательную комнату. Судья не имел права влиять на присяжных, и тем не менее из его речи можно было сделать вывод, что убийство совершено на кирпичном заводе без участия Чеберяк и ее компании. Чиновник писал в своем донесении: «Его резюме носило явно обвинительный характер, несмотря на то, что улики против Бейлиса... были очень слабы или, лучше сказать, их совсем не было. Когда... Болдырев спросил меня, как я нахожу его резюме, я ему откровенно сказал, что ожидал от него большего беспристрастия». Председатель суда предложил на рассмотрение присяжных два вопроса: первый – доказано ли на суде, что Андрею Ющинскому «в одном из помещений кирпичного завода... нанесены колющим орудием... раны», которые, «вызвав мучительные страдания Ющинского, повлекли за собой почти полное обескровление тела и смерть?»; и второй вопрос – если это доказано, то виновен ли Мендель Бейлис в том, что «с не обнаруженными следствием лицами, из побуждений религиозного изуверства» он совершил это убийство?

Двадцать восьмого октября 1913 года присяжные заседатели удалились на совещание и через час двадцать минут вынесли свое решение: по первому вопросу – «Да, доказано», по второму – «Нет, не виновен». Другими словами, присяжные оправдали Менделя Бейлиса и сняли с него обвинение в совершении ритуального убийства. В зале поднялась суматоха: люди плакали, кричали, обнимались; Бейлис рыдал в истерике. Солдат принес ему стакан воды, но один из защитников выхватил этот стакан и сам подал его: «Бейлис больше не ваш – он принадлежит нам!» Председатель суда объявил: «Вы свободны, можете занять место среди публики», и конвойные вложили сабли в ножны. Чтобы избежать нежелательной демонстрации, Бейлиса отвели обратно в камеру, и только к ночи он вернулся домой, к жене и детям.

В еврейской газете писали: «Был кошмар, давящий кошмар. Судьи произнесли: “нет, не виновен”, кошмар рассеялся, и мы вздохнули свободно». В газете «Киевлянин», не отличавшейся симпатиями к евреям, приветствовали оправдание Бейлиса: «Несмотря на то, что были пущены в ход самые лукавые искушения, простые русские люди нашли прямую дорогу... Низкий поклон этим киевским хохлам, чьи безвестные имена опять потонут в океане народа». Чиновник-наблюдатель отмечал в заключительном отчете: «Процесс Бейлиса – это полицейская

Цусима, которую никогда не простят». А в черносотенном журнале «Двуглавый орел» написали после суда: «Один жид оправдан, но все жиды осуждены».

Так закончилось это дело, которое вошло в историю под названием «дело Бейлиса». А через месяц после этого в местечке Фастове, неподалеку от Киева, был найден убитый еврейский мальчик. На его шее обнаружили тринадцать колотых ран, и в правых газетах сообщили: «Крепнет версия, что мальчик – христианский... Несчастный только обрезан по еврейскому обряду, подогнан под жиденка, чтобы сбить следственные власти и затемнить ужасное дело». Свидетели опознали истинного убийцу – некоего Ивана Гончарука; его осудили и отправили на каторгу, но ритуальные обвинения продолжали возникать время от времени. Не случайно эксперт Пранайтис писал в департамент полиции после суда над Бейлисом: «Пусть мне дадут при министерстве место, где бы я мог быть полезен, так как это дело Бейлиса не первое и не последнее...»

«Специалист» по ритуальным обвинениям Ипполит Лютостанский, в прошлом католический ксендз, за неблаговидные поступки был лишен духовного звания и перешел в православие. Он не знал еврейского языка, не был знаком с Талмудом, однако в 1876 году издал книгу «Вопрос об употреблении евреями-сектантами христианской крови для религиозных целей...», переполненную нелепыми обвинениями. Наследник престола, будущий император Александр III прочитал эту книгу и выдал автору награду – золотой перстень. Затем Лютостанский выпустил трехтомный труд «Талмуд и евреи», в котором говорится о еврейском заговоре для достижения мирового господства, и московский раввин С. Минор изобличил его в невежественной клевете на еврейское учение. В 1882 году Лютостанский неожиданно отказался от своих взглядов и сочинил книгу в защиту евреев, но потом снова вернулся к прежней теме, и на его книги ссылались многие обвинители еврейского народа. Лютостанский доживал свои годы в безвестности и нищете и даже предлагал евреям купить его сочинения, которые могут им повредить, если они будут изданы.

В феврале 1911 года Третья Государственная Дума обсуждала законопроект об отмене ограничительных антиеврейских законов. Депутат Н. Марков 2-й сказал с думской трибуны: «Я утверждаю, как утверждал всегда и раньше, что угнетение отдельных нацио-

нальностей, в данном случае иудеев, нисколько не противоречит идеалам здоровой государственности». В те же дни Марков 2-й провозгласил на съезде объединенного дворянства: «С евреями России надо покончить... Евреев надо загнать в черту оседлости – это первый акт, а когда это будет выполнено, приступить ко второму акту – изгнанию евреев вовсе из России». На том же съезде дворян адвокат А. Шмаков утверждал, что евреи убивают христиан в ритуальных целях, а потому невозможно включить их в число полноправных граждан. Через месяц после этого в Киеве обнаружили убитого Ющинского, и правые решили доказать ритуальный характер преступления, чтобы сохранить ограничения против «народа-злоумышленника». Они развернули антиеврейскую кампанию, и в начале 1912 года правый депутат Г. Замысловский заявил: «Дело Ющинского послужило уже к тому, что законопроект об отмене черты еврейской оседлости в настоящее время похоронен».

Профессор Киевского университета психиатр И. Сикорский утверждал в своей экспертизе, что психологической основой убийства Ющинского явилось «расовое мщение, или вендетта сынов Иакова» к представителям другой расы. Московский психиатр профессор В. Сербский назвал его экспертизу «квалифицированным злодеянием, которое тщательно обдумано и планомерно исполнено»; русский журнал «Современная психиатрия» оценил эту экспертизу как «позорную и не соответствующую самым элементарным научным требованиям»; экспертизу Сикорского осудили международный медицинский съезд в Лондоне, съезд врачей в Вене и всероссийский съезд врачей. За критику Сикорского власти закрыли медицинские общества Харькова, Твери, Вологды, и в русском «Журнале невропатологии и психиатрии» отметили: «Говорить об экспертизе Сикорского, критиковать ее стало почти государственным преступлением».

Крупнейшие врачи и ученые в области судебной медицины Англии, Франции, Германии, Швейцарии и Австрии опровергли заключения экспертов обвинения, и их выводы были собраны в книгу, изданную в Петербурге: «Убийство Ющинского. Мнения иностранных ученых». В 1913 году обвинение привлекло нового эксперта, петербургского профессора судебной медицины Д. Косоротова. Перед поездкой в Киев ему тайно выплатили сверх положенного вознаграждения две тысячи рублей, а вторую половину гонорара решили выдать «по окончании процесса, когда выяснится линия отношения профессора Косоротова к экспертизе». «Линия»

профессора выяснилась очень быстро: «В экспертизе Косоротова, – отметили в газете, – насквозь было видно его антисемитское настроение», – и после этого он написал в департамент полиции: «Сего числа я возвратился из Киева и прошу вас об уплате остающейся части причитающейся мне суммы». Косоротов получил свои деньги, а вся сумма – четыре тысячи рублей – была включена в годовой отчет департамента полиции по расходованию денег «на секретные надобности».

В доме у Бейлисов столовался Файвель Шнеерсон, торговец сеном, безбородый молодой человек, не соблюдавший религиозных обрядов. Шнеерсон носил ту же фамилию, что и цадики знаменитой хасидской династии, и это вызвало подозрение у обвинителей. В местечке Любавичи жандармы допросили цадика Шнеерсона, не является ли Файвель его родственником, произвели в доме цадика обыск и забрали на проверку книги и рукописи. Эксперт профессор Тихомиров говорил по этому поводу: «Цадики избираются хасидами в качестве нравственных руководителей... Само слово "цадик" означает "праведник", и ничего страшного для христиан и для того края, где цадик живет, в нем не заключается».

В черносотенной газете «Русское знамя» писали: «Что же наше духовенство молчит? Что же оно не реагирует на зверское ритуальное убийство жидами мальчика Андрея Ющинского?..» И действительно, митрополит Филарет и высшие иерархи православной церкви не поддерживали подобные обвинения, а греческий патриарх Григорий еще в 1870 году осудил этот «внушающий отвращение предрассудок нетвердых в вере людей». Архиепископ Антоний Волынский сказал корреспонденту газеты: «Ничего не поделаешь с темнотой народа... Это зло уже не первый век существует, и вечно одно и то же... Меня еврейские газеты не любят, но я во имя справедливости заявляю: не нужна евреям кровь...»

Деятели Союза русского народа намеревались возвести Ющинского в «сонм мучеников» и поставить часовню на том месте, где обнаружили его тело, но разрешения на это не получили.

Первый вопрос, поставленный судьей на рассмотрение присяжных заседателей, не содержал упоминания о ритуальном убийстве. Провозгласив «да, доказано», присяжные признали, что тело

было обескровлено на территории кирпичного завода, – однако из этого не следовало, что убийство совершено с ритуальной целью. Лишь во втором вопросе существовало упоминание о побуждениях «религиозного изуверства» у Бейлиса, но на него присяжные ответили – «нет, не виновен». Приговор оставлял широкое поле для толкований и фантазий; он не убедил, да и не мог убедить тех, кто желал верить в легенду о ритуальных убийствах. Эта легенда продолжала существовать и существует по сей день, и психиатр из Швейцарии писал: «Еврейские ритуальные убийства никогда не случаются там, где христиане не верят в них заранее. Здесь дело обстоит так же, как с привидениями: они являются только там, где в них верят».

Закон запрещал присяжным заседателям оглашать результаты их голосования, но уже на другой день газета «Новое время» сообщила, что по вопросу о виновности Бейлиса голоса присяжных разделились поровну – шесть на шесть. По российским законам это автоматически вело к оправдательному решению, – однако неизвестно, таковы ли результаты голосования присяжных, или газета опубликовала неверные данные. По окончании процесса нашлись желающие провести еще одно частное расследование, чтобы обнаружить истинных убийц. Узнав об этом, министр юстиции повелел «предупредить лиц, предполагающих производить эти розыски, что это обстоятельство может повлечь за собой высылку их из Киева».

Вера Чеберяк была известна среди воров под кличками «Чеберячка», «Сибирячка» и «Верка-чиновница». Во время киевского погрома 1905 года в ее квартиру нанесли столько награбленного, что не успевали его сбывать, и Чеберяк сжигала в печке узлы с шелком, так как боялась оставлять их в доме. Соседи называли ее «злом двора»: это была женщина средних лет, умная, властная, скорая на расправу; она била свою прислугу, дралась с соседками, плеснула серной кислотой в лицо своего любовника, который после этого ослеп; даже в здании суда она ссорилась со свидетельницами и угрожала им. Один из журналистов сказал о ней: «Эта женщина, по-видимому, лжет всегда, даже если и думает, что говорит правду; а если она говорит во сне, то, по всей вероятности, тоже лжет».

Летом 1913 года в газете сообщили: «Процесс Веры Чеберяк по обвинению в краже золотых вещей будет слушаться после дела Бейлиса, так как прокуратура не желает компрометировать Чеберяк, являющуюся одним из главных свидетелей обвинения по делу

Ющинского». После суда над Бейлисом владельцы киевского цирка предложили Вере Чеберяк, как лицу наиболее осведомленному, изобразить в цирке пантомиму на тему «Убийство Ющинского», – однако местное начальство не допустило пантомиму к исполнению. Есть сведения, что в 1919 году Чеберяк пыталась вступить в коммунистическую партию, но ее расстреляли в киевской ЧК.

После процесса над Бейлисом прокурор Чаплинский был произведен в тайные советники, награжден орденом Станислава I степени, переведен в Петербург и назначен сенатором. Судья Болдырев стал старшим председателем киевской судебной палаты, был награжден орденами, получил повышение в чине и – в обход закона – добавочное вознаграждение по тысяче рублей в год. Гражданский истец Замысловский по заказу министерства внутренних дел написал книгу о ритуальном убийстве Ющинского и получил за это крупную сумму денег из секретного фонда. Прокурор Виппер после революции был скромным советским служащим в Калуге, на незначительной должности; там его случайно опознали, и в 1919 году Виппера судил революционный трибунал в Москве. «Я был не прав, когда добивался обвинения, – заявил он на суде. – Я виноват, что вышел за границы обвинительного акта». Судьи постановили лишить Виппера свободы «до полного укрепления в республике коммунистического строя», и, по всей видимости, он умер в тюрьме.

После оправдания Бейлис получил сотни телеграмм со всех концов Российской империи и из других стран. Писатель Д. Айзман писал в те дни: «Я счастлив тем, что живу на земле, что живу среди Менделей, что Менделям я сродни, что в моих жилах течет та же кровь...» День за днем шли к Бейлису толпы людей, и пришлось даже установить очередь и впускать группами по десять человек. Приходили к Бейлису соседи и приносили подарки; нашелся некий американец, который предложил гастроли по Америке по тысяче рублей за выступление, но Бейлис отказался. Черносотенцы Киева грозили с ним расправиться, и в начале 1914 года Бейлис со своей семьей уехал в Палестину. В 1920 году он переехал в Америку, работал в типографии, затем страховым агентом; с его слов записали книгу под названием «История моих страданий», которая вышла в свет на английском языке. Мендель Бейлис умер в Нью-Йорке в 1934 году.

Из еврейских газет после суда над Бейлисом:

«Белосток. На еврейском кладбище полнейшее разрушение. Лучшие и наиболее массивные памятники разрушены или опрокинуты, менее тяжелые – разобраны по частям и разбросаны по всему кладбищу, так что нельзя узнать, с какой они могилы».

«Варшава. Кличка "Бейлис" теперь все чаще раздается на улицах города. Хулиганы останавливают на улице евреев и с криком "Бейлис" ударяют их кулаками в грудь».

«Близ Остроленки, Ломжинской губернии, бандиты напали на купца еврея Рабиновича и убили его. На теле убитого было обнаружено сорок колотых ран. Стражник, донося об этом по начальству, пишет в рапорте: "Не подлежит сомнению, что убийство совершено с ритуальной целью"».

«Старообрядческий журнал "Церковь" указывает, что и против старообрядцев возбуждались обвинения в ритуальных убийствах. Журнал задает вопрос: "Почему ни разу не было случая, чтобы евреи похищали детей старообрядцев? Ведь кровь последних чище, ибо она не загажена ни водкой, ни табаком"».

Очерк сорок третий

Первая мировая война и российские евреи. Февральская революция 1917 года

1

Задолго до начала Первой мировой войны дальновидные политические деятели уже понимали, что ее не удастся предотвратить. Европейские страны выделяли огромные суммы на вооружение своих армий, а германский император Вильгельм II предупреждал о «надвигающемся конфликте двух рас, романо-славянской и германской»: «война может сделаться просто неизбежной», и тогда «совершенно безразлично, кто ее начнет». В петербургской газете «Новое время» написали: «Мы не против дружбы с Германией... но считаем, что она должна быть основана исключительно на признании немцами нашей силы». В «Биржевых ведомостях» вторили этому: «У нас нет причин волноваться. Россия готова! Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на неприятельской территории, совершенно забудет понятие «оборона»...»

28 июня 1914 года в столице Боснии городе Сараево член сербской националистической организации Гаврила Принцип застрелил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену. Между Австро-Венгрией и Сербией существовал многолетний конфликт по поводу владения Боснией и Герцеговиной, и в организации

убийства эрцгерцога стали обвинять сербские власти. Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, и Николай II немедленно заявил, что Россия «ни в коем случае не останется равнодушной к участи Сербии». Несмотря на серьезное предупреждение Австро-Венгрия объявила Сербии войну, Россия начала всеобщую мобилизацию, в ответ на мобилизацию русских войск Германия объявила войну России – 19 июля (1 августа) 1914 года, и на другой день Николай II подписал «Высочайший Манифест»: «Объявляем всем верным Нашим подданным...» Так началась Первая мировая война: страны Антанты – Россия, Англия и Франция совместно с Сербией воевали против Германии и Австро-Венгрии. Впоследствии к странам Антанты присоединились Италия, Румыния, Греция, к их противникам – Турция с Болгарией, и к концу войны мало кого интересовало, какие причины послужили поводом к ней.

За полгода до начала той войны П. Дурново, член Государственного Совета и бывший министр внутренних дел, представил Николаю II докладную записку, в которой предсказал последующие события: «Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи – будем надеяться, частичные, неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционные интеллигентские партии не смогут сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению...»

2

В первые дни войны по всей Российской империи проходили многолюдные демонстрации в поддержку царя и правительства, и даже оппозиционно настроенная интеллигенция была охвачена патриотическим подъемом. В. Розанов, писатель: «Что-то неописуемое делается везде. Что-то неописуемое чувствуешь в себе и вокруг. Какой-то прилив молодости. На улицах народ моложе стал, в поездах – моложе...» Ф. Сологуб, поэт: «Прежде чем весна откроет Лоно влажное долин, Будет нашими войсками Взят заносчивый Берлин...» И. Северянин, поэт: «Германия, не забывайся. Ах, не тебя ли строил Бисмарк. Но это тяжкое величье Солдату русскому на высморк...»

«Высочайший Манифест» Николая II призывал: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри! Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага!..» Представитель российских немцев сказал на экстренном заседании Государственной Думы: «Немцы, населяющие Россию, всегда считали ее своей матерью и своей родиной, и за достоинство и честь великой России они все, как один человек, сложат свои головы...» О том же говорил и депутат Н. Фридман: «В настоящий час испытания... мы, русские евреи, как один человек, станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага. (Шумные аплодисменты всей Государственной Думы. Демонстративно аплодируют правые и националисты.) Еврейский народ исполнит свой долг до конца».

Еврейские газеты печатали патриотические статьи: «Теперь не время для внутренних пререканий, теперь не время думать о нанесенных и наносимых нам обидах...»; в синагогах и молитвенных домах проходили торжественные богослужения о даровании победы русскому оружию. В одесской синагоге кантор и хор исполнили «Боже, царя храни!» и «Славься!», а затем – с разрешения начальства – евреи прошли по городу в многолюдной манифестации. В Петрограде после молитвы в хоральной синагоге громадная толпа с флагами и портретом Николая II вышла на улицу: синагогальный хор шел впереди процессии, пел русский гимн и молитвы за царя. В газете «Новое время», которая не баловала евреев своими симпатиями, отметили: «Манифестация русских евреев... должна вызвать во всех нас, русских, чувство глубокого удовлетворения... Такие минуты не забываются... Пронесется гроза, выглянет солнце мира над родиной, и русский народ не забудет о тех, кто в дни испытаний бодро шел с ним рядом, плечо к плечу». Но в те же самые дни историк С. Дубнов записывал в дневнике: «Жалко прозвучала речь еврейского депутата, столь смиренная, что ей аплодировали даже правые... Ни одного намека на реформы, на амнистию: все как встарь... Много постыдного было в еврейской манифестации на улицах Петербурга... с коленопреклонением перед памятником Александра III... Надо идти в бой за отечество, но в то же время и за себя как часть отечества, как нацию среди наций... Если рабов гонят в бой наравне с гражданами, то они должны громко заявить, что они сражаются только в надежде на завоевание для себя равенства и свободы».

В 1914 году были мобилизованы около четырехсот тысяч российских евреев, и их количество в русской армии в процентном отношении – а впоследствии количество убитых и раненых – оказалось выше того процента, который составляло еврейское население среди граждан Российской империи. Еврейская община Петербурга создала на свои средства

лазарет на двести кроватей и передала его в распоряжение армии. Еврейский комитет Лодзи приготовил лазарет на пятьсот мест; варшавский еврей М. Руг оборудовал в своем доме госпиталь и обязался содержать его до окончания войны; в Минске, Одессе, Бердичеве и других городах выделяли палаты в еврейских больницах для раненых российских солдат; даже самые бедные общины обещали содержать за свой счет по десять–двадцать кроватей для раненых. Студенты-евреи заграничных университетов, которых процентная норма заставила покинуть Россию, возвращались назад и добровольно шли в солдаты; еврейские девушки становились сестрами милосердия; группа горских евреев пожелала вступить в Кабардинский конный полк; просили о зачислении в армию «из чувства патриотизма» – трижды Георгиевский кавалер «отставной стрелок» Иосиф Губиш, авиатор Моргулис, прославившийся в войне с японцами Фроим Черкасс. В русской газете опубликовали письмо солдата-еврея: «Милый дядя! Мы выступаем в поход на австрийскую границу. Я вполне спокоен, ибо иду с сознанием, что после войны евреям будет хорошо. Меня смерть не страшит, и я готов умереть за отечество и за мой народ. Пусть же я буду последней искупительной жертвой на заре новой жизни еврейского народа. Гриша».

Российские евреи – участники Первой мировой войны: врач и солдат

Начались боевые действия, и вскоре появилось первое известие: «Вольноопределяющийся еврей Кац за отличие в бою при Гумбинене произведен в подпрапорщики и награжден Георгием. Знак отличия вручил Кацу лично командующий армией». А затем сообщения с фронтов стали печатать в газетах из номера в номер: «гомельчанин Илья Тумаркин за выдающуюся храбрость награжден Георгиевским крестом и умер

от ран, полученных в бою... житель Лодзи Парадизталь отличился в кровопролитной стычке с неприятелем... тяжелораненый Перников добрался до места назначения с важным секретным документом.. доброволец Фридланд под сильным огнем неприятеля вынес раненого офицера.. Мендель Берков первым ворвался в окопы германцев... доктор Лурье под убийственным огнем артиллерии оказывал помощь раненым... врач-доброволец Шварц из Вильно за самоотверженную работу награжден золотым Георгием и назначен старшим врачом...»

В годы Первой мировой войны полтора миллиона евреев участвовали в боевых действиях в армиях воюющих государств по обе линии фронта. Сто восемьдесят тысяч из них погибли, и на долю евреев России пришлось около ста тысяч жертв. Пуля и граната еврейского солдата поражали среди прочих и его единоверцев, а потому среди еврейского населения России была популярна история, во многих ее вариантах – о храбром еврее, унтер-офицере русской армии, Георгиевском кавалере. Однажды во время атаки он первым бросился на врага с винтовкой наперевес и пронзил штыком австрийского солдата. Несчастный успел только воскликнуть «Шма, Исраэль!» – и упал замертво. А унтер-офицер был так потрясен случившимся, что несколько дней ничего не ел, ни с кем не разговаривал и в конце концов застрелился. Невозможно теперь определить, было ли так на самом деле или же это народный вымысел, основанный на том, что действительно могло произойти. «Шма, Исраэль!» – предсмертная молитва еврея на штыке у другого еврея, из вражеского окопа, из другой страны проживания...

3

К началу Первой мировой войны в Российской империи было почти шесть миллионов евреев, и половина из них оказалась в районах боевых действий. Города и местечки неоднократно переходили из рук в руки под непрерывным артиллерийским обстрелом: дома горели, жителей убивали, скот погибал, население разорялось. «Шум, пальба, стрельба... – сообщал очевидец. – Из погребов с воплями и рыданиями выбегают полуодетые женщины, дети и мужчины, полузадохнувшиеся от дыма и обезумевшие от ужаса и горя. Бегут и падают, падают и бегут снова... А наутро солнце освещает торчащие, как скелеты, трубы, тела людей и животных, валяющихся на базарной площади».

Жители убегали на восток, когда к их домам подходила линия фронта, и общее число беженцев в Российской империи превысило четыре миллиона человек. Современник тех событий свидетельствовал: «Это было ужасное зрелище. Беженцы – голодные, измученные, оборванные,

больные – медленно тянулись по дорогам, хороня на обочинах детей и стариков... В ряде районов беженцы шли сплошной стеной, вытаптывали хлеб, портили луга и леса, оставляя за собой пустыню». Среди беженцев оказались и сотни тысяч евреев из прифронтовой полосы, однако, в отличие от прочих, им разрешали размещаться лишь в пределах черты оседлости. Они увеличили скученность в городах и местечках; началось массовое обнищание, голод, болезни и смерти; посыпались просьбы в Петроград, чтобы беженцев-евреев впустили во внутренние губернии России, и С. Дубнов записал в дневнике: «Председатель совета министров... отметил: "Откуда у вас, евреев, берется такой оптимизм? Неужели вы думаете, что теперь вам все дозволят?" А Кассо (министр просвещения) заявил, что процентная норма в учебных заведениях для него свята и нерушима. Так с нами говорят в дни, когда тысячи наших братьев лежат на полях Польши, Волыни, Подолии, сраженные в борьбе за Россию».

С первых дней войны в польских газетах появились статьи об «австрийской ориентации» евреев, которые якобы шпионили в пользу врага, встречали его хлебом-солью и снабжали провиантом. Обвиняли евреев и в «проявлении радости» при появлении немецких войск; писали о складах оружия в иешивах и синагогах, о сигналах неприятельским аэропланам с крыш домов, о бутылках с планами военных крепостей, которые пускали к немцам по течению реки Неман. Находились «очевидцы», которые видели «собственными глазами», как евреи откармливали гусей золотыми монетами и отгоняли их к врагу по подземным туннелям, как из Германии прилетали на цеппелинах мужчины в длинных лапсердаках для сбора денег; в газете «Новое время» сообщили читателям, что евреи в гробах – вместо покойников – переправляли врагу «сотни пудов» золота. Даже знание языка идиш ставили в вину: в отличие от прочих жителей евреи свободно разговаривали с немцами, а это вызывало подозрения. Не доверяли и евреям, которые летом 1914 года, перед началом войны, побывали на немецких курортах, – их подвергали административной ссылке в Сибирь.

«Шпиономания» коснулась и военной цензуры: уничтожали письма, если в них обнаруживали слова на идиш или иврите, летом 1915 года запретили газеты и журналы на этих языках; цензура не пропустила в печать сборник «Еврейская старина» на русском языке, так как в его научных статьях приводились цитаты на иврите. В газетах сообщали летом 1915 года: «Приказом петроградского градоначальника от 24 июня подвергнуты штрафу в сто рублей или аресту на один месяц: Шлиома Скловский, Двейра Скловская, Нахам Равич и Иосиф Эльяшев за разговор на еврейском жаргоне...» – «Содержатель булочной Ицик Левит, 59 лет, за разговор по телефону на немецком языке, по повелению

главнокомандующего выслан в Енисейскую губернию под надзор полиции на время действия военного положения...»

Все прифронтовые территории находились под управлением верховного главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича. После начала войны главнокомандующий и начальник его штаба генерал Н. Янушкевич разрешили армейскому командованию выселять евреев из районов боевых действий, а также из тех мест, где их пребывание считалось нежелательным. Сразу же изгнали евреев из пограничных районов Царства Польского, предоставив на сборы несколько часов, и корреспондент русской газеты сообщал с места событий: «Гродзиск, 25 января 1915 года. Стуком в окна с улицы подали евреям сигнал к выселению. В несколько минут этот муравейник высыпал на улицу и побежал с криком и плачем к поезду. Несли детей, несли стариков, несли узлы с кое-каким скарбом. Давили друг друга, взбираясь на поезд. Все площадки, все буфера, наконец, все крыши были облеплены людьми. Это была какая-то живая змея из человеческих тел...» Выселяемые шли пешком, ехали на подводах в Варшаву, и на улицах города скопилось более восьмидесяти тысяч человек, полузамерзших и голодных, без крыши над головой. По пути на восток изгнанники встретили русский полк и стали взывать к еврейским солдатам: «Смотрите, братья, что делают с нами!..» Те плакали в строю и шли дальше к линии фронта, а в польской газете уже рекомендовали, чтобы покинутые евреями «позиции заняли полные энергии и инициативы поляки из Америки».

Один из изгнанников сообщал в еврейскую газету: «Ненависть, страх и презрение клокочут кругом и выхватывают из нашей среды жертву за жертвой. Война со всеми ее ужасами разоряет нас и гонит из города в город, а помощи нет ниоткуда, и слов сострадания не услышишь». О том же говорил и писатель М. Горький: «Вы не можете представить, что теперь делают с еврейским населением Польши!.. Высылали по пятнадцать, двадцать тысяч – все еврейское население города – в двадцать четыре часа... Пропаганда ведется успешно. Жить тошно...»

4

В начале 1915 года в Германии ввели карточки на хлеб, и это восприняли в России как скорое и неминуемое поражение врага, который непременно погибнет от голода. Русские газеты с гордостью писали об изобилии в городских булочных, переполненных калачами, плюшками, сайками: «Как бедны они (немцы) во всех шелках и бархатах, как богаты мы в своем рубище...» В марте 1915 года русские войска взяли крепость Перемышль, захватили сто тысяч пленных, и в Восточной Гали-

ции установилось русское правление. Это вызвало новый патриотический подъем; по всей стране проходили торжественные манифестации в честь победоносного русского оружия, – но вскоре немецкие и австрийские войска начали контрнаступление и вновь заняли Галицию. Летом 1915 года немцы вторглись в Курляндию, захватили практически всю Польшу, взяли Варшаву, Ковно и Вильно, подошли к Риге и Минску, – были опасения, что они двинутся на Киев, и в Петрограде решали вопрос, следует ли эвакуировать мощи и прочие святыни из Киево-Печерской лавры.

К августу 1915 года Россия потеряла в боях три миллиона убитыми и ранеными, полтора миллиона солдат и офицеров попали в плен. В русской армии недоставало тяжелых орудий и снарядов: военная промышленность могла изготовить сто тысяч снарядов в месяц, а требуемый расход превышал миллион; газеты сообщали, что на одном только участке фронта немецкая артиллерия выпустила такое количество снарядов, которое в России изготавливали за полгода. Председатель Государственной Думы М. Родзянко свидетельствовал: «Армия тогда сражалась почти голыми руками... Я был свидетелем, как иногда отбивались неприятельские атаки камнями, и даже было предположение вооружить войска топорами на длинных древках». То же подтверждал и генерал А. Деникин: «Помню сражение под Перемышлем... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали – нечем...» Солдатам на фронте не хватало винтовок, патронов к ним, и общий подъем в русском обществе сменился раздражением, страхом, подозрением. Заговорили о том, что в стране гнездится измена, армию специально оставляют без оружия; начались поиски виновников поражения среди министров, генералов и, конечно же, среди евреев.

В зоне боевых действий расклеивали объявления: «В каждом населенном пункте будут взяты евреи-заложники, отвечающие жизнью за враждебные акты, совершенные их соплеменниками». В заложники брали обычно раввинов и уважаемых граждан еврейских общин; к лету 1915 года около четырехсот заложников сидели в тюрьмах Полтавы, Екатеринослава и Могилева, порой их вешали без суда и следствия – за обвинения, предъявленные к неизвестным им лицам. С легкостью казнили и подозреваемых в шпионаже, а обвиняемые – из-за незнания русского языка и отсутствия переводчиков – часто даже не понимали, в чем их вина. Военно-полевые суды рассматривали дела без участия защиты, и адвокат О. Грузенберг – по рассказам современников – «метался от главных военных прокуроров в штабы армий, не щадя ни себя, ни своих сил, ни здоровья». Иногда ему удавалось спасти приговоренного к смерти или к каторге, снять обвинение с оклеветанного, а то и с целой

общины, – и он записал на закате дней: «Разрезать веревку на шее совершенно чужого тебе человека: разве есть на свете радость глубже и прекраснее?..»

В воинских частях публиковали приказы: «Следить за солдатами-евреями, охотно ли они сдаются в плен, и вообще за их поведением...» – «При встречах войск на пути следования с евреями и немецкими колонистами принимать меры к тому, чтобы эти лица не могли пересчитать количества войск и обозов или узнать названия частей...» – «Согласно распоряжению командующего армией... подлежат немедленному выселению из районов военных действий и пунктов расположения войск поголовно все без исключения евреи...» С. Дубнов записывал в дневнике: «Часто думаешь: откуда это безумие юдофобии в такой момент? Психологически это объяснимо. Палач по-своему боится своей жертвы. Юдофобам, тиранившим евреев тридцать лет, совесть подсказывает, что евреи должны мстить своим гонителям, и это должное превращается в умах палачей в сущее...»

Когда русские войска отступали из Галиции, выслали в двадцать четыре часа из прифронтовых районов – для предотвращения «предательства» – почти все еврейское население галицийских городов и местечек. Некоторые из них попали в Сибирь, и под конвоем их гнали пешком по глубокому снегу, в летней одежде и легкой обуви. «Меня потрясло это зрелище, – вспоминал очевидец. – Я понимал, что живыми до Баргузина доберутся немногие, да и те наверняка отморозят себе руки и ноги». Во время отступления из Польши изгоняли целые еврейские общины, и десятки тысяч человек, под угрозой смертной казни, уходили в дожди и слякоть «в места, удаленные от боевых действий». Один из депутатов рассказывал с трибуны Думы, «с какой непомерной жестокостью производилось выселение евреев... в течение нескольких ночных часов... под угрозой, что если кто-нибудь останется к рассвету, то все будут повешены... Стариков, больных, расслабленных, паралличных приходилось нести на руках...»

Так началось физическое уничтожение старых гнезд еврейской жизни с их традиционным, устойчивым многовековым укладом. В зоне боевых действий артиллерия разрушала до основания сотни маленьких городков и местечек Украины, Польши, Литвы и Белоруссии, а вслед за артиллерией разгром довершала пехота. Немало тому способствовали изгнания евреев, и читатель написал в газету в разгар войны: «Умер еврейский городок... Умер маленький мирок нашей жизни. Жили люди, был городок, и нет его больше. Война поглотила его... Там, где прошли огонь и меч, выкосив все добро, нельзя свить нового гнезда. Там, где не на чем и нечего сеять, ничего не вырастет. В тех местах, где навет изгнал евреев, теперь как вороны, слетевшиеся на поле битвы, начинают осе-

дать чужие, продавая еврейские товары, оставленные изгнанниками. Они победили. Был городок, и нет его больше...»

5

В апреле 1915 года штаб верховного главнокомандующего сообщил о «вероломном предательстве» евреев местечка Кужи Ковенской губернии. Они якобы спрятали немецких солдат в подвалах своих домов, ночью подожгли местечко, и немцы из засады напали на русских солдат, расположившихся там на ночлег. Жителей местечка предали военно-полевому суду «за измену отечеству и предательские действия против армии», и в отместку выслали около двухсот тысяч евреев из прифронтовых районов Курляндской, Ковенской, Сувалкской и Гродненской губерний. Из Ковно в течение двух суток изгнали около двадцати тысяч человек, включая рожениц, раненых солдат-евреев, столетних стариков и старух, тяжелобольных и обитателей сумасшедших домов. Фабрики, магазины, имущество – все было брошено на произвол судьбы, десятки тысяч жителей стали нищими; их повезли в товарных вагонах в южные губернии черты оседлости, и на многих вагонах было написано мелом: «шпионы». Корреспонденты русских газет телеграфировали: «Минск – проследовало восемь тысяч евреев. Витебск – за последние три дня проследовало свыше двадцати тысяч евреев. Вильно – сегодня прошло через город тринадцать поездов с евреями...» В суматохе выселения жены теряли мужей, родители своих детей, и в газетах появились обращения такого содержания: «Брук Леа ищет своего мужа Давида... Бекер Соня ищет своего отца Иосифа Бекера и мать Фейгу... Меламдович Меер ищет свою дочь Хаю Фридкин (солдатку) с пятью девочками... Винник Давид с семьей ищет сына Лейбу с четырьмя детьми...» С. Дубнов записывал в дневнике: «Кошмар усиливается. Творится безумное и преступное... Мой народ истекает кровью, порабощенный вчера, истребляемый сегодня, угрожаемый завтра...»

Известие о «вероломном предательстве» евреев местечка Кужи перепечатали столичные и провинциальные газеты, и это произвело огромное впечатление на российское общество: «Черносотенцы ликовали и открыто говорили о необходимости еврейских погромов, простые русские люди сокрушенно качали головами, а евреи... были явно пришиблены этим сообщением». Но вскоре предводитель дворянства одного из уездов Ковенской губернии сообщил в газету, что в домах местечка Кужи нет таких подвалов, в которых можно спрятать десятки немецких солдат; скорее всего, предположил он, русский отряд не выставил на ночь охранения, был захвачен врасплох, – а для оправдания выдумали

версию о еврейском предательстве. В Кужи поехала комиссия во главе с депутатом Государственной Думы А. Керенским, который заявил затем с думской трибуны: «такого случая не было и по местным условиям быть не могло»; при проверке выяснилось, что лишь в одном еврейском доме оказался крохотный погреб ниже человеческого роста. Однако двести тысяч высланных уже ехали в холодных, неотапливаемых вагонах в неизвестном им направлении, и даже начальство не всегда знало конечный пункт назначения.

Путешествия длились неделями, а то и месяцами; составы подолгу стояли на станциях, пропуская военные эшелоны; в вагонной тесноте лежали вповалку больные скарлатиной и сыпным тифом; люди голодали, болели и умирали в пути. Порой местные власти не принимали высланных, измученных долгой дорогой, и отправляли назад; один из эшелонов возвратили из Полтавы обратно в Ковно, а оттуда его снова послали в Полтаву. «Евреев пересылали в товарных вагонах, как скот, по накладным, – говорил в Думе депутат Н. Фридман. – Писали накладную: товар – четыреста пятьдесят евреев, пересылается туда-то... Я видел выселенцев Ковенской губернии: люди, которые еще вчера были состоятельными, стали в один день нищими. Я видел среди выселенцев дам и девушек, которые вместе с русскими дамами шили белье, собирали пожертвования, а теперь лежали на полотне железной дороги. Я видел семьи мобилизованных, я видел среди выселенцев раненых солдат с Георгиевскими крестами...»

Петроградская община основала Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО), и на первом его заседании состоятельные евреи Петрограда собрали четыреста тысяч рублей. Пожертвования поступали из всех еврейских общин Российской империи; деньги присылали евреи Америки и других стран; русское правительство тоже выделяло средства на нужды еврейских беженцев. Уполномоченные ЕКОПО сопровождали эшелоны, организовывали в пути столовые, подвижные кухни и медицинскую помощь; Общество для распространения просвещения между евреями в России устраивало школы и вечерние курсы в местах расселения беженцев и насильно высланных; Общество охранения здоровья открывало молочные кухни, детские сады, амбулатории и госпитали; Общество ремесленного и земледельческого труда подыскивало для беженцев работу, помогало ремесленникам закупать сырье и сбывать изделия, основывало курсы для обучения ремеслу инвалидов войны.

Пожертвования собирали во всех еврейских общинах и на эти деньги открывали бесплатные столовые, лавки для продажи хлеба по дешевой цене, ясли для грудных детей и приюты для малолетних. В Варшаве еженедельно раздавали беженцам тридцать пять тысяч пудов хлеба, сахар, чай и уголь для отопления; евреи Минска разместили в своих до-

мах тысячу беженцев; сибирские евреи покупали для них тулупы и валенки, варежки, носки и теплое белье; в Вологде в каждом еврейском доме стояли кружки для сбора денег; многие общины посылали своих представителей в районы боевых действий, и те привозили оттуда на воспитание детей-сирот.

Выселение евреев из Ковенской и Курляндской губерний вызвало хаос в торговой и экономической жизни огромного края. Города опустели, торговля замерла, фабрики простаивали; христианское население страдало от дороговизны и безработицы. Выхода не было, и военные власти позволили изгнанникам вернуться в свои дома, но при этом они должны были выделить заложников из раввинов и богатых евреев – «с предупреждением, что в случае измены со стороны еврейского населения заложники будут повешены». Евреи отказывались возвращаться на этих позорных условиях, и высланные из города Вилькомира написали главнокомандующему: «Мы оскорблены в наших патриотических чувствах и не согласны выделить заложников, сыновья и братья которых сражаются за честь и славу России».

В стране не хватало транспорта для перевозки военных грузов, а на запасных путях железнодорожных станций простаивали сотни вагонов с высланными евреями. Очевидец сообщал в газетной статье: «С трудом отодвигаешь тяжелые громадные двери товарного вагона. Заглядываешь внутрь. Спертый, удушливый воздух, холод и мрак. Глаза с трудом различают отдельных людей в копошащейся живой массе. Из-за груды грязных подушек и тряпья поднимаются всклокоченные головы стариков и старух. Молодые женщины глядят воспаленными, лихорадочно горящими, умоляющими глазами... Хриплым шепотом жалуются: "Лучше бы умерли дома". Есть больные. В груде тряпья много детей. Высовываются исхудавшие, посиневшие ручки. На холоде меняют детям пеленки, протягивают им иссохшую грудь. Плач детей... протяжный беспомощный плач доносится из всех вагонов. Кажется, весь длинный, безглазый поезд колышется и вздрагивает, как огромное живое существо, и весь содрогается от детского плача, от надрывающего душу стона...»

Свидетель тех событий записывал в «книгу страданий»: «Казалось, что Российская империя воюет не с множеством царств, но идет война с еврейским народом, против него обратила она половину сил своих, на его голову обрушила гнев свой... Страшное смятение овладело сынами народа нашего, которые возвращались израненные с войны, и возопили они: "Где Бог правосудия?!.."» Современники рассказывали, как еврейский писатель И. Л. Перец – в то время очень больной – увидел из окна квартиры группу изгнанников-евреев, которые брели по варшавской улице с детьми, узлами и подушками. «Опять еврейские подушки!» – простонал он, и это были последние его слова.

6

В 1915 году по инициативе М. Горького было создано «Русское общество для изучения еврейской жизни», которое выпустило сборник «Щит» – в помощь российским евреям. В нем приняли участие писатели и поэты К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, Д. Мережковский, Ф. Сологуб; участвовали в сборнике ученые и политические деятели, и начинался он статьей писателя Л. Андреева: «Мне нет надобности... ссылаться на геройство евреев в деле обороны России, на их трагическую по своей верности любовь к России... Надо всем понять, что конец еврейских страданий – начало нашего самоуважения, без которого России не быть».

В газете «Русские ведомости» задали вопрос: «Если евреи могут умирать за Россию, то почему они не могут жить повсеместно в России, почему они не могут быть офицерами в русском войске?..» Эту проблему обсуждали повсюду, и – по свидетельству управляющего делами Совета министров – «даже непримиримые антисемиты приходили к членам правительства с протестами и жалобами на возмутительное отношение к евреям на фронте». На секретных заседаниях министры говорили о «недопустимых ни в одном цивилизованном государстве насилиях и надругательствах» над евреями; Совет министров потребовал от Генерального штаба «отказаться от преследования еврейской массы и огульного обвинения ее в измене», а генерал Н. Янушкевич сообщил в ответ, что «принятые меры в отношении евреев весьма слабые» и их следует усилить «в еще более значительной степени». Поток еврейских беженцев нарастал. Летом 1915 года власти временно допустили их в города Воронежской, Тамбовской, Пензенской губерний, но там не оказалось для них никакого пристанища, и тысячи евреев с детьми и вещами расположились на улицах, площадях, в подворотнях домов. Положение стало безвыходным, и этот вопрос поступил на рассмотрение правительства.

Министры уже понимали, что черту оседлости придется расширить, однако некоторые из них соглашались на подобную меру «с душевным прискорбием». Из стенограммы заседания Совета министров: «Медлить нельзя. Движется масса евреев...» – «Приходится признать, что уступки неизбежны. Вопрос в их объеме...» – «Вся Россия страдает от тяжести войны, но первыми получают облегчение евреи. Мое чувство как-то не может этого переварить...» – «Евреи встряхнут сонное царство и растревожат изленившееся... русское купечество... заставят перейти от ветхозаветных приемов хозяйства к более совершенным...» – «Откровенно заявляю перед Советом министров, что душа не приемлет...» – «Нельзя сразу вести войну с Германией и с евреями. Надо разделить эти

войны...» – «Необходимо что-нибудь сделать для облегчения займа за границей...» – «Ротшильд дальше не идет... Сказать ему: старайся, помогай...»

Беженцы-евреи на улице Пензы

Это было время поражений русской армии; требовались огромные займы для продолжения войны, но преследования евреев вызывали возмущение в других странах и создавали трудности в получении иностранных кредитов. Поэтому один из министров предложил «извлечь из этой уступки наибольшие выгоды... и предъявить евреям откровенный ультиматум: «Мы даем вам изменение правил о черте оседлости... а вы пожалуйте нам денежную поддержку на русском и иностранном рынках». В августе 1915 года министр внутренних дел разослал по губерниям особый циркуляр: временно, «ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени», евреи из прифронтовой полосы получили право жительства в городах вне черты оседлости. Закрытыми по-прежнему оставались сельские местности внутренних губерний России, Петроград и Москва, казачьи области – Терская, Кубанская и Войска Донского, а также места царских резиденций. Установили льготный прием в учебные заведения для участников войны и их детей – независимо от национальности и вероисповедания, однако прочие ограничительные законы продолжали существовать. Раненых еврейских солдат после излечения немедленно высылали из Петрограда и Москвы; отсрочку до двух месяцев давали лишь «для приспособления искусственных конечностей». В Москве проводили облавы на «беспаспортных евреев» и среди прочих арестовали пожилую женщину, которая приехала в лазарет для свидания с раненым сыном. Английские финансисты во главе с Ротшильдом просили русское правительство пересмотреть антиеврейские законы, но царь запретил давать какие-либо обещания по этому поводу.

В августе 1915 года Николай II стал главнокомандующим русской армией, и массовые выселения евреев из районов боевых действий прекратились. Однако подозрения в измене оставались, и министерство финансов предупредило губернские власти, что «немцы, числящиеся в русском подданстве», совместно с «подкупленными» евреями намереваются «произвести в различных местностях Империи посредством особых машин выжигание хлебов на корню» – чтобы «подорвать благосостояние крестьянского населения России». А в другом циркуляре – теперь уже департамента полиции – на евреев возложили ответственность за «искусственное вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение из обращения звонкой монеты», чтобы вызвать «недовольство» в стране. Заговорили о том, что евреи прячут золото повсюду, даже в гробах покойников, – на киевское кладбище явился наряд полиции и перед погребением обыскал труп еврейского мальчика.

Антиеврейская агитация в газетах, официальные обвинения в измене, выселения целых общин и взятие заложников способствовали усилению антисемитизма. В 1915 году Союз русского народа потребовал «пересмотра государственных законов о жидовстве и признания его изуверской религией, губящей христианские царства». В мае 1916 года из-за возросшей дороговизны разразился погром в Красноярске, после чего местный епископ направил письмо председателю Совета министров: «Чем виноваты несчастные евреи, из которых громадное большинство торговало по мелочам и не имело никакой возможности повышать цены? Кто виноват в страшной дороговизне? Почему евреев оставили беззащитными?..»

Солдаты-евреи на фронте тоже страдали от антисемитизма, и один из них написал незадолго до гибели: «Одинокий, в заброшенной глухой деревушке, не уверенный в завтрашнем дне, я предаюсь невеселым думам... Порой становится так страшно, что я начинаю опасаться за свой рассудок... Мне здесь, в тылу и на позиции, пришлось столкнуться с такой силой ненависти, что побороть ее было выше моих сил. Я согнулся под тяжестью этой ненависти, и если останусь жив, не выпрямиться мне более...»

7

Положение в Российской империи ухудшалось со дня на день: ценность рубля постоянно падала, продукты дорожали, в стране не хватало тканей, обуви, железных изделий; неумолимо подступал голод, и бесконечные очереди за хлебом с ночи становились у булочных. С 1914 года были мобилизованы в армию пятнадцать миллионов мужчин; население устало от нескончаемой войны с ее огромными жертвами; повсюду

ругали правительство, предрекали новые поражения на фронтах и открыто говорили о том, что русская императрица предает Россию императору Вильгельму. «А у евреев, как всегда в такое время, мешанина из горя и надежды и истерической суетливости... – писал В. Жаботинский. – Поденное ожидание чего-то, что должно вот-вот произойти – не то землетрясение, не то светопреставление, только очень хорошее; и беспримерно яркая вспышка сионистских, почти мессианских мечтаний; и выкресты, и смешанные браки, и древнееврейская речь в каждом вагоне железной дороги, и повсюду нерешительный шепот, что пора бы уж взяться за подготовку самообороны...»

В феврале 1917 года начались волнения в Петрограде. Толпы вышли на улицы с лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!»; забастовали рабочие и железнодорожные служащие; солдаты отказывались разгонять демонстрантов и присоединялись к бастующим. К концу февраля на площадях столицы шли непрерывные митинги; на улицах избивали городовых и убивали офицеров; демонстранты братались с солдатами восставших полков, а те группами ходили по улицам, стреляли в воздух и кричали: «Довольно, повоевали!» Второго марта 1917 года Николай II подписал манифест об отречении от престола и записал затем в дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман». В тот же день лидер кадетов П. Милюков объявил на митинге о создании Временного правительства. «Кто выбирал вас?» – кричали из толпы. Он ответил: «Нас выбрала русская революция».

«Что бы ни происходило в стране, – вспоминал очевидец, – какие бы события ни переживались – полиция делала свое дело... Дня за два до февральского переворота, когда в городе уже началось сильное брожение... в пятом часу утра я увидел толпу городовых... “Искали евреев, – объяснил околоточный. – Мы уж приставу говорили – не время теперь, да он приказал”. – “Ну и что же, удачно?” – “Да искали нехотя. Нашли старика, да рукой махнули...” Ровно через три дня этот полицейский участок был сожжен. По странной иронии судьбы комиссаром этой части был назначен еврей, за неделю до этого не имевший права жительства...»

После начала Первой мировой войны В. Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в гражданскую и заклеймил социал-демократов по обе линии фронта, вставших на защиту своих стран. А. Коллонтай (дочь царского генерала и член партии большевиков) с изумлением наблюдала в Берлине проявления патриотических чувств у немецких социал-демократов; она хотела, чтобы Германия победила Россию, а К. Либкнехт возражал

с иронией: «Если вы настоящая интернационалистка, то нельзя желать поражения одной России, вы должны желать и поражения Германии». Коллонтай записала в дневнике: «Так надо желать поражения обеих? Но как это сделать?..» На этот вопрос однозначно ответил Ленин: «С точки зрения трудящихся масс и рабочего класса России не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что наименьшим злом было бы теперь поражение царизма в данной войне». Л. Троцкий не принял ленинский лозунг превращения империалистической войны в гражданскую; он призывал к немедленному прекращению военных действий и созданию революционным путем «Соединенных Штатов Европы».

В первые месяцы войны группа немецких евреев посетила кайзера Вильгельма II и сообщила ему, что верующие евреи Германии собираются молиться за победу немецкого оружия. «Сколько евреев в Германии?» – спросил кайзер. – «Шестьсот тысяч», – ответили они. «А сколько евреев живут в России?» – опять спросил кайзер. «Вместе с Польшей – примерно шесть миллионов». Кайзер помрачнел: «А что будет, если русские евреи обратятся к Всевышнему, чтобы Он даровал победу русскому оружию?.. Ведь их же больше! Знаете что, попросите Бога только об одном – чтобы Он не вмешивался».

Немецкие евреи записывались добровольцами в германскую армию, чтобы отомстить России за страдания российских евреев. «Месть кому? – предостерегал С. Дубнов. – Ведь в русской армии десятки тысяч евреев, и немецкой армии придется опустошать ту же черту, где раньше хозяйничали русские погромщики... Трагизм момента неописуем...» К осени 1915 года около двух миллионов евреев оказались на территориях, занятых германскими и австрийскими войсками. Постоянные реквизиции хлеба и других припасов довели еврейское население до крайней нищеты; этому способствовала и отправка мужчин на принудительные работы в Германию.

В годы той войны фейерверкер артиллерийской бригады Лейзер Пехович получил за военные подвиги четыре Георгиевских креста; Мордехай Плотскин из Вильно также заслужил четыре Георгия, был ранен и потерял обе ноги. Артиллерист Ф. Тартаковский из Черкасс и рядовой уланского полка Айзик Гутман были награждены тремя Георгиевскими крестами; дважды Георгиевский кавалер с русско-японской войны рядовой Лейба Ицков Хайкин заслужил

третьего Георгия; рядовой Хаим Иофин из Киева «за беспримерную храбрость» получил три Георгиевских креста. Дважды Георгиевскими кавалерами стали Я. Миллер из Петрограда, Г. Фейгензон из Бердичева, Г. Константиновский из Луганска, разведчик М. Каплан из Проскурова, Л. Брусиловский, С. Сафьян, Я. Фрейдин и И. Эдельман из Одессы, В. Михельс, И. Копелиович и многие другие.

Сорокасемилетний Фроим Черкасс, дважды Георгиевский кавалер с русско-японской войны, пошел на фронт добровольцем, отличился в боях, был ранен и получил еще один Георгиевский крест. В газете сообщали: «Ныне Черкасс, прихрамывая, снова просится на войну, но медицинская комиссия признает его более неспособным к несению воинской службы». Тринадцатилетний Иосиф Гутман бежал из дома, стал разведчиком в полку, был ранен; командующий армией наградил его серебряной медалью «за храбрость». По два Георгиевских креста заслужили пятнадцатилетний Исаак Гольдберг и семнадцатилетний Соломон Евзерович. Трижды Георгиевский кавалер с русско-японской войны Бенциан Бродкинд из Самары пошел добровольцеми в армию, вместе с ним отправились на фронт его единственный сын Янкель и шурин Лейзер Шапиро. Они служили в одной роте, перед атакой вызвались обследовать вражеские окопы и захватили в плен двенадцать австрийских солдат. Их наградили Георгиевскими крестами, а в очередном бою все трое были тяжело ранены. В первые месяцы войны газеты сообщили: свидетель на процессе М. Бейлиса Файвель Шнеерсон, которого обвинение подозревало в убийстве А. Ющинского, «служил в передовых отрядах русской армии и был убит в бою под Львовом, выказав чудеса храбрости в отражении неприятельской атаки»; там же, под Львовом, был ранен студент В. Голубев, один из инициаторов дела Бейлиса: «во время сражения вывел его в безопасное место и перевязал ему рану еврей-пехотинец».

В России существовал еврейский Союз георгиевских кавалеров; к 1917 году в нем состояло более двух тысяч награжденных. Еврей-современник записывал во время той войны: «И хотя в годы мира не находилось нам места среди безмятежных народов... ограничивали права наши и преграждали пути во зло нам, – однако теперь, во времена несчастья, сыновья наши... не мстили недругам и не таили обиду, а воевали мужественно против врагов России, с героизмом удивительным, и были отмечены наградами как герои...»

Из письма императрицы Александры Федоровны Николаю II (апрель 1916 года, о встрече в госпитале с раненым евреем): «Будучи

в Америке, он не забыл Россию и очень страдал от тоски по Родине, и как только началась война, примчался сюда, чтобы вступить в солдаты и защищать свою Родину. Теперь, потеряв руку на службе в нашей армии и получив Георгиевскую медаль, он желал бы остаться здесь и иметь право жить в России, где он хочет. Право, которого не имеют евреи... Не следует озлоблять его и давать чувствовать жестокость своей прежней Родины». Из ответа Николая II: «На прошении раненого еврея я написал: разрешить повсеместное жительство в России...»

Перед праздником Песах еврейские общины отправляли на фронт вагоны с мацой и прочими съестными припасами, а также собирали подарки для солдат без различия вероисповедания – теплое белье, перчатки, портянки, пакеты с табаком, папиросы. С фронта они получали благодарственные письма, и вот два из них – с сохранением орфографии и пунктуации: «От души Вас благодарю все Ваше Общество, за Ваше благодеяние. О, Боже Правый, и в еврейских сердцах горит страшная любовь к русским воинам. Да здравствует блестящая победа русских над Германией. У-р-ра-а! Вас. Козлов»; – «Дай Господь вам доброе здоровье намногие лета. Покорнейше благодарю я вас еврейскую общину за ваши подарки получил я Егор Григор. Саломатин брюки теплыя, портянки кисет 5 пачек папирос 1 осмушка табаку 1 коропка спичек 1 лист курительной бумаги 8 штук конфет почтовая карточка 2 баранки 5 кусков сахару. Покорнейше благодарю, что незабываете нас братьев воинов для памяти записали мы всвои памятныя книжки вас петроградскою еврейскую общину если воротимся народину будем поминать вас погроб своей жизни Егор Саломатин».

Из газет военного времени:

Русские писатели и артисты организовали в Петербурге вечер «в пользу еврейского населения, пострадавшего от военных действий»; среди прочих выступали писатели Л. Андреев и М. Горький, дирижировал оркестром композитор А. Глазунов. Доход с вечера составил восемь тысяч рублей. Для этой же цели еврейские и русские художники и скульпторы устроили продажу своих произведений: в аукционе участвовали И. Репин, А. Бенуа, К. Сомов.

Военный корреспондент берлинской газеты сообщал: «Из одного еврейского местечка в русской Польше мы отправляли в Германию транспорт русских пленных. Узнавшее об этом еврейское на-

селение местечка тотчас же начало снабжать пленных хлебом, мясом, платьем. Некоторые евреи прибегали уже после того, как транспорт выступил, догоняли пленных и наделяли их, чем могли».

«Узнав о том, что итальянский инженер Уливи изобрел аппарат, взрывающий суда на далеком расстоянии, морское министерство начало переговоры с евреем Робинзоном из Гродно, который изобрел подобный аппарат. Во время русско-японской войны Робинзон предлагал свое изобретение министерству, но тогда отказались вступить с ним в переговоры».

Евреи из польского города Гродзиска сообщали: «Забил барабан, и мы получили приказ оставить город. Поднялся стон и плач, мы побросали свои лавки и квартиры и с детьми на руках пошли по грязи и болотам, под проливным дождем... Синагогальный служка, оставив жену и детей, с опасностью для жизни вернулся обратно. Каким-то чудом пробрался он незамеченным в пустую синагогу, собрал все Свитки Завета, отнес их на чердак и остался сторожить. Три дня он пролежал на чердаке без еды и питья, пока не изменилось положение, а затем вывез святыни в Варшаву».

В газете «Русский инвалид» написали: «Разве время теперь толковать о равноправии? Равноправие не простая вещь. Его надо заслужить преданностью отечеству и общим моральным ростом». Еврейский журналист ответил на это в газете «Рассвет»: «Я лично не придерживаюсь того мнения, что права нужно заслужить; я думаю наоборот, что лишение прав нужно "заслужить", о чем есть подробные указания в "Уложении о наказаниях"... Если теперь Бог нам поможет и мы оторвем от Пруссии известный кусок земли, тогда прусский немец станет русским подданным. О его преданности России, против которой он теперь ведет войну, навряд ли можно говорить, и тем не менее, никто не сомневается, что этот немец, сейчас после присоединения к России, получит права... те самые права, которых лишены мы, помогавшие ценою жизни насильно превратить этого немца в русского подданного...»

В 1914 году, во время наступления русской армии, казаки устраивали еврейские погромы в Галиции и Буковине; жестокий погром произошел во Львове, получив название «кровавое воскресенье». Летом 1915 года прошли погромы в прифронтовой полосе Гродненской, Ковенской, Виленской, Минской и Волынской губерний. Немецкая пропаганда использовала эти факты и распространяла прокламации с призывом: «Евреи, вспомните дело Бейлиса! Вспомните Кишинев и другие погромы!» В 1916 году русские

войска вновь вошли в Галицию и Буковину, и во время боевых действий были разрушены многие синагоги. По поручению Еврейского комитета помощи жертвам войны писатель С. Ан-ский создал в Галиции сеть столовых и медицинских пунктов, которые спасли от смерти тысячи людей. В одной из осквернённых синагог Ан-ский обнаружил, что от десяти заповедей, начертанных над Ковчегом Завета, остались неповреждёнными лишь два слова: «тирцах» – «убий» и «тинаф» – «прелюбодействуй» (взамен «не убий» и «не прелюбодействуй»).

Очерк-приложение

Евреи Крыма

История евреев Северного Причерноморья насчитывает много веков, со времен греческих поселений на берегах Черного моря. Евреи пришли в Крым, скорее всего, из Малой Азии во втором веке до новой эры. Но вполне возможно, что они переселились с Кавказа еще раньше, со времен ассирийского и вавилонского пленения, – а это могло случиться, начиная с седьмого или шестого веков до новой эры.

Самое древнее достоверное свидетельство еврейского присутствия в Крыму относится к 81 году новой эры, когда юго-восточную часть полуострова занимало Боспорское царство, вассал Рима. В Керчи при раскопках нашли плиту из белого мрамора, и на ней надпись на греческом языке: «В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, друга цезаря и друга римлян... я, Хреста, бывшая жена Друза, отпускаю по обету в молельне воспитанника моего Геракласа на свободу... под опекой также и синагоги иудеев». Эта надпись означает, что в первом веке новой эры была в Керчи (Пантикапее) еврейская община, при ней – синагога, и жили там евреи, которые владели греческим языком, носили греческие имена – Хреста к примеру – и отпускали на свободу рабов, перешедших в иудейство. После освобождения эти рабы были обязаны регулярно посещать синагогу и исполнять законы еврейской религии, а потому и находились под опекой общины. (По другую сторону Керченского пролива, при раскопках древней Фанагории – около Тамани – обнаружили мраморную плиту с подобной надписью, относящейся к 51 году новой эры.)

В первые века новой эры евреи Крыма состояли на государственной службе, служили в армии, занимались ремеслами и торговлей; на сохранившихся каменных надгробиях той эпохи изображены еврейские символы – семисвечник, шофар, пальмовая ветвь, а также еврейские имена, написанные на иврите и греческом языке. Положение в Крыму становилось постепенно неустойчивым, и в разные времена территории полуострова захватывали разные завоеватели. Это были германцы-готы, затем гунны, Византия, хазары, за хазарами половцы; полуостров был раздроблен на отдельные княжества и царства, однако при любых завоевателях евреи непрерывно жили в Крыму.

В середине девятого века создатель славянского алфавита Кирилл обнаружил в Херсонесе (возле теперешнего Севастополя) еврейскую общину, в состав которой входили хазары, принявшие иудаизм. Кирилл даже выучил в Херсонесе иврит, начал писать на этом языке и читать книги. Жили евреи и в Сугдае (Судаке), Солхате (Старом Крыму), Алусе

(Алуште), Алубике (Алупке), Грузиве (Гурзуфе) и в Каффе (Феодосии), где они построили в 909 году (возможно, позднее) большое здание синагоги. На мраморной доске внутри синагоги было написано на иврите: «Мудростью строится дом и разумом утверждается. Да пошлет Всевышний избавителя для собирания изгнанников Израиля».

С седьмого по десятый век хазары владели обширными районами северного и центрального Крыма. Государственной религией в Хазарии был иудаизм, и в хазарскую часть Крыма уходили евреи из Византии – от насильственного крещения, под защиту хазарских правителей. В 965 году киевский князь Святослав победил Хазарский каганат на Волге, разрушил их города, и хазарские владения уцелели лишь в Крыму и на побережье Азовского моря. В 1016 году византийцы разгромили там последние хазарские укрепления, а исповедовавшие иудаизм хазары, очевидно, растворились среди еврейского населения, которое продолжало жить в Крыму.

В 1239 году в Крым вторглись монголы, завладели большей частью полуострова, и Крымский улус стал частью Золотой Орды. После распада Орды образовалось независимое Крымское ханство со столицей в городе Солхат, который имел и другое название – Кырым: отсюда и сегодняшнее наименование полуострова – Крым. В Солхате была еврейская община, и жил там в четырнадцатом веке ученый Авраам Кирими: его комментарий к Торе «Язык истины» является самым ранним из дошедших до наших дней оригинальных произведений евреев Крыма. В городе была синагога, и из той синагоги сохранился свиток Торы, на котором стоит дата – 1300 год.

Татары не сумели удержать южное побережье Крыма, и в тринадцатом веке там образовались генуэзские колонии – в Каффе и Керчи, Судаке и Балаклаве, где начали селиться евреи из Италии, Персии и Византии. В то время через Каффу (Феодосию) шел торговый путь из Италии

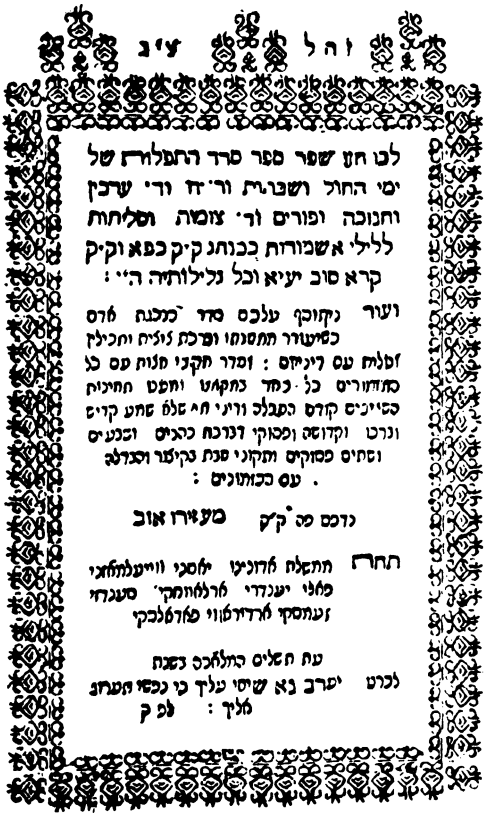

Надгробные надписи с еврейских могил на юге Крыма.

на Кавказ. В городе была большая еврейская община, и путешественник пятнадцатого века насчитал там две синагоги и много еврейских домов. В 1473 году великий князь московский Иван III решил сблизиться с крымским ханом Менгли-Гиреем, чтобы не допустить его союза с Литвой. Для этого он попросил богатого и влиятельного еврея Хозе Кокоса из Каффы передать хану «челобитную грамоту» и уговорить его на союз с Московским государством. В ответном письме на иврите Кокос сообщил Ивану III, что дела продвигаются успешно, и к Менгли-Гирею отправилось специальное посольство из Москвы. По дороге послы заехали в Каффу и просили Кокоса от имени великого князя продолжать его посредничество, за что ему было обещано княжеское «жалование». Послы даже передали просьбу Ивана III, чтобы Кокос ему «жидовским письмом грамот бы не писал, а писал бы грамоты русским письмом или бесерменским». Хозе Кокос помогал выкупать русских пленников, приобретал для великого князя драгоценные камни, сватал его сына за дочь одного из крымских князей, а Иван III благодарил его, извинялся за «легкие» подарки и передавал через своих послов «Кокосу жидовину»: «как ты наперед того нам служил и добра нашего смотрел, и ты бы и ныне служил нам, а мы, аж Бог даст, хотим тебя жаловати».

В 1475 году турецкие войска захватили юг полуострова, и Крымское ханство стало вассалом Турции – со столицей в Бахчисарае. Польские короли заключали договоры с крымскими ханами, и купцы из Польши и Литвы – в их числе и евреи – безо всяких ограничений привозили в Крым свои товары. В состав Польши входил тогда Киев, который славился еврейскими учеными, и выдающееся положение среди них занимал «венец всей общины, раввин, богослов и кабалист» Моше бен Яаков. Это был немощный и болезненный человек, который всю свою жизнь провел в нужде и лишениях, много скитался, томился в плену и потому получил прозвище – Моше Изгнанник. Он продолжал работать даже во времена странствий и написал много сочинений в период «бедствий для несчастных овец Израилевых». Однажды татары напали на Киев и увели в плен его детей, а через несколько лет угнали и его самого. В Крыму его выкупили местные евреи, и Моше бен Яаков поселился в Каффе, возглавив местную общину. Там жили тогда евреи – выходцы из разных стран, которые молились по разным ритуалам, и по этому поводу между ними часто случались споры. Моше Изгнанник примирил их, написал устав общинного устройства, которому все подчинились, и составил общий молитвенник – «молитвенник ритуала Каффы» для всей общины. Позднее об этом писали так: «Ритуал этот основан на авторитете всестороннего ученого, выдающегося судьи... и раввина по имени Моше Изгнанник – блаженной памяти, из изгнанников города Киева, про который недаром говорится: “Из Киева идет свет и учение”».

В Крымском ханстве евреи возделывали сады и виноградники, торговали и занимались ремеслами, выделкой кож и огородничеством. Они выкупали из татарского плена своих единоверцев, захваченных на Украине, в Польше и Литве, и принимали у себя беженцев, которые спасались от резни времен Хмельницкого. В семнадцатом веке путешественник отметил, что Мангуп, «неприступный город в Крымских горах, населен евреями», а в восемнадцатом веке евреи брали в аренду добычу соли из солончаковых озер Крыма, построили для хана новый монетный двор, а некий Яков бен Шмуэль Нееман стал государственным казначеем.

Молитвенник по ритуалу Каффы, отпечатанный в Межирове в 1793 году

В 1783 году Россия завоевала Крым и впоследствии включила его в состав черты еврейской оседлости. Крымские евреи стали подданными Российской империи. Они делились на две группы: евреи-ашкеназы – выходцы из Польши и Литвы, сохранившие прежний образ жизни, и особая группа евреев, которых в российских документах стали именовать «крымчаки». Крымчаки – это смешанная еврейская группа сефардо-ашкеназского происхождения, в состав которой на протяжении веков вливались волны евреев-переселенцев из Вавилонии, Византии, Хазарии, Италии, с Кавказа, из Турции, Персии, Польши, Литвы и Украины. Они

называют себя «срэл балалары» или «бане исраэл» – «сыны Израиля», и многие фамилии крымчаков говорят о тех странах, откуда они пришли в Крым. Фамилии Анджело, Конфино, Ломброзо, Пиастро ведут свое происхождение из Италии и Испании; Гурджи – из Грузии (по-турецки «гурджи» – грузин); Ашкенази – из Германии (евреи называли Германию – «Эрец Ашкеназ»); Лехно – из Польши («лях» – поляк); фамилии Токатли, Ханбули, Измерли – из Малой Азии.

Крымчаки переняли у крымских татар их обычаи, быт, одежду и язык. К концу восемнадцатого века все крымчаки говорили в обиходе на особом диалекте крымско-татарского языка, но молились они на иврите, и вся их письменность тоже была на иврите. Крымчаки занимались земледелием и садоводством, делали седла и шили шапки, торговали кожаными изделиями, хлебом, шерстью и фруктами. Исследователь быта крымчаков писал о них: «Крымчаки почти все высокого роста, смуглого цвета, статны и стройны. Во взгляде их и осанке выражается прямота. Они вежливы и ласковы. Образ жизни их до крайности прост и воздержан. Привязанность к семейному очагу чрезвычайно сильна, а чистота нравов везде и повсюду примерная. Отец семейства пользуется неограниченной властью: жена и дети повинуются ему беспрекословно. Ссоры и споры между крымчаками разбираются старшими в семействе, а в особенно важных случаях – раввином. Вообще эта горсть евреев отличается своим поведением: ни места заключения, ни Сибирь не знают ни одного крымчака».

Крымчаки одевались так же, как крымские татары, и отличить их можно было лишь по бороде и пейсам. Их жены появлялись на улице, с ног до головы закутанные в белые покрывала; подобно татаркам, они подкрашивали брови в черный цвет, употребляли белила и румяна, надевали платья татарского покроя, украшали себя кольцами, браслетами и ожерельями из серебряных и золотых монет. Свои дома крымчаки строили окнами во двор, а на улицу выходила глухая стена. «У самого бедного крымчака, – писал исследователь, – жилище его выбелено изнутри и снаружи; все в этом жилище находится на своем месте, все подметено, вычищено и убрано; пол устлан коврами, а кругом стен диванчики... Между ними мы не встречали ни чахоточных, ни малокровных, ни нервных, которыми кишмя кишит современное человечество». Во время еды крымчаки сидели на коврах, поджав под себя ноги, или на подушках вокруг маленького столика, и гостей угощали крепким кофе, орехами, фруктами, виноградным вином и шербетом.

Семейная жизнь у крымчаков отличалась чистотой, и разводы случались очень редко. Перед свадьбой жених и невеста покупали места на кладбище, одно возле другого, чтобы и после смерти быть неразлучными, и вдовы не выходили замуж во второй раз. Крымчаки собирали

деньги на благотворительные цели, и нищих среди них не было. Перед каждой субботой бедные евреи получали немного денег, по нескольку фунтов хлеба, муки и крупы и такое количество дров, какое они могли унести с собой. На общественные деньги выдавали замуж девушек из бедных семей, хоронили неимущих, содержали вдов и сирот. В Карасубазаре было три синагоги крымчаков, и в них хранилось около двухсот свитков Торы. «Обряды религии, – писал исследователь, – они исполняют строго. Два раза в день, утром и вечером, крымчак посещает свою синагогу и отправляет молитву с чрезвычайным благоговением». Запрещалось говорить в синагоге на бытовые темы; пол синагог устилали коврами, и многие молились, сидя на ковре и скрестив под себя ноги. К своему раввину крымчаки относились с большим почтением и называли его «рабби», а после вечерней молитвы шли к нему в дом и учили Талмуд.

В момент присоединения Крыма к России там жило около полутора тысяч евреев-крымчаков и примерно такое же количество караимов, которые также переняли обычаи и одежду крымских татар. Караимы – это представители иудейской секты, которая возникла среди евреев Багдада в восьмом веке. В отличие от евреев-раббанитов караимы признают только законы, изложенные в Торе, то есть Письменный Закон, который Моисей получил в письменном виде от Бога на горе Синай. Но караимы не признают Устный Закон, полученный Моисеем от Бога в устном изложении, который передавался устно, из поколения в поколение и впоследствии был записан в Талмуде. Отсюда и возникло название – караимы, в буквальном переводе «читающие», то есть читающие Письменный Закон. Караимы называли евреев «раббанитами», сторонниками раввинских авторитетов, но в татарских документах и тех и других именовали одинаково: «иехудилер» – евреи. В разговорном языке крымские татары называли евреев-раббанитов «зюлюфлю чуфутлар» – «евреи с пейсами», а караимов они называли «зюлюфсюз чуфутлар» – «евреи без пейсов». Со временем у караимов составился особый свод религиозных предписаний, и потому их образ жизни отличался и отличается от традиционного образа жизни евреев-раббанитов.

В двенадцатом веке еврейский путешественник Птахия из Регенсбурга обнаружил караимов в степях Северного Причерноморья, в «земле кедаров» – половцев и печенегов. Караимы по субботам не выходили из своих домов и не резали хлеб, субботние вечера проводили в темноте, – «и они сказали (путешественнику): “Мы никогда не слышали, что такое Талмуд”». В тринадцатом веке многие караимы переселились в Крым из Византии, и их центром впоследствии стал город Чуфут-Кале возле Бахчисарая (по-татарски «Еврейская крепость»), который караимы называли «Еврейская скала», а в отчетах русских посольств Чуфут-

Кале именовали «жидовским городком». В 1392 году великий князь литовский Витовт разбил крымских татар и угнал на север многих пленников – среди них были и караимы. Их поселили в Троках (теперешний Тракай возле Вильнюса), в Луцке, Галиче, возле Львова, а позднее они расселились по другим городам Волыни, Подолии и Литвы. В переписи населения города Луцка за 1552 год указаны «жидове, которые слывут караимове – Авраам Шмойлович, Богдан Мошеевич, Нисан Родкевич, Моисей Агронович, Иегуда Данков сын» и указаны «жидове-рабанове – Шмойло, Герцко, Мордуш, Ицка, Мошко, Песля вдова».

Караимы Крыма

Отношения между караимами и евреями-раббанитами часто бывали напряженными. Караимы не заключали браков с раббанитами, по субботам не заходили в их дома и не ели их пищу. Моше Изгнанник написал в Киеве критическую книгу о религиозном кодексе караимов, а те «пришли в содрогание и очень этим огорчились». Но несмотря на ожесточенные споры, судьба караимов и их противников была поначалу одинаковой: и тех и других изгнали из Литвы в 1495 году; и тех и других убивали без различия во времена Хмельницкого. При разных правителях караимы пользовались одинаковыми правами с прочими евреями, платили одинаковые налоги и страдали от тех же ограничений. Но при Екатерине II караимам Крыма разрешили приобретать земельную собственность и освободили от двойной подушной подати, которую платили российские евреи. В девятнадцатом веке караимские лидеры старались расположить в свою пользу влиятельных лиц в Петербурге и уверяли правительство,

что они отличаются от евреев «примерной честностью, хорошим поведением и спокойным характером, приверженностью к трудолюбию и земледелию, преданностью Высочайшему престолу и особыми услугами правительству». В результате этих хлопот караимов освободили от обязательной воинской повинности, отменили для них ограничения черты оседлости и позволили поступать на государственную службу.

Чтобы доказать полное отличие от евреев, караимский ученый Авраам Фиркович собрал большую коллекцию старинных еврейских рукописей в Крыму и на Кавказе, в Сирии, Египте и в Эрец Исраэль, проводил раскопки на старом кладбище в Чуфут-Кале. Подделками и приписками в этих рукописях, а также исправлением дат на могильных памятниках Фиркович пытался доказать, что караимы пришли в Крым за несколько столетий до новой эры, не участвовали в распятии Иисуса Христа, не имеют никакого отношения к Талмуду и заслуживают иного отношения, нежели евреи-раббаниты. Этот довод он изложил правительству в записке «О происхождении караимов», и в 1863 году караимы – не разделявшие «талмудических заблуждений» евреев и отличавшиеся от них «по образу жизни» – получили равные права с прочими жителями Российской империи. С этого момента их стали именовать в документах не «евреи-караимы», а просто – «караимы». Они не пострадали во время погромов 1881 года, а это служило, по их мнению, лучшим доказательством того, что «русский народ не считает караимов евреями и не признает их врагами человечества, как евреев».

Перед Первой мировой войной в Крыму жило около шести с половиной тысяч крымчаков, более восьми тысяч караимов и примерно тридцать пять тысяч евреев-ашкеназов, многие из которых переселились в Крым после погромов 1881–1882 годов. В 1941 году в Крыму было около семьдесяти пяти тысяч евреев, и среди них примерно девять тысяч крымчаков. В апреле 1942 года немцы объявили Крым «очищенным от евреев», уничтожив еврейское население городов и еврейских колхозов полуострова. Крымчаки потеряли тогда почти восемьдесят процентов своего состава, и после войны от этой общины осталось в живых около тысячи пятисот человек. К 1980 году их было в Советском Союзе менее тысячи человек, а в Израиле крымчаки практически смешались с прочим еврейским населением страны.

После прихода Гитлера к власти караимы Германии попросили не считать их евреями, и министерство внутренних дел Третьего Рейха особо отметило, что караимы не относятся к евреям, их «расовая психология» нееврейская и потому на них не следует рас-

пространять антиеврейское законодательство. Во время войны немцы не уничтожали караимов, и лишь в Киеве, Новороссийске и Краснодаре они разделили судьбу евреев. К 1990 году в СССР оставалось менее трех тысяч караимов, которые в большинстве своем (в отличие от караимов Востока) не считали себя частью еврейского народа. Почти все караимы мира – из Египта, Турции, Ирака – переехали на Святую Землю после образования государства Израиль, и теперь в Израиле живет большинство караимов мира – около двадцати тысяч человек.

Евреи Кавказа

Многие века живут на Кавказе две различные группы евреев: грузинские и горские. Грузинские евреи – это представители особой еврейской общины с присущими им одним отличительными признаками. Предание относит время их появления на Кавказе к шестому веку до новой эры, когда Навуходоносор захватил Иудейское царство, разрушил Первый Иерусалимский Храм и увел в Вавилонию множество пленников. В грузинском летописном своде «Картлис Цховреба» – «Житие Грузии» сказано по этому поводу: «И было... Навуходоносор царь полонил Иерусалим, и гонимые оттуда евреи прибыли в Картли и, обещая платить дань, выпросили у мцхетского старосты землю. И было им дано право поселиться у реки Арагви, у притока, называемого Занави, – за эту землю и стали они платить дань». Это случилось в шестом веке до новой эры, и то место, где поселились евреи, получило название Керк, что в переводе означает – дань. А после разрушения римлянами Второго Иерусалимского Храма новые беглецы пришли в Мцхету в первом веке новой эры и присоединились к своим единоверцам.

В старинных летописях, оспариваемых сегодня некоторыми историками, сказано, что царский грузинский род Багратиони и царский армянский род Багратуни основаны евреями. В грузинской летописи «Картлис Цховреба» об этом написано так: «Семеро братьев бежали из плена филистимлян и наконец пришли в Эклеци, где находился дворец армянской царицы Ракаэл. Здесь они вскоре приняли христианство, и трое из братьев остались в Армении. Их внуки и правнуки и сейчас княжат в той стране. Четверо же других решили идти еще дальше на север. Так они оказались в Картли. Один из братьев, по имени Гуарам, возвысился, стал эриставом. Он и является родоначальником грузинских Багратионов».

В летописи «Картлис Цховреба» генеалогия Багратионов возводится к библейскому Ишаю (Иессею), к его сыну – еврейскому царю Давиду и к сыну Давида – Шломо (Соломону), а потому грузинские цари из

рода Багратиони титуловали себя «Иессиан-Давидиан-Соломонианами». В их гербе изображена праща царя Давида, с помощью которой он убил Голиафа, арфа царя Давида, а над гербом надпись по-грузински: «Божией милостью потомок Иессея, Давида и Соломона царь всея Грузии». И стих из псалма Давида: «Клялся Господь Давиду: истина – Он не отступит от нее: "От плода чрева твоего (из сыновей твоих) посажу на престоле твоем"».

Достоверно известно, что в разные времена евреи приходили в Грузию из Византии, Армении, Персии и расселялись по стране. Еврейский путешественник Биньямин из Туделы сообщал в двенадцатом веке, что евреи Грузии посещали своих духовных руководителей в Вавилонии «с дарами и подношениями»; путешественник Марко Поло отметил, что в тринадцатом веке евреи жили в Тбилиси под властью монголов, а в четырнадцатом веке была еврейская община в городе Гагра в Абхазии. Беспрерывные войны и внутренние распри между правителями опустошали страну, заставляли грузинских евреев искать покровительства у местных князей, а это вело к закрепощению. С четырнадцатого по девятнадцатый век грузинские евреи были крепостными царей, церкви и частных владельцев. Их продавали целыми семьями, отдавали за покрытие долгов, проигрывали в карты и дарили монастырям. Крепостные работали на полях своих хозяев, занимались ткачеством, крашением тканей, а также отхожими промыслами, чтобы выплатить владельцам годичный оброк. Порой они не могли даже жениться без согласия хозяина, а непослушных или должников в наказание опускали на веревках в глубокие колодцы до самой воды и держали там по нескольку дней без еды и питья. Чтобы освободиться от крепостного состояния, надо было выкупить себя и свою семью или перейти в христианство: в последнем случае церковь давала деньги на выкуп и наделяла землей.

Крепостные евреи жили разрозненными небольшими группами и потому в большей степени подвергались влиянию коренного населения, перенимали их обычаи, одежду и язык. Сегодняшние грузинские евреи говорят и пишут на грузинском языке, не используя еврейский алфавит, и называют себя по-грузински – «эбраэли», «исраэли». У многих из них семитские черты лица, но некоторых практически невозможно отличить от их соседей – грузин, осетин, армян или турок. Они восприняли не только грузинский язык, но и грузинскую музыку и танцы, даже характер грузин и их жесты. Грузины, в свою очередь, переняли еврейскую систему отсчета дней недели от субботы, и в обозначении этих дней использовано слово «шабат» – на иврите «суббота»: понедельник – «ор-шабати» – то есть второй день после субботы, вторник – «сам-шабати» – третий день после субботы, среда – «отх-шабати» – четвертый день после субботы, четверг – «хут-шабати» – пятый день после субботы.

Во второй половине девятнадцатого века, после отмены крепостного права, грузинские евреи стали переселяться из сел в города и основывали там отдельные кварталы. Они занимались торговлей и ремеслами, строили синагоги, хоронили умерших на своих кладбищах. Были среди них богатые купцы и владельцы крупных ремесленных мастерских, но бóльшая часть торговала вразнос всякой мелочью и жила очень скученно на тесных улочках: оборванные, полуголодные люди почти безо всяких средств к существованию. Более тесные контакты с местным населением и конкуренция в торговле привели к росту антисемитизма, и во второй половине девятнадцатого века в разных местах Грузии возникли обвинения в ритуальных убийствах. Самым известным из них стал кровавый навет 1878 года, когда девять грузинских евреев были обвинены в убийстве христианской девочки. Суд в Кутаиси оправдал подсудимых, но многие тем не менее продолжали верить, что евреи употребляют христианскую кровь для таинственных целей. В еврейской газете за 1884 год появилось характерное сообщение: «Тифлис, 22 марта. Вчера какая-то грузинка, проходя по улице, услышала нечто похожее на крик ребенка из запертой лавки мясника-еврея. Недолго думая она подняла на ноги всю полицию, уверяя, что собственными глазами видела, как мясник – ввиду приближения еврейской Пасхи – уже зарезал двух христианских мальчиков, а теперь режет третьего. Собралась толпа в тысячу человек. Обыскали и обшарили все закоулки, но ничего не нашли. Тогда женщина сказала, что мальчик будто бы брошен в соседний колодец. Осмотрели колодец, раскопали пол в мясной лавке, но опять ничего не обнаружили. Наконец догадались обратиться к мяснику за разъяснениями.

Еврейский надгробный памятник из Мцхеты (IV–V век)

Оказалось, что он привез в лавку двух баранов, из которых одного зарезал, а второго оставил на следующий день. Оставшийся в живых баран заблеял, чем и вызвал переполох. Народу строго внушили, что если впредь кто-либо явится с таким нелепым доносом, то доносчика будут судить военным судом. К лавке еврея приставлен караул».

Грузинские евреи

Вторая еврейская группа Кавказа – горские евреи. С давних пор у них существовало предание, что они – потомки одного из десяти колен Израиля, которых ассирийцы угнали в плен и расселили по разным землям. Это случилось в восьмом веке до новой эры, после захвата Израильского царства, и с тех пор будто бы евреи появились на Кавказе. Горские евреи живут в Азербайджане и Дагестане и говорят на нескольких диалектах татского языка. Название «горские евреи» появилось лишь в девятнадцатом веке, когда Кавказ был присоединен к России, а они называют себя на татском языке – «джухур». Можно предположить, что их далекие предки уходили в разные времена от религиозных преследований в Северной Персии и Византии и селились в Северном Азербайджане. Так было уже в пятом веке, когда евреям Персии запретили соблюдать субботу и отбирали их детей для воспитания в храме огнепоклонников. Так было и в последующие века: очередные волны евреев-пришельцев селились на Кавказе среди местного населения, которое говорило на татском языке, и переняли у них этот язык – а возможно, принесли его из Персии. Постепенно горские евреи передвигались на

север, в восточном Предкавказье они встретились с хазарами, и, очевидно, благодаря влиянию евреев Кавказа иудаизм стал государственной религией Хазарского каганата.

После падения каганата ислам распространился на северный Кавказ, и жизнь горских евреев стала нелегкой. Часть из них превратилась в крепостных у местных правителей, и некий хан даже повелел, чтобы за убийство еврея – в возмещение убытка – мусульманин «наполнил серебром кожу с убитого и отдал это серебро хану». В разные времена через тот край проходили завоеватели; население страдало от междоусобиц мусульманских шахов и эмиров, и на долю горских евреев выпало немало испытаний. Путешественник тринадцатого века сообщил, что «во всей этой стране много евреев»; то же самое отмечали в последующие времена, а в восемнадцатом веке между Северным Азербайджаном и Южным Дагестаном была сплошная полоса еврейских поселений. Одна из долин возле Дербента даже называлась Джухут-Ката – «Еврейская долина».

Горские евреи платили дань местным правителям-мусульманам за их покровительство, бесплатно поставляли им продукты, убирали урожай на их полях и употреблялись «на всякие тяжелые и грязные работы, к которым нельзя принудить мусульманина». Немецкий путешественник отмечал в начале восемнадцатого века: «Из имущества им оставляют лишь столько, сколько необходимо, чтобы не умереть с голоду. Если еврей едет куда-нибудь верхом и встретит мусульманина, то должен свернуть с дороги в сторону и по требованию встречного слезть с лошади; если же он этого не сделает, то мусульманину разрешается избить его как угодно, лишь бы он остался в живых, и избитый не имеет права жаловаться». Доходило до того, что воин-мусульманин, остановившись на постой в доме еврея, мог потребовать с хозяина возмещение «за причинение зубной боли» во время еды, – и тот обязан был заплатить установленную сумму.

В синагоге азербайджанского города Куба хранилась разрубленная надвое книга, с которой связано предание горских евреев. Персидский правитель Надир-шах предпринял несколько походов в Азербайджан и Дагестан, выжигал города, уничтожал население, и наконец появился со своим войском в еврейской деревне в окрестностях Кубы. Во дворе синагоги сидел раввин, окруженный учениками. Надир-шах выхватил саблю и занес ее над головой раввина, а тот прикрыл голову книгой, которая была в его руках. Сабля перерубила книгу на две части и не задела раввина, и тогда Надир-шах сказал: «Я вижу, что ваш Бог предохранил тебя от жестокости моего меча. За изучение Его святых законов будь ты спасен вместе с твоим народом!» И Надир-шах покинул ту деревню. Другое предание рассказывает, как некий хан велел собрать надгробные камни с еврейского кладбища и из этих камней построил себе

великолепный дворец. Когда он переселился в этот дворец, то почти сразу заболела и умерла его жена, потом заболели и умерли его дети, и наконец умер он сам – после долгой и тяжелой болезни. Из многочисленного семейства хана не осталось в живых ни одного человека, и даже лошади в ханских конюшнях погибли одна за другой. Многие пробовали жить в том дворце, но и они умирали от болезней; кончилось тем, что дворец стоял пустой и заброшенный, и мусульмане опасались по вечерам ходить мимо него.

В 1806 году Россия заняла Дербент, затем Северный Азербайджан, и практически все горские евреи стали подданными Российской империи. Они занимались хлебопашеством и скотоводством, садоводством, виноградарством и виноделием, выделкой кож и выращиванием табака. Но вскоре в Дагестане началась священная война против «неверных» под предводительством Шамиля; мусульмане нападали на еврейские поселения и насильно обращали жителей в ислам. Горские евреи страдали от этих набегов и даже написали прошение Николаю I, чтобы он собрал «рассеянных с гор, из лесов и малых сел» в те места, где уже укрепилась русская власть. Духовный лидер горских евреев призвал их «по мере сил и возможностей помогать русским» и был награжден за это орденом Российской империи. Евреи участвовали в защите русских укрепленных лагерей; в казачьем отряде служил следопытом-разведчиком Аарон из Грозного, который отличился в боях и получил Георгиевский крест. Горцы захватили его в плен, убили с большой жестокостью, но на смену ему стал разведчиком в русской армии еврей по имени Эфраим. Под угрозами мусульман жители некоторых аулов поголовно перешли в ислам и слились с окрестным населением, но и в последующих поколениях потомки насильно обращенных помнили о своем еврейском происхождении и давали детям еврейские имена. «Часто приходилось мне ошибаться во время путешествий по этим местностям, – писал исследователь И. Анисимов, – и принимать татов-магометан за моих единоверцев – до того мало было отличия между ними... Многие аулы сами говорят о своей недавней принадлежности к иудейской религии и, будучи мусульманами, хранят, как святыню, еврейские книги, перешедшие к ним от их предков-евреев».

Исследователь Илья Анисимов – выходец из общины горских евреев – так описывал их внешность: «Смуглый цвет кожи, средний и часто высокий рост, стройное телосложение, тонкое в пояснице и широкое в плечах... черные брови и борода, большой орлиный нос и слегка выдающиеся скулы – черты, которыми горский еврей очень много походит на лезгина, черкеса, а иногда и армянина и очень мало на европейского еврея... Вот проскакал он мимо вас вооруженный с головы до ног, на бодрой лошади; там в изодранном костюме своем лезет он по горам, караб-

кается между скалами, рубит дрова или выкапывает пни и корни кустарников, которые несет на согнутой спине своей; там копает он в поле землю, пашет, возделывает вина, срывает плоды с деревьев; там опустился в глубокое корыто с водой около бассейна, засучив штаны выше колен, и топчет изо всех сил сырые кожи – и наконец вот он свободен. Тут забывает он... о завтрашнем куске насущного хлеба, и это праздное препровождение времени и беспечность, этот праздный разгул за ведрами вина или штофом водки с шашлыком, это расхаживание из дома в дом по всему аулу с шапкой набекрень и черкеской внакидку... продолжается не день, не два и не недели, а иногда и месяцы».

Горский еврей из Дагестана

У горских евреев было распространено многоженство и разрешалось иметь три жены. Деды, отцы и сыновья жили совместно в одном дворе, в каменных саклях, и семья насчитывала порой много десятков человек. Имущество этой семьи считалось общим, еду готовили сразу на всех, а делами распоряжался старейшина – глава рода, которого слушались беспрекословно. Пол в саклях застилали коврами или камышовыми рогожами, на стенах висели медные подносы, шелковые и шерстяные шали, а также пистолеты, ружья, кинжалы и сабли. В комнатах женской половины дома стояли бурдюки с вином, большие глиняные сосуды и ковровые мешки для хранения муки и крупы, а под потолком, на крючьях, висела копченая говядина и баранина. Горские евреи обручали своих детей в раннем возрасте; жених перед свадьбой платил за невесту

калым ее родителям. Свадьбы справляли зимой, когда было приготовлено много молодого вина, и после свадебной церемонии женщины осыпали молодоженов пшеном и мукой, а мужчины стреляли в воздух. Дети от разных жен воспитывались вместе, и девочкам не разрешали играть с мальчиками. Жены жили сообща на женской половине дома или каждая в своей сакле, и по обычаю они не показывались гостям. «Все трудные работы в хозяйстве возлагаются на женщин, – отмечал исследователь, – и они не имеют свободной минуты. Вот они идут чуть свет, когда мужчины наслаждаются еще утренним сном, целою гурьбою, согнувшись под тяжестью медного или глиняного кувшина с водой, вот они тащат навоз в поле на носилках, вот они доят буйволиц, дают им корм, очищают конюшню, делают из навоза и соломы тестообразную массу, из которой образуется впоследствии кизяк, колют дрова, идут печь хлеб в чужих печах, если не имеют своих, мажут крыши, белят стены, ходят на полевые работы. Женщина должна ходить перед мужем по струнке и угождать всем его желаниям и капризам...»

Мужчины носили бешмет и черкеску с газырями, на поясе у них висел кинжал – часто в серебряных ножнах, и по примеру мусульман у горских евреев существовал обычай кровной мести. Родные убитого должны были отомстить за кровь родственникам убийцы в течение первых трех дней, а если им это не удавалось, то происходило примирение семей с выплатой денежного возмещения. После этого запрещалось мстить за убийство под угрозой сурового наказания, а через несколько лет убийца возвращался в свой аул, мирился с семьей убитого и считался теперь их близким родственником. Гостеприимство у горских

Синагога горских евреев в городе Куба (Азербайджан)

евреев было священной обязанностью. Хозяин встречал гостя у ворот дома, принимал у него оружие, вел в комнату и усаживал на лучшее место, а знатному гостю даже обмывал ноги. «Каждый хозяин принимает с искренним радушием всякого странника, – писал исследователь, – оказывает ему всевозможные услуги, дает деньги, если тот сильно нуждается в них... Он не имеет по целым месяцам для детей куска мяса, а приехал гость – идет, берет в долг всякой всячины и угощает его. Иногда гость остается на целые месяцы, и хозяин, не изменяя своего радушия, нередко разоряется...» Таким же образом горские евреи принимали мусульман, которые заезжали в гости для отдыха или ночлега, а мусульмане оказывали своим «кунакам» – приятелям такое же гостеприимство в своих аулах.

Многие горские евреи жили в нищете, и иногда целые аулы располагались в землянках. «Мы... спустились в одну из этих ям, – отметил очевидец, – возвышавшуюся на аршин над уровнем земли. Маленькое окошечко без стекла скупо пропускало солнечный свет, на полу валялась плохая циновка... Больше в землянке ничего не было». Евреи уходили из аулов в города и жили там в обособленных кварталах, в тесных саклях, на узких и грязных улочках. В русской газете отметили: «Наружный вид горских евреев... оставляет в душе грустное чувство. Они большей частью невысокого роста, с узкой впалой грудью и бледным худым лицом. Женщины их некрасивы и скоро отцветают от непосильных работ. Дети выглядят болезненными...» Сохранилась песня горских евреев конца девятнадцатого века с такими словами: «Ночи очень длинны, и с каждым днем мир идет к разрушению. Господь Вселенной! Пошли

Свадьба у горских евреев

избавителя Мессию! Выведи нас из мрака к свету, налей нам чашу избавления, из тесноты на простор выведи нас!»

Горские евреи давали своим сыновьям библейские имена – Аминадав, Нахшон, Эльдад, Йоав, а дочерям – Авигайль, Оснат, Пнина, Шуламит, Йоэль. В синагоги ходили только мужчины; раввины читали молитвы, обратившись лицом к Иерусалиму, а остальные слушали их в молчании. Иврит – язык общения с Всевышним – необычайно почитался, и с младенческих лет мальчиков обучали молитвам на этом языке. Исследователь отметил в начале двадцатого века: «Для горских евреев лошн-койдеш (иврит) является именно святым языком... Самые сокровенно-нежные обращения родителей к детям – на лошн-койдеш. Напутствия, приветствия, прощания, пожелания, поздравления, соболезнования, благословения... горский еврей выражает на лошн-койдеш. Процесс изучения древнееврейского языка представляется горскому еврею священнодействием».

«Положение о евреях» 1804 года позволило евреям черты оседлости селиться в Кавказской губернии, и после этого в Тифлисе появились первые евреи-ашкеназы – сапожники, портные и шапочники. При Александре II на Кавказе стали селиться те категории евреев, которые получили право жительства во внутренних губерниях России, и постепенно там образовалась община евреев-ашкеназов. По переписи 1897 года на Кавказе насчитывалось около шестидесяти тысяч евреев, из них – шесть тысяч грузинских и семь тысяч горских евреев. Со второй половины девятнадцатого века они начали переселяться на Святую Землю: «гурджи» – грузинские евреи основали в Иерусалиме свой квартал, а горские евреи расселялись по всей стране. В 1900 году на Сионистском конгрессе в Лондоне присутствовали два делегата от горских евреев: высокие, широкоплечие, в папахах и черкесках с газырями, вооруженные кинжалами, – их вид произвел огромное впечатление на участников конгресса. Горские евреи участвовали в создании поселения Беэр-Яаков в Эрец Исраэль, названного в честь их лидера Яакова Ицхаковича-Ицхаки; среди первых защитников еврейских поселений отличился горский еврей Иехезкель Нисанов. К 1970 году было на Кавказе более сорока тысяч грузинских евреев, около пятидесяти тысяч горских, и многие из них переехали в Государство Израиль.

В девятнадцатом – начале двадцатого века переселилась на Кавказ из Иранского Азербайджана и Курдистана еще одна группа – курдские евреи, или лахлухи, которые говорили на новоарамейских диалектах. Исследователь писал о них: «Царящая в Кур-

дистане бедность и постоянные преследования со стороны курдов заставляют многих искать заработков в соседнем Кавказе, где они вынуждены жить нелегально. Некоторые из них устроились недурно, но большинство влачит жалкое существование, которое они, однако, предпочитают пребыванию на родине... Только трогательная вера в близкое избавление (в Мессию) скрашивает немного их печальное житье... Все уповают на близкую «геулу» (избавление), которая освободит их от незаслуженных унижений и обид». В середине 1930-х годов многие лахлухи уехали из Советского Союза, когда от лиц с иностранными паспортами потребовали принять советское гражданство либо покинуть страну. В 1951 году лахлухов Тбилиси в числе прочих «бывших иранских подданных» выслали в Сибирь и Казахстан. Впоследствии некоторые из них вернулись в Грузию, и теперь они живут в основном в Тбилиси и Алма-Ате – около полутора тысяч человек.

В семье горских евреев хранилась рукопись под названием «Исход из Персии и Мидии»: «В году 5406 от сотворения мира (1646 г.) в Персии появился второй Аман-нечестивец. Он оклеветал нас перед царем, будто мы, скудная горсть затерявшихся в Мидийских горах сынов Израиля, навязываем свой закон персам, численность которых равна числу звезд на небе и песчинок на берегах морей... По множеству грехов наших Всевышний вложил в сердце царя веру в слова Амана, и по всем городам страны был издан указ, чтобы мы, сыны Авраама, Ицхака и Яакова, изменили – упаси нас, Господь, от этого! – вере предков... Краска стыда покрывает наши лица, когда мы вспоминаем, что многие из наших братьев и сестер позорно переступили порог... Но большинство предпочло тюрьму, меч и изгнание... И подобно тому, как наши предки, покинув Египет, блуждали по пустыне сорок лет, перешли Чермное море, пересекли Иордан и пришли в Ханаан, воздвигли святой Храм и счастливо зажили в стране, текущей молоком и медом, – мы долго странствовали, пересекли море, реки и обрели покой в стране гор, возвышающихся до небес...»

Евреи Средней Азии

В 1802 году евреи белорусского города Шклова получили письмо на иврите от неизвестного им адресата. В письме было сказано: «Мир и благословение всей еврейской общине; шлю вам привет. Я слышал от

бухарских купцов, что в городах России живет много евреев; здесь, в Кизил-Гаре, мы не знаем, от каких евреев вы происходите. Для наших торговых дел нам надо бывать в России, но сюда дошли слухи, что там очень притесняют и преследуют наших единоверцев. Если вы полагаете, что мы не будем терпеть притеснений и убытков, то известите нас... Мир вам, всем детям вашим и вашим близким. Призывающий на Израиль благословение – Биньямин Сет».

Шкловские евреи ответили тоже на иврите – «нашим единоверцам, преданным и верным служителям Всевышнего»: «Как были мы удивлены, получив из дальней земли привет от наших братьев-евреев, которые не известили нас о месте своего жительства, о стране своего пребывания, так что мы не знаем, кому ответить... Правда, в письме упомянут город Кизил-Гар, но нам неизвестно, в какой стране он находится. После долгих поисков на карте земного шара... мы отыскали вашу страну и окружающие ее земли: это Бухара – Большая и Малая, граничащая с востока с Китаем, с юга – со страной Великого Могола, с запада – с Каспийским морем, а с севера – с Сунгари и Киргиз-Казацкими степями... Приезжайте к нам, благословенные Богом, и мы сподобимся увидеть вас; и да спасет вас Всевышний от всяких страхов и ужасов, и вместе возблагодарим мы Его».

Шкловские евреи правильно определили, что письмо пришло из Средней Азии. Написал его один из среднеазиатских евреев, которых чаще называют бухарскими евреями, потому что до завоевания Россией Средней Азии бóльшая их часть жила на территории Бухарского эмирата. Бухарские евреи – это особая еврейская группа со своими отличительными признаками. Они переняли обычаи, быт и костюмы у коренных народов Средней Азии, говорят на еврейско-таджикском диалекте и называют себя «яхуди» и «исроэл».

Первое появление евреев в Средней Азии еще труднее определить с полной достоверностью, нежели их появление в Крыму или на Кавказе. Некоторые еврейские общины Средней Азии вели свое происхождение от десяти колен Израиля, которых ассирийцы угнали в плен в восьмом веке до новой эры. Можно предположить также, что евреи появились в Средней Азии в шестом веке до новой эры, когда Навуходоносор захватил Иудейское царство и увел оттуда многих пленников. Не исключено, что они попали в Среднюю Азию и позднее, после разрушения римлянами Иерусалима – в первом веке новой эры. Однако достоверное упоминание о них относится к четвертому веку новой эры, а позднее о них писали и арабские историки. Путешественник двенадцатого века Биньямин из Туделы упомянул о многочисленной еврейской общине Самарканда, которая славилась богатством купцов и мудростью ученых. Другие путешественники сообщали о еврейских общинах Хивы, Бухары и

иных городов Средней Азии. У бухарских евреев существует предание, что прежде они жили в Персии, при Чингисхане их вытеснили в Самарканд, а в шестнадцатом веке им пришлось бежать в Бухару от очередных завоевателей. Там они присоединились к еврейской общине, которая существовала в Бухаре с тринадцатого века, и этот город стал центром среднеазиатских евреев. В Бухаре был особый еврейских квартал, и его обитатели не имели права жить за его пределами.

До конца восемнадцатого века Средняя Азия была недоступна для европейцев, и лишь в середине девятнадцатого века путешественник из Европы обратил внимание на бухарских евреев. «В Бухаре десять тысяч евреев, – сообщал он. – Большинство – красильщики тканей и торговцы шелком. Их синагога очень старое, но прекрасно сохранившееся здание». Примерно в то же время сообщал о них и русский исследователь Средней Азии: «Права евреев необычно стеснены. Так, например, они не смеют носить чалмы, а должны покрывать головы свои небольшими шапочками из темного сукна... Кроме того, каждый мусульманин в городе может почти безнаказанно бить еврея, а за городом почти столь же безнаказанно и убить его... Еврея, попавшегося в первый раз в каком-нибудь преступлении, не наказывают смертью, а заставляют выкупить жизнь переменою веры. Если он на это согласится, то его тотчас выводят из жидовского квартала, разводят с женой, если он женат, и весьма долго и строго наблюдают, точно ли он исполняет правила Корана, и за малейшие отступления от них наказывают смертью».

Еврейская жизнь в Средней Азии была стеснена многими ограничениями. «Дома, в которых они жили, – сообщал русский чиновник в своем отчете, – и лавки на базаре, в которых красили шелк, отмечались черным флажком, чтобы праведный мусульманин не призвал на такой дом по ошибке благословение Господне, а нищий не обратился бы с просьбой о милостыне». Евреям запрещали покупать дома у мусульман и строить новые синагоги; они не могли свидетельствовать в мусульманском суде; каждый мужчина в еврейской общине, начиная с тринадцати лет, платил особый налог, от которого освобождались только нищие и слабоумные; получив от еврея деньги в уплату этого налога, сборщик налогов обязан был дать ему две пощечины; от этих пощечин откупались еще одним налогом, сбор с которого шел на расходы по кухне эмира; и наконец, каждый еврей обязан был подпоясывать свой халат особой «веревкой проклятия», чтобы его могли отличить на улице от мусульманина. Евреи опасались в дождливую погоду выходить из дома, потому что капли с их одежды могли попасть на правоверного мусульманина и «осквернить» его – а за это наказывали.

Бухарские евреи надеялись на улучшение бедственного положения, и русский дипломат отметил, что в Бухаре рабы, евреи и индусы «желают

прихода русских». С 1864 года русские войска стали продвигаться в глубь Азии, захватывая местные эмираты и ханства, овладели Чимкентом, Ташкентом, Самаркандом, Хивой и Кокандом, и огромные территории Средней Азии стали частью Российской империи. На этих землях было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, включенное в состав империи, а уменьшенный в размерах Бухарский эмират и Хивинское ханство признали свою зависимость от России. Многие евреи переселились в Туркестанский край, где они получили равные права с остальным населением; евреи Самарканда помогали русской армии при обороне города против войск бухарского хана и повстанцев-мусульман. Часть евреев оставалась в Бухарском эмирате и подчинялась его ограничительным законам. Они страдали там от многих притеснений, носили особый знак на платье, и их принудили возместить немалую часть от той огромной контрибуции, которую эмир выплатил России после своего поражения.

Английский путешественник писал во времена русского протектората: «Евреи в Бухаре народ замечательно красивый, с приятными чертами и кротким выражением лица. Замкнутые в восточном гетто и долго подвергаясь жестоким преследованиям, они до сих пор сохранили в обязательном костюме и во всей внешности печать угнетенного племени». Другой иностранный исследователь отметил: «В то время как ростовщичество в Туркестане всецело в руках индусов, бухарские евреи занимаются исключительно торговлей и промышленностью... аптекари и врачи также евреи. Бухарские евреи чистоплотны, скромны и вежливы... Как прокаженные, они обязаны жить в особых кварталах. В Бухаре ни один еврей не имеет права носить чалму или пояс; он обязан опоясываться веревкой и носить меховую шапку установленного образца... Евреи пользуются полной религиозной свободой в русских областях Центральной Азии; политическое и социальное положение их такое же, как и всех прочих обывателей. Поэтому они видят в русских безусловно освободителей и при всяком случае усердно помогают им».

После прихода русских многие насильственно обращенные в ислам стали открыто соблюдать законы еврейской веры. Бухарские евреи были очень религиозны, и некоторые из них ездили в Иерусалим поклониться святым местам. Офицер русской армии, служивший в Средней Азии, писал о тамошних евреях: «Когда юноша подрастет, то родители стараются ему подыскать подходящую невесту. Женятся очень рано, почти детьми... Супруги живут обыкновенно согласно. Случаи развода весьма редки... Среднеазиатские евреи относятся с большой любовью и уважением к своим подругам; оберегая их от постороннего глаза, обращаются с ними мягко и заставляют своих женщин трудиться только перед торжественными событиями; в обыкновенное же время в обеспечен-

ных семействах на еврейку возлагается главным образом забота о детях. Бесплодие – величайшее несчастье, а рождение сына – величайшее счастье. Женщина, ожидающая прибавления семейства, окружается особым попечением».

С давних времен среднеазиатские евреи занимались садоводством, виноградарством и разведением шелковичных червей, а в городах работали ткачи, портные, сапожники, мастера по изготовлению серебряных и медных изделий, красильщики пряжи и тканей. Еще до захвата Средней Азии Россией еврейские купцы-«азиатцы» торговали в Оренбурге и на Нижегородской ярмарке шерстью, каракулем и другими товарами, брали у русских купцов в кредит мануфактуру и развозили ее по среднеазиатским городам. Русское правительство поощряло эту торговлю и в 1833 году, запретив российским евреям вступать в торговые сословия во внутренних губерниях, особо отметило, что эти правила «не относятся к приезжающим в Россию азиатцам». «Евреи свободно разъезжали по Средней Азии из конца в конец, – сообщал русский исследователь, – в самых глухих уголках они имели своих клиентов, которые ждали их приезда, чтобы продать ковры и шерсть или приобрести у них русские и персидские товары, необходимые для кочевников. При помощи этих же евреев персы и даже приграничные уральские и оренбургские казаки узнавали о судьбе своих пленных и проданных в рабство родственников. Они же служили посредниками при выкупе».

Появление железной дороги в Самарканде, Ташкенте и Фергане оживило торговлю в том краю: еврейские купцы стали закупать и перерабатывать хлопок-сырец, вывозить хлопковое волокно и вскоре сделались монополистами в этой отрасли. Среди прочих выделялись бухарские евреи братья Вадьяевы, Р. Потеляхов, Ю. Давидов, владевшие хлопкоочистительными заводами, продукцию которых поставляли на текстильные фабрики России. К началу двадцатого века на долю еврейских предпринимателей приходилась примерно половина хлопка, вывозимого из Средней Азии. Евреи владели также маслобойными заводами по переработке хлопковых семян, мыловаренными заводами и табачными фабриками. Еврейские купцы ездили по торговым делам в Москву, Париж, Лондон, ездили и в Китай, а из Индии вывозили в Россию и Европу индийский чай. Они лучше знали рынок и условия торговли в Средней Азии, нежели их пришлые конкуренты, и потому торговали с бóльшим успехом. Местные власти часто становились на сторону русских купцов, и дело порой доходило до комических ситуаций. Однажды в Фергану привезли большую партию хлопка, и русской фирме надо было на один день устранить конкурентов-евреев, чтобы без помех скупить всю партию. Уездный начальник вызвал к себе представителя еврейской фирмы и велел ему немедленно выехать из города за получением права на

жительство. Тот поехал в Ташкент и привез требуемые документы – но конкуренты уже успели скупить весь хлопок.

В начале двадцатого века в Средней Азии было около пятнадцати тысяч бухарских евреев. Николай II распорядился «оградить» районы Средней Азии от «вредной деятельности» евреев, и оттуда стали высылать ашкеназских евреев, у которых не было права жительства вне черты оседлости. В Ташкенте проводили ночные облавы для их выявления; изгоняли и бухарских евреев, которые не могли доказать, что их предки жили в городе до его завоевания Россией. В 1911 году русский чиновник докладывал из Ташкента: «Туземцы просят о выселении евреев куда-нибудь в горы на свободные земли... Когда происходили в России еврейские погромы, то они (туземцы) явились к начальнику Кокандского уезда с просьбой разрешить "вырезать евреев". Народ этот – дисциплинированный ханами, дисциплина сдерживает его от выступлений без ведома властей. Но если эта дисциплина ослабнет, то евреям придется плохо: ханы приучили народ к свирепости, они вырезывали сотнями и тысячами».

Бухарские евреи в Иерусалиме

В конце девятнадцатого – начале двадцатого века около полутора тысяч бухарских евреев переселились в Иерусалим и образовали там Бухарский квартал. У них были две синагоги и две школы; в Иерусалиме печатали книги на еврейско-таджикском языке и посылали в Бухару. К началу 1970-х годов насчитывалось в Средней Азии около тридцати пяти тысяч бухарских евреев, и многие из них переехали в Израиль.

В разные времена и при разных правителях принуждали евреев принимать ислам, и были в Средней Азии целые кишлаки насильственно обращенных. В Бухаре даже возникла община тайных

евреев под названием «чала», что в переводе с таджикского означает «ни то, ни се». Эти люди селились в отдельном квартале, жили замкнуто, жен выбирали только среди своих, и хотя внешне они исповедовали ислам, тайно соблюдали законы еврейской веры. В девятнадцатом веке община «чала» увеличилась за счет новой волны насильственно обращенных, а один из бухарских евреев по имени Худайдад предпочел умереть, но не отрекся от своей веры. Современник свидетельствовал: «Почти все "чала" только по внешним проявлениям мусульмане, а в душе евреи... "Чала" ходят в мечеть, будто молятся, и вообще проделывают все, что полагается мусульманам, ибо за ними следят соседи. Взаперти же у себя дома они в строжайшей тайне чтут субботу, молятся под покровом ночи по еврейскому обряду... и вымаливают у Него прощение в невольном прегрешении. Беда, если кто-нибудь узнает и выдаст: вероотступников немедленно казнят всей семьей через повешение, а раньше свергали с высокой башни на съедение собакам... Не всякий в силах выдержать эту адскую жизнь». В середине девятнадцатого века было около двух с половиной тысяч тайных евреев – «чала». После завоевания Россией Средней Азии многие из них ушли в Туркестанский край и вернулись в иудаизм.

В том же веке евреи из персидского города Мешхеда, насильно обращенные в ислам, бежали в Среднюю Азию и вернулись к вере отцов. В Бухаре они со временем слились с бухарскими евреями, а в Туркмении образовали особую общину потомков мешхедских евреев – несколько сот человек – и называли себя «ирани».

Евреи Сибири

Первые евреи попали в Сибирь из России, скорее всего, в семнадцатом веке. В 1632–1634 годах Россия воевала с Польшей и угоняла в плен жителей городов и деревень – поляков, немцев, литовцев и евреев. В Москве пленных опасались оставлять, чтобы они не выведали каких-либо секретов, и потому их ссылали в Пермь и в Сибирь – «в службу» и «на пашню». После войны, по мирному договору с Польшей, «литовские и немецкие люди и жиды» могли при желании остаться на «государевой службе» в России, но могли вернуться на родину, и царь Михаил Федорович обещал их «всех отпускать без зацепки». Известно, что некоторые из пленников остались в Сибири: одни из них перешли в православие и «поженились на русских девках и жонках», другие сохранили прежнюю свою веру, – возможно, среди оставшихся оказались и евреи.

В царствование Алексея Михайловича снова была война с Польшей, и много евреев – мужчин, женщин и детей угнали в Россию вместе с прочими пленниками. Некоторые из них оказались в Москве, и в 1659 году их обнаружили при облаве в Немецкой слободе. Они сохраняли свою веру и жили в столице без разрешения, потому что в Москве могли тогда поселяться только крещеные евреи. Под угрозой высылки несколько евреев приняли лютеранство и остались в Немецкой слободе, но остальные пожелали сохранить свою веру, и их отправили в Сибирь, с женами и детьми – «на вечное житье». Кое-кто из сосланных снова пытался пробраться в столицу, но особым царским указом велено было их заново «сослать с Москвы в Сибирь».

С начала восемнадцатого века правительство стало ссылать в Сибирь, на Нерчинский, Зерентуевский, Ачинский и другие рудники осужденных на смерть или приговоренных к вечной каторге – «для извлечения из руд металлов». Изредка туда попадали и евреи, а их потомки оставались затем в тех местах, занимались торговлей, ремеслами, земледелием и долго еще помнили о предках-каторжанах. После разделов Польши новые подданные Российской империи ездили торговать во внутренние губернии и, очевидно, в Сибирь, но в 1791 году им очертили границу проживания и передвижения. Сибирь не попала в черту оседлости, и теперь евреи могли оказаться там только в качестве ссыльных, каторжан, незаконно проживавших или поселившихся по особому разрешению. В начале девятнадцатого века евреи жили в Томске, Омске, Каинске, Нижнеудинске и в других городах Сибири. В Тобольске у еврейской общины было погребальное братство с книгой записей, отдельное кладбище и молельня, перестроенная из купленного дома. В дневнике графа М. Сперанского есть пометка за 1820 год: «Каинск – маленький городок, ныне только в план приведенный. Множество жидов и цыган». Каинские евреи – около ста человек – молились в собственной молельне, погребали умерших на своем кладбище, и благодаря еврейским купцам Каинск стал главным перевалочным пунктом отправляемого за границу пушного товара.

Многие ссыльные евреи были холостые, но им не разрешали жениться на русских женщинах без принятия православия. Девушек-евреек в сибирских городах почти не было, а потому сваты специально ездили в черту оседлости и привозили оттуда невест. За них уплачивали свату огромные деньги, иногда до двухсот рублей и более в зависимости от наружности невесты. Каинские евреи стали просить, чтобы и им – по примеру прочих сибиряков – разрешили покупать привозимых из-за границы калмычек и жениться на них по еврейскому закону. Сибирские власти дали лестный отзыв о трудолюбии и безукоризненном образе жизни местных евреев, которые не желают жениться «на девках друго-

го закона» и оттого «претерпевают всегдашние нужды в хозяйственном устройстве и истомление жизни от безнадежности иметь когда-либо жену». И в Петербурге постановили: «Евреи могут покупать или вымениватъ приводимых из-за границы женщин калмыцкого рода нехристианской веры и, обращая их в еврейский закон, сочетаться с ними браком». Перешедшие в еврейство жены-калмычки соблюдали законы еврейской веры, ходили в синагогу и мало чем отличались от прочих евреек.

Изредка попадали в Сибирь и вольные, «полезные для края» евреи и оставались там навсегда со своим потомством. Чаще всего это были винокуры, «известные опытностью своею и отличным искусством в винокурении», потому что местные мастера не владели секретами производства и их надо было обучить. Известен случай, когда Николай I – «в уважение к крайней необходимости» – разрешил винокурам Давыдовым из Орши поселиться на Иркутских заводах, но повелел взять с них подписку, что они «никого не склонят в еврейскую веру». А некий купец Моисей Прейсман, который прожил в Сибири без разрешения почти сорок лет, в виде исключения – «как полезнейший человек для края» – получил право «остаться и впредь на жительство в Сибири». Для этого ему пришлось пожертвовать в Нижнеудинске большую сумму для местного собора, «храм, колокольню и крыльцо он покрыл листовым железом, а кровлю окрасил зеленою краскою на масле, каковое пожертвование стоило ему, Прейсману, десять тысяч рублей ассигнациями».

В 1824 году появился указ «О нетерпимости евреев на горных заводах». Затем запретили евреям ехать в Сибирь за ссыльными женами, а еврейкам, которые следовали туда вместе с осужденными мужьями, запретили брать с собой сыновей. При Николае I в Сибирь стали посылать еврейских солдат и кантонистов. Со временем они женились на девушках, привезенных из черты оседлости, образовывали в городах еврейские общины и строили солдатские синагоги. В 1835 году власти выделили земли в Тобольской губернии и за Омском для расселения на пустующих окраинах России евреев-земледельцев. Намерения властей были самыми наилучшими: предполагали выстроить к прибытию поселенцев «избы из казенного леса», выделить по пятнадцать десятин «удобной земли на каждую душу мужского пола и снабдить каждое семейство за счет казны земледельческими орудиями, рабочим скотом и прочими необходимыми домашними вещами». Но вскоре в Петербурге спохватились и постановили: поселение евреев в Сибири «решительно и навсегда прекратить». Лишь около тысячи трехсот переселенцев из черты оседлости успело поселиться на отведенных землях, где они образовали свои поселки и занимались хлебопашеством. Потомки этих колонистов расселились затем по всей Сибири и с гордостью подчеркивали свое происхождение: «Мы не ссыльные, – говорили они, – не

"ноздреванные" какие-нибудь, мы вольные». В начале двадцатого века исследователь писал о них: «Еще в настоящее время можно встретить во многих селах Сибири старый тип еврея-земледельца – широкоплечего и высокого, коренастого, с загорелым лицом, одетого в русскую поддевку и говорящего чистым русским языком с сибирским акцентом. Многие из них и по сей день принимают близкое участие в делах схода, выбираются в сотники, сельские писари и старосты».

Энергичные и предприимчивые потомки ссыльных и каторжан валили лес, вылавливали и засаливали рыбу на продажу, занимались кузнечными и жестяными ремеслами, открывали лавки по городам и селам. При Александре II некоторые категории евреев получили право селиться во внутренних губерниях России, в том числе и в Сибири. Они торговали там хлебом, ввозили скот из Монголии, снабжали необходимыми припасами районы приисков, работали артелями по погрузке пароходов и железнодорожных вагонов, проникали в самые отдаленные места Сибири со своими товарами и во многом способствовали развитию малонаселенного края. Даже самый предвзятый исследователь признавал, что «для Сибири еврей пригоден и полезен», он «делается образцом и примером для неподвижного сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться», и он превращает каждый городок Сибири в торговый или промышленный центр.

Практически евреи не конкурировали тогда с местным населением, потому что всем хватало места и работы. Современник писал: «Коренное население, не знавшее ни дворянства, ни крепостничества, – народ смелый, здравомыслящий и честный. С евреем сибиряк живет в ладу; ни он, ни начальство не знают о существующих для евреев особенных законах... Но вот приехал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири. В одном большом селе, где его встретили хлебом-солью, он заметил в толпе и еврейские лица и спросил депутацию: "Что, жиды, небось, здорово вас обирают?" Когда сельчане ответили ему: "Нет, ваше высокопревосходительство, они народ хороший", – он сказал: "Ну, стало быть, вы их не знаете". Дав такой бесплатный урок местным жителям, администратор необъятного края вскоре развернул широкую деятельность по утеснению евреев».

Правительство всячески поощряло переселение в Сибирь сотен тысяч крестьян из западных губерний, но в отношении евреев в 1898 году было указано в самой категорической форме: «Евреям приезд и водворение в Сибири воспрещается». Теперь даже тот, кто имел право на повсеместное жительство, не мог поселиться в Сибири без разрешения местных властей. Многие рвались туда за куском хлеба, от скученности и голода черты оседлости, но их перехватывали по дороге, не разрешали оставаться даже на самое короткое время и немедленно высылали об-

ратно. По всей Сибири установили кордоны на границах губерний, на пристанях и железнодорожных станциях, где в паспортах приезжавших евреев ставили штамп – «въезд в сибирские города воспрещен». В еврейских общинах не хватало учителей, резников, раввинов, но получить разрешение на их приезд не было никакой возможности. Лишь евреи-каторжники и ссыльные имели привилегию попасть в Сибирь и остаться там навсегда. Доходило порой до абсурда: некий резник, проживший в Сибири двадцать с лишним лет, достал удостоверение о том, что он – сосланный в Сибирь конокрад, и после этого получил право на постоянное жительство. Выходило так, что честный и порядочный еврей из черты оседлости не мог попасть в Сибирь, но еврей-преступник попадал туда на законном основании.

Затем власти потребовали, чтобы сибирские евреи жили лишь в тех городах, к которым некогда были приписаны. Началось принудительное переселение в места приписки, порой за тысячи километров – тех, кто давно уже прижился на прежнем месте, работал, вел торговые дела, имел имущество. Иркутских евреев гнали в Читу, читинских – навстречу им в Иркутск, а из Томска передавали: «Распоряжение о выселении поставило почти в безвыходное положение восемьсот семейств, которые обладают в городе недвижимостью. Результатом этой меры является разорение многих семей».

Чрезвычайно запутанное законодательство о евреях стало хорошей статьей дохода для местных чиновников. Они пугали сибирских евреев угрозой выселения – особенно перед еврейскими праздниками, сажали их в каталажки до окончательного выяснения вопроса и, конечно же, получали за освобождение соответствующие подношения. Еврейский вопрос всплывал всякий раз, когда какому-либо чиновнику надо было поправить свои финансовые дела. Это принимало иногда такие размеры, что из Петербурга одергивали полицейские управления, которые «слишком энергично начали выселять евреев» и могли подорвать экономику края. Порой местные жители противились выселению евреев. В Забайкальской области рабочие приисков снова призвали и скрывали от властей высланных торговцев-евреев, потому что в их отсутствие торговцы-неевреи стали брать с рабочих тройные цены. В Иркутске местные офицеры и жандармы прятали от полиции некоего еврея, мастера «офицерских принадлежностей», который подлежал выселению. Очень часто купцы или волостные правления просили оставить у них выселяемых евреев, этих «полезных и нужных» граждан, но их пожелания расходились с тогдашней официальной политикой. В 1911 году евреев перестали пускать на сибирские ярмарки – на основании резолюции Николая II: «Нужно сделать все, чтобы не дать евреям заполонить Сибирь. Я этого требую самым решительным образом».

По переписи 1897 года в Сибири и на Дальнем Востоке оказалось тридцать три тысячи евреев – 0,6% всего населения. Из них – примерно по три тысячи в Иркутске и Томске, более тысячи в Омске, Красноярске и Чите, около трехсот во Владивостоке и Благовещенске, девятьсот тридцать евреев в Каинске – при общем населении города в шесть тысяч человек, сто двадцать семь евреев на Сахалине и даже в якутском городе Верхоянске – шестеро. Еврейские общины содержали синагоги и молитвенные дома, хедеры, сиротские приюты и дома для престарелых. Разбросанные по огромной территории и оторванные от европейских единоверцев, они попали под местное влияние и образовали особый тип сибирских евреев. «Сибирские евреи, – писал очевидец, – плохо знали еврейскую грамоту, но были по-своему набожны. Они усвоили себе местные нравы и обычаи. Многие пили водку и играли в карты, а еврейские девушки в деревнях пели русские песни в хороводах; они вечно жевали «серу» и щелкали кедровые орешки, что называлось «сибирская беседа»... Иркутские евреи обыкновенно роднились между собой, но бывали браки и с «рассейскими» соплеменниками. Молодые люди, ездившие в «Рассею», привозили оттуда красивых невест, не считаясь с их общественным положением. С партиями же для еврейских девушек дело обстояло хуже, и каждый заезжий приказчик-еврей мог сделаться желанным женихом богатейшей невесты».

Исследователь жизни евреев Сибири писал: «Гостеприимство у сибирских евреев развито не менее, чем у сибиряков вообще... К вашим услугам будет и стол его, и квартира, он снабдит вас всеми необходимыми вам сведениями, члены его семьи будут ухаживать за вами, словом, вы встретите у него самый радушный прием... Приезжает в город какой-нибудь магид – проповедник, его окружают должным почетом, его «слово Божие» охотно слушают, его обильно награждают. Сибирский еврей охотно жертвует на богоугодные заведения (особенно – иерусалимские, яффские), а также на постройку молитвенных домов... Нередки случаи, когда перед постройкой синагоги разъезжает уполномоченный по всей Сибири и собирает крупные пожертвования. Большинство молитвенных домов в Сибири – каменные, просторные, и хотя они не блещут особой красотой, тем не менее ими гордятся еврейско-сибирские общины. Они любят также украшать свои кладбища и воздвигать красивые памятники своим покойникам... Смешанные браки и переход в христианство весьма редко наблюдаются среди сибирских евреев... Сибиряк-еврей обладает весьма ценной чертой – чувством человеческого достоинства и отсутствием высокомерия. Характер у него – мягкий и прямой. Он никогда не скрывает своей принадлежности к еврейской нации, никогда не будет унижаться перед чиновником и не допустит обиды со стороны последнего».

Из истории еврейской общины города Красноярска Енисейской губернии.

Евреи появились в городе, по всей видимости, в начале девятнадцатого века; им отвели место для поселения за пределами городской застройки – так появилась Еврейская слободка с молитвенным домом, а в 1824 году – еврейское кладбище. В тот момент жило в губернии 85 евреев; был раввин, он же резник, который, по свидетельству путешественника, «два раза в году совершает объезд (по губернии) и закалывает животных для евреев, которые в остальное время живут без мяса». 1835 год – в Красноярске 109 евреев; старшина еврейской общины – Вульф Юдов Пейсахович. 1861 год – в городе 362 еврея; с разрешения губернского начальства перестроили здание молитвенного дома. 1877 год – в Красноярске насчитали 84 еврейских семейства: купцы, мещане, крестьяне,

Синагога в Красноярске

поселенцы, отставные солдаты; глава еврейской общины города – купец Эйнох Вульфов Мильштейн. В 1885–1889 годах получили аттестат об окончании Красноярской мужской гимназии с золотой и серебряными медалями: сын мещанина Пинкус Левин – поступил затем на физико-математический факультет Петербургского университета; сын отставного рядового Аарон Фельдман – поступил в Томский университет; сын поселенца Иосиф Ицын – закончил юридический факультет Московского университета, многие годы был нотариусом в Красноярске. Всероссийская перепись

1897 года установила, что в Красноярске было около 27000 жителей, из них 1137 евреев. В еврейской молельне города находились 34 свитка Торы; помещение оказалось недостаточным по размерам, а потому попросили губернатора, чтобы разрешили сбор пожертвований на строительство синагоги. В мае 1916 года в Красноярске был погром, толпа разгромила 41 еврейскую лавку и 11 русских. По всесоюзной переписи 1926 года в Красноярске насчитали 2442 еврея. Во время борьбы с религией еврейский молитвенный дом в городе закрыли, свитки Торы передали в музей.

Иудействующие

Иудействующие появились в христианстве почти с самого начала его возникновения, и первые последователи Христа уже спорили о том, какие предписания еврейской религии следует сохранить, а от каких можно отказаться. На церковных соборах принимали решения по этому поводу и отлучали отступников, но в разные времена и в разных странах христиане впадали порой в ересь и соблюдали некоторые требования еврейской религии. Это были «гипсистарии» в Малой Азии, «небожители» в Северной Африке, «пасхальники» и «обрезанные» во Франции и Италии, «жидовствующие» в Болгарии, «сомбатош» («соблюдающие субботу») в Трансильвании, отступники из пуритан в Англии и Америке. В 1960 году в Мексике насчитали более ста тысяч иудействующих; есть они и среди индейцев Перу, а также в Чили, Уганде, Японии и Индии.

В России «ересь жидовствующих» впервые появилась в пятнадцатом веке. В 1471 году в вольный город Новгород приехал из Киева еврей Схария и повлиял, очевидно, своими доводами на местных священников, которые и до него задумывались над основами христианской веры и склонялись к ереси. Схария «прельстил в жидовство» священников Алексея и Дионисия, уехал из Новгорода, но «ересь жидовствующих» и без его помощи распространялась по городу. Затем она перекинулась на Москву, ее сторонниками стали влиятельные люди при дворе великого князя, даже Иван III подпал под влияние еретиков и «склонял слух» к ереси. Жидовствующие отрицали основные догматы христианской веры: не признавали Иисуса Христа сыном Божьим и Мессией, не верили в его воскресение и вознесение, отвергали Святую Троицу и монашество, не почитали крест, иконы и святых с чудотворцами, признавали лишь единого Бога – «Творца неба и земли», чтили «субботу паче воскресения Христова» и праздновали еврейскую Пасху. Кончилось тем, что в декабре 1504 года в Москве всенародно сожгли в деревянных клетках главных еретиков, «злых врагов истинной веры» – для искоренения

«ереси жидовствующих». Еретиков жгли и в Новгороде, многих сослали по монастырям, заточили в тюрьмы, предали церковному проклятию и тем самым утвердили «христианскую веру, поколебавшуюся и изнемогшую от еретических учений». С тех пор явных жидовствующих не стало в России: одних искоренили, другие, возможно, затаились и внешне соблюдали обряды православной веры, и «ересь жидовствующих» не проявляла себя до восемнадцатого века.

В 1745 году в Ростове-на-Дону митрополит Дмитрий неожиданно обнаружил среди своей паствы секту «щельников», которые «по-жидовски субботу постят», и предположил, что они возродили прежнюю «ересь жидовствующих». Невозможно теперь доказать прямую связь между двумя ересями, какое-либо влияние одной из них на другую, но очень уж много у них общего: субботники, как и их предшественники, совершали обряд обрезания, признавали единого Бога и отрицали божественность Иисуса Христа, не ходили в церковь и не соблюдали постов, не почитали иконы и святые мощи, праздновали субботу вместо воскресенья, но о Талмуде ничего не знали. Прошло еще немного времени, и при Екатерине II объявились четыреста субботников в нескольких деревнях Саратовской губернии, которые не скрывали своей веры. Вряд ли они впали в ересь незадолго до того, как их обнаружили: это была хорошо организованная секта с установившимся религиозным ритуалом – а такое не образуется за короткий срок.

В 1797 году донской казак Косяков во время службы на Кавказе перенял веру от одного из иудействующих, вернулся затем домой, склонил к ереси своего брата и проповедовал учение среди казаков. Был суд. Братья вроде бы раскаялись и вернулись в православие, но через малое время Косяковы сообщили атаману Войска Донского, что они придерживаются православной веры «по одним только видам», а на самом деле следуют закону Моисея, «от которого отступать не намерены», и потому просят освобождать их по субботам от всяких общественных работ. Дело дошло до Петербурга; Сенат распорядился сослать братьев под надзор в отдаленные края, а их детям запретили следовать за отцами.

Но ересь продолжала распространяться, и в разных местах России время от времени объявлялись сектанты, «удалившиеся от христианства». Это были крепостные крестьяне внутренних губерний – Московской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Архангельской, Пензенской, Саратовской, Ставропольской и Астраханской, то есть тех губерний вне черты оседлости, в которых евреев практически не было. В 1811 году в Каширском уезде объявились сто пятьдесят сектантов, которые «содержали издревле» свою веру и скрывали ее до поры до времени, опасаясь преследования властей. Потом сектантов обнаружили в Ельце и установили, что все мужчины-субботники

оказались обрезанными и соблюдали «веру отцов своих, то есть иудейскую», от которой не соглашались отказываться. Затем выяснилось, что в Саратовской губернии некий крестьянин Милюхин давно уже «совратил» целые деревни, где «исповедали веру по Моисееву закону» и хоронили умерших на собственном кладбище. И наконец, из Воронежа сообщили, что явных отступников в епархии около полутора тысяч, а «тайных едва ли не более», и «зараженные иудейством... внушают молодым людям, что вера их лучше, нежели христианская... отчего многие тайно пристают к их обычаям, уклоняясь от церкви».

Сектантов называли тогда субботниками, жидовствующими, иудействующими или же просто – приверженцами «Моисеевой секты». Некоторые из них утверждали, что «их вера ведется издревле», возможно, от еврея Схарии или его последователей, и в доказательство этого приводили убедительный довод: если бы они обратились недавно, то наверняка бы запомнили имена первых своих учителей. Иудействующие распространяли свое учение среди соседей, но и в тех местах, где не было сектантов, христиане склонялись порой к ереси. Один из субботников записал со слов своих предков: «Первоначальный толчок к переходу многих православных семейств в еврейскую веру дало чтение Библии – Ветхого и Нового Заветов на церковнославянском языке. Грамотные люди читали Библию и руководствовались ее заповедями, насколько это было возможно, без разъяснений еврейских законоучителей, ибо в то время евреев в их губерниях не было совершенно. Сначала отказывались от православия тайно, у себя дома. Например, в годовой русский праздник, когда приходилось принимать у себя священника, субботники ставили на места иконы, а по уходе священника снимали и уносили их из помещения. Днем отдыха почитали субботу, женщины зажигали субботние свечи; в субботние дни молились по Библии и пели псалмы, мужчины и женщины вместе... Разного рода начальство, как гражданское, так и духовное, вызывало их на допросы, и на все вопросы предки наши отвечали выдержками из Библии. Говорили им: «А кто же вас этому научил, старички?» – «Нас научила старая-престарая старуха», – ответил мой дед Кузьмич. – «А где же эта старуха?» – удивленно спросили все разом. – «У меня дома лежит». – «Нужно привести сюда на допрос эту старуху», – строго приказал архиерей. – «Эта старуха не пойдет без меня», – возразил дед. – «Тогда ступай с провожатыми и приведи сюда твою старуху», – распорядился архиерей. Мой дед вышел с провожатыми из зала суда, дошел до своего дома, взял с полки свою Библию, возвратился, положил перед судом книгу и сказал: «Вот эта самая старуха, которая нас научила и открыла глаза нам, и показала нам путь к Отцу. Старше этой старухи и мудрее ее нет...»

К тому времени уже стало ясно, что иудействующие распространились почти по всей России, и по официальным подсчетам их числилось около

двадцати тысяч человек. В 1825 году вышел указ Синода «О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников», который определил суровые меры для борьбы с сектантами: распространителей учения забирать в солдаты или ссылать в Сибирь, в самые отдаленные места, «дабы они никого не вовлекли в свое заблуждение»; не выдавать сектантам паспортов, чтобы они не могли ездить с места на место и распространять свое учение; категорически запретить им «исполнение обрядов обрезания, венчания, погребения и прочих, не имеющих сходства с православными»; «именовать субботников жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жиды», так как наименование «субботники» не производит в народе необходимого «к ним отвращения». По этому же указу «всех евреев без исключения» следовало изгонять из уездов, в которых обнаруживали секты субботников, и «впредь ни под каким предлогом пребывание» евреев там не разрешалось.

Тотчас же начались гонения на сектантов. Их отдавали в солдаты или целыми селениями ссылали в Сибирь вместе с детьми старше восемнадцати лет, а малолетних детей отбирали для воспитания в православии. Деревни сектантов стояли разоренными и опустелыми, многие из субботников только внешне, под угрозой наказания, принимали православие, тайно исполняя прежние свои обряды. Одну группу сектантов сослали в Енисейскую губернию, и в глухом краю, подальше от начальства, они основали деревню Обетованная. Но енисейский губернатор название не утвердил и повелел переименовать Обетованную в Иудино – в память Иуды-предателя, от которого, как считал губернатор, происходили иудействующие. Трудолюбивые и непьющие поселенцы обрабатывали землю на общинных началах, сбывали на прииски хлеб, овощи и мясо. После присоединения к России Амурского края сектантов стали расселять и на Амуре. Там, возле Благовещенска они основали свою деревню, занимались хлебопашеством и скотоводством, выстроили синагогу и молились в ней на «лошн-койдеш», то есть на «святом языке» – иврите. Очевидец побывал в синагоге сибирских субботников, которые пели псалмы Давида и особую молитву «Смягчи, Господи, участь народа Твоего»: «Как кантор, так и молящиеся пели эту молитву с такой заунывной мелодией, что положительно надрывало душу слушателя и уносило его в область вечно непримиримых религиозных гонений, из-за которых всегда так жалобно стонет земля».

Кроме Сибири иудействующих ссылали в Грузию на вечное поселение, но оттуда они распространились по всему Закавказью и склонили многих в свою веру. Один из священников так описывал субботнюю службу в синагоге иудействующих на Кавказе: «При входе в дом меня поразило прежде всего то, что все мужчины стоят в шапках; в переднем углу висело несколько полотенец, на столе лежала Библия и горел

огарок стеариновой свечи – вот и вся обстановка места, назначенного для богослужения. Мужчины стояли впереди, за ними женщины, а в задней части избы, на печке и на лавках сидели малолетние дети... Помощник раввина начал петь, а за ним и все мужчины, и таким образом пропели весь псалом. Напев был подобен напеву общеупотребительных народных песен, и самые приемы запевалы и певчих также похожи на способы песенников. По окончании псалма все подняли руки вверх и пропели тем же напевом: "Свят, свят, свят Господь Саваоф, наполнена вся земля славой Его!" Затем все поклонились раввину в пояс, чем и окончилось их моление... Я спросил: "Зачем же вы молитесь Богу в шапках?" – "Так велено, – сказали они, – в законе Моисеевом"».

Иудействующие жили очень разрозненно, одна община в отдалении от другой; они поддавались разному влиянию, особенно влиянию секты молокан, и потому со временем образовалось много ответвлений субботничества, в разной степени тяготевших к иудейству. Но все они отвергали церковные обряды, праздновали субботу и еврейскую Пасху и соблюдали еврейские законы о пище. В «Толковом словаре» В. Даля о них сказано однозначно, без разделения на оттенки: «Субботник – толк раскольничий, вернее, ересь жидовская, ветхозаветники, жидовины, иудействующие, не признающие воскресения Христова».

В Сибири большая община иудействующих образовалась в селе Зима Иркутской губернии. Они не отличались наружностью или одеждой от прочих односельчан, но жили отдельно на двух улицах. В паспортах у них было записано в графе «вероисповедание»: «иудейское – субботнической секты», и имена своим детям они давали из Библии – Авраам, Ицхак, Яаков, Аарон, Моисей, Самуил, Лазарь, Захария, Рувим, Ревекка, Дина, Тамар. Поначалу иудействующие читали вместо молитвы Библию на русском или на церковнославянском языке, пели псалмы, но со временем некоторые из них стали молиться совместно с евреями, хотя власти это запрещали. Некий еврей, поселившийся в селе Зима, вспоминал: «Живу день, живу другой у них, работаю вместе с ними – ничего особенного не замечаю... Но вот возвращаюсь в пятницу к вечеру, захожу в избу, смотрю – и глазам своим не верю... Бог ты мой! Свечи субботние горят; стол белой скатертью накрыт, два хлеба под салфеткой. Хозяева-братья стоят с книжками в руках около свечей и молятся; все семейство торжественно настроено... В это время один из братьев, окончив молитву, положил молитвенник на стол и приветствовал семейство: "Гут шабес!"»

Первое поколение ссыльных шло на многие жертвы ради своей веры, вплоть до разлуки с малолетними детьми. «Это были герои воли и духа, – писал о них один из субботников. – Праздничное и свободное время они проводили за чтением священных книг; жили очень скромно, помогая друг другу. Только и было разговору между ними, что о Биб-

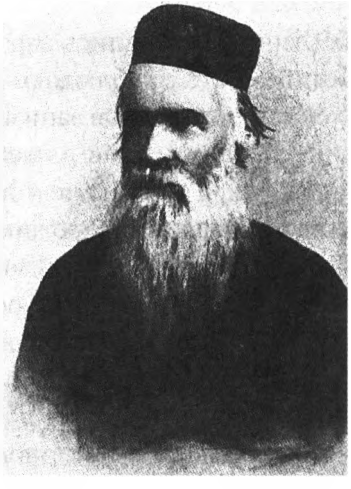
лии, с диспутами, и время проводили чинно и трезво. В питейное заведение ходить считалось большим срамом, и сквернословия не было. Если субботник, бывало, услышит от кого-либо крепкое слово, то отойдет и не будет говорить с ним и своим близким накажет сторониться такого человека... Женщины в пятницу топили печь, варили и заготовляли для субботы до захода солнца, причем часть кушанья, предназначенного на завтра, оставляли в печи. Женщины соблюдали строгую ритуальную чистоту и периодическое омовение и в зимнюю пору ходили обмываться в прорубь.. В субботу утром, помолившись Богу и отобедав с песнопением, старики проводили субботний день за священными книгами или отдыхали, изредка ходили к знакомым побеседовать, а если угощали чаем, то непременно из "чугуна", поставленного в печь с пятницы; о самоваре же в субботу и помину не было. Мясное редко кушали, но строго соблюдали "кошер", пользуясь услугами еврейского резника. Каждое утро, вставая, молились с тфилин. Вообще, наши предки жили богобоязненно и мирно между собой».

К каждому празднику сибирские субботники готовились заранее и проводили его по установившейся традиции. «Пасху соблюдают очень строго, – писал один из них. – Приготовлением опресноков занимаются исключительно свои девицы или замужние женщины и ни в коем случае не православные... Перед Пасхой все квашеное тщательно убирается, моется, посуда употребляется новая или хранящаяся с прежних лет, исключительно пасхальная. Многие приготовляют к "сейдеру" вино из изюма или меда. И всю Пасху отдыхают... Во второй день "Швуос", после двух часов пополудни, выходят на поле с водкой, с самоваром и со всеми принадлежностями для гулянки; там проводят время в играх, с музыкой, до вечера. В пост "Тишо беов" строго постятся, ходят на кладбище, не работают. Называют его: "Пост сидения на полу". "Рош га-шана" проводят в молитве, большинство в молитвенном доме и в частных молитвенных собраниях; называют его – "праздник трубки", то есть трубления в рог. В "Йом-Кипур" строго постятся и проводят весь день в молитве. В праздник "Сукос" некоторые строят "суко", и если позволяет сибирская погода, то выходят в "суко" делать "кидуш" и обедать. В "Хануко" возжигают свечи по обряду и обычаю евреев. В "Пурим" особенно сильно гуляют, с катанием на лошадях, и этот день почти ничем не отличается от обыкновенной русской масленицы».

При Александре II преследования иудействующих несколько ослабли, и многие из них перестали скрывать свою веру. Изредка их судили за отпадение от православия и совращение христиан в субботничество, но затем иудействующим разрешили строить молитвенные дома, совершать свои обряды, а манифест 1905 года гарантировал свободу совести всем гражданам Российской империи. Особым циркуляром правительство

разъяснило, что сектанты, соблюдающие субботу, не являются евреями и на них не распространяются ограничительные законы для евреев.

Но прошло время, и многое у сибирских субботников изменилось. Один из них вспоминал с горечью в начале двадцатого века: «Все, что было хорошего, нравственно-возвышенного и идеального у наших предков, все утоплено современниками в этом истинно великом зле – водке. При всяком религиозном обряде, при всякой купле, продаже, обмене – водка и везде водка. Пьют, пьют и пьют... Увы, умерли наши великие духом предки, умер с ними и дух их... Вряд ли пройдет еще три-четыре поколения, и они, никем, ничем не поддерживаемые в духе религии, рассеются, как овцы без пастуха, и смешаются с окружающей средой... Неожиданный ветер сметет эту распыленную массу, и, может, останется после такой сортировки одна сотая часть сознательных, как остается самое крупное и чистое, доброкачественное зерно, не уносимое ветром подобно мякине...»

Сибирские «геры»

В начале девятнадцатого века среди иудействующих выделились в небольшом количестве «геры» (в простонародье – «шапочники»), которые ближе всех приблизились к иудаизму. Они жили в Астраханской, Саратовской, Тамбовской и Воронежской губерниях, в Сибири, на Кавказе и в Донской области. «Геры» знали Тору, изучали Талмуд, молились на еврейском языке три раза в день, соблюдали субботу, еврейские посты и праздники, строго исполняли предписания еврейской религии и посылали своих детей в иешивы. Они не вступали в брак с иноверцами, даже с субботниками, но поощряли браки с евреями и собирали деньги в пользу пострадавших от погромов 1881–1882 годов. К концу девятнадцатого века «геры» полностью восприняли иудаизм, и один из приволжских «геров» говорил писателю С. Ан-скому: «Вот мечтание есть в Палестинку поехать (слово "Палестинка" он произнес с особой нежностью), зем-

лицу купить, осесть там. Да неизвестно, сподобит ли Господь. Час, говорят, не пришел. Не пускают еще в Палестинку-то...» Однако с конца девятнадцатого века «геры» поодиночке уезжали на Святую Землю, поселялись в еврейских сельскохозяйственных поселениях Галилеи и со временем растворились среди евреев. До сих пор потомки тех «геров» в Израиле – Дубровины, Куракины, Нечаевы, Протопоповы, Матвеевы и другие – сохраняют память о своих предках и гордятся их заслугами.

Из еврейских газет России:

«1894 год. Русские субботники называют себя народом Божьим, иудеями, евреями, Израилем, пришельцами к Израилю, пришельцами к Закону Божьему. Они считают себя пленниками в русском государстве, вздыхают и плачут по Палестине и ждут не дождутся того времени, когда переселятся на Святую Землю. А это наступит, по их мнению, тогда, когда Израиль соберется под владычеством Мессии и образуется "Иерусалимское царство". И вот в последнее время среди субботников разнесся слух, что вожделенное время близко и что появились уже посланники Мессии. Десять семей сектантов Астраханской губернии распродали свои хозяйства и выехали из деревень искать счастья в "Иерусалимском царстве", а двадцать семей готовились последовать их примеру. Переселение не состоялось, так как они были возвращены начальством с дороги и водворены в места своего жительства».

«1910 год. В Екатеринодаре можно увидеть в синагоге казаков, увлеченных молитвой. Они говорят по-русски, считаются коренными казаками, имеют земельные наделы и отбывают воинскую повинность. Они населяют две крупные станицы в Кубанской области, ведут себя строго религиозно и стараются поддерживать связь с еврейством. В одной из станиц имелся раньше сионистский кружок».

«1919 год. В селе Зима существует сионистская организация, возникшая по инициативе сельчан. Зиминская община участвовала в выборах на Всероссийский еврейский съезд и посылала своих представителей на Третий Всесибирский сионистский съезд в городе Томске».

Из воспоминаний 1917 года – свадьба в станице Михайловской на Кубани: «Это был "смешанный" брак: сын гера Михайлова сочетался с сестрой шойхета (резника) из Майкопа, который был "самородным" евреем... Оркестр состоял из учеников местной

школы – христиан и геров; во главе танцующих выделялся местный шойхет (горский еврей), ловко отплясывающий лезгинку с двумя кинжалами в руках. В большой горнице сидели порознь мужчины и женщины, точно как на традиционных свадьбах в Польше или в Литве. Мужчины были в подавляющем большинстве блондины или рыжие, с голубыми глазами и вздернутыми носами (курносые), а женщины имели тусклые темные глаза и выглядели как "настоящие" еврейки из черты оседлости. Выяснилось, что большинство женщин привезены из черты оседлости и особенно из Литвы, а те, что родились тут, были похожи на матерей своих; мужчины же были все "местной продукции"...»

Во второй половине двадцатого века небольшие группы иудействующих были в Воронежской, Иркутской и Тамбовской областях, в Краснодарском и Ставропольском крае, в Биробиджане и на Кавказе. С семидесятых годов двадцатого века «геры» начали переселяться в Израиль. Элиэзер Кажокин, бывший колхозник деревни Ильинка Воронежской области, рассказывал: «Своего раввина у нас не было. Был до войны шойхет – резник, но его в тридцать седьмом году посадили. Мясное с молочным мы не мешали, была посуда отдельная для мясного и молочного. В субботу не ходили работать – только уж когда очень заставляли, а так нет. Обрезание делали детям, возили их в Дагестан или в Одессу. Даже те, кто записался в коммунисты, делали детям обрезание. Его вызывают на партсобрание и спрашивают: ты почему сделал? А он говорит: "Я прихожу домой, а жены нет с ребенком. Она заявляется через три дня, и все уже сделано. Хотите – разведите меня с ней"... Моя дочка поехала получать паспорт, возвращается и говорит: "А меня записали в паспорте русской". Я сейчас же на велосипед – и в Таловую, за двадцать пять километров. Приезжаю в милицию, в паспортный отдел: "Как это вы мою дочь записали русской?!" А начальник милиции мне отвечает: "Какие вы евреи? Тут все русские. Чем ты докажешь, что ты еврей?" Я показываю ему свидетельство о рождении и военный билет и говорю: "Мой дед был еврей, отец еврей, и я еврей". А он мне говорит "Ты мне это не показывай. Это все ерунда". Я пошел тогда к прокурору, рассказал, показал документы, – он позвонил в милицию, и за пять минут выписали новый паспорт для дочери и в нем написали – еврейка».

Еще рассказал Элиэзер Кажокин, житель Иерусалима: «Нас все время тянуло на родину. Я помню, как в двадцатых годах сионисты уговаривали ехать в Палестину, но тогда не поехали – нель-

зя было. А в семидесятых годах, когда стало можно, я получил вызов и поехал в Воронеж, в ОВИР. Зашел – там сидят женщина и мужчина: “По какому делу пришли?” Я им говорю: “Вот, хочу уехать в Израиль”. “Почему?” – спрашивают они. “Я старик, – говорю. – У меня тут дети, внучата, и они ничего не знают еврейского, ни одной буквы не понимают. Я помру – кто по мне будет кадиш говорить?” Они глядят на меня – не понимают, а я им прямо: “Кто по мне кадиш – поминальную молитву – говорить будет? Хочу, чтобы они по мне кадиш читали”. Тогда они говорят: “Значит, ты решил ехать?” Я говорю: “Я решил ехать”. “Там тебе квартиру не дадут”, – говорит женщина. “Дадут”, – говорю я. “А где ты поселишься?” “Только в Ерушалаиме”, – говорю. А она мне: “Ну уж если где квартиру и дадут, а в Ерушалаиме ни за что не дадут”. А я свое: “Нет, дадут в Ерушалаиме – и все тут”. Тогда мужчина и говорит: “Ну, дай ему анкеты...”»

העמותה לקליטת עליה בחיפה
33041 חיפה 20 פרץ
ספריה
7546
מס'

Содержание

Часть третья
(1881–1917 годы)

Очерк двадцать седьмой
Евреи Европы к концу девятнадцатого века. Положение российских евреев. Подстрекательства к расправе. Погромы 1881 года. Губернские комиссии 479

Очерк двадцать восьмой
Погром в Балте. Введение «Временных правил». Погромы 1882–1884 годов. Крах политики «обрусения» 500

Очерк двадцать девятый
Эмиграция российских евреев. Начало палестинофильского движения. Лев Пинскер и его «Автоэмансипация». Билуйцы ... 522

Очерк тридцатый
Введение процентной нормы и выселения из деревень. Изгнание из Москвы в 1891–1892 годах. Новые ограничительные законы Александра III 542

Очерк тридцать первый
Массовая эмиграция российских евреев. Барон М. Гирш и переселение в Аргентину. Начало заселения Эрец Исраэль ... 561

Очерк тридцать второй
Перепись 1897 года. Экономическое положение российских евреев. Участие в торговле, промышленности и сельском хозяйстве 579

Очерк тридцать третий
Жизненный уклад еврейских общин. Благотворительность. Хедеры, иешивы и синагоги. Раввины черты оседлости. Свадьба в местечке 599

Очерк тридцать четвертый
Евреи во внутренних губерниях Российской империи. Участие в русской общественной, научной и культурной жизни 632

Очерк тридцать пятый
Правление Николая II. Евреи в революционном движении. Азеф. Образование Бунда. Т. Герцль и Первый сионистский конгресс 651

Очерк тридцать шестой
Антиеврейская пропаганда. Кишиневский погром. Т. Герцль в России. Шестой сионистский конгресс и «план Уганды» 673

Очерк тридцать седьмой.
Евреи в русско-японской войне. Погромы 1904–1905 годов. «Смутное» время. Октябрьские погромы 1905 года. 693

Очерк тридцать восьмой
Образование Союза русского народа. Первая Дума. Погром в Белостоке. Вторая Дума. Массовое бегство евреев из России 713

Очерк тридцать девятый
«Протоколы сионских мудрецов» 732

Очерк сороковой
Третья Дума. Применение ограничительных мер. Четвертая Дума. Убийство П. Столыпина 745

Очерк сорок первый
Еврейские общественные организации. Поэты и писатели. Издание книг и газет. Участие в русской культуре. Крещения 758

Очерк сорок второй
Дело Бейлиса 781

Очерк сорок третий
Первая мировая война и российские евреи. Февральская революция 1917 года 808

Очерк-приложение
Евреи Крыма. Евреи Кавказа. Евреи Средней Азии. Евреи Сибири. Иудействующие 829

Феликс Кандель

Книга времен и событий
история российских евреев

Том второй

Часть третья

1881–1917 годы

Ответственный
за выпуск
Е. Дворецкая

Компьютерная
обработка и верстка
В. Рохлин

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (095) 284-3751
E-mail: gesharim@e-slovo.ru

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)-2-500-3422
Fax: (972)-2-993-3189
E-mail: gesharim@netvision. net.il

Издательство «Мосты культуры»
ЛР № 030851 от 8.09.1998
Подписано в печать
с готовых диапозитивов 12.08.2002.
Формат 70*100/16.
Печ. л. 25.
Тираж 3300 экз. Зак. 3898.

При участии ООО «Мет».
Лицензия ЛВ № 55 от 26.06.01.
220029, Минск, ул. Киселева, 20.

УП «Минская фабрика цветной печати».
220024, Минск, ул. Корженевского, 20.

OCR Давид Титиевский, март 2021 г., Хайфа

М. Занд, профессор Иерусалимского университета: «По моему мнению, автор этой книги сочетает выдающийся талант рассказчика с глубоким знанием истории российского еврейства. Это счастливое и редкое сочетание позволило ему создать правдивое и в то же время волнующее, захватывающее повествование...»

Главные редакторы Краткой еврейской энциклопедии И. Надель и Н. Прат (Иерусалим): «Прежние исторические работы о российском еврействе (Дубнова, Гессена и Этингера) были строго научными работами и не предназначались для массового читателя. "Книга времен и событий" написана в популярном стиле, как доверительная и волнующая беседа с читателем. Ее автор, известный русско-еврейский писатель, был награжден за эту книгу одной из наиболее престижных премий общины российских евреев в Израиле, премией Розы Этингер...»